

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 3 (59)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2020

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 3 (59). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – 205 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (зам. главного редактора) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг –
PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский –
д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев –
д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет
Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород);
Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н.,
проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических
исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н.,
проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене –
к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2020

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 3 (59)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2020

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 3 (59). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2020. – 205 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Головкин Д.С.</i> Система управления промышленными предприятиями на базе концепции экономического потенциала.....	7
<i>Захаров В.Я., Фролов В.Г.</i> Усиление взаимодействия участников сложных экономических систем в эпоху Индустрии 4.0: проблемы и возможности	16
<i>Салмин П.С., Салмина Н.А., Куликова А.В.</i> Модели управления ценообразованием в системе менеджмента взаимоотношений с клиентами фирмы	25
<i>Трофимов О.В., Золотов С.А., Ежов А.С.</i> Режим труда как мотиватор трудовой деятельности рабочих на примере предприятия пищевой промышленности	32
<i>Шальнова Ю.П.</i> Экономическая сущность больших данных.....	40
<i>Юрлов Ф.Ф., Яшин С.Н., Плеханова А.Ф.</i> Методика выбора эффективных решений в условиях неопределенности внешней среды при прогнозировании жизненного цикла сложных технических объектов	46

Социологические науки

<i>Афзали Мехди</i> Молодежная эмиграция и утечка мозгов из Ирана: причины, тенденции и направления	52
<i>Резник Ю.М.</i> Подходят ли России проекты «цивилизации Софии» и «вселенской церкви»? (двойная утопия В.С. Соловьева и её реконструкция).....	60
<i>Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю.</i> Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции: теоретическая модель социологического анализа	70
<i>Воронин Г.Л., Крамер А.Д., Шинкаренко Е.А.</i> Неполная занятость молодежи как сценарий поиска работы: на материале нижегородского рынка труда	79
<i>Ростовская Т.К., Королев М.А.</i> Особенности организации медико-социальной службы в России.....	88
<i>Леонова И.С.</i> Компаративный подход при оценке инновационности предприятия	96
<i>Гафизова Н.Б., Цалко Е.О.</i> Репродуктивные установки мужчин (на примере Ивановской области)	102
<i>Солдаткин А.Е., Гурская В.В.</i> Проблематика взаимодействия органов власти и населения в ходе планирования и реализации программ социально-экономического развития городов.....	107
<i>Власкин В.Ю.</i> Управление профориентационной социализацией в армейских организациях: анализ понятия и его содержание	113
<i>Ушакова Я.В., Ситникова И.В., Францева Ю.Е.</i> Факторы выбора вуза и профессиональные стратегии студентов гуманитарных направлений подготовки.....	118
<i>Чепьюк О.Р., Кравченко В.С., Демина М.Г., Седых И.О.</i> Исследование мотивации предпринимателя на этапе создания бизнеса в социальной сфере	129
<i>Курамшиев А.В.</i> Роль семьи в социологии О. Конта	135
<i>Мигунова А.В.</i> Приемное отцовство: участие в решении о принятии ребенка в семью на воспитание	140
<i>Шлягина Е.Н.</i> Отношение населения Нижегородской области к полиции на современном этапе	148

Педагогические науки

<i>Арпентьева М.Р., Гасанова Р.Р., Худякова Т.Л., Степанова О.П., Токарь О.В., Дувалина О.Н.</i> Инклюзия и эксклюзия как показатели культуры социальных отношений: глобальное образование в развитии человека.....	154
<i>Воробьев Г.А., Фомина Т.П.</i> Модель взаимодействия образовательных учреждений в условиях инновационно-интегративной парадигмы	166
<i>Кручинина Г.А., Пушкарева Е.А.</i> Профессионально-деловая иноязычная компетенция как составляющая профессиональной компетентности бакалавров инженерно-строительных направлений подготовки.....	174
<i>Митрофанов В.В.</i> Нижегородская мужская гимназия по воспоминаниям А.Я. Садовского	182
<i>Михайлов А.А.</i> Определение уровней интегративной готовности к профессиональной образовательной деятельности у будущих педагогов-бакалавров безопасности жизнедеятельности	193
<i>Мяжкова В.Ю., Боликова Л.Ю.</i> Особенности организации профессионально-ориентированного взаимодействия при подготовке конкурентоспособных специалистов индустрии питания в вузе.....	198

CONTENTS

Economic sciences

Golovkin D.S. Balanced scorecard as a tool for managing the economic potential of industrial enterprises.....	7
Zakharov V.Ya., Frolov V.G. Strengthening the interaction of participants of complex economic systems in the age of Industry 4.0: problems and opportunities	16
Salmin P.S., Salmina N.A., Kulikova A.V. Price management models in the system of customer relationship management	25
Trofimov O.V., Zolotov S.A., Ezhov A.S. Working schedule as a labor activity motivator for food industry workers	32
Shalnova Yu.P. The economic essence of Big Data.....	40
Yurlov F.F., Yashin S.N., Plekhanova A.F. The methodology for choosing effective solutions in an uncertain environment when forecasting the life cycle of complex technical objects.....	46

Sociological sciences

Mehdi A. Youth emigration and the brain drain from Iran: reasons, trends and directions	52
Reznik Yu.M. Are the «Sophia Civilization» and the «Universal Church» projects suitable for Russia? (V.S. Solovyov's double utopia and its reconstruction)	60
Osadchaya G.I., Kireev E.Yu. Social memory of youth of the member states – participants of Eurasian integration: theoretical model of sociological analysis	70
Voronin G.L., Kramer A.D., Shinkarenko E.A. Part-time job of youth as a job search scenario: based on the materials of Nizhny Novgorod labour market.....	79
Rostovskaya T.K., Korolev M.A. Features of the organization of medical social services in Russia	88
Leonova I.S. Comparative approach to evaluating an enterprise's innovativeness	96
Gafizova N.B., Tsalko E.O. Reproductive attitudes of men (on the example of the Ivanovo region)	102
Soldatkin A.E., Gurskaya V.V. Problems of interaction between authorities and population in planning and realization of urban socioeconomic development programs	107
Vlaskin V.Yu. Career guidance socialization management in army organizations: analysis of the concept and its content	113
Ushakova Ya.V., Sitnikova I.V., Frantseva Yu.E. Factors for choosing a university and professional strategies for students in the humanities	118
Chepyuk O.R., Kravchenko V.S., Demina M.G., Sedykh I.O. Motivation of the entrepreneur at the stage of creating a business in the social sphere	129
Kuramshev A.V. The role of family in A. Comte's sociology	135
Migunova A.V. Adoptive fatherhood: participation in the decision to adopt a child.....	140
Shlyagina E.N. The attitude of the population of the Nizhny Novgorod region towards the police at the present stage	148

Pedagogical sciences

Arpentieva M.R., Gasanova R.R., Khudyakova T.L., Stepanova O.P., Tokar O.V., Duvalina O.V. Inclusion and exclusion as indicators of social relations culture: global education in the development of modern man.....	156
Vorobyev G.A., Fomina T.P. The model of interaction of educational institutions in the context of innovative-integrative paradigm.....	166
Kruchinina G.A., Pushkareva E.A. Professional and business foreign language competency as a component of professional competence of civil engineering bachelors	174
Mitrofanov V.V. Nizhny Novgorod men's gymnasium according to the recollections of A.Ya. Sadvovsky	182
Mikhailov A.A. Determination of integrative readiness levels of future life safety teachers with a bachelor's degree to professional educational activities	193
Myagkova V.Yu., Bolikova L.Yu. Peculiarities of organizing professionally-oriented interaction during the preparation of future competitive food industry professionals at the university	198

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.012

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ НА БАЗЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

© 2020 г.

Д.С. Головкин

Головкин Дмитрий Сергеевич, аспирант экономического факультета
Ивановского государственного университета
dm-golovkin@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 11.06.2020**Статья принята к публикации 28.07.2020*

Статья посвящена проблемам совершенствования инструментов управления и долгосрочного планирования устойчивого развития предприятий промышленности в условиях турбулентной среды функционирования и вызовов четвертой промышленной революции. Основная задача исследования заключается в формировании комплекса методов стратегического управления, обеспечивающих повышение экономического потенциала предприятий отрасли и их конкурентоспособность на глобальных рынках. Автор предлагает систему управления промышленными предприятиями, базирующуюся на интеграции концепции экономического потенциала и современного инструментария управления: сбалансированной системы показателей (BSC), технологии foresight, концепций жизненного цикла отрасли, бенчмаркинга и управления стоимостью. Отличие от известных подходов заключается в том, что интегрированная система управления позволяет снять ограничения применения отдельных инструментов и добиться общего синергетического эффекта от использования преимуществ разрозненных методов в одной системе. Система сбалансированных показателей опирается на положения концепции экономического потенциала предприятий, в соответствии с которой выделены 6 перспектив BSC (производство, кадры, финансы, инновации, маркетинг, организация и управление), в рамках каждой из которых ведется отбор трех наиболее важных показателей, характеризующих ресурсы, компетенции и возможности. Выбор показателей осуществлен на основе бенчмаркинга (для поиска лучшего отраслевого опыта), foresight-исследования (для выбора приоритетов в области экономики, науки, технологии и общества, а также прогнозирования экономического потенциала предприятия), анализа стадий жизненного цикла (для выявления возможностей отраслевого рынка по повышению экономического потенциала предприятий). Элементом научной новизны исследования является опора на концепцию управления стоимостью при разработке базового интегрального показателя оценки экономического потенциала предприятия. Разработки, представленные в статье, будут апробированы на следующем этапе исследования для прогнозирования и оценки экономического потенциала предприятий текстильной промышленности.

Ключевые слова: экономический потенциал предприятия, сбалансированная система показателей, Foresight-технология, концепция жизненного цикла отрасли, управление стоимостью предприятия, бенчмаркинг.

Введение

В условиях цифровой экономики разработка и внедрение своевременных и стратегически целесообразных управленческих решений является необходимым условием, обеспечивающим рост конкурентоспособности на глобальных рынках, а также учет рисков и возможностей устойчивого развития промышленных предприятий. Сегодняшний темп перемен требует от руководителей организаций использования принципиально новых методов и решений, значительного пересмотра устоявшихся управленческих подходов.

Одной из широко используемых на Западе категорий управления эффективностью пред-

приятия является экономический потенциал [12], который формируется на основе наличных ресурсов, возможностей и компетенций. Актуальность использования концепции экономического потенциала в управлении эффективностью предприятия подтверждается тем, что в каждое управленческое действие в той или иной мере вовлекаются все отделы и функциональные подразделения предприятия [1]. В свою очередь, экономический потенциал предприятия (ЭПП) – многоаспектная, многогранная и сложная экономическая категория, которая позволяет проводить всестороннюю оценку предприятия и управление его эффективностью, а вдобавок рассматривает организацию как целостную систему, состоящую из различных вза-

имосвязанных и взаимозависимых элементов (производственный, трудовой, финансовый, инновационный, маркетинговый и организационно-управленческий потенциалы), каждый из которых исследуется с разных сторон-аспектов (ресурсы, компетенции и возможности [4]). Таким образом, для формирования комплексной и всесторонней оценки состояния предприятия, которое является сложной системой, для разработки своевременных и экономически целесообразных стратегических решений по управлению предприятием использование концепции ЭПП полностью обоснованно.

Очевидно, что система показателей, реализованная только в стоимостных единицах измерения, т.е. представляющая экономические реалии пусть и в очень важном, но только в одном – финансовом аспекте, не способна комплексно отразить многообразие и многоуровневость категории экономического потенциал предприятия. Инструментарий управления экономическим потенциалом предприятия необходимо разрабатывать на основе системного подхода, чтобы отразить взаимосвязь и взаимозависимость аспектов и элементов категории. Кроме того, нельзя не учитывать факт важности системы нефинансовых индикаторов деловой активности в решении не только оперативных, но и стратегических задач управления предприятием. В условиях постиндустриальной экономики особую актуальность приобретает исследование проблемы обеспечения гармоничного сочетания финансовых и нефинансовых показателей, приведение их в сбалансированную систему, способную качественно повлиять на совершенствование не только корпоративного управления, но и бизнес-модели предприятия в целом [9].

Идея сбалансированности, взаимодополняемости финансовых и нефинансовых показателей нашла свое отражение в концепции сбалансированной системы показателей (BSC) Роберта Каплана и Дэвида Нортон [5]. Авторы классической сбалансированной системы показателей представляют ее как стратегическую систему действий, построенную на основе стратегических карт, которые рассматриваются в качестве инструментов управленческого контроля. В центре внимания концепции Каплана–Нортон находится финансовый капитал, его увеличение – самая главная цель, а финансовая перспектива – соответственно самый верхний уровень иерархически организованной BSC.

Система сбалансированных показателей, по мнению многих исследователей, – это система стратегического управления и оценки её эффективности, которая переводит миссию и общую стратегию предприятия в систему показателей,

цель внедрения которой состоит в направлении деятельности на достижение миссии и стратегических целей предприятия [10].

Проблемы управления промышленным предприятием на основе BSC исследовали многие экономисты: Мизиковский И.Е. [9], Рухляда Н.О. [10], Давлетова Р.С., Ховякова А.Г., Соколова Н.В. [14] и др. Авторы в своих трудах обосновывают различные подходы к набору показателей и формируют авторские карты взаимозависимости показателей. Общим ограничением всех рассмотренных подходов является либо полное отсутствие конечного ориентира для оценки и принятия управленческих решений, либо выбор в качестве базового показателя финансового параметра (выручка от реализации, чистая прибыль и т.д.), что делает систему ориентированной на краткосрочный период. Кроме того, следует отметить отсутствие работ, в которых изучаются вопросы развития систем управления на базе концепции экономического потенциала предприятий.

В современной экономической литературе также не получила должного освещения тема применения сбалансированной системы показателей для решения проблем управления ЭПП. Эффективность применения BSC в управлении экономическим потенциалом предприятия подтверждается следующими обстоятельствами [2]:

- возможностью согласования стратегических целей с оперативными действиями при реализации стратегии развития предприятия;
- использованием как финансовых, так и нефинансовых показателей, что необходимо для оценки нематериальных активов предприятия и информации;
- своевременностью реакции на изменения в бизнес-процессах посредством использования показателей, которые измеряют достигнутые результаты, и показателей, которые отображают процессы по достижению этих результатов.

Научной задачей исследования, результаты которого представлены в данной статье, является обоснование методического подхода к управлению экономическим потенциалом предприятия на основе комплекса современных инструментов управления, в частности концепции сбалансированной системы показателей.

Концепция управления экономическим потенциалом предприятия

Научная новизна данного исследования заключается в том, что предпринята попытка обосновать целостную систему управления промышленным предприятием, используя категорию экономического потенциала. Как было

сказано выше, на основе использования категории ЭПП может быть получена всесторонняя оценка предприятия, причем оценке может подлежать как общая величина экономического потенциала, так и величина его элементов. Для целей управления экономическим потенциалом предприятия предложена методика построения сбалансированной системы показателей, учитывающая ограничения классического метода BSC [4]. В исследовании на основании достоинств и недостатков выделены принципы построения BSC для управления экономическим потенциалом предприятия, отличающие данную концепцию от других известных и отраженных в литературе подходов:

1) учет стадии жизненного цикла отрасли, тенденций развития экономики в стране, условий конкуренции;

2) использование foresight технологий для выбора приоритетов в области экономики, науки, технологии и общества, для прогнозирования ЭПП;

3) разработка стратегии компании и установление ее взаимосвязи с оценкой экономического потенциала;

4) использование бенчмаркинга для установления стратегических целей предприятия и выбора наиболее подходящих показателей, в части перенимания лучшего опыта предприятий отрасли;

5) формирование у каждого показателя порогового значения, планирование значения показателя на определенный период времени с учетом современной скорости изменения внешней среды организации;

6) формирование конечного ориентира, т.н. интегрального показателя, с помощью которого производится оценка экономического потенциала;

7) составление карты взаимосвязей и взаимозависимостей показателей на стадии разработки системы.

На основе стратегических целей осуществляется выбор показателей оценки отдельных элементов экономического потенциала, пороговых значений и конечного показателя оценки потенциала. Следует отметить, что к выбору конечного ориентира, равно как и к показателям оценки в системе сбалансированных показателей также необходимо подходить на основании бенчмаркинга. Таким образом, использование бенчмаркинга в процессе формирования стратегических целей и системы сбалансированных показателей для целей оценки экономического потенциала предприятия позволяет преодолеть ограничения BSC:

– выбор показателей оценки экономического потенциала будет производиться с учетом луч-

шего опыта управления в отрасли, в которой функционирует предприятие;

– пороговый показатель в системе сбалансированных показателей будет устанавливаться в первую очередь с целью достичь уровня передовых организаций в отрасли и перехватить у них инициативу;

– конечный ориентир оценки экономического потенциала предприятия будет выбираться из наиболее приемлемых и часто используемых в отрасли показателей оценки результативности деятельности предприятий.

Для управления экономическим потенциалом предприятия предлагаем использовать комплекс инструментов управления, в который включаются сбалансированная система показателей, концепция жизненного цикла отрасли, технологии foresight, бенчмаркинг и управление стоимостью предприятия. Схематически методика проиллюстрирована на рис. 1.

Первый элемент системы управления экономическим потенциалом предприятий текстильной промышленности – всесторонний анализ внешней и внутренней среды предприятия с использованием инструментов концепции жизненного цикла, foresight-технологии и ситуационного анализа. На первом этапе анализа окружения предприятия используется концепция жизненного цикла отрасли для выявления возможностей отраслевого рынка по повышению экономического потенциала предприятий, и что способствует определению точек роста экономического потенциала предприятия, а также позволяет максимально использовать ресурсы, возможности и компетенции предприятия на каждой стадии развития, предпринимать проактивные действия [2].

Второй этап анализа среды функционирования предприятия – определение приоритетов в области экономики, науки, технологии и общества, прогнозирование развития экономического потенциала предприятия на основе foresight-исследования. В условиях цифровой экономики разработка и внедрение своевременных и стратегически целесообразных управленческих решений является необходимым условием, обеспечивающим рост конкурентоспособности на глобальных рынках, а также учет рисков и возможностей устойчивого развития промышленных предприятий [3].

Третий этап анализа внешней и внутренней среды предприятия – ситуационный анализ, который реализуется методами SWOT-анализа, анализа сегментов рынка и конкурентов.

Сформированные итоги и результаты исследований и анализа используются как основа следующего элемента системы управления эко-

Рис. 1. Концепция управления экономическим потенциалом предприятий (предложено автором)

номическим потенциалом, который заключается в формировании стратегических целей по каждому элементу/аспекту экономического потенциала предприятия и построении стратегической карты целей.

Следующий элемент системы управления экономическим потенциалом – формирование системы сбалансированных показателей. На основе стратегических целей осуществляется выбор показателей оценки отдельных элементов экономического потенциала, пороговых значений и конечного показателя оценки потенциала.

Четвертый элемент системы – разработка стратегических мероприятий по повышению уровня экономического потенциала. На основании динамики показателей разработанной BSC для анализируемого предприятия, выделения сильных и слабых сторон предприятия, возможностей и угроз его развития, а также результатов foresight-исследования разрабатывается система мероприятий по росту экономического потенциала предприятия, заключающегося в росте показателей по каждой перспективе BSC. Перечень мероприятий необходимо разрабатывать на основании внутреннего стратегического

плана предприятия и передового опыта ведущих предприятий отрасли, т.е. использовать выводы бенчмаркинга.

Последний элемент системы управления ЭПП – контроль за исполнением стратегии и реализацией выработанных стратегических мероприятий.

Методический подход к формированию системы сбалансированных показателей

Ядро сформированной системы управления экономическим потенциалом предприятия – система сбалансированных показателей. Рассмотрим более детально методический подход к формированию системы сбалансированных показателей (рис. 2).

На первом этапе осуществляется выбор объекта BSC, конкретизируется стратегия развития. Это может быть предприятие в целом, отдельные функциональные системы внутри предприятия (система маркетинговой деятельности, производство, логистика и др.). Здесь следует также определиться со стратегическим направлением развития объекта BSC. Для выбора

Рис. 2. Методический подход к управлению экономическим потенциалом предприятия на основе BSC (предложено автором)

стратегии в методике предполагается использование результатов форсайт-исследования, анализа ключевых факторов роста на различных стадиях жизненного цикла отрасли и бенчмаркинга в части перенимания лучшего опыта предприятий отрасли.

На втором этапе необходимо конкретизировать стратегические цели компании в увязке с основной целью системы управления экономическим потенциалом предприятия – повышением экономического потенциала предприятия. Таким образом, главной целью должно быть получение обоснованной оценки ЭПП. В систему оценки экономического потенциала текстильного предприятия включено 6 перспектив в соответствии с элементами, выделенными в рамках концепции ЭПП: производство, кадры, финансы, инновации, маркетинг, организация и управление. По каждой перспективе осуществлен отбор трех наиболее важных показателей, характеризующих ресурсы, компетенции и возможности.

На третьем этапе строится стратегическая карта, рассматривающая стратегические цели с точки зрения их взаимосвязей и взаимозависимостей. Здесь необходимо учесть то, как достижение целей по одной перспективе BSC позволяет достигать цели по другим перспективам. Особое значение имеют причинно-следственные связи показателей, характеризующих компоненты потенциала, когда отсутствие внимания к одним неизбежно оказывает влияние на результаты использования других компонентов.

На четвертом этапе осуществляется выбор базового показателя для оценки экономического потенциала. Многие исследователи отмечают в качестве существенного недостатка традиционной BSC отсутствие конечного ориентира, т.е. базового показателя, по которому измеряется

успешность реализации стратегии и эффективность функционирования фирмы [6]. Авторы по-разному решают данный вопрос. Ряд работ предлагает использование в качестве базового показатель экономической добавленной стоимости (EVA, разница между чистой прибылью и стоимостью использованного для её получения собственного капитала компании), обосновывая это математической точностью и бухгалтерской простотой методики расчета показателя, а также эмпирической эффективностью использования такого рода BSC на базе ряда передовых западных предприятий [8]. В рамках данного исследования такой подход не отражает современные рыночные тенденции, ведь он, как и традиционная модель Каплана–Нортон, фокусируется на финансовом показателе, хотя и формирует замкнутый контур с четко определенными связями. При разработке сбалансированной системы показателей для управления экономическим потенциалом промышленных предприятий поддерживается фокус на стоимости предприятия как конечном ориентире BSC [15].

Принимая в расчет ограничения и существующие в литературе подходы, в качестве обобщающей количественной характеристики, отражающей уровень экономического потенциала предприятия, в данном исследовании учтем стоимость (капитализацию) компании [11]. Капитализация – аналитический показатель, представляющий собой оценку стоимости компании с учётом всех источников её финансирования: долговых обязательств, привилегированных акций, доли меньшинства и обыкновенных акций компании [8, 11, 15].

Категория «стоимость предприятия» является объективной характеристикой экономического потенциала предприятия по ряду причин. Во-

первых, стоимость предприятия выражена в стоимостном выражении, что позволяет вести сравнение с аналогичными предприятиями. Во-вторых, концепция управления стоимостью предприятия позволяет сформировать четкую долгосрочную цель, а не фокусироваться на краткосрочных задачах предприятия. В-третьих, стоимость компании служит универсальным показателем оценки как финансовых, так и нефинансовых показателей, эффективности стратегии в целом. Следовательно, для менеджмента компании основным показателем в качестве конечного ориентира оценки экономического потенциала и степени достижения стратегических целей будет являться стоимость (капитализация) компании.

На пятом этапе по каждой перспективе выбираются конкретные показатели оценки экономического потенциала предприятия и их пороговые значения. Для этого необходимо составить перечень ключевых показателей с учетом литературного анализа и бенчмаркинга, из которого затем методом экспертных оценок выбираются наиболее значимые для конкретного предприятия. Пороговые значения устанавливаются в соответствии с поставленными стратегическими целями по каждой перспективе BSC (т.е. на основе внутреннего стратегического плана предприятия, составленного руководством и специалистами планово-экономического отдела), а также исходя из результатов бенчмаркинга (т.е. поиска ведущего опыта в отрасли среди конкурентов и использования в качестве пороговых показателей, наблюдаемых у конкурентов).

Шестой и седьмой этапы связаны с разработкой системы стратегических мероприятий по повышению экономического потенциала предприятия и контролю выполнения стратегии на основе разработанной системы сбалансированных показателей.

Формирование сбалансированной системы показателей для целей управления экономическим потенциалом предприятия

Как было сказано ранее, ЭПП – многоаспектная, многогранная и сложная экономическая категория, включающая шесть элементов (производство, кадры, финансы, инновации, маркетинг, организация и управление), каждый из которых анализируется в трех аспектах (ресурсы, компетенции и возможности). С точки зрения логики концепции экономического потенциала обоснованно формирование сбалансированной системы показателей с использованием 6 перспектив, коррелирующих с элементами ЭПП: производственный [7], трудовой [13], финансовый, инно-

вационный, маркетинговый и организационно-управленческий потенциалы. По каждой перспективе осуществлен отбор трех наиболее важных показателей, характеризующих ресурсы, компетенции и возможности потенциала.

В нашем понимании, ресурсы экономического потенциала предприятия – это ресурсы и резервы предприятия, как вовлеченные, так и не вовлеченные в финансово-хозяйственную деятельность; компетенции предприятия – набор взаимосвязанных навыков, способностей, технологий и информации, обеспечивающих компании эффективное решение определенных задач, ситуаций; возможности – это имеющиеся как внутри предприятия, так и во внешней среде, как реализованные, так и не реализованные по каким-либо причинам перспективы развития предприятия.

Для измерения ресурсного аспекта в сбалансированную систему показателей включены стоимостные показатели оценки различных видов капитала предприятия: стоимости производственного, трудового, финансового, нематериального инновационного, нематериального маркетингового и организационно-управленческого капиталов. Компетенции экономического потенциала отражают эффективность использования ресурсов предприятия (соотношение финансового результата к вложениям): эффективность систем НИОКР, маркетинга и управления, производительность труда (выработка), уровень производственной мощности и коэффициент оборачиваемости оборотных активов. В качестве оценки возможностей перспектив BSC выбраны параметры, отражающие коэффициенты роста ЭПП за счет реализации мер по повышению того или иного элемента потенциала: рост производственной мощности, рост производимой одним рабочим добавленной стоимости, рост инвестиционного капитала, рост доли инновационной продукции, рост доли рынка, конкурентоспособность предприятия.

Система сбалансированных показателей для оценки и управления экономическим потенциалом предприятия представлена на рис. 3.

Для аналитических целей в предложенной BSC наибольшее значение имеет базовый интегральный показатель оценки экономического потенциала предприятия – стоимость (капитализация) предприятия. В рамках исследования параметр СП оценивается на основании доходного подхода методом прямой капитализации, как чистая потенциальная доходность от использования всех наличных ресурсов предприятия с учетом возможностей, открытых перед предприятием, и накопленных им компетенций, увеличивающих или уменьшающих потенциальную стоимость компании.

			Производственный потенциал					
			Ресурсы	Компетенции	Возможности			
Трудовой потенциал	Ресурсы	Трудовой капитал (ТК)	Производственный капитал (ПК)	Уровень использования производственной мощности ($Y_{ПМ}$)	Рост производственной мощности ($\Delta ПМ$)	Финансовый капитал (ФК)	Ресурсы	Финансовый потенциал
	Компетенции	Производительность труда (выработка) (В)				Коэффициент оборачиваемости оборотных активов (KO_{OA})	Компетенции	
	Возможности	Рост добавленной стоимости, производимой рабочим ($\Delta ДС$)				Рост инвестиционного капитала ($\Delta ИнвК$)	Возможности	
Инновационный потенциал	Ресурсы	Инновационный капитал (ИК)	Стоимость предприятия (СП)			Нематериальный маркетинговый капитал (НМК)	Ресурсы	Маркетинговый потенциал
	Компетенции	Эффективность системы НИОКР ($\mathcal{E}_{НИОКР}$)				Эффективность системы маркетинга ($\mathcal{E}_M$)	Компетенции	
	Возможности	Рост доли инновационной продукции ($\Delta ИП$)				Организационно-управленческий капитал (ОУК)	Эффективность системы управления ($\mathcal{E}_y$)	
			Ресурсы	Компетенции	Возможности			
			Потенциал организации и управления					

Рис. 3. Сбалансированная система показателей для управления экономическим потенциалом предприятия (предложено автором)

Для получения оценки требуемого интегрального показателя суммируется стоимость всего капитала предприятия (производственного, трудового, финансового, маркетингового, инновационного и организационно-управленческого), которая корректируется на коэффициенты, отражающие существующий уровень компетенций и рост потенциала за счет реализации возможностей элемента экономического потенциала предприятия. Расчетная формула стоимости предприятия (СП) представлена ниже:

$$СП = (Y_{ПМ} \times ПК^{\Delta ПМ} + KO_{OA} \times ФК^{\Delta ИнвК} + В \times ТК^{\Delta ДС} + \mathcal{E}_{НИОКР} \times ИК^{\Delta ИП} + \mathcal{E}_M \times НМК^{\Delta D} + \mathcal{E}_y \times ОУК^{\Delta КСП}) / 6, \quad (1)$$

где СП – стоимость (капитализация) предприятия, $Y_{ПМ}$ – уровень использования производственной мощности, ПК – производственный капитал, $\Delta ПМ$ – рост производственной мощности, KO_{OA} – коэффициент оборачиваемости оборотных активов, ФК – финансовый капитал, $\Delta ИнвК$ – рост инвестиционного капитала, В – производительность труда (выработка), ТК –

трудовой капитал, $\Delta ДС$ – рост добавленной стоимости, производимой одним рабочим, $\mathcal{E}_{НИОКР}$ – эффективность системы НИОКР, ИК – инновационный капитал, $\Delta ИП$ – рост доли инновационной продукции, $\mathcal{E}_M$ – эффективность системы маркетинга, НМК – нематериальный маркетинговый капитал, ΔD – рост доли рынка, $\mathcal{E}_y$ – эффективность системы управления, ОУК – организационно-управленческий капитал, КСП – конкурентоспособность предприятия.

Таким образом, стоимость капитала, как оценки ресурсного элемента экономического потенциала, увеличивается/снижается в той доле, которая отражает эффективность системы элемента ЭПП. В результате мы получаем потенциальную оценку отдачи от капитала предприятия. Возведение полученного результата в степень, отражающую рост ресурсной оценки за счет реализации всех возможностей потенциала, позволяет показать потенциально возможный доход от максимального использования всего капитала предприятия.

Заключение

В исследовании предложена концепция управления экономическим потенциалом предприятия на основе комплекса современных инструментов менеджмента: сбалансированной системы показателей, foresight-технологии, концепции жизненного цикла, бенчмаркинга и концепции управления стоимостью. Экономический потенциал предприятия – многогранная и сложная категория, которая требует всесторонней оценки целого инструментария в управлении для разработки экономически обоснованных управленческих решений. Для оперативного и комплексного управления ЭПП необходимо проведение всесторонней оценки элементов экономического потенциала промышленного предприятия, а именно производственного, инновационного, маркетингового, трудового, финансового, организационно-управленческого потенциалов. Причем каждую перспективу необходимо оценивать в разрезе трех наиболее важных аспектов, характеризующих ресурсы, компетенции и возможности. Такого рода оценка финансовых и нефинансовых параметров возможна на основе системы сбалансированных показателей.

BSC как инструмент управления не лишена ряда недостатков, связанных, в первую очередь, с отсутствием базового интегрального параметра, который бы позволил вести сравнение уровня ЭПП между разными предприятиями, а также между разными периодами времени. В течение длительного времени разными исследователями выдвигались совершенно разные гипотезы, каким именно образом обосновать введение такого параметра в систему, в работе мы опираемся на наиболее известный и проработанный подход, заключающийся во внедрении концепции управления стоимостью предприятия.

Самый сложный процесс в методике формирования системы сбалансированных показателей – выбор показателей для оценки перспектив BSC. В исследовании обоснованы 18 параметров, которые отбирались с учетом бенчмаркинга, результатов foresight-исследования и анализа стадий жизненного цикла отрасли, что позволило помимо этого сформулировать стратегию компании и установить ее взаимосвязь с оценкой экономического потенциала предприятия.

Научная новизна предложенного в исследовании подхода заключается в том, что он позволяет нивелировать основные выделенные ранее ограничения классического метода BSC за счет:

- тщательной разработки стратегии компании и установления ее взаимосвязи с оценкой экономического потенциала предприятия (опираясь на результаты foresight-исследования);

- формирования конечного ориентира на основе концепции стоимости предприятия;

- учета стадии жизненного цикла отрасли, тенденций развития экономики в стране, условий конкуренции и современного этапа развития предприятия;

- формирования системы сбалансированных показателей с использованием бенчмаркинга, который позволил сформулировать стратегические цели предприятия, выбрать и поставить цель по росту конечного показателя оценки экономического потенциала, а также выбрать наиболее подходящие для оценки экономического потенциала показатели и сформулировать цели по их росту;

- формирования карты взаимосвязей и взаимозависимостей показателей.

Практическая значимость разработанной концепции управления экономическим потенциалом предприятия обусловлена следующими факторами:

- все предложенные показатели потенциала доступны для однозначной оценки по данным внутренней отчетности предприятия и открытым источникам, что позволяет в кратчайшие сроки наладить сбор и учет показателей оценки BSC и получать первые результаты анализа;

- методика доступна к масштабированию и тиражированию в различных отраслях промышленности;

- методика может быть адаптирована к предприятиям, не входящим в отрасли промышленности, например, методический подход может быть внедрен в практику управления предприятиями торговли, сферы услуг;

- опора на комплекс мер позволяет разработать более точечные и верные управленческие решения, нивелировать возможные ошибки, которые возникли, если бы методика опиралась только на один инструмент.

Автор выражает признательность профессору Р.С. Ибрагимовой за плодотворные обсуждения проблемы управления экономическим потенциалом. Они существенно повлияли на постановку проблемы в настоящей статье.

Исследование проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Департамента экономического развития и торговли Ивановской области (Грант РФФИ. Проект 18-410-370004 «Прогнозирование и оценка стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития текстильной и швейной промышленности на основе форсайт-исследований»).

Список литературы

1. Hart T. System of the enterprise economic potential enhancement planning // International Journal of Economics and Society. 2015. № 1. P. 81–85.

2. Ибрагимова Р.С., Головкин Д.С. Концепция жизненного цикла отрасли как инструмент управления экономическим потенциалом предприятий текстильной промышленности // Вестник Пермского университета. Серия Экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 124–135.
3. Ибрагимова Р.С., Головкин Д.С. Оценка экономического потенциала текстильной промышленности на основе концепции Foresight // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2018. № 4 (56). С. 128–140.
4. Ибрагимова Р.С., Головкин Д.С. Методическое обоснование оценки экономического потенциала предприятия // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2016. №3 (47). С. 64–74.
5. Каплан Р., Нортон Д. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты. М.: Олимп-Бизнес, 2007. 512 с.
6. Кондрашова Н.В., Ендовицкая Е.В. Научные основы построения системы аналитических показателей // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 9. С. 34–39.
7. Куприн А.А., Данилова Т.В., Парамзин В.Б., Нестерова Н.В. Анализ и оценка производственного потенциала предприятия в целях эффективности его формирования // Modern Economy Success, 2017. № 6. С. 128–132.
8. Малышева Т. В., Понукалин А.В. Модель экономической добавленной стоимости в стратегическом управленческом учете // Перспективы развития предприятий в условиях инновационной направленности экономики: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 23 мая 2018 г./ Под ред. В.И. Будиной, А.Н. Опекунова. Пенза: ПГУ, 2018.
9. Мизиковский И.Е. Применение модели сбалансированной системы показателей Фридага – Шмидта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1 (37). С. 39–44.
10. Рухляда Н.О. Внедрение показателя экономической добавленной стоимости в систему сбалансированных показателей в рамках стратегического управления предприятием // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. СПб., 2016. С. 72–77.
11. Степанова Е.И., Печёнкина Н.С. VBM-подход для определения стоимости компании // Economics. 2017. № 1 (22). С. 15–17.
12. Фомин Н.Ю., Дырдонова А.Н., Андреева Е.С. Экономический потенциал предприятия: методический подход // Управление устойчивым развитием. 2017. № 1 (08). С. 33–38.
13. Фролова О.Я. Методические аспекты оценки трудового потенциала в управлении персоналом // Modern Economy Success. 2019. № 5. С. 144–147.
14. Ховякова А.Г., Соколова Н.В. Система показателей-индикаторов управления финансовой устойчивостью производственной сферы // Молодой ученый. 2018. № 49 (235). С. 403–405.
15. Шарапов С.В., Мигунов А. Синтез BSC и VBM – перспективный путь к управлению компанией // Конкурентоспособность и риски развития экономики севера: Материалы четвертого северного социально-экологического конгресса «Северное измерение глобальных проблем: первые итоги Международного полярного года» (Сыктывкар, 27–28 марта 2008 года). Сыктывкар, 2009. С. 301–310.

BALANCED SCORECARD AS A TOOL FOR MANAGING THE ECONOMIC POTENTIAL OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

D.S. Golovkin

Ivanovo State University

This article addresses the problems of improving the tools for management and long-term planning of sustainable development of enterprises in a turbulent environment of their functioning and in view of the challenges of the fourth industrial revolution. The main objective of the research is to develop strategic management methods ensuring the growth of the enterprise economic potential and its competitiveness in global markets. The author formulates the concept of enterprise economic potential management as a set of management tools, which includes a balanced scorecard (BSC), an industry life cycle concept, Foresight technology, benchmarking and value-based management. In accordance with the concept of enterprise economic potential, 6 BSC perspectives have been identified (production, human resources, finance, innovation, marketing, organization and management). Within each of them, three most important indicators characterizing the resources, competencies and opportunities are selected. The selection of indicators was carried out on the basis of benchmarking (to search for the best industry experience), foresight (to select priorities in the field of economics, science, technology and society, and to forecast the enterprise economic potential), analysis of the life cycle stages (to identify the capabilities of the industry market for increasing the economic potential of enterprises). The novel elements of the study are based on the integration of the concept of economic potential and value-based management in the development of a basic integral indicator for assessing the potential. The research results presented in the article will be tested by the authors at the next stage of the study to predict and evaluate the economic potential of textile enterprises.

Keywords: enterprise economic potential, balanced scorecard (BSC), Foresight technology, industry life cycle, value-based management, benchmarking.

УДК 338.4

УСИЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ СЛОЖНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ЭПОХУ «ИНДУСТРИИ 4.0»: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

© 2020 г.

В.Я. Захаров, В.Г. Фролов

Захаров Владимир Яковлевич, д.э.н.; проф.; профессор кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zaharov48@yandex.ru

Фролов Владислав Генрихович, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
frolov.unn@gmail.com

Статья поступила в редакцию 03.06.2020

Статья принята к публикации 28.07.2020

Представлен обзор последних результатов зарубежных и отечественных исследований о проблемах и возможностях развития экосистем глубоких технологий. Показано, что ключевым моментом ускорения развёртывания глубоких технологий является усиление прямого взаимодействия между стартапами глубоких технологий и корпорациями (крупными и средними) в экосистемах. Ряд проблем сдерживают такое взаимодействие, для их решения корпорации должны разработать платформу сотрудничества со стартапами, а стартапы – тщательно оценить свои возможности и привести свою культуру в соответствие со стратегией и культурой корпорации. Проведено всестороннее обоснование постепенного сближения и взаимной трансформации стартапов и корпораций с целью ускорения развития глубоких технологий. Практическая значимость заключается в возможности использования лучших практик мировых лидеров из разных стран и отраслей в проведении цифровой трансформации в России.

Ключевые слова: сложные экономические системы, глубокие технологии, сотрудничество, стартапы и корпорации, «Индустрия 4.0».

Введение

Согласно гипотезе Шарлотты Перес, автора теории технологических революций, новый мировой экономический кризис может создать условия для перехода от этапа возникновения новых технологий к этапу их массового развёртывания в обществе [1]. Исследователи приходят к выводу, что мы находимся в самом начале реализации новой системной парадигмы глубоких технологий.

Инвесторы и компании активно ищут источники кардинальных технологических инноваций, которые будут питать следующую промышленную революцию; эти новые технологии способны стимулировать экономический рост путем разрушения старых рынков и создания новых рынков, что приведет к реиндустриализации стран [2]. Разрушительные технологические решения, построенные на уникальных, защищенных или трудновоспроизводимых научных и технологических достижениях, называются глубокими технологическими инновациями [3].

В последнее десятилетие возникла мощная волна инноваций на основе немногих мощных цифровых технологических платформ, облегчающих разработку самых разнообразных тех-

нологий и создающих базовые инновации для последующих нескольких десятилетий, которые найдут широкое применение во многих отраслях промышленности. В отличие от существующих цифровых платформ будущие глубокие технологии раздвигают технологические границы [4].

Проблему исследования мы видим в том, что для ускорения создания и распространения глубоких технологий необходимо изменить взаимоотношения между участниками сложных экономических систем, создавая наилучшие условия для высокотехнологичных компаний и усиливая связанность экосистем.

Цель статьи: систематизировать результаты последних зарубежных и российских исследований экосистем и предложить методологические рамки усиления взаимодействия их участников, прежде стартапов глубоких технологий и корпораций.

Основной исследовательский вопрос: как способствовать усилению взаимодействия между различными участниками сложных экономических систем с целью развёртывания глубоких инноваций?

Методология нашего анализа опирается на разработки Массачусетского технологического института и Бостонской консалтинговой группы.

Глубокие технологии

Сегодня к глубоким технологиям (их еще называют технологиями второй волны) относят использование новых материалов, искусственный интеллект и большие данные, биотехнологии, роботизацию и Интернет вещей, фотонику, квантовые вычисления. Глубокие технологии обладают высоким потенциалом роста производительности и имеют несколько отличительных признаков. Глубокие технологии отличаются:

а) сильным и всесторонним воздействием на развитие общества, они способствуют решению острых социальных, экономических и экологических проблем;

б) большим временем при переходе от НИОКР к реальному использованию на рынках;

в) потребностью в больших объемах капитала.

Глубокие технологии медленнее и дороже выходят «из-под земли», чем цифровые, по нескольким причинам [5]:

– необходимо иметь сильную исследовательскую базу: разработка продукта зависит от фундаментальных исследований и передовых НИОКР, которые требуют большого набора передовых навыков, знаний и инфраструктуры;

– трудный процесс индустриализации технологий: помимо глубоких технологий, основанных на ИКТ, большинство продуктов глубоких технологий связаны с новым оборудованием, основываются на передовых материалах и ресурсах и требуют высокоразвитых производственных навыков для закупки, изготовления и масштабирования; такие продукты намного труднее масштабировать, чем продукты, связанные с Интернетом и мобильными технологиями;

– инфраструктура, навыки и ресурсы, необходимые для разработки глубоких технологий, требуют значительных финансовых вложений в течение длительного периода;

– в процессе разработки глубоких технологий часто невозможно предвидеть их возможное коммерческое использование, следовательно, определить спецификации конечного продукта.

Несмотря на это, мировые частные инвестиции в глубокие технологии ежегодно увеличиваются на 20%, и это больше, чем получают другие технологические компании. Стратегии смягчения высоких рыночных и технологических рисков глубоких технологий формируют следующую структуру инвестиций: в 2018 г. 33% стартапов получили государственное доленое финансирование, 20% участвовали в акселераторах или инкубаторах, 7% получали деньги от друзей и семьи и 2% обращались к источникам краудфандинга [5]. Как видим, запрос на разработку глубоких технологий появляется,

как это не раз бывало в прошлом, в первую очередь со стороны государства. Важную роль в развитии глубоких технологий играли и будут играть национальные правительства.

Глубокие технологические инновации возникают на пересечении массовых изменений спроса, социальных проблем (таких как глобальное изменение климата, демографические сдвиги, дефицит ресурсов и старение населения) и научного прогресса и влияют на все отрасли [6].

Технология порождает технологию (подобно цепной реакции), падают сдерживающие барьеры, появляется множество технологических возможностей вследствие более легкого доступа к капиталу, оборудованию и программному обеспечению, знаниям и опыту. Все более разнообразными становятся подходы к разработкам как в стартапах, так и в крупных корпорациях. Компании сегодня могут начинать, тестировать и масштабировать свои решения с меньшими ресурсами и значительно быстрее, чем когда-либо прежде; используются технологические достижения, которые существенно снижают затраты на стартовые компании. Все это усиливает потребность в новых формах сотрудничества.

Экосистемы глубоких технологий

Экосистемы глубоких технологий представляют собой мягкие ассоциации с неопределенным будущим и путями развития, очень динамичные – игроки приходят и уходят, создаются новые виды отношений, которые не всегда формальны, определены контрактами или четко определены. Глубокое технологическое сотрудничество в меньшей степени зависит от центрального «дирижера», а больше от многогранного взаимодействия между участниками; «дирижер» в такой экосистеме важен скорее как магнит, чем как управляющий партнер [7]. Участники обмениваются знаниями, данными, умениями, опытом, контактами и доступом к рынку; альянсы между участниками могут изменить баланс сил по ключевым стратегическим вопросам. Если выигрывает экосистема, выигрывают все ее участники [8].

Участники экосистем глубоких технологий. Стартапы, корпорации, венчурные капиталисты, бизнес-ангелы, университеты, государственный сектор и другие участники экосистем – их интенсивное сотрудничество особенно необходимо в сфере глубоких технологий, которые находятся на стыке фундаментальных исследований и промышленных приложений. Это взаимодей-

ствие призвано удовлетворить потребности участников экосистем, которым выполнение нескольких, очень разных задач собственными силами не представляется возможным [9, 10].

Если выстроить участников экосистем в порядке их участия в созревании глубоких технологий, то увидим два противоположных полюса: стартапы – на этапе зарождения технологий, крупные производственные компании – на этапе их рыночного развертывания. В силу своей природы первые ориентированы на создание революционных технологий с высокими рисками (что создает для них серьезные проблемы, решить которые в одиночку они не в состоянии), вторые – на инкрементальные инновации с низкими рисками (что является для них головной болью, ибо приводит к технологическому отставанию). Мы присоединяемся к тем исследователям и практикам, которые полагают, что фундаментальным способом кардинального ускорения внедрения глубоких технологий является усиление прямого взаимодействия между стартапами и производственными компаниями (крупными и средними), которое позволяет каждому из этих участников более эффективно решать свои проблемы и удовлетворять свои потребности.

Производственные корпорации: внешние или внутренние инновации?

Глубокое преобразование бизнеса – дело сложное, дорогое и отнимает много времени, поэтому компании выделяют на него все больше ресурсов. Если в 2012 году эксперты рекомендовали компаниям 10% их инновационного портфеля выделять на трансформационные проекты, 20% – на умеренно трансформационные проекты (иногда называемые смежными) и 70% – на дополняющие инновации, то в 2018 году большинство компаний до 30% средств вложили в крупные трансформационные проекты (втрое больше рекомендованного в 2012 году), 35% – в проекты с умеренной трансформацией, и только 35% инвестиций были потрачены на дополняющие инновации (вдвое меньше рекомендованного в 2012 году) [11].

Девять из десяти компаний, опрошенных Бостонской консалтинговой группой, отметили, что многие инвестиционные проекты были в основном цифровыми; восемь из десяти компаний указали, что их внутренние возможности в разработке цифровых приложений были существенно ниже, чем у лидеров рынка. Поэтому так много компаний ищут источники инноваций вне организации: они нуждаются в быстром доступе к цифровым возможностям и приложениям.

Концепция открытых инноваций – не новая парадигма взаимодействия участников инновационного процесса, компании экспериментируют с открытыми инновациями уже более 15 лет. Но в последние годы наблюдаются существенные сдвиги: компании становятся все более открытыми для внешних инноваций, уходя от болезненного синдрома «изобретено не у нас». Если в 2012 году 70% предприятий в поисках инноваций работали только с существующими партнерами в своих цепочках создания стоимости, то в настоящее время – только 17%; более 75% компаний начали использовать множество источников инноваций, таких как университеты, аналитические центры, консультанты, краудсорсинговые платформы, стартапы и инновационные лаборатории [11]. Чтобы оставаться конкурентоспособными в цифровую эпоху, компании ищут за пределами организации новые технологии и приложения, которые были бы способны изменить их бизнес так, как это невозможно было предположить заранее.

Взаимодействие с внешними партнерами позволяет компаниям экспериментировать с использованием новых технологий за пределами организации, пока те еще слишком рискованны для включения в продукты компании. Такое сотрудничество выводит вовне высокие риски и позволяет быстрее выводить на рынок радикальные инновации. Тем самым смягчаются самые большие риски внутренних инноваций, связанные с постепенностью технологических изменений, склонностью разрабатывать продукты и процессы, которые легче всего внедрить в организации. Этот эффект препятствует созданию радикальных инноваций, способных по-новому построить бизнес. Продвижение изменений вперед небольшими шагами может сделать компанию уязвимой для разрушительных технологических угроз извне.

Как показывают результаты международных исследований, к выгодам сотрудничества в инновационной сфере относятся: совместимость и инновационные преимущества (16%), синергия, экономические выгоды (снижение затрат) и скорость (13–14%). Наибольшая потребность в сотрудничестве наблюдается в таких сферах, как исследования и разработки, создание инновационных бизнес-моделей, обучение и профессиональное развитие, доступ к венчурному капиталу и талантам [12–14].

Вместе с тем исследования и практика показывают, что внешние инновации не должны быть единственным источником инновационного развития компаний: слишком сильная зависимость от внешних инноваций несет с собой высокие риски. Внутренние инновации имеют

решающее значение для цифровой трансформации по многим причинам.

Внешние инновации (технологические партнерства), как правило, повышают базовый технологический уровень и устанавливают паритет между конкурентами, при этом они создают значительно меньшее и менее устойчивое конкурентное преимущество, чем внутренние инновации. Только 13% внутренних инноваций не давали преимуществ или давали такие же преимущества, как у конкурентов, но это имело место уже у 40% внешних источников инноваций [11].

Внутренние инновации помогают хранить коммерческую тайну и защищать интеллектуальную собственность; делать это намного сложнее при работе с внешними партнерами. По данным исследований, проведенных в США, Китае, Германии, Японии, Южной Корее и России в 2015–2019 гг., наибольшую озабоченность у руководителей вызывает безопасность (защита) данных; невысокая безопасность данных может привести к потере ключевых компетенций и ноу-хау, которые станут общим достоянием; пиратство продуктов считалось второстепенным во всех странах [12, 14]. Отдельные производственные модули и элементы должны иметь общие стандарты, позволяющие гибко строить производственные мощности из компонентов, изготовленных разными производителями; одновременно признается возможность сохранения закрытых экосистем в компаниях.

Внутренние инновации обычно легче разрабатывать, производить и продавать, чем инновации из внешних источников; они чаще бывают успешными. Развитие собственных инновационных возможностей надолго улучшает их, что поможет компаниям в будущем. В опросе, проведенном среди руководителей 320 компаний и 640 инновационных проектов, респонденты сочли внутренние источники инноваций более важными, чем внешние источники [11].

Складывается консенсус относительно того, что компаниям необходимо соблюдать баланс между внешними и внутренними инновациями. Успешные компании рассматривают внешние источники инноваций не как замену внутренним источникам, а как способ расширения портфеля инноваций. Это не взаимоисключающие, а взаимодополняющие инновации. Открытые инновации помогают компаниям приобретать новые возможности, как правило, в краткосрочной перспективе, наращивание внутреннего инновационного потенциала – лучший способ получить долгосрочное конкурентное преимущество.

Когда компания определила, какие технологические возможности могут иметь решающее значение в будущем, и разработала «дорожную карту», показывающую, какие возможности

следует развивать внутри в среднесрочной или долгосрочной перспективе, а какие следует приобретать немедленно из внешних источников, идентифицировала, какие внешние источники позволят ей получить доступ к критически важным компетенциям и приложениям, после этого она будет перестраивать свою инновационную архитектуру и разрабатывать модели управления внешними и внутренними инновациями, чтобы обеспечить их соответствие принятым стратегиям. На заключительном этапе взаимодействия с внешними партнерами компании важно не допустить широко распространенную ошибку и своевременно отработать механизмы освоения (передачи) внешних компетенций и навыков внутри компании.

Стартапы глубоких технологий: как получить необходимые для успеха ресурсы?

Новая тенденция в динамике экосистем – быстрый рост значения стартапов, делающих ставку на долгосрочные высокотехнологичные инновации с высокими рисками. Такие стартапы, обладающие сильной исследовательской базой, становятся основной движущей силой экосистем глубоких технологий.

Исследования показывают, что особенности новых стартапов глубоких технологий определяют общность возникающих перед ними проблем. В опросе более 400 глубоких технологических стартапов, проведенном в 2018 г. компанией Hello Tomorrow и Бостонской консалтинговой группой (BCG), наиболее часто назывались следующие *проблемы* (в % к числу опрошенных) [5]:

- длительное время выхода на рынок – 27%; глубокие технологии требуют длительного времени для разработки;
- высокая капиталоемкость – 25%; эксперименты и прототипирование проводятся на дорогостоящем оборудовании;
- технологические риски и сложность – 17%; при изначально низком уровне технологической готовности TRL высокие риски присутствуют на всех этапах пути к готовому технологическому решению;
- неопределенное коммерческое использование – 14%; часто заинтересованные стороны и сами стартапы неправильно предвидят требования рынка;
- регулирующие рамки – 13%;
- другое (консервативный рынок, поиск правильного партнера, склонность к старению) – 4%.

Указанные проблемы в значительной степени характеризовали *потребности* стартапов в критически важных ресурсах. Для решения этих про-

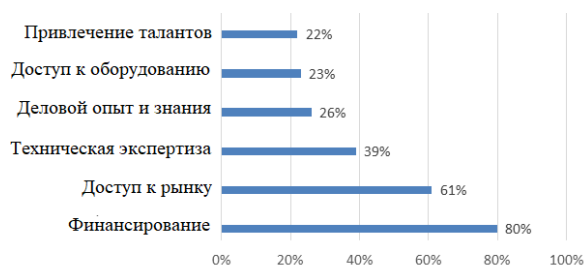

Рис. 1. Потребности стартапов в ресурсах (% к числу опрошенных)

блем глубоким технологическим стартапам нужна помощь, которая отражена на рисунке 1 [5].

Глубокие технологические стартапы ищут ключевые ресурсы посредством взаимодействия с венчурными капиталистами и инвесторами-ангелами, университетами, акселераторами, инкубаторами, правительственными органами и корпорациями. Эти потребности и привлекательность различных партнеров меняются по мере приближения стартапов к рынку, т.е. перехода с одного уровня зрелости на следующий. Стартапы обращаются к различным заинтересованным сторонам на время, чтобы получить доступ к необходимым ресурсам.

Университеты, государственный сектор, бизнес-ангелы, венчурные капиталисты – все они в определенный момент могут сыграть решающую роль в развитии высокотехнологичных стартапов, но только корпорации (средние и крупные) являются партнерами, которые способны удовлетворить многие потребности стартапа.

Это обстоятельство объясняет, почему 97% высокотехнологичных стартапов выразили желание развивать долгосрочное партнерство с корпорациями, 83% активно действовали для этого, 57% установили такое сотрудничество. Однако около 25% не смогли превратить обсуждение в реальные партнерские отношения. Основные препятствия для партнерства [5]:

- отсутствие доверия к технологии и/или к ее зрелости; это может быть решено путем уточнения ценностного предложения, приложения или испытания (проверки) концепции;
- недопонимание сторон с самого начала из-за недостаточной согласованности видения или бизнеса, знаний или HR-целей;
- несовпадение сроков, временных горизонтов и процессов; сложный и медленный процесс принятия решений в корпорации, или стартапы потерялись в корпоративной организационной структуре;
- отсутствие спонсора (куратора) высокого уровня в корпорации.

Стартапы рассматривают корпорации как потенциальные каналы финансирования, но они не рассматривают доступ к финансированию

как их главную привлекательную черту. Корпорации имеют высокую ценность для стартапов из-за того, что они являются единственными участниками экосистем, которые сочетают в себе технологический, рыночный и промышленный опыт и возможности, которые высокотехнологичные стартапы должны получить как можно раньше, но которыми они редко обладают сами.

Исследования показали, что партнерство между стартапами и корпорациями будет легче создать с помощью не прямых, достаточно общих рекомендаций на ранних стадиях общения; такие договоренности позволяют обеим сторонам укрепить доверие в отношениях, участвуя в свободном обсуждении, без рассмотрения каких-либо немедленных коммерческих применений. Обе стороны с самого начала должны быть прозрачны относительно своих целей и вовлекать исследовательские и другие релевантные команды в совместные коммерческие и оперативные усилия как можно раньше. Это будет стимулировать партнеров проверить соответствие проекта совместной работы стратегии, помогает избежать разочарования и потери времени с обеих сторон.

Потребности стартапов в финансировании. Глубокие технологические стартапы ищут финансирование у широкого круга заинтересованных сторон на разных этапах развития стартапа. Каждый источник предоставляет различный объем финансирования, готов принять разные виды рисков и предлагает различные ресурсы в дополнение к финансированию. Используемые стартапами и желаемые в будущем каналы финансирования (в % к числу опрошенных) представлены на рисунке 2 [5].

Друзья и семья обеспечили начальное (посевная стадия) финансирование для 40% стартапов, государственный сектор – для 30%, в этом есть большие различия между странами. На следующих этапах своего развития, с ростом потребности в финансировании, стартапы переключаются на профессиональных спонсоров с более высокими финансовыми ресурсами, таких как бизнес-ангелы (принимают более высокий риск менее зрелых стартапов), венчурные капиталисты и корпорации: две трети стартапов надеялись на их финансирование в будущем. Эти источники приносят бизнес-интеллект, профессионализм, доступ к сетям и доверие, наряду с большими суммами финансирования.

Во многих случаях правительства также помогают стартапам получить доступ к рынкам, например, через программы поддержки экспорта. Бизнес-ангелы как опытные предприниматели, которые построили успешные компании и

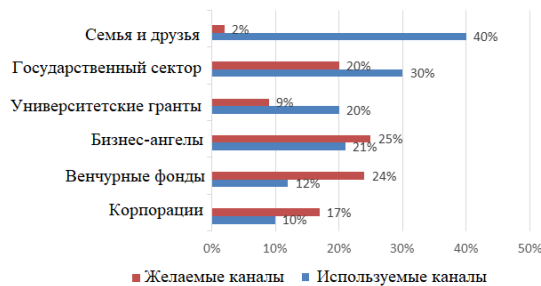

Рис. 2. Каналы финансирования стартапов: используемые и желаемые в будущем

хотят остаться на рынке, хорошо знакомы с «полем» и особенно эффективны в выявлении потенциально успешных компаний на ранней стадии их развития, предоставляя им ценные деловые знания и доступ к сетям. Казалось бы, из-за высоких рисков и больших инвестиционных потребностей глубоких технологий венчурное финансирование является естественным для многих стартапов; тем не менее 35% стартапов не получили венчурного финансирования из-за несовпадения их видения и целей бизнеса с представлениями венчурных капиталистов. Основные каналы взаимодействия стартапов с университетами – центры трансфера технологий; университеты рассматриваются как источники технической экспертизы и талантов. Инкубаторы помогают стартапам превратить прорывные идеи в бизнес-модель, акселераторы ускоряют рост существующей компании; знаменитые инкубаторы и акселераторы помогают стартапам стать «видимыми» на рынке.

Исследования, проведенные Бостонской консалтинговой группой, показали, что критически важные потребности стартапов глубоких технологий зависят от их технологической зрелости и готовности целевого рынка [5]. Стартап проходит через различные этапы развития от своего начального состояния (когда нет продукта и неясен рынок) до состояния потенциально быстрой победы (когда продукт готов к коммерциализации на хорошо идентифицированном рынке); на каждом этапе формируются свои потребности и предпочтительные партнеры для их наилучшего удовлетворения.

Исследователи БКГ разделили стартапы на четыре типа [5]:

– *высокая технологическая зрелость и высокая готовность к рынку*; их основная задача – масштабировать готовый продукт на готовом его принять рынке; им нужны щедрое венчурное финансирование, доступ к клиентам, дистрибуторским сетям (корпорации) и талантам (университеты); они стремятся наращивать знания и опыт, стать «видимыми» и авторитетными на рынке;

– *высокая технологическая зрелость и низкая рыночная готовность*; их основная задача – определить и создать рынок для своих технологий; они видят два основных препятствия: отсутствие распределительной сети и сопротивление рынка изменениям; им нужны финансирование, доступ на рынок и бизнес-знания, соответственно, их предпочтительные партнеры – венчурные капиталисты и корпорации;

– *ранний или средний этап технологической зрелости и высокая рыночная готовность*; они идентифицировали рыночную возможность, определили ценностное предложение и разрабатывают технологию для его предоставления, но еще не создали приемлемый для рынка продукт; им необходимы доступ к технической экспертизе и преодоление технологической неопределенности; предпочтительные партнеры для них – корпорации и университеты, чтобы разделить затраты и риски на НИОКР и ускорить разработку продукта;

– *ранний или средний этап технологической зрелости и низкая рыночная готовность*; они определили перспективную (хотя и не полностью разработанную) технологию, для которой пока на рынке нет применения; их основная задача – разработать жизнеспособный продукт, способный эффективно отвечать потребностям рынка, который еще предстоит идентифицировать, т.е. предстоит превратить технологию в решение проблемы клиентов; они видят два основных препятствия: длительное время разработки и технологическая неопределенность, соответственно, основными источниками ресурсов для них являются университеты и государственное финансирование, при этом они нуждаются в самых разных ресурсах.

Методологические рамки взаимодействия корпораций со стартапами

В последние годы взаимодействие между корпорациями и стартапами глубоких технологий приносит противоречивые результаты. Так, опрос, проведенный компанией MassChallenge и Imaginetic в 2016 г., обнаружил, что 50% стартапов оценили свой опыт взаимодействия с корпорациями как посредственный или негативный [15].

Одной из причин этого является нежелание корпораций с самого начала определить цели взаимодействия с конкретными стартапами, соответствующие корпоративной инновационной стратегии. Что это за цели: превратить стартап на ранней стадии в делового партнера? Выйти на новый рынок и новую бизнес-модель путем получения доступа к внешним навыкам и

талантам? Сократить затраты на НИОКР или время выхода новых продуктов на рынок? Какие ресурсы потребуются для реализации этих целей? Как эти цели соотносятся со стремлением компании укрепить основной бизнес и расширяться в смежные области, связанные с текущим бизнесом?

Если корпоративные цели и области исследований и разработок ясно определены, компании должны развивать свои собственные инновационные платформы, отражающие эти цели, внутренние ресурсы и зрелость организации, создавая гибкую внутреннюю среду и вовлекая в инновационные процессы все бизнес-подразделения, а также стартапы [5, 16]. Компании, заинтересованные в сотрудничестве с глубокими технологическими стартапами, должны найти баланс между внутренними источниками инноваций (НИОКР, внутренние конкурсы идей и инновационные лаборатории) и внешними (включая партнерство со стартапами). Сегодня 44% крупных компаний используют внутренние или внешние ускорители и инкубаторы для стартапов.

Чтобы улучшить их взаимодействие с маленькими и гибкими стартапами, корпорации будут адаптировать свои внутренние процессы для осуществления более гибкого взаимодействия, или они должны создавать параллельные процессы и персонал, чтобы остальная часть организации по-прежнему была сосредоточена на бизнес-единицах. Высшее руководство может контролировать отношения со стартапами, когда они достигают критически важного уровня. Эффективными руководителями проектов взаимодействия со стартапами являются эксперты высокого уровня – «чемпионы бизнеса»; программы «погружения» позволяют корпоративным талантам работать на инновационные стартапы временно. Стартапы извлекают выгоду из знаний корпоративных участников о стратегическом управлении, маркетинге, коммуникациях и т.п.

Сотрудничество со стартапами глубоких технологий нацелено на снижение рисков новой технологии на самой ранней стадии стартапа, до вовлечения технологии в операционный бизнес [5, 17]. Есть опыт создания команд, которые снижают риски проектов в определенный период, не ставя под угрозу весь бизнес, до тех пор пока станет возможным безопасно передать бизнесу новую технологию.

Корпорация должна определить те из своих возможностей (ресурсов), которыми могут воспользоваться стартапы благодаря сотрудничеству (данные, клиенты, сеть, деловые знания, оборудование, наставники, технические эксперты, мониторинг денежных потоков и так далее);

в конкретный период времени она разрешает стартапам относительно свободно пользоваться этими корпоративными ресурсами в соответствии с политикой защиты данных. Культура и образ мыслей специалистов корпорации, работающих со стартапами, будут изменяться таким образом, чтобы эти люди признали стартапы ценными партнерами.

Взаимодействия между корпорацией и стартапами становятся взаимовыгодными в процессе постепенного их развертывания. Прежде чем четко структурировать отношения, корпорациям целесообразно рассмотреть возможность менее официальных отношений с ограниченными обязательствами с обеих сторон, используя платформу для сотрудничества так, чтобы стартап мог продемонстрировать свой потенциал в качестве делового партнера, уточнить, что он может получить в партнерстве, и проверить командную взаимодополняемость. С начала взаимодействия полезно определить общую цель (эта цель будет гибкой, подвижной) и возможный эндшпиль; «дорожную карту», указывающую наиболее эффективный путь к общей цели с четкими вехами, и пересматривать ее регулярно; права на интеллектуальную собственность и распределение первых выигрышей; помогать стартапам планировать денежные потоки, чтобы они не пошли на дно из-за финансовых ошибок; контракт должен обеспечить выравнивание интересов и справедливое распределение созданной стоимости. Отношения остаются в «гибкой среде», если стартап достаточно зрел, чтобы функционировать как нормальный деловой партнер, способный поддерживать обычные бизнес-процессы.

Инвестирование в стартап и получение места в его руководстве позволяют корпорации создать более близкие отношения с управленческой командой стартапа, которая становится спарринг-партнером и источником информации, недоступной компаниям, которые инвестируют во внешние фонды и не имеют прямых контактов с менеджментом стартапа. Интеграция стартапа в корпорацию происходит только тогда, когда стартап достиг этапа развития, на котором корпоративные процессы и организация будут не препятствием, а рычагом для увеличения скорости и качества индустриализации и коммерциализации его разработок. Корпорация должна оценить, следует интегрировать стартап постепенно или быстро [5].

Наконец, корпорации приходят к необходимости создания экосистемы из проектов с разными стартапами глубоких технологий. Это означает превращение их в часть более широкого сообщества, включающего другие

стартапы, компании (не прямых конкурентов), инвесторов, поставщиков, клиентов и ученых, что позволяет балансировать риски в экосистеме, привлекать новых участников, внедрять широкий спектр технологий, помогать стартапам друг другу, создавать более полное ценностное предложение для стартапов и приобрести вес в отрасли, достаточный для определения новых стандартов.

Заключение

Для массового развертывания глубоких технологий в обществе необходимо усилить взаимодействие между участниками экосистем, в первую очередь между стартапами глубоких технологий и корпорациями (средними и крупными).

Почти все высокотехнологичные стартапы стремятся к сотрудничеству с корпорациями, но лишь половина из них устанавливают такое сотрудничество. Основными препятствиями для партнерства являются отсутствие доверия к новой технологии, недопонимание сторон из-за недостаточной согласованности видения или бизнеса, несовпадения временных горизонтов и процессов, отсутствие куратора в корпоративной структуре.

Часто участники сложных экономических систем стремятся как можно быстрее развивать взаимодействие. Но развитие эффективного сотрудничества является сложной задачей и требует тщательной методологической проработки. Менее рискованно начать постепенно, сосредоточившись на основных потребностях как стартапов, так и корпораций; это позволяет исследовать новые проблемы по мере развития бизнеса и сделать отношения между участниками экосистем взаимовыгодными.

С точки зрения корпорации методология усиления взаимодействия включает оценку потребностей стартапов и разработку платформы для сотрудничества между корпорациями и стартапами, создавая в конечном счете экосистему из проектов со стартапами. Стартапы глубоких технологий, со своей стороны, должны тщательно оценить возможности сотрудничества, выбрать вариант сотрудничества, который наиболее подходит для их стадии развития, и сделать так, чтобы их культура и культура предполагаемого корпоративного партнера были совместимы в процессе взаимодействия в долгосрочной перспективе.

Исследования проблемы и возможностей развития экосистем глубоких технологий находятся в начальной своей стадии, необходимо в дальнейших разработках идентифицировать особенности развития экосистем в России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00781.

Список литературы

1. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и финансового процветания: Пер. с англ. М.: Изд-во «Дело», 2013. 232 с.
2. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с. URL: <https://glazev.ru/articles/10-vlast-i-obshchestvo/68356-ryvok-v-budushhee> (дата обращения: 3.05.2020).
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция: Пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2018. 208 с.
4. Portincaso M.; de la Tour A., Soussan P. The Dawn of the Deep Tech Ecosystem / Boston Consulting Group & Hello Tomorrow 2019. 3/19. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-The-Dawn-of-the-Deep-Tech-Ecosystem-Mar-2019-R-2_tcm91-216221.pdf (дата обращения: 3.05.2020).
5. de la Tour A., Soussan P., Harlé N., Chevalier R., Xavier Duportet X. From Tech to Deep Tech: Fostering collaboration between corporates and startups / Boston Consulting Group, Hello Tomorrow. URL: <http://media-publications.bcg.com/from-tech-to-deep-tech.pdf> (дата обращения: 3.05.2020).
6. Аброскин А.С., Зайцев Ю.К., Идрисов Г.И., Кнобель А.Ю., Пономарева Е.А. Экономическое развитие в цифровую эпоху. М.: ИД «Дело» РАНХиГС при Президенте РФ, 2019. 88 с.
7. Lang N., Szczepanski von K. and Wurzer C. The Emerging Art of Ecosystem Management / Boston Consulting Group, Hendersen Institute, 1/2019. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-The-Emerging-Art-of-Ecosystem-Management-Jan-2019-rev_tcm27-212792.pdf (дата обращения: 3.05.2020).
8. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45.
9. Фролов В.Г., Захаров В.Я., Каминченко Д.И., Павлова А.А. Системные эффекты развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 40–47.
10. Данилина Я.В., Рыбачук М.А. Системные эффекты и риски цифровой экономики: анализ с позиций системной экономической теории // Экономическая наука современной России. 2019. № 3 (86). С. 119–138.
11. Thompson N.C., Bonnet D., Ye Y. Why Innovation's Future Isn't (Just) Open // MIT Sloan Management Review. 11 may 2020. URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/why-innovations-future-isnt-just-open/> (дата обращения: 3.05.2020).
12. Kagermann H., Anderl R., Gausemeier J., Schuh G., Wahlster W. (Eds.). Industrie 4.0 in a Global Context: Strategies for Cooperating with International Partners (acatech STUDY). Munich: Herbert Utz Verlag, 2016. URL: https://en.acatech.de/wp-content/uploads/sites/6/2018/03/acatech_eng_STUDIE_Industrie40_global_Web.pdf (дата обращения: 3.05.2020).

13. Доклад «Цифровая экономика: глобальные тренды и практика развития российского бизнеса / Под ред. Д.С. Медовникова. М.: Высшая школа экономики, 2018. 121 с. URL: <https://imi.hse.ru/data/2017/10/06/1159517769/> (дата обращения: 3.05.2020).
14. Trofimov O.V. and etc. Opportunities and Risks from Cooperation among Companies within the Production Sphere and the Sphere of Services in Russia in the Context of Industry 4.0 // Amazonia Investiga. 2019. V. 20. № 8. P. 596–608.
15. The State of Startup / Corporate Collaboration 2016. A Joint Research Study by: Imaginatic / Mass Challenge. URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/1955252/SCC_2016/Startup_Corporate_Collab_2016_Report.pdf (дата обращения: 3.05.2020).
16. Jacobides M.G., Sundararajan A. and Marshall van A. Platforms and Ecosystems: Enabling the Digital Economy / World Economic Forum, February 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Digital_Platforms_and_Ecosystems_2019.pdf (дата обращения: 3.05.2020).
17. Верховский Н., Соболев С. Цифровые неудачники: почему диджитал-трансформации заканчиваются провалом // Harvard Business Review Россия. 6 апреля 2020. URL: <https://hbr-russia.ru/inovatsii/upravlenie-innovatsiyami/827263>. (дата обращения: 3.05.2020).

STRENGTHENING THE INTERACTION OF PARTICIPANTS OF COMPLEX ECONOMIC SYSTEMS IN THE AGE OF INDUSTRY 4.0: PROBLEMS AND OPPORTUNITIES

V.Ya. Zakharov, V.G. Frolov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article provides an overview of the latest results of foreign and domestic studies on the problems and opportunities for the development of deep technology ecosystems. It is shown that the key to accelerating the deployment of deep technologies is the strengthening of direct interaction between deep technology startups and corporations (large and medium) in ecosystems. A number of problems hinder this interaction; to solve them, corporations should develop a platform for cooperation with startups, and startups should carefully evaluate their capabilities and bring their culture in line with the strategy and culture of the corporation. The novel nature of the work lies in the comprehensive justification of the gradual convergence and mutual transformation of start-ups and corporations in order to accelerate the development of deep technologies. The practical significance consists in the possibility of using the best practices of world leaders from different countries and industries in the digital transformation in Russia.

Keywords: complex economic systems, deep technologies, cooperation, startups and corporations, Industry 4.0.

УДК 338

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕНООБРАЗОВАНИЕМ В СИСТЕМЕ МЕНЕДЖМЕНТА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С КЛИЕНТАМИ ФИРМЫ

© 2020 г.

П.С. Салмин, Н.А. Салмина, А.В. Куликова

Салмин Павел Сергеевич, к.э.н.; доц.; доцент кафедры информационных технологий
и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
salmin@bk.ru

Салмина Наталья Александровна, к.э.н.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
salmina_nataly@mail.ru

Куликова Алевтина Валерьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры информационных технологий
и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kulal_ch@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 15.06.2020**Статья принята к публикации 24.07.2020*

Анализируются и предлагаются подходы к ценообразованию и методы в современных CRM-системах для эффективного управления взаимоотношениями с клиентами. Для решения актуальных задач проектирования и автоматизации процессов управления взаимоотношениями с клиентами фирмы авторы выделяют блоки управления системой взаимоотношений с клиентами, дают подробную характеристику этих блоков, обосновывают необходимость проектирования моделей ценообразования и выделения особенностей управления ими, а также определяют роль психологии поведения клиентов в системах CRM как корреляции между моделями мотивации покупателей и показателями продаж. Авторы дают подробное описание моделей формирования отпускных цен в CRM-системах, приводят классификацию моделей ценообразования, проводят эмпирический анализ механизмов установки цен продаж и методов назначения скидок. Классифицируются модели назначения скидок и их взаимосвязи с формулами наценок, также определяются правила совместного применения скидок для клиентов, приводятся примеры прикладных решений автоматизации CRM. Рассмотренные подходы к ценообразованию требуют тщательной формализации для формирования объемной модели управления наценками и скидками в системе менеджмента взаимоотношений с клиентами. На основании проведенного анализа делается вывод о необходимости разработки экономико-математической модели ценообразования. Описывается задача оптимизации конечной наценки, в том числе функция цели и ограничения, а также варианты ее применения.

Ключевые слова: CRM-система, отпускная цена, наценка, ценовые группы, виды цен, скидка, программа лояльности, подарочный сертификат, оптимизационная модель управления ценообразованием.

Введение

Современная экономика характеризуется неограниченным множеством сложных взаимосвязей между производителями, торговыми посредниками и конечными потребителями промышленной продукции. В качестве базовой миссии производственных компаний (да и не только), как правило, рассматривается концепция удовлетворения потребностей [1, с. 239]. В след за системой ценностей покупателя маркетинговая концепция управления предприятием претерпевает существенные изменения. Совсем недавно потребитель, осуществляя свой выбор, обращал внимание на соотношение качества и цены. Современный потребитель оценивает, насколько эти основные параметры коммерческого предложения фирмы соответ-

ствуют его индивидуальным требованиям, то есть требует персонализированных характеристик продукта и условий заключения сделки. Базовая маркетинговая концепция управления компанией стала предпосылкой возникновения маркетинга взаимодействия, ориентированного на долгосрочные взаимоотношения с клиентом. В связи с этим для удовлетворения постоянно меняющихся запросов потребителей компаниям нужно не только сформировать конкурентоспособное предложение, но и совершенствовать механизмы взаимодействия с клиентами.

Самое ценное, что есть у любого предприятия, – это его клиенты. Именно покупатели обеспечивают получение прибыли, а следовательно, помогают компаниям достигать основную коммерческую цель – получение прибыли. Многие предприниматели видят возможность

повышения эффективности своего бизнеса в поиске новых покупателей и привлечении большего количества клиентов. Однако количество потребителей ограничено. С другой стороны, постоянно появляются новые конкуренты, готовые привлечь внимание рынка интересными предложениями. В связи с этим более актуальной задачей менеджеров становится удержание существующих покупателей. Если потребитель однажды приобрел продукт компании, значит, он ему понравился больше, чем предложения конкурентов. Чтобы покупатель не ушел к конкурентам и приобрел повторно понравившуюся продукцию, организация должна стремиться увеличить вовлеченность потребителей. Лояльные клиенты приобретают товары чаще и на большую сумму, а также они советуют бренд своим знакомым. Следовательно, для обеспечения должного объема продаж менеджеру необходимо приложить усилия, чтобы превратить существующего покупателя в постоянного, лояльного клиента компании, поддерживая его заинтересованность. В современных условиях жесткой конкуренции отсутствие должного внимания к такому вопросу, как удержание клиентов, может привести к уходу предприятия с рынка.

Современные маркетологи имеют в своем арсенале большой набор инструментов удержания внимания клиентов:

- рассылка, в том числе через электронную почту, интересной для потребителя информации, причем связанной не только с продуктом и его использованием, но и с решением каких-либо жизненных вопросов;
- ведение корпоративных блогов, форумов, групп в социальных сетях;
- приложения для смартфонов, представляющих в удобной для клиента форме информацию об ассортименте, ценах, скидках, отзывах клиентов и т.п.;
- присвоение потребителям привилегированного статуса, дающего особые условия приобретения товара, особый порядок обслуживания;
- подарки при покупке, особенно неожиданные, запоминаются клиентами и обсуждаются с другими людьми;
- поздравление с праздниками, знаменательными датами для конкретного клиента;
- конкурсы, в т.ч. онлайн-конкурсы, привлекают внимание из-за возможности продемонстрировать свои знания или умения, стать лучшим в определенной сфере, получить дополнительную выгоду;
- игры, особенно тематические онлайн-игры, с помощью которых можно, бесплатно развлекаясь, получить материальную выгоду;

– накопительные программы, позволяющие полученные за совершенные покупки баллы потратить на приобретение дополнительных единиц продукта;

– ценовое стимулирование, скидки подталкивают покупателей приобретать товар, даже если покупка не была запланирована.

Заметим, что периодическое предложение скидок является одним из наиболее эффективных элементов в системе мероприятий по формированию лояльности потребителей. Но ценовые стимулирующие программы нужно разрабатывать грамотно. Скидка предоставляется с цены товара, в составе которой выделяются две основные составляющие – себестоимость и прибыль. Организация может дать скидку со своей прибыли, но никак не с себестоимости товара, так как эти затраты уже осуществлены в процессе его производства и реализации. Использование скидок, как правило, приводит к увеличению сбыта продукта, но не всегда к увеличению прибыли. Следовательно, необходимо выбрать такую величину скидки, которая стимулировала бы покупателей к объему покупок, соответствующему целям компании. При разработке скидок также нужно учитывать продолжительность сотрудничества с конкретным клиентом, объем его покупок, его покупательную способность. Всю информацию о сделках, о клиенте, актуальную на момент заключения определенной сделки, можно получить только в том случае, когда компания тщательно ведет базу данных по своим покупателям.

Проблема построения доверительных отношений с клиентами в современных условиях приобретает все более сложную и разветвленную структуру процессов, включающую множество вариантов коммуникаций. Выбор из этого множества является важной и весьма актуальной задачей эффективного менеджмента фирмы, в том числе базирующейся на грамотном подходе к формированию ценовой политики.

Обобщая труды зарубежных [2, 3] и российских авторов [4, 5], отметим, что построение эффективных взаимоотношений с клиентами фирмы представляет собой комплексную задачу, требующую знаний экономики, психологии и программирования. Именно в таком аспекте следует понимать эффективную концепцию CRM (Customer Relationship Management). Следовательно, современная практика бизнеса предполагает, что CRM – это некая стратегия управления персоналом отделов продаж с целью максимизации лояльности клиентов и, как следствие, объемов продаж. При этом используются различные информационные технологии и программное обеспечение, планирующее и

регистрирующее поведение менеджеров по продажам и их клиентов в сфере удовлетворения потребностей покупателей. Очевидно, что любой программный продукт в данной области является лишь помощником в реализации данной стратегии, если это не экспертная система или искусственный интеллект, позволяющий принимать решения по предложенному варианту развития событий. В качестве примера первых можно привести популярные в российской практике информационные системы, включенные в рабочие места управленческих учетных систем, таких как «1С: Управление торговлей 11.4», специализированную «1С: CRM» или более продвинутые системы «1С: Комплексная автоматизация 2.4» и «1С:ERP Управление предприятием 2.4» [6]. Что касается искусственного интеллекта, то его проектирование должно начинаться с понимания предметной области, в которой этот механизм будет задействован.

Этапы автоматизации системы управления взаимоотношений с клиентами

CRM-система – нечто большее, чем просто архив данных. С помощью современных программ можно собирать, хранить и анализировать информацию о всех клиентах, а также автоматизировать некоторые рабочие моменты [7, с. 82]. Разработчики по-разному выполняют эти функции [8, 9]. Вопросы автоматизации системы управления взаимоотношений с клиентами предлагаем разделить на три основных блока:

- управление подготовкой продаж;
- управление оптовыми продажами;
- управление розничными продажами.

Управление подготовкой продаж включает в себя определение правил продаж, механизмов скидок и наценок, решение вопросов, связанных с ценовой политикой, то есть ценообразованием, настройку функциональных опций обработки и хранения информации о взаимодействии с партнерами для налаживания устойчивых внешних связей. Здесь же настройка рассылок и оповещений, анкетирования, регистрация претензий и конфликтных ситуаций, автоматизация управления сделками для повышения качества оперативной работы отдела продаж.

Управление оптовыми продажами подразумевает, как правило, решение таких задач, как подготовка коммерческих предложений клиентам, управление заказами, которое в свою очередь подразумевает резервирование и контроль состояния обеспечения заказов. В последующих этапах управления оптовыми продажами подразумеваются задачи подготовки к отгрузке,

оформление реализации товаров и услуг, закрытие заказов, корректировка реализации, оформление возврата товаров от покупателей, аналитика оптовых продаж, а также комиссионные и внутрифирменные продажи.

Управление розничными продажами дополнительно к задачам оптовой торговли требует решения задач: определения розничных торговых точек, передач товаров в торговую точку, отдельного назначения цен при продаже товаров в розницу, назначения цен и скидок, печати этикеток и ценников, оформления розничных продаж в рабочем месте кассира, отражения розничных продаж за смену, а также настройки бонусных программ и продажи подарочных сертификатов.

Как видно из приведенного описания, все три блока управления продажами требуют специфического отношения к назначению наценок и скидок во всей системе менеджмента взаимоотношений с клиентами. Так, если в подсистеме подготовки продаж необходимо настроить все возможные для конкретной фирмы модели назначения цен и скидок, то в подсистемах управления продажами необходимо предусмотреть гибкий механизм выбора и корректировки этих моделей. Также при разработке моделей ценообразования следует обратить пристальное внимание на относительную и абсолютную величину наценки, так как без механизмов контроля скидок итоговая наценка может оказаться меньшей либо равной нулю.

Исследования как зарубежных [10, 11], так и российских [12; 13; 14; 15] ученых показывают, что именно ценовая политика и является основным инструментом повышения индекса потребительской уверенности, а следовательно, и спроса [16, с. 44]. Поведение потребителя, в том числе его окончательное решение о покупке, напрямую зависит от применяемых организацией методов ценообразования и ценового стимулирования. Психология поведения клиентов в системах CRM фиксируется на более абстрактном уровне и подразумевает корреляционные связи между моделями мотивации покупателей и показателями продаж. Однако этот элемент также обязательно необходимо подвергнуть управляющим воздействиям для определения наиболее эффективных механизмов ценообразования именно с точки зрения психологии клиентов.

Модели ценообразования и правил продаж в CRM-системах

В зависимости от ситуации для одной и той же номенклатурной позиции или группы предлагаем назначать разные виды цен. При этом

цены поставщиков и цены продажи должны учитываться в разных классификаторах. Также нужно понимать, что цены поставщиков могут отличаться от серии к серии, даже если поставщик один и тот же. Однако в рамках одного вида (например, оптовая или розничная цена) цены продажи на заданный момент времени для каждой номенклатурной позиции и/или группы должны быть одинаковыми, независимо от серии. Если учет товаров ведется в разрезе его характеристик, то должна быть предусмотрена возможность установки цен на одну и ту же номенклатурную единицу с различными характеристиками. Для каждого вида цены должны определяться валюта, формула для расчета, способ округления и т.п.

Первый вариант, который следует определить, – это неавтоматический или ручной вид цены. В этом случае цены назначаются пользователем системы по мере необходимости вручную. Однако такой вариант требует, как минимум, защиты от назначения цены ниже закупочной. Как максимум, пользователь должен получить информацию об актуальных или минимальных ценах на момент их актуализации. Поэтому следующий логичный вариант назначения цен уже в автоматическом (или полуавтоматическом) режиме – наценка на цену поступления.

Во втором варианте установления цены путем наценки на закупочную цену необходимо установить правило определения цены. Например, способ задания цены – «Наценка на цену поступления», наценка – «40%». В этом случае цена поступления будет выбрана автоматически из документов поступления и назначена цена продажи с наценкой 40%.

Наценка на другой вид цен – цена рассчитывается в соответствии с наценкой по отношению к базовой цене. Например, вид цены – «Розничная», формула определения цены – «Наценка на базовую цену», базовый вид цены – «Оптовая», наценка – «20%».

Также необходимо предусмотреть в системе и более сложные механизмы назначения цен.

Если пользователь назначает цены по произвольному алгоритму, но базой для расчета является другой вид цены, тогда автоматический вариант настройки цены может выглядеть, например, так: цена «Дилерская» равна минимальной рыночной оптовой цене, умноженной на коэффициент 0.95. При этом формула может быть задана для вида цены, а для ценовых групп уточняться по мере необходимости.

Цена может формироваться путем некоторого запроса к информационной базе, на основе готовых алгоритмов расчета, на основе статистических данных о ценах, уже присутствующих

в информационной базе. Правила извлечения таких цен отчасти должны быть предусмотрены системой, как некоторые стандартные алгоритмы расчета, и выбираться самим пользователем. Это могут быть первые, последние, минимальные, максимальные или средние (на заданном интервале) цены закупки, полная или неполная себестоимость поступивших товаров, различные цены конкурентов (минимальные, максимальные, средние и т.д.), цены, базирующиеся на внутренних ценах передачи между организациями, входящими в общую коммерческую структуру, и возможность создания разнообразных формул для задания конечной цены. Также пользователю должна быть предоставлена возможность самостоятельно компоновать данные информационной базы для определения цен.

Далее, для видов цен необходимо установить пороги, при которых будут регистрироваться и вводиться в действие новые цены. Это означает, что если, например, порог срабатывания установлен в 3%, то при изменении цены на величину меньшую, чем 3%, новая цена регистрироваться в системе не будет.

Должна быть предоставлена возможность назначать пользователем системы диапазон цен продажи и максимальную цену закупки. Отклонения от диапазона цен продажи и от максимальных цен закупки должны контролироваться системой.

Процесс формирования цен продажи представлен на рисунке.

Далее следует настройка условий предоставления скидок и наценок. Скидки покупателям (клиентам) можно разделить по уровню автоматизации на два вида – ручные и автоматические. Для задания допустимых значений ручных скидок могут быть введены ограничения для конкретных пользователей, а также клиентов.

Автоматические скидки, назначаемые по картам лояльности, также могут быть ограничены аналогичным образом. С другой стороны, должна быть предусмотрена возможность автоматически начислять бонусные баллы клиентам

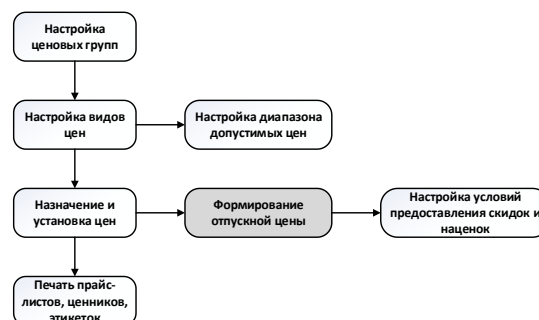

Рис. Процесс формирования цен продажи
(составлено авторами)

в программах лояльности при розничных продажах. Также автоматические скидки должны настраиваться для реализации товаров с отдельных складов и розничных магазинов.

Программирование управления программами лояльности, или, в более простом варианте, системой скидок в CRM-системах, происходит по нескольким наборам нетривиальных алгоритмов. Рассмотрим несколько ситуаций.

Условия типовых вариантов предоставления скидок должны задаваться и регистрироваться в таблице справочной информации – «В каких случаях предоставлять скидки». Для такого справочника можно разработать бесконечное количество условий. Однако на практике их используется не так уж и много:

- накопленный объем покупок (в натуральном и стоимостном выражении) – самый популярный вариант предоставления скидки;
 - если новый клиент еще ничего не приобрел, можно предоставить скидку за одноразовую покупку (вариант предыдущего решения);
 - за период, в котором клиент осуществляет покупку (например, утро буднего дня, когда покупателей мало);
 - за форму оплаты (картой, наличными);
 - за покупку в определенные даты (день рождения, праздник) и т.п.
- далее могут задаваться параметры скидки, не учтенные в предыдущем справочнике:
- относительная величина процента или фиксированная сумма в денежных единицах;
 - подарок (при покупке определённого количества товара предоставляется еще один бесплатно);
 - определяются группы товаров или отдельные наименования, на которые действуют скидки;
 - уточняется получатель скидок – бенефициар.

Далее определяются правила совместного применения скидок для покупателей (возможно различных категорий). Поскольку набор скидок представляет собой группу в таблице справочной информации, появляется возможность выбора из способов группового применения скидок:

- Минимум – выбирается минимальная скидка в группе при условии совместного действия последних;
- максимум – выбирается максимальная скидка в группе при условии совместного действия последних;
- сложение – скидки складываются в общей группе при заданном условии объединения;
- умножение – скидки применяются последовательно в рамках одной группы. Во-первых, рассчитывается скидка с максимальным прио-

ритетом. Затем предоставляется скидка к уже рассчитанной сумме, с учетом предыдущей скидки, и так далее;

– вытеснение – действует только скидка с наивысшим приоритетом.

Наконец, для розничных продаж характерны такие виды скидок, как подарочные сертификаты и бонусные программы.

Подарочный сертификат или подарочная карта представляет собой обязательство лица, выдавшего его, передать на указанную в нем сумму товары, входящие в перечень его номенклатуры. Подарочный сертификат является обезличенным или предъявительским документом и стимулирует клиентов делать покупки при передаче сертификата в виде подарка от одного покупателя другому. В розничной торговле должна быть предусмотрена функциональная опция выдачи (продажи) подарочных карт, однако по существу сумма, указанная в сертификате, скидкой для продавца не является. Фактически эта сумма оплачивается за счет приобретателя сертификата и на цену продавца не влияет.

Программы лояльности клиентов или бонусные программы, как правило, подразумевают начисление бонусных баллов на карту лояльности клиента, выдаваемой ему фирмой. Такие баллы могут иметь разные наименования (бонусы, кегли, вольты и т.п. названия – в зависимости от вида деятельности и фантазии продавца), начисляться по различным схемам и расходоваться клиентом в зависимости от маркетинговой политики фирмы. В этом случае накопленные клиентом бонусы представляют собой часть прибыли продавца, которые покупатель затем сможет потратить на покупку товаров в той же торговой точке (сети).

Заключение

Все вышеперечисленные подходы и модели ценообразования требуют тщательной формализации для формирования объемной модели управления наценками и скидками в системе менеджмента взаимоотношений с клиентами или CRM.

Такие модели позволяют, в частности, оптимизировать выбор варианта ценообразования по одной из множества возможных ветвей процесса (рис.). Для этого необходимо построить функцию цели для абсолютного показателя торговой наценки как разницы между величиной наценки и предоставляемой скидки и систему ограничений – параметров моделей ценообразования, описанных выше. Такой подход решит сразу несколько задач управления в CRM-

системе. Например, при установлении функции цели как максимума будет определен оптимальный путь формирования окончательной отпускной цены из множества заданных вариантов. В случае если в качестве функции цели задавать, например, рентабельность продаж, можно будет определить параметры различных моделей ценообразования, приводящих к одному и тому же результату, но вызывающих различный интерес клиентов, и т.д.

Таким образом, применение CRM-системы дает возможность на основе идентификации и дифференциации клиентов предлагать им персонализированный продукт, исходя из индивидуального набора потребностей каждого клиента и возможностей для их удовлетворения. Предложенное авторами параметрическое моделирование наценок и скидок позволит на базе формирования актуальной информационной базы настроек ценообразования при работе с конкретным клиентом назначать оптимальную цену, способствующую достижению целей фирмы.

Список литературы

1. Салмин П.С., Салмина Н.А. Концепция межпроизводственного баланса для оптимизации структуры затрат промышленных предприятий // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций: Материалы Международной научно-практической конференции ученых, специалистов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов НГТУ им. Р.Е. Алексеева. 2018. С. 239–242.
2. Гринберг П. CRM со скоростью света: привлечение и удержание клиентов в реальном времени через Интернет: Пер. с англ. СПб.: Символ Плюс, 2006. 528 с.
3. Эдриан П. Руководство по CRM. Путь к совершенствованию менеджмента клиентов: Пер. с англ. Минск: Гревцов Паблицер, 2007. 384 с.
4. Мешечкина Р.П., Шиленко С.И. Использование информационно-коммуникационных возможностей CRM-систем сетевого ритейла как инновационного инструмента формирования программ лояльности // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. № 1 (57). С. 16–24.
5. Омельченко Т.В., Омельченко П.Н., Морозов А.А. Моделирование CRM-системы поддержки формирования программ лояльности // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2019. № 1 (119). С. 25.
6. Информационная система 1С: ИТС [Электронный ресурс]. URL: <https://its.1c.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).
7. Кипрушина Ж.А. Анализ референтных групп потребителей с помощью инструментов CRM-систем // Научный электронный журнал «Меридиан». 2019. № 12 (30). С. 81–83.
8. Голубева М.А. Развитие концепции маркетинга взаимоотношений в условиях цифровой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5–1 (119). С. 118–123.
9. Нифонтов В.В. Система управления взаимоотношениями с клиентами Oracle Siebel CRM и ее возможности // Научный альманах. 2019. № 4–2 (54). С. 58–60.
10. Ламбен Ж.Ж., Чумпитас Р., Шулинг И. Менеджмент, ориентированный на рынок / Пер. с англ. И.И. Малкова. 2-е изд. СПб.: Питер, 2018. 927 с.
11. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг-менеджмент. СПб.: Питер, 2018. – 848 с.
12. Вайсман В.Б., Ясырева А.А. Маркетинговые коммуникации для малого бизнеса // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 275–284.
13. Музыкант В.Л. Интегрированные маркетинговые коммуникации: Учебное пособие. М.: ИЦ РИОР: НИЦ Инфра-М, 2019. 216 с.
14. Маркетинговые коммуникации: Учебник / под ред. И.Н. Красюк. М.: Инфра-М, 2018. 272 с.
15. Горина Г.А. Ценообразование: Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2017. 127 с.
16. Рольбина Е.С., Новикова Е.Н. Исследование возможностей влияния инструментов маркетинга на детерминанты спроса на потребительские товары // Казанский экономический вестник. 2019. № 3 (41). С. 40–46.

PRICE MANAGEMENT MODELS IN THE SYSTEM OF CUSTOMER RELATIONSHIP MANAGEMENT

P.S. Salmin, N.A. Salmina, A.V. Kulikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article provides an analysis and proposes some approaches and methods to pricing in modern CRM systems for effective customer relationship management. To solve the relevant problems of designing and automating customer relationship management processes, the authors identify control units for a customer relationship system, give a detailed description of these units, justify the need for designing pricing models and considering their management features, and also determine the role of customer behavior psychology in CRM systems as correlations between customer motivation patterns and sales metrics. The authors give a detailed description of selling price formation models in CRM systems, classify pricing models, and conduct an empirical analysis of sales price setting mechanisms and discount methods. The article classifies discount assignment models and their relationship with margin formulas, defines the rules for joint application of discounts for customers, and provides some examples of applied CRM automation solutions. The considered approaches to pricing require careful formalization to form a three-dimensional model of managing margins and discounts in the customer relationship management system. Based on the analysis, it is concluded that it is necessary to develop an economic-mathematical model

of pricing. The problem of the final margin optimization is described, including the goal and constraint function, as well as options for its application.

Keywords: CRM system, selling price, markup, price groups, types of prices, discount, loyalty program, gift certificate, optimization model of pricing management.

УДК 331.101.3

РЕЖИМ ТРУДА КАК МОТИВАТОР ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОЧИХ НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

© 2020 г.

О.В. Трофимов, С.А. Золотов, А.С. Ежов

Трофимов Олег Владимирович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovt@iee.unn.ru

Золотов Сергей Александрович, аспирант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
szolotov96@gmail.com

Ежов Алексей Сергеевич, аспирант Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва
ayezhov@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 30.06.2020**Статья принята к публикации 31.07.2020*

Рассматривается режим труда как мотиватор трудовой деятельности рабочих на примере одного из нижегородских предприятий пищевой промышленности. Для выявления значимости этого мотиватора проведен стандартизированный опрос, в котором приняли участие большинство работников предприятия. По его результатам установлено преобладание позитивных оценок используемых графиков работы (преобладает график «3 рабочих дня через 3 выходных») при том, что у респондентов-работниц такое преобладание над негативными оценками составляет всего 7 п.п. При предпосылке сохранения общего количества отработанных часов (более 10 часов в смену) и преобладающей заработной платы в диапазоне от 22 до 27 тысяч рублей в месяц, большинство работников хотели бы изменить график работы. Отмечено, что существующая продолжительность рабочей смены (более 10 часов) воспринимается большинством опрошенных как нормальная. Обосновано, что такая оценка определяется зависимостью общего размера заработка от количества отработанных часов. При отсутствии подобной зависимости большинство работников хотели бы работать в течение смены, по крайней мере на 25% меньше времени в диапазоне от 7 до 8 часов в день. Обосновано, что проблемы с режимом труда негативно отражаются на восприятии других параметров удовлетворенности трудом, в первую очередь в области оценки работниками условий труда. Результаты проведенного исследования сопоставлены с выводами и обобщениями, сделанными зарубежными исследователями.

Ключевые слова: мотивирование работников, режим рабочего времени, пищевая промышленность.

Введение

Происходящее развитие цифровых экосистем требует новых решений в экономике, в том числе в области мотивирования работников [1]. При формировании системы мотивирования сотрудников традиционно особое внимание уделялось варьированию размерами заработной платы. Хотя этот мотиватор по-прежнему остается значимым, в условиях современной экономики повышается роль мотивирования работников оптимальным режимом рабочего времени.

Мотивирование, на наш взгляд, можно понимать как принятие управленческих мер по обеспечению наиболее эффективного использования кадрового потенциала с учетом потребностей самих работников и экономической целесообразности. Мотивирование эффективно, если оно адекватно мотивам как внутренним побудителям трудовой деятельности работников.

Мотивирование трудовой деятельности изменением режима труда можно, по нашему

мнению, обосновать, опираясь на ряд теоретических моделей, прежде всего – предложенную А. Маслоу [2]. Потребность в безопасности, представленная в этой модели, безусловно, распространяется и на безопасность в сфере труда. Продолжительность рабочего времени непосредственно влияет на эту безопасность. Так, например, чем меньше продолжительность рабочего времени, тем меньше работник подвергается воздействию неблагоприятных факторов рабочей среды, тем ниже риск получить производственную травму из-за потери концентрации вследствие утомления.

Мотивирование режимом рабочего времени подразумевает разработку мер для решения комплекса задач, в том числе обеспечения удобного графика рабочего времени и комфортной продолжительности рабочего дня.

В современной экономике по-прежнему велика роль рабочих профессий, особенно в сфере производственной деятельности [3]. Это делает актуальным анализ мотивирования труда рабочих.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе анализа данных исследования, проведенного авторами, выявить значимость режима труда как мотиватора эффективной трудовой деятельности.

Методология и объект исследования

В рамках предпринятого исследования в марте 2020 года был проведен стандартизированный опрос в форме анкетирования, направленный на оценивание роли режима труда в системе мотивирования рабочих. Респондентами стали рабочие предприятия пищевой промышленности в Нижегородском регионе. Анкетирование проводилось с санкции руководства организации и носило добровольный характер. Участниками анкетирования стали 101 рабочий (85% от общего числа рабочих предприятия).

Среди опрошенных рабочих преобладали женщины, имеющие детей. Основная часть респондентов – работники со средним профессиональным образованием. Средний возраст респондентов составил 36 лет, причем стандартное отклонение было значительным – 15 лет. При таких условиях целесообразен анализ влияния режима рабочего времени как мотиватора к труду в зависимости от гендерного признака, тогда как учет возрастного параметра недостаточно обоснован.

Режимы рабочего времени на предприятии на момент проведения исследования были следующими: график рабочего времени «3 через 3», подразумевающий три рабочих дня подряд и три выходных дня; график, при котором рабочие трудятся четыре дня подряд и имеют два выходных. Типичная продолжительность труда на предприятии колеблется от 11 до 11,5 часов фактически отработанного времени в смену.

Зарботная плата на предприятии состоит из двух частей: окладной и премиальной. Окладная часть заработной платы определяется путем умножения количества часов, отработанных в неделю, на «стоимость» часа. Соответственно, чем больше часов отработано, тем выше окладная часть заработной платы.

На предприятии преобладает коллективное материальное поощрение. Премируется весь коллектив за выполнение следующих показателей: процент от реализации плана (100% выполнения) и чистота анализов. Премии выплачиваются в размере 20–25% от заработной платы. Перевыполнение плана не премируется, так как объем выпуска ограничивается размерами хранилищ.

На предприятиях пищевой промышленности периодически осуществляются проверки уровня

чистоты на производстве, если число бактерий на рабочих поверхностях в любом из цехов превышает допустимый уровень, то на предприятие налагается значительный штраф. Работники в этом случае лишаются премиальной части заработной платы. Соответственно, рабочие пищевой промышленности помимо реализации производственного задания обязаны поддерживать чистоту на рабочем месте в течение всей смены и навести порядок к заступлению следующей. Это зафиксировано в утвержденных менеджерами профессиональных компетенциях работников.

Каждый месяц определяется победитель в номинации «работник месяца», который награждается билетом в театр или на концерт за счет предприятия. Лучшие рабочие имеют право на дополнительный отпуск, оплачиваемый за счет предприятия.

Значимой мерой является мотивирование повышением профессиональной категории. У рабочих имеется возможность для профессионального обучения в свободное от работы время, по итогам которого проводится экзамен. Успешно сдавшие экзамен повышают свою профессиональную категорию, что означает прирост заработной платы на 15–20% в месяц.

Начиная со второй половины 2019 года на исследуемом предприятии стали использовать мотивирование удобным графиком рабочего времени. Рабочим с самыми высокими показателями эффективности труда устанавливают график рабочего времени в соответствии с их пожеланиями. В большинстве случаев выбирается режим работы 5 дней в неделю по 8 часов. На момент проведения исследования в таком режиме трудились 6% респондентов.

Результаты исследования

В рамках исследования респонденты, прежде всего, ответили на вопрос: «Насколько Вас устраивает Ваш график рабочего времени?» При этом целесообразно сопоставить варианты ответов у мужчин и женщин, поскольку гендерное распределение ролей предполагает ориентацию мужчин на максимизацию заработка, а женщин – на сочетание оплачиваемой работы с выполнением домашних обязанностей.

Как следует из приведенных данных, 46% респондентов в той или иной степени удовлетворены существующим графиком, тогда как 38% – не удовлетворены. Разница в 8 п.п. не столь значительна, чтобы не замечать наличие проблемы в обеспечении соответствия графика работы запросам рабочих.

Таблица 1

Распределение ответов об удовлетворенности графиком рабочего времени, %

Варианты ответа	Все респонденты	Мужчины	Женщины
Совершенно не устраивает	13	6	5
В целом не очень устраивает	25	6	23
Трудно сказать определенно	16	39	37
В целом устраивает	29	38	23
Полностью устраивает	17	11	12

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы изменить график работы при неизменном количестве часов в итоге и прежней заработной плате», %

Вариант ответа	Все респонденты	Мужчины	Женщины
Да	31	29	31
Скорее да, чем нет	21	21	22
Скорее нет, чем да	17	7	19
Нет	25	43	21
Нет ответили	6	0	7

Таблица 3

Распределение ответов о предпочтительном графике работы, %

Варианты ответа	Все респонденты	Мужчины	Женщины
Два через два по 12 часов	41	59	36
Пятидневка по 8 часов	18	12	19
Другой график	40	23	45
Затруднились с ответом	1	6	0

Существенно различаются оценки этой характеристики режима труда на предприятии в зависимости от пола респондентов. Если у мужчин преобладание позитивной оценки составляет 37 п.п., то у женщин – лишь 7 п.п. Следовательно, неудобный график работы – это проблема преимущественно для работниц. Очевидно, что доминирующие на предприятии графики «три рабочих дня через три выходных» или «четыре рабочих дня через два выходных» не позволяют работницам в должной мере выполнять свои домашние обязанности.

О существовании проблемы оптимизации графика работы свидетельствуют и данные таблицы 2.

Итак, абсолютное большинство респондентов хотели бы изменить существующий график работы – показатель, превышающий долю высказавших неудовлетворенность таким параметром труда. Желание иметь иной график работы особенно характерно для работниц. Следовательно, значительная часть тех, кого существующий график устраивает, не исключает возможность более благоприятного режима труда.

Что касается представления работников о том, каким должен быть предпочтительный график труда при одинаковом уровне зарплаты, то оно отражено в данных таблицы 3.

Из представленных данных следует, что большинство работников указали в качестве предпочтительного те виды графика, которые на настоящий момент не являются на предприятии преобладающими. На наш взгляд, график

«2 дня работы через 2 выходных дня» едва ли полностью свободен от недостатков графика «3 через 3», его выбор это, скорее всего, – отражение неудовлетворенности существующим положением дел и желание заменить его чем-то другим. Заметна, особенно у женщин, доля выбора в пользу того, что принято считать стандартной рабочей неделей, то есть пятидневки при 8-часовом рабочем дне. Такой график работы дает возможность женщинам проводить вместе с детьми воскресный день, свободный от занятий в школе.

Необходимо учесть, что в коллективе бытует представление о том, что работающие 40 часов в неделю вносят меньший вклад в выполнение цехового плана (на наш взгляд, для такого представления нет достаточных оснований). Невыполнение плана ведет к невыплате премиальной части заработной платы сразу нескольким бригадам. Возможно, это стало причиной более активного выбора в качестве предпочтительного графика «2 дня работы через 2 выходных дня» и ответа «другой график».

Наряду с графиком работы еще одной характеристикой режима труда является продолжительность рабочей смены. При фиксированном количестве часов, отрабатываемых в рамках учетного периода (их значение определяется исходя из норм Трудового кодекса РФ), величина смены зависит от сочетания количества рабочих и выходных дней в рамках этого пери-

Таблица 4

Распределение ответов об удовлетворенности продолжительностью рабочего времени, %

Варианты ответов	Все респонденты	Мужчины	Женщины
Должна быть значительно короче	0	0	0
Хотелось бы немного покороче	19	14	20
Нормальная продолжительность	75	78	74
Могли бы работать и подольше	0	0	0
Могли бы работать значительно дольше	0	0	0
Затруднились с ответом	6	8	6

Таблица 5

**Распределение ответов
о предпочтительной продолжительности рабочего дня, %**

Варианты ответа	Все респонденты	Мужчины	Женщины
Менее 5 часов	2	7	1
5–6 часов	3	0	3
6–7 часов	4	0	4
7–8 часов	63	50	66
Более 8 часов	28	43	26

ода. Очевидно, что при графике «3 через 3» число выходных дней в рамках месяца будет выше, чем при графике «4 через 2». Соответственно, продолжительность смены окажется в первом случае выше, чем во втором. Возможность подобного варьирования связана с тем, что в Трудовом кодексе указывается нормальная продолжительность рабочей недели, которая не может превышать 40 часов в неделю. Продолжительность ежедневной работы (смены) регламентируется только для некоторых категорий работников (подростков, учащихся, инвалидов, для работников, занятых на работах с вредными и опасными условиями труда). Поэтому продолжительность рабочей смены производна от реализуемого графика работы.

Респондентам был задан вопрос «Как Вы оцениваете продолжительность Вашего рабочего дня?». Распределение ответов на него приведено в таблице 4.

Итак, большинство опрошенных воспринимает продолжительность рабочей смены как нормальную. Учитывая, что фактически отрабатываемое время за смену составляет около 11 часов, может показаться, что для респондентов типичен «трудоголизм», когда долгие часы работы – на уровне характерных для конца XIX-го века – воспринимаются XXI-м веком как нормальные. Симптоматично, правда, что никто из опрошенных не хотел бы работать более продолжительное время, то есть «норма» воспринимается скорее как «максимум» допустимого. При этом заметна доля работниц, желающих иметь менее продолжительное время рабочего дня.

Очевидно, что полученные оценки продолжительности рабочей смены обусловлены в значительной мере тем, что при существующем графике работы продолжительная смена компенсируется дополнительными выходными. Работники не надеются на уменьшение рабоче-

го времени при сохранении прежнего количества выходных.

Кроме того, уровень заработка на предприятии напрямую зависит от суммы отработанных часов. Сокращение рабочей смены в рамках заданного графика труда воспринимается как угроза потери части заработка, что подтверждается ответами респондентов на вопрос: «Готовы ли Вы работать меньше часов в смену при пропорциональном сокращении заработной платы?». Такую готовность продемонстрировали лишь 7% ответивших (14% мужчин и 6% женщин). Следовательно, уменьшение времени труда ценой сокращения заработка неприемлемо для абсолютного большинства рабочих.

Увеличение же рабочей смены воспринимается как путь повышения общего заработка. Показательно, что 23% респондентов (28% мужчин и 22% женщин) готовы работать больше в целях пропорционального увеличения заработка.

Из этого следует, что мотив, связанный с выбором предпочтительной продолжительности рабочего времени, подчинен расчету на вознаграждение.

Если при оценке желаемой величины рабочей смены устранить влияние фактора заработной платы, то ситуация существенно меняется, о чем свидетельствуют данные таблицы 5, содержащие распределение ответов на вопрос «Сколько часов в смену Вы хотели бы работать, если бы Ваша заработная плата не зависела от количества отработанного Вами времени?»

Как видно из таблицы, абсолютное большинство рабочих предпочли бы работать не более 8 часов в день, причем 8% хотели бы трудиться меньше 7 часов, то есть в рамках менее продолжительного рабочего дня, чем принято считать нормальным для 40-часовой рабочей недели, предусмотренной Трудовым кодексом

Таблица 6

Распределение ответов об актуальных для работников проблемах, связанных с их работой, %

Варианты ответа	Все респонденты	Мужчины	Женщины
Неудобный график работы	48	35	50
Работа в праздничные дни	59	57	62
Работа в выходные дни	34	29	36
Тяжелый физический труд	53	50	55
Сложные температурные условия	41	45	40
Недостаточный уровень заработной платы	67	71	69
Долгая дорога до работы и обратно	36	29	42
Недостаточно времени проводить с семьей из-за работы	66	64	69
Не хватает времени на досуг из-за длительной продолжительности смены	41	35	43

РФ. Принимая во внимание существующую продолжительность рабочей смены – около 11 часов, речь идет о ее сокращении как минимум на четверть. Даже готовность трудиться более 8 часов не исключает желательности сокращения рабочего дня по сравнению с его нынешней величиной.

Согласно приведенным данным, сокращение рабочего времени более значимо для женщин, чем для мужчин. Это, несомненно, отражает различие гендерных ролей в выполнении домашних обязанностей, когда их основная часть приходится на долю женщин.

Следовательно, при освобождении от угрозы в потере заработка при его существующем размере работники готовы были значительно сократить время своего труда. Налицо существенное расхождение между желаемой продолжительностью труда и его фактической величиной, что означает действие фактора – демотиватора трудовой отдачи работников. То, что его негативный эффект не проявляется в полной мере, объясняется преобладанием расчета на заработок, который реализуется при труде в рамках смены установленной работодателем величины. И тогда рабочее время, чрезмерно продолжительное с точки зрения труда по потребности, воспринимается работниками как нормальное по критерию соответствия уровню заработка, на который они рассчитывают.

Сложившаяся ситуация с неудобными графиками рабочего времени, с его чрезмерной продолжительностью оказывает более значительное влияние на мотивацию работников, чем представляется. Дело в том, что режим труда существенно влияет на оценку других параметров, влияющих на удовлетворенность работой. Для рассмотрения этого аспекта проблемы целесообразно проанализировать ответы на вопрос «Насколько актуальны следующие проблемы, возникающие в процессе Вашей работы?», распределение которых приведено в таблице 6 (при этом респонденты могли указать в качестве актуальных больше чем одну проблему).

В перечне актуальных проблем на первом месте – недостаточный уровень заработной платы. При зависимости заработной платы от количества отработанного времени уменьшение

рабочего дня обострило бы самую насущную проблему, поэтому неудивительно преобладающее восприятие 11-часовых смен в качестве нормальных.

Вместе с тем выявляется значительная неудовлетворенность респондентов существующим режимом рабочего времени. Весьма негативно оценивается, особенно женщинами, работа в праздничные дни, хотя для рабочих пищевой промышленности это трудноустраимый фактор. Для опрошенных работниц столь же актуальна, как и проблема невысокой заработной платы, нехватка времени для общения с семьей из-за работы. С точки зрения женщин при существующей продолжительности рабочего времени баланс «работа – семья» оказывается нарушенным. Очень значима данная проблема и для мужчин. Она не может не оказывать негативного влияния на трудовую мотивацию работников.

Обращает на себя внимание актуальность проблемы тяжелого физического труда, в первую очередь для работниц. Известно, что общая трудовая нагрузка находится в прямой зависимости от отработанного времени. Следовательно, продолжительное рабочее время способствует формированию негативной оценки тяжести труда. Это справедливо и по отношению к восприятию сложных температурных условий.

При более высокой загруженности женщин домашними делами не удивительно, что они более требовательны при оценке затрат времени на дорогу до работы и обратно.

Обращает на себя внимание, что за исключением двух проблем – недостаточного уровня заработной платы и сложных температурных условий – актуальность всех остальных проблем, так или иначе связанных с режимом рабочего времени, оценивается выше женщинами, чем мужчинами. Гайд-интервью с менеджерами предприятия выявило, что труд рабочих-мужчин ценится в пищевой промышленности выше женского. Мужчины могут на постоянной основе поднимать тяжести, выдерживают работу при высоком уровне шума и в сложных температурных условиях. Их занятость более стабильна, в отличие от женщин, которые могут уйти в отпуск в связи с рождением ребенка.

Уровень заработной платы рабочих, как правило, несколько выше, чем у работниц. Мужчины, там, где требуется тяжелый физический труд, более производительны, чем женщины. В связи с этим руководство идет навстречу пожеланиям рабочих-мужчин при определении режима рабочего времени, хотя это и не дает полного решения проблемы.

Таким образом, на исследуемом предприятии имеется проблема, связанная с негативным (демотивирующим) влиянием на работников существующего режима рабочего времени.

Обсуждение

При развитии теории и практики мотивирования эффективного трудового поведения большое значение имеет использование опыта экономически развитых стран. В этих странах наблюдается устойчивая тенденция к сокращению продолжительности рабочего времени при повышении уровня реальной заработной платы. Так, с 1900 года по 2000 год время, отработанное за неделю среднестатистическим работником в обрабатывающих производствах США, сократилось на 17 часов (с 58,5 часа до 41,4 часа), а реальная зарплата выросла более чем в 14 раз [4]. В результате долгосрочной тенденции к сокращению рабочего дня, в Финляндии, например, в 2014 году 72% работников работали 35–40 часов в неделю, 18% – менее 35 часов при том, что уровень реальной зарплаты в Финляндии достаточно высок по европейским меркам [5].

Сокращение рабочего дня и использование графиков рабочего времени с учетом пожеланий сотрудников способствовало проявлению ряда эффектов, позитивно влияющих на трудовую мотивацию.

Так, в США в 2004–2008 годах уровень травматизма (число травм в расчете на 100 работников за год) составлял 2,03 при рабочей неделе менее 20 часов; 3,01 – при 20–30 отработанных часах в неделю; 2,45 – при работе в течение 31–40 часов, 3,45 – при недельной трудовой нагрузке в 40–50 часов, 3,71 – при продолжительности рабочей недели 50–60 часов и 4,34 – при рабочей неделе, превышающей 60 часов [6]. Тем самым сокращение рабочего времени удовлетворяло базовую потребность работников в безопасности в сфере труда.

Установлено также, что сокращение рабочего времени ведет к снижению уровня стресса рабочих, возрастанию уровня ментального здоровья граждан и, как следствие, к повышению производительности труда [7].

На исследуемом нами предприятии при графике работы «4 через 2» фактически отработан-

ное время превышает 50 часов в неделю. Это свидетельствует о том, что продолжительность рабочего времени на предприятии не соответствует передовой практике в области мотивирования персонала.

Когда 69% опрошенных работниц отмечают нехватку времени на общение с семьей, то, несомненно, это говорит о высоком уровне стресса в результате продолжительной трудовой деятельности.

На предприятии имеется возможность для производственного обучения, но происходит оно или под конец рабочего дня, или за его рамками. При рабочей смене свыше 10 часов эффективность повышения квалификации, безусловно, снижается. Больше того, оно вступает в противоречие с потребностью в общении с семьей.

Если в ФРГ высока доля работников, желающих сократить рабочее время даже при условии пропорционального уменьшения заработной платы [8], то на рассматриваемом предприятии эта доля крайне незначительна. Такое различие обусловлено, прежде всего, разрывом в величине средней заработной платы в ФРГ, с одной стороны, и в России, с другой (зарплата на предприятии – не выше среднероссийского уровня).

Готовность трудиться продолжительное время – обычный мотив трудового поведения работников при невысоком уровне заработной платы [9, 10]. Не удивительно, что в условиях роста безработицы увеличивается желаемая продолжительность рабочего времени, о чем свидетельствуют данные международных исследований, проводившихся с 1989 года по 2005 год в 40 странах в рамках реализации The International Social Survey Program (ISSP) [11]. Поэтому оценки продолжительности рабочего времени респондентами в рамках нашего исследования вполне объяснимы.

При той предпосылке, что сокращение рабочего времени не влияет на уровень заработка, предпочтения опрошенных российских работников и их зарубежных коллег сближаются. Исследования, проведенные в Евросоюзе, выявили, что максимальная удовлетворенность от труда у женщин достигается при работе 25–30 часов в неделю, для мужчин же комфортная продолжительность рабочей недели находится в диапазоне от 35 до 40 часов в неделю [11]. Желательная продолжительность рабочего времени для большинства респондентов в рамках нашего исследования не превышает 40 часов.

Как уже отмечалось, проблема затрат времени на дорогу на работу и с работы более значима для работающих на предприятии женщин, чем для мужчин. Подобная ситуация сохраняется и в европейских странах. Так, в Норвегии женщины при выборе места работы вынуждены

в значительно большей степени, чем мужчины, учитывать затраты времени на поездку на работу и с работы [12].

Из сказанного следует, что проблемы мотивирования режимом рабочего времени на исследуемом предприятии носят типичный характер, а перспектива их решения, как свидетельствует опыт экономически развитых стран, связана с сокращением рабочего времени.

Заключение

Результаты проделанного исследования подтвердили его гипотезу. Мотивирование режимом рабочего времени значимо для рабочих исследуемого предприятия, хотя и подчинено расчету на вознаграждения за труд.

Исследование выявило, что значительный процент рабочих предприятия не удовлетворены графиком работы. В связи с этим в целях повышения мотивирования режимом рабочего времени целесообразно перейти с графиков рабочего времени «3 через 3» и «4 через 2» на более комфортный для рабочих график. Как вариант, это может быть пятидневная рабочая неделя с продолжительностью рабочего дня 7–8 часов в день.

Хотя основная часть работников воспринимает существующую продолжительность рабочего дня как нормальную, но такая оценка диктуется боязнью уменьшения заработка при сокращении рабочей смены. Для современной экономики характерен куда более короткий рабочий день, чем 11-часовой. Эта прогрессивная практика находит свое отражение в предпочтениях работников предприятия, когда ставится вопрос о сокращении рабочего дня без уменьшения уровня заработка.

Специфическим фактором, связанным с режимом рабочего времени в пищевой промышленности, является работа в праздничные дни. В целях повышения удовлетворенности трудом целесообразно минимизировать продолжительность смен, выпадающих на праздничные дни. Рабочие в этом случае получают возможность проводить половину праздничного дня дома.

Изучение режимов труда как мотиваторов эффективной трудовой деятельности на предприятиях пищевой промышленности, безусловно, целесообразно продолжить, в том числе расширив круг исследуемых предприятий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-90056.

Список литературы

1. Трофимов О.В., Захаров В.Я., Фролов В.Г. Экосистемы как способ организации взаимодействия предприятий производственной сферы и сферы услуг в условиях цифровизации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 43–55.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. 352 с. (Серия «Мастера психологии»).
3. Золотов А.В. О роли рабочего класса в современной экономике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. 2004. № 2. С. 451–456.
4. Floud R., Fogel R.W., Harris B., Sok Chul Hong. The Changing Body: Health, Nutrition, and Human Development in the Western World since 1700. NBER. Cambridge University Press, 2011. 431 p.
5. Coote A. A 30-hours working week. Do we need it? Is it possible? // New economics Foundation. Helsinki. 2014. URL: <https://sorsaoundation.fi/wp-content/uploads/sites/807/2014/09/Anna-Coote-Why-we-need-a-shorter-working-week.pdf>
6. Lombardi D.F., Folkard S., Joanna L., Willetts J.L., Smith G.S. Daily Sleep, Weekly Working Hours, and Risk of Work-Related Injury: US National Health Interview Survey (2004–2008) // Chronobiology International. 2010. Vol. 27 (5). P. 1013–1030.
7. Skidelsky R. How to achieve shorter working hours. London: PEF. 2019. URL: https://progressiveeconomyforum.com/wp-content/uploads/2019/08/PEF_Skidelsky_How_to_achieve_shorter_working_hours.pdf
8. Bell A., Bell R., Freeman R. The Incentive for Working Hard: Explaining Hours Worked Differences in the U.S. and Germany // Labor Economics. 8 (2). 2001. P. 181–202. URL: <https://faculty.smu.edu/millimet/classes/eco7321/papers/bell%20freeman.pdf>
9. Greene W. Econometric Analysis. 5th ed. Upper Saddle River: Prentice Hall, 2003.
10. Sousa-Poza A., Henneberger F. An Empirical Analysis of Working-hours Constraints in Twenty-one Countries // Review of Social Economy. 2002. 60 (2). P. 209–242. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/58594/1/690165897.pdf>
11. Otterbach S. Mismatches between actual and preferred work time: empirical evidence of hours constraints in 21 countries. FZID Discussion Paper, No. 07-2009, Universität Hohenheim, Forschungszentrum Innovation und Dienstleistung (FZID), Stuttgart, 2009. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/28618/1/611384507.pdf>
12. Hjorthol R., Vegane L. Allocation of tasks, arrangement of working hours and commuting in different Norwegian households // Journal of Transport Geography. 2014. Vol. 35. P. 75–83.

WORKING SCHEDULE AS A LABOR ACTIVITY MOTIVATOR FOR FOOD INDUSTRY WORKERS

O.V. Trofimov,¹ S.A. Zolotov,¹ A.S. Ezhov²

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod²Plekhanov Russian University of Economics

The article considers the working schedule as a motivator of workers' labor activity on the example of one Nizhny Novgorod food industry enterprise. A standardized survey of employees was conducted aiming to identify the significance of this motivator. According to the results, the prevalence of positive assessments of the existing working schedules was established, while among female respondents this prevalence over negative assessments was only 7 percentage points. Most workers would like to change their working schedule, provided the total number of hours worked and the level of salary are preserved. It is noted that the current duration of the working shift (more than 10 hours) is perceived by most of the respondents as normal. It is proved that such an assessment is determined by the dependence of the total amount of earnings on the number of hours worked. In the absence of such dependence, most employees would like to have their shifts at least 25% shorter than the current duration, in the range between 7 and 8 hours per day. It has been substantiated that problems with the working schedule have a negative impact on the perception of other parameters of job satisfaction, primarily in the area of employee assessment of working conditions. The results of the survey were compared with the findings and generalizations made by foreign researchers.

Keywords: motivation of workers, working schedule, food industry.

УДК 338.58

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

© 2020 г.

Ю.П. Шальнова

Шальнова Юлия Павловна, ведущий специалист ПАО «Сбербанк», Нижний Новгород
julia.shalnova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 21.01.2020

Статья принята к публикации 21.07.2020

Цель исследования – определение экономических сущности и особенностей одного из современных информационно-технологических феноменов – больших данных (Big Data). Большие данные рассматриваются как информация, обладающая набором объективных и субъективных характеристик, которые придают ей новые экономически значимые свойства. Эти свойства определяют формирование у экономических агентов в современных условиях специфических потребностей доступа к скрытой в больших данных информации. В исследовании использованы методы описания, интерпретации, абстрагирования, обобщения, сравнения, анализа. На основе анализа объективных и субъективных свойств больших данных показано: большие данные могут рассматриваться как экономический объект, обладающий всеми необходимыми признаками такового. Выявлены экономически значимые особенности больших данных, в том числе информационная асимметрия, наличие скрытой информации и др. Сформулированы задачи исследования больших данных. Понимание экономической природы и свойств больших данных создает исходные позиции для их дальнейших исследований, в том числе поиска направлений повышения эффективности работы с большими данными.

Ключевые слова: большие данные, информационная потребность, асимметрия информации, экономическая сущность, экономический объект.

Введение

Ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере – одна из целей национального развития Российской Федерации на период до 2024 года [1]. Для ее достижения принята Национальная программа «Цифровая экономика», паспорт которой включает шесть федеральных проектов.

В частности, федеральный проект «Цифровые технологии» ставит задачу создания девяти инновационных «сквозных» цифровых технологий, в том числе *технологии больших данных*. Каждая из «сквозных» технологий является сложнейшей областью инженерии и научных исследований в различных сферах: технической, правовой, экономической и др.

В названных и производных документах постулируются серьезные социальные и макроэкономические эффекты. Цифровизация меняет «структуру, количественные и качественные параметры как трансформационных, так и транзакционных процессов, организационные формы и модели бизнеса, способы, приемы труда, создает предпосылки для изменения функционала бизнес-процессов» [2].

При этом не требует специальных обоснований утверждение, что предполагаемые эффекты от внедрения новых информационных технологий невозможны без получения соответствующих микроэкономических результатов. Однако

достижение последних не является тривиальной задачей.

Поэтому представляются весьма актуальными исследования по широкому кругу экономических проблем, сопряженных с внедрением цифровых технологий. В данной работе в качестве предмета исследования рассматривается экономическая сущность больших данных (информации) как компонента одноименной технологии.

Понятие и основные характеристики больших данных

Составной термин *большие данные* представляется не вполне удачным, поскольку имеет признаки как фразеологизма, так и полисемии.

Прилагательное *большие* в явном виде указывает на *объем (Volume)* данных и относится, согласно [3], к наборам данных, размер которых превосходит возможности типичных баз данных по занесению, хранению, управлению и анализу информации. В многочисленных источниках приводятся конкретные (и различные!) числовые значения, превышение которых позволяет рассматривать данные как большие. В данном контексте эти значения не являются принципиальными.

Термин *данные* имеет столь широкую трактовку и большое количество определений, что вызывает серьезные затруднения в выборе варианта для конкретного использования. В

настоящей работе мы не будем исследовать эти формулировки, но в качестве примера приведем пять¹ (!) ИТ-ГОСТов, содержащих определение данного понятия.

На одном из интернет-ресурсов с использованием онлайн-анализатора проведен лингвистический анализ указанных ГОСТов и предложено интегрирующее определение: *данные* – «информация (7), представленная (5) в формализованном (3) виде (4), пригодном (5) для обработки (5), интерпретации (3) и передачи (3) автоматическими (4) средствами (6) с возможным участием (6) человека (3)» [4]. В скобках приведено количество используемых в ГОСТах словоформ.

В этих определениях важным для настоящего исследования является указание на формализованный вид информации. При «формализации изучаемым объектам, их свойствам и отношениям ставятся в соответствие некоторые устойчивые, хорошо обозримые и отождествимые материальные конструкции, дающие возможность выявить и зафиксировать существенные стороны объектов» [5].

Возможность формализации информации, обрабатываемой автоматизированными информационными системами, в значительной мере зависит от вида информации (данных). В специальной литературе используется три категории данных: структурированные, полуструктурированные и неструктурированные [6].

Структурированные данные хранятся в структуре, определяющей их формат. Типичными примерами таких форматов являются реляционные системы управления базами данных, транзакционные данные, файлы данных, такие как электронные таблицы.

Неструктурированные данные не имеют внутренней структуры. К этой категории больших данных могут быть отнесены изображения, аудио-, видео- и текстовые файлы.

Слабоструктурированные данные не имеют заданного формата, но организованы по определенным правилам. К слабоструктурированным данным относятся форматированный текст, HTML и т.д.

Реальные автоматизированные информационные системы, как правило, работают со всеми рассмотренными категориями данных. В этом случае информация может быть охарактеризована термином *разнообразие* (Variety).

Еще одним из ключевых параметров больших данных является скорость их накопления и обработки, преимущественно в режиме реального времени (Velocity).

Введенные показатели стали основой для модели больших данных, иногда называемой

3V (V V V) и анонсированной в 2001 г. [7]. Вербальная интерпретация этой модели: «*большие данные* – это большой объем, высокая скорость и/или большое разнообразие информационных активов, которые требуют экономически эффективных, инновационных форм обработки информации, позволяющих улучшить понимание, принятие решений и автоматизацию процессов» [8].

Позднее компания IDC² добавила в эту модель, на наш взгляд, важнейший для экономической характеристики больших данных параметр – *ценность информации* (Value).

Компания McKinsey также отмечает, что большие данные означают высокую ценность, а не только объем (Big data means high value, not just volume). В докладе «Большие данные: следующий рубеж инноваций, конкуренции и производительности» McKinsey выделяет возможности использования больших данных:

- сбор более точной и подробной («прозрачной») информации об экономической деятельности по мере накопления цифровых транзакционных данных;
- проведение более узкой сегментации клиентов и рынка в различных разрезах, в том числе с учетом персональных пожеланий;
- проведение сложной аналитики, которая может существенно улучшить процесс принятия решений (например, увеличить скорость);
- улучшения разработки следующего поколения продуктов и услуг [3].

На больших данных удобно получать статистическую информацию. Наконец (самое важное!), большие данные могут содержать *скрытую* информацию – закономерности, взаимосвязи и тенденции (*hidden pattern*). Наличие скрытой информации в больших данных есть не что иное, как неполная осведомленность экономического агента, которая в итоге, как правило, ведет к недополучению им прибыли. Именно это обстоятельство обуславливает формирование потребности в информации, скрытой в больших данных (далее – *информационной потребности*), предназначенной для рациональной коррекции экономических ожиданий агента.

Наличие скрытой информации детерминирует экономически значимые особенности больших данных, перечисленные ниже.

1. *Техническая асимметрия* скрытой информации, которую мы определяем как специфическую форму (частный случай) информационной асимметрии.

Как известно, асимметрия информации есть неравномерное распределение между участниками рынка информации об условиях осуществления рыночной сделки и намерениях

друг друга [9]. При этом в классических моделях информационной асимметрии (К. Эрроу, М. Спенс) принципиальное значение придается волевой составляющей (намерениям) сторон экономических отношений. В случае больших данных волевая составляющая их обладателя в отношении скрытой информации отсутствует. Это меняет субъективный характер экономических отношений, но не снижает информационную неопределенность для агента.

Также в модели технической асимметрии информации, скрытой в больших данных, весьма актуальной является задача определения сигнальных признаков (по М. Спенсу). В нашем случае *сигнал* – это формальный признак, который косвенно характеризует потенциальную полезность скрытой информации для целей обработки больших данных.

2. Модель (структурно-параметрические характеристики) и ценность скрытой информации являются стохастическими, вариативными и ситуативными (определяются конкретными предметными задачами) и зависят от актуализированного набора больших данных (переменных).

3. В множестве больших данных возможно выявление скрытых ложных взаимосвязей. Однако задача их исследования не поставлена, хотя в общем виде об этом говорится в ряде источников, например, [10].

4. Информационная потребность агента определяется степенью осознания или допущения факта наличия в больших данных скрытой информации, ее характеристик и перспектив использования как экономического ресурса.

В случае полной неосведомленности агента о наличии и характеристиках скрытой информации возможна логическая инверсия, состоящая в апостериорном формировании информационной потребности, т. е. только после получения и анализа информации, а также коррекции экономических ожиданий. При этом сам факт наличия скрытой информации неочевиден и, соответственно, только априорно может быть сформулирована и гипотеза о наличии скрытой информации, причем задача выдвижения гипотезы оказывается достаточно неординарной.

Для полноты описания следует указать, что в современном представлении большие данные характеризуются также *достоверностью* (*Veracity*), *изменчивостью* (*Variability*) и другими показателями качества информации.

Качество скрытой информации может быть выявлено только в процессе использования, то есть после извлечения ее из больших данных. Совершенно очевидно, что эта особенность сама по себе порождает асимметрию информации.

Источники больших данных

Для целей настоящего исследования необходимо также указать на источники больших данных.

В общем случае большие данные могут возникать в результате экономической деятельности самого агента, его контрагентов и сторонних организаций. В некоторых видах экономической деятельности (например, маркетинге) их принято соответственно обозначать англоязычными терминами: *first party data*, *FPD* (собственные данные агента); *second party data*, *SPD* (данные контрагентов агента); *third party data*, *TPD* (данные от внешних источников).

Все три категории данных могут использоваться агентом в экономическом обороте в различных сочетаниях и на различных условиях, в том числе приобретаться бесплатно на основе контрагентских соглашений (*SPD*) или платно на информационном рынке (*TPD*). При этом уместно рассматривать большие данные как товар³, см. ниже.

Большие данные как экономический объект

Сформулируем гипотезу: большие данные – оригинальный вид экономических объектов. Для подтверждения данной гипотезы следует определить понятие экономического объекта и соотнести с ним экономические характеристики больших данных.

Термин *экономический объект* достаточно широко используется в специальной экономической литературе. Однако при разработке высказанной гипотезы автор не обнаружил серьезных (доктринальных) научных работ, дающих общее определение данному понятию.

В [12] утверждается, что в рамках экономической теории известен лишь фрагментарный подход к описанию экономических объектов. В частности, А.А. Орлюк пишет, что «введение информации в экономический оборот позволит придать ей статус самостоятельного экономического объекта» [13]. Но общая теория экономических объектов не была создана, хотя ее основы были заложены еще К. Менгером [14]. Некоторые аспекты данного вопроса рассмотрены в [15].

Опираясь на общую экономическую теорию и указанные источники, исследуем высказанную гипотезу. В качестве предмета исследования определим рыночные большие данные (*TPD*).

Будем исходить из того, что в общем случае все идеальные и реальные сущности агент рассматривает через призму экономического интереса и ранжирует их в соответствии со значением в экономической деятельности. Это озна-

чает, что множество объективных характеристик сущностей дополняется экономическими характеристиками, актуальными для конкретного агента и конкретной экономической деятельности. Таким образом, любой экономический объект – это продукт убеждений агента и объективных сущностей [12; 14; 15].

Однако еще раз подчеркнем: суждение, которое агент выносит в отношении экономического объекта, субъективно. Его истинность или ложность (например, в отношении скрытой информации) может быть установлена при соответствии суждений фактическим данным об объекте, включая внутренние свойства объекта. Некоторые внутренние свойства больших данных рассмотрены в первой части настоящей статьи. Но при этом экономические объекты не сводимы ни к суждениям, ни к какому-то внутреннему свойству.

Следствием предположения о наличии в больших данных (*TPD*) скрытой и полезной для агента информации является его желание обладать такой информацией с целью использования в экономической деятельности.

При этом исполнение ожиданий агента прежде всего зависит от внутренних свойств *TPD*. Так, если реальные значения характеристик (например, достоверность) скрытой информации не соответствуют предполагаемым, то ожидания агента окажутся ложными, в случае получения им права пользования *TPD*.

Наличие у агента информационной потребности есть отсутствие или, скорее, ограниченность (дефицит) информационного ресурса, необходимого для экономической деятельности. Это ограничение определяется уникальностью больших данных как источника скрытой информации.

Как утверждается в [15], преодоление ограничений – это характерное свойство предметной деятельности, предполагающее наличие различных ресурсов для достижения целей. И любая деятельность такого рода является экономической деятельностью, а любая сущность, оцениваемая таким образом, является экономическим объектом.

Таким образом, большие данные как экономический объект следует рассматривать в единстве материальных (объективных) и экономических (субъективных) характеристик. Это положение согласуется с набором рассматриваемых ниже характеристик экономического объекта (по К. Менгеру [14]).

Большие данные как экономическое благо

Большие данные можно рассматривать как производственный ресурс, который является экономическим благом при выполнении следующих условий:

- удовлетворяет информационную потребность агента;
- обладает свойствами, создающими причинную связь с удовлетворением информационных потребностей агента;
- существует осознание агентом этой причинной связи;
- предоставляет агенту возможность для удовлетворения информационной потребности.

Отсутствие любого из перечисленных условий не позволяет рассматривать большие данные как благо.

Ценность (Value) больших данных

Определение экономической ценности информации, в том числе и больших данных, является весьма непростой задачей. Дело в том, что общие нерешенные проблемы определения стоимости и цены, потребительской стоимости и полезности информации [16] дополняются отмеченной априорной неопределенностью модели больших данных, способных удовлетворять информационные потребности агента. Также неопределенными являются причинно-следственные связи между обладанием благом, его количеством (данных) и достижением целей агента.

В данной работе полагаем возможным рассматривать в качестве аксиомы следующее подтвержденное практикой утверждение: большие данные обладают высокой ценностью.

Большие данные как товар

В современной экономике информация приобретает форму товара, который может быть продан и приобретен для конкретного потребления, а объем доступа к этому товару зависит от оплаты. Поэтому при необходимости данные (*TPD*) могут быть приобретены агентом на информационном рынке, т. е. являются товаром в экономическом смысле и обладают присущими товару свойствами: доступность для использования, наличие цены, приемлемой для агента, и др.

Большие данные как объект обмена

Наличие информационной потребности у одного агента и возможности ее удовлетворения другим агентом объективно создает основу для осуществления экономических отношений обмена больших данных продавца на денежные средства покупателя. Мерой эквивалентности обмена выступает цена.

Таким образом, нетрудно видеть, что большие данные, полученные из *TPD*-источника, отвечают классическим представлениям об объекте, участвующем в экономических отношениях.

Данные *FPD*- и *SPD*-источников в явном виде не участвуют в экономическом обороте (об-

мене между участниками рынка) и поэтому не имеют такого атрибута, как цена, и, соответственно, не ассоциированы со средством обмена (деньгами). Однако, по нашему мнению, это не дает оснований исключать их из категории *экономических объектов*, поскольку полный набор рассмотренных экономических характеристик данных из *FPD*-источника формируется, например, при организации внутреннего хозрасчета агента. Такое же утверждение может быть высказано и в отношении данных из *SPD*-источников, которые также участвуют в обмене, только в рамках более сложных экономических отношений.

Заключение

Рассмотрение больших данных в качестве самостоятельного экономического объекта позволяет ставить и решать задачу оптимизации экономических характеристик новых информационных технологий, например минимизации затрат на создание системы управления большими данными или совокупной стоимости владения большими данными как экономическим ресурсом.

Примечания

1. ГОСТ 15971-90, ГОСТ 34.321-96, ГОСТ Р 50922-2006, ГОСТ Р 52292-2004, ИСО/МЭК 2382-1.

2. International Data Corporation (IDC) – международная исследовательская и консалтинговая компания, изучающая мировой рынок информационных технологий и телекоммуникаций.

3. Это допущение, корректное с экономической точки зрения, не соответствует юридической доктрине, в соответствии с которой информация исключена из перечня объектов гражданско-правовых отношений и не является товаром; см., например, [11].

Список литературы

1. О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года [текст]: Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018. № 204 // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 12.02.2020).

2. Карпычев В.Ю. Цифровая экономика: определите значения слов и не только // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18. № 11. С. 1992–2005.

3. Отчет McKinsey Global Institute. Big data: The next frontier for innovation, competition and productivity // Сайт McKinsey Global Institute. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation> (дата обращения: 12.02.2020).

4. Государственные стандарты (ГОСТы) в информационных технологиях (ИТ). Часть II - Унификация в стандартах. Термин «данные» // Сайт компании «Техническая документация». URL: <https://tdocs.su/21917> (дата обращения: 12.02.2020).

5. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: Туманит, ВЛАДОС, 1997. 384 с.

6. Николаев А.А. Разнообразие структур данных в современной информации // Молодой ученый. 2019. № 23. С. 21–23.

7. История больших данных (Big Data) – часть 1 // Портал «Компьютерра». URL: <https://www.computerra.ru/234239/istoriya-bolshih-dannyh-big-data-chast-1/> (дата обращения: 12.02.2020).

8. Глоссарий Gartner // Сайт компании Gartner. URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/big-data> (дата обращения: 12.02.2020).

9. Козачок И.В., Краснова С.Г. Экономическая сущность асимметрии информации и ее влияние на функционирование рынка // Сибирская финансовая школа. 2007. № 2. С. 29–35.

10. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014.

11. Карпычев В.Ю., Карпычев М.В. Информация как объект гражданских правоотношений // Актуальные проблемы частного и публичного права: Сб. науч. трудов Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2018. С. 73–76.

12. Zuniga G.L. An ontology of economic objects // American Journal of Economics and Sociology. 1999. Vol. 58. № 2. P. 299–312.

13. Орлюк А.А. Информация как объект экономического оборота // Экономика железных дорог. 2007. № 1. С. 36–41.

14. Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер / Пер. с нем.; Предисл., коммент., сост. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1992. С. 31–242.

15. Róna P., Zsolnai L. (eds.). Economic Objects and the Objects of Economics. Springer International Publishing AG. 196 p.

16. Иванов Е.Ю. Функция полезности информации и ее влияние на цену информационных продуктов // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 2. С. 105–109.

THE ECONOMIC ESSENCE OF BIG DATA***Yu.P. Shalnova***

Sberbank, Nizhny Novgorod

The article considers Big Data as information with a set of objective and subjective characteristics which lend it new economically significant properties. These properties predetermine the specific needs of various economic agents in today's conditions for accessing information hidden in Big Data.

The purpose of our research is to delineate the economic essence and features of Big Data as a modern information technology phenomenon. The methods we use include description, interpretation, abstraction, generalization, comparison, and analysis. In our study of the objective and subjective properties of Big Data, we show that Big Data can be considered as an economic object that has all the necessary features thereof. We also identify economically significant features of Big Data, including information asymmetry, presence of hidden information, etc. We conclude that understanding the economic nature and properties of Big Data creates a starting point for further research, including finding ways to improve the efficiency of working with Big Data.

Keywords: Big Data, information need, information asymmetry, economic essence, economic object.

УДК 338.28

МЕТОДИКА ВЫБОРА ЭФФЕКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ ПРИ ПРОГНОЗИРОВАНИИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА СЛОЖНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

© 2020 г.

Ф.Ф. Юрлов, С.Н. Яшин, А.Ф. Плеханова

Юрлов Феликс Фёдорович, д.т.н.; проф.; заслуженный деятель науки РФ, проф. каф. цифровой экономики
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
ffyurlov@gmail.com

Яшин Сергей Николаевич, д.э.н.; проф.; зав. каф. менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jashinsn@yandex.ru

Плеханова Анна Феликсовна, д.э.н.; проф.; проф. каф. экономической теории и эконометрики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
docplekhanova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.06.2020

Статья принята к публикации 30.07.2020

Цель работы состоит в совершенствовании методов выбора эффективного решения при оценке долгосрочной эффективности сложных технических объектов в условиях неопределённости внешней среды. Чем выше сроки эксплуатации хозяйственного объекта, тем выше неопределённость, которая проявляется при оценке его эффективности, что особенно актуально при проектировании сложных технических систем. Авторами предлагается и тестируется метод, основанный на теории «игр с природой» и методе комплексных показателей. Суть метода состоит в оценке эффективности принимаемых решений на каждый год с опорой на критерий экономической эффективности и критерий ущерба из-за упущенных возможностей. На основании этих двух показателей формируется комплексный критерий оценки за весь период эксплуатации. Исследуемый метод может быть эффективен при сравнении вариантов строительства АЭС и оценке эффективности других долгосрочных проектов. При этом от сроков эксплуатации объекта суть методики и её результативность не зависят. Предложенная методика позволяет избежать неоднозначности выбора, обусловленной наличием фактора неопределённости и нескольких альтернативных друг другу принципов оптимальности.

Ключевые слова: сложные технические системы, экономическая эффективность, неопределённость, риск, жизненный цикл, ущерб, принцип гарантированного результата.

Введение

При проектировании и создании сложных технических объектов возникает проблема выбора эффективных решений на каждом этапе жизненного цикла объекта и результирующего решения на всем жизненном цикле. Необходимость прогнозирования будущих результатов функционирования системы создаёт фактор неопределённости.

Проблема выбора эффективных решений в условиях неопределённости была подробно изучена в литературе – см. [4, 5, 6, 10, 17]. Однако рассмотренные в этих источниках методы не учитывают фактора долгосрочности, не предусматривают оценки эффективности вариантов в многолетней перспективе. Кроме того, рассмотренные в этих источниках принципы оптимальности, используемые для выбора оптимального решения, приводят к существенно разным результатам. Попытки использовать несколько принципов совместно порождают

неоднозначность выбора, которую приходится преодолевать с опорой на принципы доминирования и Парето (см. напр. [5, 7, 14]).

Между тем в настоящее время остро стоит проблема повышения экономической эффективности в атомной энергетике России. Государственные программы, разрабатываемые в данной отрасли [1, 2, 3], носят принципиально долгосрочный характер, более того, проекты, связанные с разработкой атомных электростанций, и не могут окупаться в краткосрочной перспективе ввиду очень больших финансовых затрат (не в последнюю очередь связанных с повышенными требованиями безопасности). Оценка эффективности принимаемых решений при создании атомных электростанций требует подходов, учитывающих фактор долгосрочности (разработке таких подходов отчасти уделяется внимание в [8, 9, 10, 12, 13]).

Настоящая статья посвящена решению указанной проблемы. Авторы предлагают метод, позволяющий как учесть долгосрочный харак-

тер эксплуатации объекта (речь идёт о сложных технических системах типа атомных электростанций), так и преодолеть неоднозначность выбора в условиях неопределённости с помощью метода, рассмотренного в [7], называемого методом комплексных показателей. Идея комплексных показателей в настоящей статье используется для одновременного учёта нескольких принципов оптимальности и факторов неопределенности внешней среды применительно к объектам различного назначения. В статье предлагается методика выбора эффективных решений при прогнозировании эффективности сложных технических объектов, продолжительность создания которых может составить несколько десятков лет.

1. Порядок выбора эффективных решений при прогнозировании жизненного цикла сложных технических систем

При анализе всего жизненного цикла рассматриваются следующие этапы:

1. Предпроектные маркетинговые исследования и доработка замысла.
2. Разработка технического задания.
3. Разработка эскизного проекта.
4. Разработка технического проекта.
5. Подготовка конструкторской и рабочей документации на опытный образец или партию.
6. Подготовка рабочей конструкторской и технологической документации для изготовления опытного образца (партии).
7. Изготовление и испытание опытного образца.
8. Утилизация.

Для сложных технических объектов суммарная длительность жизненного цикла изделия составляет значительные сроки. Например, для АЭС срок проектирования, строительства и утилизации составляет 60 и более лет. При этом стоимость создания АЭС достигает нескольких миллиардов долларов. Возникает проблема сокращения сроков и стоимости строительства атомных электростанций с учетом экологических факторов и безопасности АЭС.

Кратко суть предлагаемой методики можно пояснить следующим образом. Весь интервал прогнозирования эффективности сложных объектов T разбивается на ряд интервалов $T_1, T_2, \dots, T_n$. В качестве периодов прогнозирования T_i могут выступать, например, годы. Для каждого интервала T_i составляется матрица эффективности $\|K(X, Y)_t\|_i$. В данной матрице X – набор управляемых факторов (применяемых стратегий), Y – набор факторов внешней среды, которые являются неуправляемыми, $K(X, Y)_t$ – пока-

затели эффективности принимаемых решений. Располагая указанным набором матриц эффективности, осуществляют сравнительную оценку эффективности применяемых стратегий X при условии, что каждая стратегия используется на всем протяжении жизненного цикла изделия.

Например, при проектировании АЭС осуществляется сравнительный анализ технико-экономических показателей различных типов энергоблоков на всех стадиях жизненного цикла.

Основные этапы предлагаемой в настоящей работе методики следующие.

1. Определение набора факторов внешней среды, которые являются неуправляемыми при прогнозировании эффективности сложных объектов:

$$Y = \{Y_i\}, i = \overline{1, N}.$$

В качестве неуправляемых факторов Y_i могут выступать: природные условия, действия конкурентов, инфляционные процессы, рыночные условия хозяйствования и т.п. Считается, что вероятностные характеристики внешней среды неизвестны.

2. Определение набора управляемых факторов:

$$X = \{X_j\}, j = \overline{1, M}.$$

Управляемые факторы X_j могут представлять: финансовые ресурсы компании, различного рода проекты, трудовые ресурсы и т.д.

3. Выбор общего срока прогнозирования T и набора отдельных периодов $T_1, T_2, \dots, T_n$, в течение которых определяются результаты прогнозирования. В качестве общего периода T могут выступать, например, общие сроки создания атомных электростанций. Периоды T_i могут представлять этапы жизненного цикла изделия: проектирование, производство, эксплуатация, утилизация.

4. Определение показателей эффективности принимаемых решений K .

Указанные показатели могут представлять: те или иные экономические, инновационные, социальные, экологические, технические показатели.

5. Формирование зависимостей показателей эффективности K от управляемых и неуправляемых факторов, т.е. зависимостей $K(X, Y)_t$ для каждого периода T_i .

6. Формирование матриц эффективности $\|K(X, Y)_t\|_i$ для каждого из периодов жизненного цикла изделия.

7. Выбор принципа оптимальности принимаемых решений $G(X, Y)$. В качестве принципа оптимальности $G(X, Y)$ могут выступать принципы: гарантированного результата, Сэвиджа, гарантированных потерь и др.

8. Определение эффективности принимаемых решений K_{13} для первого периода жизненного цикла изделия T_1 и стратегии X_1 с использованием матрицы эффективности $\|K(X_1, Y)_{11}\|$.

9. Определение эффективности принимаемых решений K_{23} для второго этапа жизненного цикла T_2 и стратегии X_1 с использованием матрицы эффективности $\|K(X_1, Y)_{21}\|$; и т.д.

10. Определение эффективности K_{n3} при стратегии X_1 для последнего этапа жизненного цикла с номером n .

12. Определение гарантированного ущерба $Y(X_1, Y)_{r1}$ при выбранной стратегии (управляемом факторе X_1) при использовании матрицы $\|Y(X, Y)_{11}\|$, для первого шага, обусловленного выбором неоптимального решения.

13. Определение гарантированного ущерба $Y(X_1, Y)_{r2}$ при выбранной стратегии (управляемом факторе X_1) при использовании матрицы $\|Y(X, Y)_{21}\|$ для второго шага; и т.д.

14. Определение гарантированного ущерба $Y(X, Y)_{rn}$ при выбранной стратегии (управляемом факторе X_1) при использовании матрицы $\|Y(X, Y)_{n1}\|$ на последнем n -м шаге анализа.

15. Определение суммарного гарантированного полезного результата, полученного при использовании стратегии X_1 с учетом всех полезных результатов на каждом шаге анализа:

$$K(X_1, Y)_{г.рез.} = K_{13}(X_1, Y) + K_{23}(X_1, Y) + \dots + K_{n3}(X_1, Y).$$

16. Определение суммарного гарантированного ущерба, полученного при использовании стратегии X_1 с учетом всех ущербов на каждом шаге анализа:

$$Y(X_1, Y)_{г.рез.} = Y(X_1, Y)_{r1} + Y(X_1, Y)_{r2} + \dots + Y(X_1, Y)_{rn}.$$

17. Определение суммарного гарантированного полезного результата, полученного при использовании стратегии X_2 с учетом всех полезных результатов на каждом шаге анализа:

$$K(X_2, Y)_{г.рез.} = K_{13}(X_2, Y) + K_{23}(X_2, Y) + \dots + K_{n3}(X_2, Y).$$

Порядок определения показателей $K_{13}(X_2, Y)$, $K_{23}(X_2, Y)$, ..., $K_{n3}(X_2, Y)$, полученных при использовании стратегии X_2 , аналогичен порядку определения показателей $K_{13}(X_1, Y)$, $K_{23}(X_1, Y)$, ..., $K_{n3}(X_1, Y)$, полученных при применении стратегии X_1 .

18. Определение суммарного гарантированного ущерба, полученного при использовании стратегии X_2 с учетом всех ущербов на каждом шаге анализа

$$Y(X_2, Y)_{г.рез.} = Y(X_2, Y)_{r1} + Y(X_2, Y)_{r2} + \dots + Y(X_2, Y)_{rn}.$$

19. Определение суммарного гарантированного полезного результата, полученного при

использовании стратегии X_n с учетом всех полезных результатов на каждом шаге анализа:

$$K(X_n, Y)_{г.рез.} = K_{13}(X_n, Y) + K_{23}(X_n, Y) + \dots + K_{n3}(X_n, Y).$$

Порядок определения показателей $K_{13}(X_n, Y)$, $K_{23}(X_n, Y)$, ..., $K_{n3}(X_n, Y)$, полученных при использовании стратегии X_n , аналогичен порядку определения аналогичных показателей при использовании стратегий X_1 , X_2 и др.

20. Определение суммарного гарантированного ущерба, полученного при использовании стратегии X_n с учетом всех ущербов на каждом шаге анализа

$$Y(X_n, Y)_{г.рез.} = Y(X_n, Y)_{r1} + Y(X_n, Y)_{r2} + \dots + Y(X_n, Y)_{rn}.$$

20. Выбор относительного показателя эффективности сравниваемых стратегий X_1 , X_2 , ..., X_n :

$$E = Y(X_n, Y)_{г.рез.} / K(X_n, Y)_{г.рез.}$$

21. Определение эффективности применения первой стратегии X_1 :

$$E(X_1, Y) = Y(X_1, Y)_{г.рез.} / K(X_1, Y)_{г.рез.}$$

22. Определение эффективности применения второй стратегии X_2 :

$$E(X_2, Y) = Y(X_2, Y)_{г.рез.} / K(X_2, Y)_{г.рез.}; \text{ и т.д.}$$

23. Определение эффективности применения стратегии с номером X_n :

$$E(X_n, Y) = Y(X_n, Y)_{г.рез.} / K(X_n, Y)_{г.рез.}$$

24. Сравнение анализируемых стратегий и выбор эффективного решения на основе критерия:

$$E(X, Y)_{эфф.} = \min (Y(X, Y)_{г.рез.} / K(X, Y)_{г.рез.}).$$

2. Оценка эффективности стратегий в условиях полной неопределённости

Рассмотрим простой пример. Осуществляется сравнение эффективности применения трех стратегий X_1 , X_2 , X_3 в условиях действия трех факторов неопределенности Y_1, Y_2, Y_3 . с использованием принципа гарантированного результата. В качестве стратегий X_1 , X_2 , X_3 могут выступать, например, инвестиционные, инновационные и иные проекты. Факторы неопределенности внешней среды Y_1 , Y_2 , Y_3 могут представлять природные и климатические условия, рыночные условия хозяйствования, рыночные цены и т.п. В качестве показателя эффективности K могут выступать прибыль, доля рынка, конкурентоспособность компании и другие показатели.

Матрицы эффективности принимаемых решений (с использованием условных данных) имеют вид, представленный в табл. 1.

Этап анализа 1. Выбор эффективного решения при использовании стратегии X_1 .

Таблица 1

Матрица эффективности стратегий для первого года прогнозирования

	Y ₁	Y ₂	Y ₃	min
X ₁	5	3	4	3
X ₂	2	6	7	2
X ₃	6	5	1	1

Таблица 2

Матрица эффективности стратегий для второго года прогнозирования

	Y ₁	Y ₂	Y ₃	min
X ₁	2	5	3	2
X ₂	7	3	6	3
X ₃	4	7	5	4

Таблица 3

Матрица эффективности стратегий для третьего года прогнозирования

	Y ₁	Y ₂	Y ₃	min
X ₁	2	6	4	2
X ₂	5	7	8	5
X ₃	1	4	2	1

1. Для первого года прогнозирования в соответствии с принципом гарантированного результата:

$$\Theta_{r1}(X,Y) = \max \min \Theta_1(X,Y) = 3.$$

$$\Theta_{r1}(X_1,Y) = 3.$$

Гарантированный ущерб:

$$Y_{r1}(X_1,Y) = \Theta_{r1}(X,Y) - \Theta_{r1}(X_1,Y) = 3 - 3 = 0.$$

2. Для второго года эффективности при использовании стратегии X₁ получим:

$$\Theta_{r2}(X,Y) = \max \min \Theta_2(X,Y) = 4.$$

$$\Theta_{r2}(X_1,Y) = 2.$$

Гарантированный ущерб:

$$Y_{r2}(X_1,Y) = \Theta_{r2}(X,Y) - \Theta_{r2}(X_1,Y) = 4 - 2 = 2.$$

3. Для третьего года эффективности при использовании стратегии X₁:

$$\Theta_{r3}(X,Y) = \max \min \Theta(X,Y) = 5.$$

$$\Theta_{r3}(X_1,Y) = 2.$$

Гарантированный ущерб:

$$Y_{r3}(X_1) = 5 - 2 = 3.$$

4. Суммарный гарантированный результат:

$$\Theta_r(X_1) = 3 + 4 + 5 = 12 \text{ ед.}$$

5. Суммарный гарантированный ущерб:

$$Y_{r \text{ рез.}}(X_1) = 0 + 2 + 3 = 5.$$

6. Эффективность применения стратегии 1:

$$E(X_1,Y) = Y(X_1,Y)_{г. \text{ рез.}} / K(X_1,Y)_{г. \text{ рез.}} = 5/12.$$

Этап анализа 2. Выбор эффективного решения при использовании стратегии X₂.

1. Для первого года прогнозирования в соответствии с принципом гарантированного результата:

$$\Theta_{r1}(X_2,Y) = 2.$$

Гарантированный ущерб:

$$Y_{r1}(X_2) = \Theta_r(X,Y) - \Theta_2(X_1,Y) = 3 - 2 = 1.$$

3. Для второго года эффективности при использовании стратегии X₂ получим:

$$\Theta_{r2}(X,Y) = 4;$$

$$\Theta_{r2}(X_2,Y) = 3.$$

Гарантированный ущерб:

$$Y_{r2}(X_2,Y) = \Theta_{r2}(X,Y) - \Theta_2(X_2,Y) = 4 - 3 = 1.$$

3. Для третьего года эффективности при использовании стратегии X₂:

$$\Theta_{r3}(X,Y) = 5.$$

$$\Theta_{r3}(X_2,Y) = 5.$$

Гарантированный ущерб:

$$Y_{r3}(X_2,Y) = 5 - 5 = 0.$$

4. Суммарный гарантированный результат:

$$\Theta_r(X_2,Y) = 3 + 4 + 5 = 12 \text{ ед.}$$

5. Суммарный гарантированный ущерб:

$$Y_r(X_2) = 1 + 1 + 0 = 2.$$

6. Эффективность применения стратегии X₂:

$$E(X_2,Y) = Y_{г. \text{ рез.}}(X_2,Y) / K_{г. \text{ рез.}}(X_2,Y) = 2/12.$$

Этап анализа 3. Выбор эффективного решения при использовании стратегии X₃.

1. Для первого года прогнозирования в соответствии с принципом гарантированного результата:

$$\Theta_{r1}(X,Y) = 3;$$

$$\Theta_{r1}(X_3,Y) = 1.$$

Гарантированный ущерб:

$$Y_{r1}(X_3,Y) = \Theta_r(X,Y) - \Theta_r(X_3,Y) = 3 - 1 = 2.$$

2. Для второго года эффективности при использовании стратегии X₃, получим:

$$\Theta_{r2}(X,Y) = 4;$$

$$\Theta_{r2}(X_3,Y) = 4.$$

Гарантированный ущерб:

$$Y_{r2}(X_3,Y) = \Theta_{r2}(X,Y) - \Theta_{r2}(X_3,Y) = 4 - 4 = 0.$$

3. Для третьего года эффективности при использовании стратегии X₃:

$$\Theta_{r3}(X,Y) = 5;$$

$$\Theta_r(X_3,Y) = 1.$$

Гарантированный ущерб:

$$Y_{r3}(X_3,Y) = 5 - 1 = 4.$$

4. Суммарный гарантированный результат:

$$\Theta_r(X_3) = 3 + 4 + 5 = 12.$$

Суммарный гарантированный ущерб:

$$Y_r(X_3) = 2 + 0 + 4 = 6.$$

Эффективность применения стратегии с номером 3:

$$E(X_3,Y) = Y_r(X_3,Y) / \Theta_r(X_3,Y) = 1/2.$$

Этап прогнозирования 4. Сравнение эффективности применения стратегий X₁, X₂, X₃.

Выбор эффективного решения на основе критерия:

$E(X,Y)_{\text{эфф.}} = (Y(X,Y)_{г. \text{ рез.}} / K(X,Y)_{г. \text{ рез.}})_{\text{мин.}}$ Эффективной стратегией, имеющей минимальное значение $(Y(X,Y)_{г. \text{ рез.}} / K(X,Y)_{г. \text{ рез.}})$, равное 1/6, является стратегия X₂.

Заключение

Таким образом, была предложена методика, позволяющая осуществить оптимальный выбор оптимального варианта анализируемых систем

в условиях полной неопределённости внешней среды при условии, что выбранный вариант будет эксплуатироваться и приносить экономический эффект в течение нескольких лет. Примечательно к атомной энергетике сроки проектирования и создания АЭС составляют 60 – 80 лет [11, 15, 16]. При этом от сроков эксплуатации объекта суть методики и её результативность не зависит. Предложенная методика позволяет избежать неоднозначности выбора, обусловленной наличием фактора неопределённости и нескольких альтернативных друг другу принципов оптимальности.

В качестве неуправляемых факторов при использовании данной методики могут выступать: действия конкурентов, климатические условия в местах создания АЭС, отношение населения к строительству атомных электростанций, действия зарубежных акционеров и т.п. В настоящее время компании атомной отрасли РФ осуществляют проектирование и строительство АЭС во многих странах мира (см. [1, 2, 3]). При этом значение фактора неопределённости значительно возрастает.

Управляемые факторы представляют инвестиционные и инновационные проекты, капитальные вложения по различным этапам жизненного цикла, различные технические решения, управление проектами с помощью информационных технологий и т.п. Следует особо отметить, что ввиду специфики АЭС возникает необходимость применения различных управляемых факторов на разных этапах жизненного цикла.

Показатели эффективности АЭС могут представлять экономические, технические, социальные, экологические и иные показатели. При этом особую значимость имеют показатели надежности и радиационной безопасности АЭС.

Сказанное выше позволяет считать предложенную методику эффективной при оценке и прогнозировании экономической эффективности сложных технических систем.

Список литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие атомного энергопромышленного комплекса»: постановление Правительства РФ от 02.06.2014 № 506-12.
2. Корпоративная стратегия атомной отрасли РФ, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rosatom.ru/>
3. Стратегия деятельности государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.innov-rosatom.ru>.
4. Юрлов Ф.Ф., Соколов Ю.А., Плеханова А.Ф., Лапаев Д.Н. Методы и модели в экономике. Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2010.
5. Юрлов Ф.Ф., Яшин С.Н., Плеханова А.Ф., Маркитанов М.Ю. Многокритериальный выбор эффективных решений в экономике в условиях неопределённости. Н. Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2008.
6. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.
7. Плеханова А.Ф. Анализ проблем сопоставимости и многокритериальности решений, принимаемых в экономике. Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет, 1999.
8. Корнилов Д.А. Эффективное управление на основе сочетания возможностей планирования и прогнозирования // Тезисы докл. V Всероссийской научно-практической конференции «Экономическая безопасность». Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. техн. ун-та, 2003. С. 126–128.
9. Корнилов Д.А. Принятие управленческих решений при наличии нескольких альтернатив в системе управления изменениями // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции «Инновационные технологии управления организационными изменениями» / Под ред. В.М. Матиашивили. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии, 2004. С. 172–176.
10. Корнилов Д.А. Стратегическое планирование и экономическое прогнозирование. Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет, 2006.
11. Леонтьев Н.Я., Чалов В.П., Колесов К.И. Анализ проектной деятельности инжиниринговых компаний атомной отрасли (на примере АО «НИАЭП») // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10–3. С. 453–456.
12. Леонтьев Н.Я., Юрлов Ф.Ф. Классификация задач многокритериальной оценки эффективности производственных систем // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 127. С. 969–979.
13. Леонтьев Н.Я. Оценка проектной деятельности инжиниринговой компании атомной отрасли: Монография. Н. Новгород: ООО «Печатная Мастерская РАДОНЕЖ», 2017.
14. Леонтьев Н.Я. Проблема многокритериального выбора эффективных решений инжиниринговых компаний атомной отрасли // Научное обозрение. 2016. № 18. С. 127–131.
15. Иванов А.А. Система принятия стратегических решений при контроллинге затрат // Межотраслевой научно-практический журнал «Интеграл». 2012. № 4. С. 109.
16. Иванов А.А., Леонтьев Н.Я. Формирование кластера атомной энергетики в Нижнем Новгороде // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10-2 (63-2). С. 283–285.
17. Яшин С.Н., Солдатова Ю.С. Совершенствование и практическая апробация методики оценки экономического состояния и уровня инновационного развития предприятия // Финансы и кредит. 2013. № 12. С. 39–47.

**THE METHODOLOGY FOR CHOOSING EFFECTIVE SOLUTIONS
IN AN UNCERTAIN ENVIRONMENT WHEN FORECASTING
THE LIFE CYCLE OF COMPLEX TECHNICAL OBJECTS**

F.F. Yurlov,¹ S.N. Yashin,² A.F. Plekhanova²

¹Alexeyev State Technical University of Nizhny Novgorod

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of this study is to improve the methods for choosing an effective solution in assessing the long-term effectiveness of complex technical objects in *an uncertain environment*. The longer the life of an economic facility, the higher the uncertainty that is manifested when assessing its effectiveness, which is especially true when designing complex technical systems. The authors propose and test a method based on the theory of “move by nature” and the method of complex indicators. The essence of the method is to evaluate the effectiveness of decisions made for each year based on the criterion of economic efficiency and the criterion of damage due to missed opportunities. Based on these two indicators, a comprehensive evaluation criterion is formed for the entire period of operation. This method can be effective in comparing options for the construction of nuclear power plants and evaluating the effectiveness of other long-term projects. Moreover, the essence of the methodology and its effectiveness do not depend on the operating life of the facility. The proposed technique avoids the ambiguity of choice due to the presence of the uncertainty factor and several principles of optimality that are alternative to each other.

Keywords: complex technical systems, economic efficiency, uncertainty, risk, life cycle, damage, principle of guaranteed result.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

МОЛОДЕЖНАЯ ЭМИГРАЦИЯ И УТЕЧКА МОЗГОВ ИЗ ИРАНА: ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ

© 2020 г.

*Мехди Афзали*Мехди Афзали, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва

Mehdiafzali1991@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 13.07.2020**Статья принята к публикации 31.07.2020*

Обсуждаются ключевые характеристики эмиграции студентов из Ирана как потенциальной утечки мозгов. В этой концепции основными факторами эмиграции студентов и высококвалифицированных специалистов считаются социально-экономические и политические факторы. В этом исследовании использован социологический метод. Проведено 6 углубленных интервью, в которых участвовали иранские предприниматели и студенты, которые эмигрировали и жили во время опроса в четырех странах (Россия, США, Малайзия и Германия). Глубокие интервью проведены на основе руководства, которое включало 15 вопросов с целью выявления причин эмиграции, современных контактов и перспектив социально-экономического сотрудничества с Ираном. Был также проведен опрос иранских студентов, обучающихся в России, чтобы определить перспективы их возвращения на родину, планы жизни и миграционные установки после завершения обучения. Размер выборки составлял 100 человек, или 7% от общей численности иранских студентов в России ($N = 1398$, данные за 2017 год). Выборка репрезентативна по полу: опрошено 67 мужчин и 33 женщины. Опрос проводился лично на основе случайного отбора. Анкета включала 35 вопросов. Результаты нашего исследования показывают, что военная служба и дискриминация по признаку пола имеют существенную положительную корреляцию с потенциальной утечкой умов и эмиграцией студентов; надежда на будущее имеет существенную негативную связь с потенциальной утечкой мозгов из Ирана. Однако мы не можем подтвердить связь между безработицей и инфраструктурой с потенциальной утечкой мозгов.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, иммиграция, утечка умов, студенты, академическая мобильность, развитие, Иран.

Introduction

During the past few decades, migration of students and skilled workers from developing countries to the developed countries has increased; OECD countries are the main destination of students, skilled and highly skilled workforces. Now, a great part of international migrants are educated and skilled individuals who have been educated at the cost of home country and have emigrated for either long term or short term; a phenomenon called brain drain. In addition to the skilled and highly skilled immigrants, the other major groups are students who prefer to emigrate. In many countries, especially in developed countries, students are considered as future immigrants with higher education or skills and have an edge over other immigrant groups. In fact, by obtaining a degree and familiarity with the culture and social conditions of the host country, it is predicted that the economic problems and the relevant social issues of these

immigrants will be less and that they consequently bring more benefits to the host country. As a result, many immigrant countries are pursuing a variety of programs with a variety of educational incentives to attract international students.

Immigrants who have a high level of education or skills are among the most important and valuable groups of immigrants, so there is a lot of competition in the international immigration market to attract and retain them. Many immigrant countries, especially developed ones, announce and implement special programs and policies each year to attract and retain these immigrants. In fact, these countries sometimes plan their development programs, especially in the field of innovation and technology, based on these skilled and educated immigrants. On the other hand, migrants' home countries lose a significant percentage of their high skilled individuals and they suffer from irreversible economic and social loss. When we talk about brain drain, skilled and highly skilled individuals

are the main players of this phenomena. The difference between skilled and highly skilled individuals is that the latter have higher education and professional working experience in a specific area, while skilled migrants can be school graduates.

Of course, the results of Brain drain like migration can negatively and positively influence societies. Some argue that brain drain will stimulate and encourage education of other people in the home country [1] because those who are left behind in the home country will understand the benefits of education, and it encourages them to continue their education [2].

Discussion

In Iran Brain drain has had negative impacts because this process is a fundamental problem. Specialized and educated people leave the country and specialize in the economies of other countries. Historically in 90s, the peak of brain drain from Iran to the United States was recorded that many of Iranian workforce immigrated to the USA, most of whom had tertiary education. Moreover, many Industrialists and academics left the country in 2000 and are not expected to return to Iran. However, the phenomena of brain drain in the last few decades and during the presidency of Mahmoud Ahmadinejad was completely denied by him. In a report by IMF in 2006, Iran ranked 1st among 91 developing nations in terms of brain drain. It was reported that 150,000-180,000 Iranian skilled and educated people are emigrating every year [3].

In addition, this report showed that, more than 400,000 Iranians with higher education are residing in America, more than 50% of whom are physicians and engineers. For example, International Monetary Fund also reported that [4] in 2014, around 120,000 Iranian students were studying in other countries, and it is also believed that over the last two decades many of those students who had won awards in international scientific Olympiads migrated to the developed countries [5]. Therefore, like all other countries of origin, Iran will suffer a lot of socio-economic hardship after the loss of its expert forces because those who remain probably do not have the necessary knowledge and expertise to create change and improve the conditions of society.

Besides, because nurturing students is mostly based on governmental subsidies, the cost of brain drain in this country is even greater; therefore, Iran suffers a huge economic and social loss because of emigration of students, skilled and highly skilled individuals. Since people do not wish to return, government is unable to utilize their knowledge and capabilities and loss of talents has a negative influence on the country. Moreover, the cost of

nurturing a student from school to Ph.D. is around 110 billion Iranian Rials [6], which is almost 600,000\$ dollars¹. Therefore, if the rate of emigration of students and highly skilled individuals estimated at 150,000–180,000 per year is true, then Iran is losing 90–108 billions of dollars every year due to the emigration of students and brain drain which is much more than the revenue received from selling oil by Iran per year [7] (73,000 barrels of oils sold per day*365*43 oil price [8] = \$1,145,735,000 dollars) and it is between 20%–24% of Iran's GDP. However, The Vice President for Science and Technology said: "The total number of highly educated Iranian emigrated is between 32,000 and 40,000 per year." [9] Which accounts for 24 billion dollars loss. More over economic loss due to the emigration, is at least 42 % of FDI stock in Iran and 7 times more than the FDI inflow to Iran [10].

Moreover, because of the political, social and economic situation, Iran has been unable to attract and enjoy the advantages of the brains and diaspora. Even the experts inside Iran are unemployed or are dissatisfied. In spite of this fact, the quality of education in Iran has stayed high and many Iranian students win in international scientific Olympiad such as robotics, nanotechnology, physics, etc., and the number of their scientific publications in the international journals is increasing. Table 1. shows the number of students studying abroad all around the world as well as the number of Iranian international students during the period between 2013 and 2017 based on the report by UNESCO's Institute for Statistics (UIS).

As clearly shown in Table 1, the number of international students in the world has increased around 1 million in 4 years. Even though the number of Iranian international students has increased from 49,500 in 2013 to 52,500 in 2017, the share of Iranian international students in the world has decreased from 1.1% in 2013 to 0.9% in 2017. Graph 1. presents the main countries of study of students from Iran in 2017.

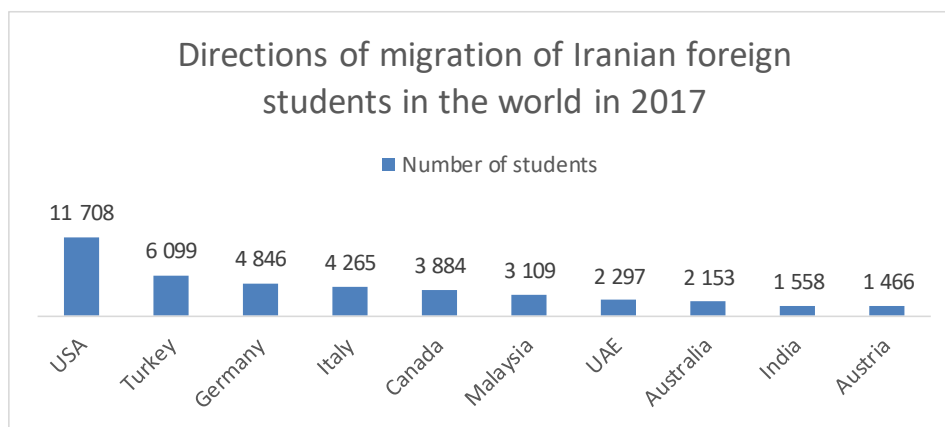
Iran has 52,521 international students which constitutes 1% of the total mobile students, it also hosts more than 21,000 international students which is 0.4% of total students with inbound mobility rate of 0.5%. Outbound mobility ratio of Iran is 1.2%, and Gross outbound enrolment ratio is 0.9%. The graph above illustrates that the top destinations for Iranian International Students are USA (11,708), Turkey (6,009), Germany (4,846), Italy (4,265) and Canada (3,884) followed by Malaysia (3,109), UAE (2,297), Australia (2,153), India (1,558) and Austria (1,466). Table 2 shows the top countries of origin of highly educated migrants living in OECD countries during the 2000/01 and 2010/11 periods.

Table 1

Number of International students in the world and share of Iranian International Students from 2013–2017

	2013	2014	2015	2016	2017
Iran	49,493	50,823	51,138	52,771	52,521
World	4,230,955	4,495,169	4,786,192	5,091,894	5,309,240
Percentage	1.1%	1.1%	1%	1%	0.9%

Source: <http://data.uis.unesco.org/>, UNESCO's Institute for Statistics (UIS)

Graph 1. The main countries of study of students from Iran in 2017, people

Source: UNESCO's Institute for Statistics (UIS): <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>

Table 2

Top countries of origin of highly educated migrants living in OECD countries, 2000/01 and 2010/11

	Highly educated migrants				Emigration rates of the highly educated	
	2010/11	2000/01	Rank in 2000/01	Change between 2000/01 and 2010/11	2010/11	2000/01
India	2 238 100	1 002 300	2	123%	3%	3%
Philippines	1 545 200	889 100	3	74%	8%	7%
China	1 530 600	822 800	5	86%	2%	2%
United Kingdom	1 470 600	1 082 300	1	36%	11%	12%
Germany	1 219 500	865 400	4	41%	9%	7%
Poland	999 900	467 200	9	114%	17%	12%
Russian Federation	890 800	624 800	6	43%	1%	1%
Mexico	885 500	475 000	8	86%	6%	6%
Korea	809 400	517 100	7	57%	4%	4%
Ukraine	657 900	372 700	13	77%	4%	3%
Iran	471 200	289 700	15	63%	4%	7%

Source: OECD library: connecting with emigrants, a global profile of diasporas 2015,

https://read.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/connecting-with-emigrants_9789264239845-en#page29

Table 2 clearly shows that in 2000/01 Iran ranked 15th for highly educated migrants to the OECD countries which also indicates a 63% change from the years 2000/01 to the years 2010/11. The emigration rates of the highly educated Iranians in 2000/01 was 7% and in 2010/11 it was around 4%. In terms of the number of Iranians, it was around 289,700 persons in 2000/01 and 471,200 persons in 2010/11. United Kingdom, India, Philippines, Germany and China have the first to fifth place in the mentioned years.

Elite migration behavior is a complex and multi-layered issue; it should not be limited to the few reasons. It is natural for the elite to emigrate as long as the people in the society do not have access

to the facilities and resources they need and are not treated well. In other words, the imbalance between facilities and human resources causes the overflow of manpower to the countries that provide them with special facilities. Migration of Iranian elites is due to the issues such as lack of job opportunities and unemployment, lack of financial and spiritual support for skilled workers, low income of professors, elites and faculty members, financial and administrative inadequacies, social discrimination and wage gaps, incompatibility of specialization and income, lack of meritocracy, an old and stagnant educational system, and a lack of security and job satisfaction. A few reasons of emigration from Iran is explained as follow:

1. Emigration of skilled workforce and students from Iran, is related to the high rate of unemployment; the elite in Iran are concerned about their employment. The issue of unemployment in recent years has intensified the process of brain drain from the country. Governments' inability to provide jobs has made it difficult for people to stay and although people may not directly emigrate as labor, they may consider to emigrate to further their education, or they emigrate as an economic migrant [11].

2. Emigration of highly skilled people and students is related to the level of corruption in the country; a major part of Iran's economy is controlled by the government in both overt and covert ways [12], and it has not only caused human capital flight, but also has increased the amount of capital flight. Moreover, since the government is unable to provide jobs they are not tightening the emigration of educated individuals.

3. Unsuitable educational system; by establishing private and semi-public universities in every province in Iran such as Azad University, Payam Nour, Elmi Karbordi, etc. which have lower educational level and easier entrance exam than public universities, there is an oversupply of educated and skilled students in many specialties [13]. Another issue related to those who have graduated from medical universities is that they are unable to have their own offices unless they serve for a period time in regions with lower socio-economic status; therefore, they consider to leave. And even those who had returned to the home country feel that their needs are not satisfied and they become frustrated, because the government cannot provide the appropriate infrastructure, instruments, etc., so they do not consider to stay in Iran [14].

4. The expansion of satellite technology, internet, smartphones, etc. that showed the outside world to the Iranians, and grew the intolerance to the governments' restrictions in general public [15]. Lack of freedom; social, economic and political strains have increased since 1979 and the effects are now visible in the social life of people and at one point led to the protests in 2009.

5. The quality of education in science or engineering in Iran is such that it nurtures relatively good students. Graduates of undergraduate and graduate courses are quickly attracted to Western or Eastern universities, including Europe, Japan and Singapore. However, the University Entrance Exam called Konkur, and a variety of shares given certain groups such as the children of the martyrs of Iran-Iraq war, along with the compulsory military service of 2 years for men have been among of the main reasons of emigration of students from Iran. Many student who fail this examination consider to emigrate in order to escape

military service. And even those who have been admitted to Iranian universities become frustrated of socio-political pressures inside the universities. Repression of freedom of research, expression, and ideas disappoints the students. Even professors and experts do not feel that their work is appreciated; low salaries and unpaid leaves are other reasons of emigration of professors and experts [16].

6. Injustice is another reason of emigration from Iran, in a research study done by Salmani, 2011, the relationship between brain drain and injustice was found to be significant; highly skilled and educated people as elites were more sensitive to injustice in the country and were more likely to emigrate. Moreover, elites reacted to the emotional injustice and believe that the society is not fair in the distribution of financial, physical and social resources, which stimulates their migration [17].

7. Push and pull factors are believed to be the reasons of emigration of students and skilled individual [18]. Human rights violation, lack of infrastructure, issues of freedom, research limits, shortage of resources at the universities, social and political environment and discrimination are the most important push factors. On the other hand, in addition to the problems and repulsive factors in Iran, there are some attractions in the developed countries, such as the existence of suitable job opportunities, favorable economic outlook, the prospect of a secure, predictable and worthy future, hope for future, freedom, equality, job security and pleasant socio-political environment are the most important pull factors for Iranians to emigrate. It is expected that the increase of these attractions in developed countries increase this trend. In a study done by Kazemi A. et al. 2018 [19] on Iranian students in Malaysia, lack of political freedom and hardship were found to be the push factors for Iranian students to emigrate while political suppression was not found to have a significant effect on emigration. Moreover, freedom of speech and religious freedom have a slight effect on emigration of students abroad.

8. Besides individual factors for skilled workers and students, factors related to the job environment are important factors in emigration of Iranians. Work safety, high risk environment [20], job satisfaction, heavy workload [21], pressures from the management, job position and poor working condition [22] are believed to be positive and negative decisive factors for the emigration of the skilled workers. For example, in a study done by Asadi H., et al. 2017, it was shown that Iran's health professionals intended to emigrate due to the discrimination or in search of better life and new experiences [23].

In addition to the mentioned studies, in another study carried out by the author in 2017 about brain

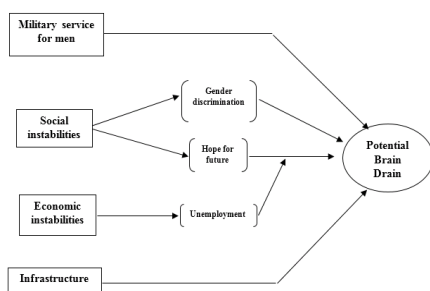

Figure 1. Research framework designed for this study
Source: designed for this study by the author

drain and emigration of students, due to the nature of the issue under study, a new approach was introduced to provide a more detailed framework to examine different hypotheses in order to find comprehensive results and characteristics of brain drain and students' emigration. In this new approach, military service, infrastructure, economic instabilities, social instabilities, gender discrimination, hope for future, and unemployment are tested. The following simple framework shows how they influence the brain drain.

Methodology

The sociological method was also used. 6 in-depth interviews were conducted by experts, which were Iranian entrepreneurs and students who had emigrated and lived at the time of the survey in four countries (Russia, the USA, Malaysia and Germany). In-depth interviews were conducted on the basis of a guidebook, which included 15 questions with the aim of identifying the causes of emigration, modern contacts and prospects for socio-economic cooperation with Iran. A survey of Iranian students studying in Russia was also conducted to determine the prospects for their return to their homeland, life plans, and migration attitudes after completion of training. The sample size was 100 people or 7% of the total population of Iranian students in Russia ($N = 1398$, 2017 data). The sample is representative by gender: 67 men and 33 women were interviewed. The survey was conducted personally on the basis of random selection. The questionnaire included 35 questions that related to migration history, life and migration plans of students, their employment and adaptation in the Russia, and reasons of emigration. The results of a survey of Iranian students were processed using the SPSS package. Based on statistical methods, the dependence of emigration of various groups of labor migrants from Iran on various socio-economic factors was determined.

Results

In this study the majority of the respondents were males with a proportion of 67 persons, and

95 of them were single. The data in our questionnaire for the marital status (single, married, widowed, separated and divorced) show that there are no divorced, widowed or separated cases. The age range of the majority of participants constituting 81 percent of them was within 18–24 years which seems to be normal because the students in universities are around this age. The majority were studying dentistry and medical studies, 65 and 21 persons respectively. Moreover, we asked them their average monthly income or allowance they received from their families and it was shown that 66% of them have the average monthly income of 1500\$ and more. In this research, we also asked women's opinion about the military service for men and we also asked men to give their opinions about the gender discrimination. Table 3 shows the mean, standard deviation and correlation of all the variables. The significant level in this study that is at <0.05 level where the highest significant level in this study is 0.004 followed by 0.018. A measure is reliable when the coefficient alpha value is above 0.6; however a cut-off point of 0.7 is more suitable [24] and any other value below this is considered as unsatisfactory and low internal consistency.

The results presented in Table 3 indicate that *military service for men* has a significant positive relation with students' emigration as potential brain drain, the significance level for this hypothesis influencing on brain drain is 0.004 with Cronbach's Alpha = 0.901. The length of military service is unacceptable for people; and they consider it as a waste of time for two years. Moreover gender discrimination has also a significant positive correlation with students' emigration from Iran. Participants in our study believe that gender discrimination in Iran is harsh and mostly women are suffering from it, they believe that gender discrimination has endangered their socio-economic and political rights. The significance level for this hypothesis influencing on brain drain is 0.018 with Cronbach's Alpha = 0.735. however, hope for the future inside Iran has been found out to have significant negative correlation with potential brain or emigration of students from the country our participants believe socio-economic and political uncertainty distorts their belief and decreases the level of their hope for the future. The significance level for this hypothesis influencing on brain drain is 0.039 with Cronbach's Alpha = 0.798. On the other hand, the other two variables in our study unemployment (significance level= 0.605, Cronbach's Alpha = 0.814) and infrastructure (The significance level = 0.228, Cronbach's Alpha = 0.786. are not supported by our analysis. And that is logical since our target sample are students and they had no actual expo-

Table 3

Mean, standard deviation and correlation of all the variables designed for this study

Variables	Mean	Standard deviation	Cronbach Alpha	Correlation with potential brain drain
Military service	4.4060	.57592	0.901	Pearson Corr. = .288**
				Sig.= .004
Gender discrimination	4.3160	.38579	0.735	Pearson Corr. = .236*
				Sig. = .018
Hope for the future	4.3440	.44411	0.798	Pearson Corr. = -.206*
				Sig.= .039
Unemployment	4.1960	.46186	0.814	Pearson Corr. = -.052
				Sig. = .605
Infrastructure	4.1300	.48938	0.786	Pearson Corr. = .122
				Sig.= .228
Potential Brain drain	4.4500	.39222	0.828	
Valid N (listwise)	100	100		

Source: SPSS software, results from the survey

sure to reality of the employment issues. And since they have mostly not attended at universities they are not familiar with the existing infrastructures in the universities and they have unclear understanding of the higher education system of Iran.

Moreover, our results from interviews explain that our participants due to socio-economic and political uncertainties and discomforts are not willing to return to Iran. And if they have returned in a specific time before, they again emigrated from Iran and looked for better job opportunities abroad although interviewees believed that if they return to Iran, unemployment will not be a problem, although they are not going to be satisfied with the salary. Our participants have an average salary or scholarships of 2,500 \$ and more from universities or their working place per month. In addition to their financial favor, they feel that their human rights in their current countries are met and they are treated with respect. Our participants do not feel discriminated against and neither do they think that women are discriminated in these societies. Moreover they are able to do their favorite leisure activities and have access to their scientific interests, research laboratories, infrastructures, internet access and instruments. And in general their perception towards Iran is negative and they do not wish to return if the current socio-economic and political situation remains. In addition they believe that political instabilities, suppressions and restrictions are the first factors influencing other factors such as social, economic, etc.

Conclusion

In Iran, one of the main obstacles that policy makers are facing is the lack of accurate statistics about the number of people who have emigrated or are considering to emigrate. Recognizing and studying the scientific, cultural, economic and political capabilities of Iranians living abroad is a valuable

tool of the foreign policy to ensure and strengthen the national interests of the country. Moreover, lack of reliable statistics has made research difficult for the researchers informing the politicians. In many cases, the information can be misused and misinterpreted for personal and political purposes and there are many instances in the field of migration and the phenomenon of brain drain. For example, in the society people usually argue that Iran has the highest rate of brain drain in the world, which is based on the incorrect and inaccurate information provided and the inaccurate analysis of the information. A major reason is that the information provided by the government regarding migration is usually released through unofficial websites and news agencies. In addition, the information provided is based on what directors of the organizations and politicians desire and there is no official and documented information provided except such personal views. The release of migration statistics in the media has been in a manner that it seems that the media is shaping the taste and mentality of people towards migration.

The positive or negative effects that these Iranian immigrants around the world can have on economic and social environment of the country are important and clear. Very serious considerations are needed in order to attract and motivate them to return or interact with the home country. In recent years, with the plan "Return" more than 1,000 Iranian specialists have returned to Iran, and more than 5,000 of them are interacting with the people inside Iran in the form of seminars, conferences and workshops. However, not only do the internal domestic problems in Iran discourage them, but also, international problems such as sanctions, or US-effected rule that if someone has visited Iran in the last 5 years is unable to visit and enter the United States of America, have made it difficult for Iranian immigrants to be in touch with home country. As for those who have dual citizenship, the

prevailing negative attitudes of the authorities leading to sentencing them to imprisonment, has deteriorated the image of the country and distorted the trust and incentives.

Anyhow, besides the efforts the authorities need to make to keep the highly skilled individuals in the country, they need to consider replacing brain gain with brain exchange. With the technological advancement and expansion of the internet in the world, and in view of all the problems existing in Iran's situation, this seems a more feasible option. The reason is simple: Who would like to return to a country where salaries and the payments inside the country are much lower than destination countries and there are no appropriate working conditions such as job security, fair competition and meritocracy, transparency in payments and appropriate working hours. There are still other issues such as compulsory military service for boys, time-consuming process of confirming university certificates and university recruitment, and lack of a clear mechanism to return to the country. On the other hand, nowadays the physical presence of specialists in countries is not so important as the relevance and usefulness of their knowledge and experience. In this scenario, Iranian experts may be more interested in maintaining interaction, communication and cooperation with Iran if long term physical presence in the country is not mandatory.

In this study factors influencing on students' emigration have been looked up from different perspective. Our results in this study support that military service and gender discrimination have significant positive correlation with potential brain drain and emigration of students; and hope for future has a significant negative relationship with potential brain drain. However, unemployment and infrastructure in this study are not supported and we are unable to confirm the relationship of these factors with potential brain drain. This is due to problems and limitations encountered for this study that first of all is the narrow focus of the area which is students only. This means the findings don't represent all the emigrants and it does not show the view and opinion of other Iranian students from other countries. Moreover the target of the respondents could have been changed, since the respondents were students, their opinion can be different from those who are not. It is better for the future researchers to include wider area in their studies. Future researchers must examine a bigger sample size that can give them more reliable and precise results. And even it is suggested to use more independent variables and factors to analyze the data from different and broader aspects.

Примечания

1. Governmental Dollar to Iranian Rials is 42,000 and the market price of dollar is 150,000 Rials.

Список литературы

1. Mountford A. Can a brain drain be good for growth in the source economy? // *Journal of Development Economics*. 1997. Vol. 53. No. 2. P. 287–303.
2. Beine M., Docquier F. and Rapoport H. Brain drain and economic growth: theory and evidence // *Journal of Development Economics*. 2001. Vol. 64. P. 275–89.
3. Karimi N., Gharaati S. Why Do Brains Drain? Brain Drain in Iran's Political Discourse // *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*. Vol. 6 (2). P. 154–173.
4. Hakimzadeh S. (2006). Iran: a vast diaspora abroad and millions of refugees at home. URL: <http://www.migrationinformation.org/feature/display.cfm?ID=424>. (date of access: 05.05.2014).
5. Financial Tribune (2016). Brain drain continues in Iran. [Electronic resource]. Mode of access: <https://financialtribune.com/articles/people/53254/brain-drain-continues>. Accessed 14 April 2017 (date of access: 12.07.2020).
6. <https://www.irna.ir/news/83227467/11-میلیارد-تومان-خسارت-خروج-هر-نخبه-از-کشور>, Costs due to the high skilled emigration
7. Iran News by radio Farda Electronic resource. Mode of access: <https://www.radiofarda.com/a/Irans-oil-exports-dwindle-to-record-low/30614720.html> (date of access: 15.06.2020).
8. Crude oil prices today [Electronic resource]. Mode of access: <https://oilprice.com/> (date of access: 12.07.2020).
9. Highly qualified emigration from Iran, every year 32–40 thousands high skilled Iranians are emigrating from the country [Electronic resource]. Mode of access: <https://snn.ir/fa/news/-ایران-۴۰-هزار-نخبه-از-سالانه-بین-۳۲-تا-۴۰-هزار-نخبه-از-ایران>, (date of access: 03.05.2020).
10. World investment report 2019 [Electronic resource]. Mode of access: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (date of access: 12.07.2020).
11. Iran Daily. Leaving for greener pastures // *Iran Daily*. 2005b. January 22.
12. Thomas J. The dynamics of globalization and the uncertain future of Iran: an examination of Iranians in Dubai // *The Fletcher School Online Journal for Issues Related to Southwest Asia and Islamic Civilization* (Alnakhlah), Tufts University, Medford, MA. 2006.
13. Saidi F. (2006) The metrics of the physician brain drain /Archives of Iranian Medicine [Electronic resource]. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/6733701_The_metrics_of_the_physician_brain_drain/citations (date of access: 12.07.2020).
14. Saidi F. (2006) “The metrics of the physician brain drain”, Archives of Iranian Medicine [Electronic resource]. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/6733701_The_metrics_of_the_physician_brain_drain/citations (date of access: 12.07.2020).

15. Dehghanpisheh B. A one-way ticket // *Newsweek*. 2004. Vol. 143. No. 10 (Atlantic edition).
16. Kamyab S. Flying brains: a challenge facing Iran today // *International Educator*. 2007. Vol. 47, July/August.
17. Davood Salmani Gholamreza Taleghani Ali Taatian, Perception of social justice implication in brain drain management in Iranian educational institutions // *Education, Business and Society: Contemporary Middle Eastern Issues*. 2011. Vol. 4. Iss 1. P. 19–32. Permanent link to this document: <http://dx.doi.org/10.1108/17537981111111247> (date of access: 15.06.2020).
18. Asadi H., Ahmadi B., Nedjat S., Sari A.A., Gorji H.A., & Zalani G.S. Factors affecting intent to immigration among Iranian health workers in 2016 // *Electronic Physician*. 2017. 9 (6). P. 4669–4677.
19. Kazemi A., Baghbanian A., Maymand M.M. et al. Contributing Factors to Migration Growth Among Iranian Students: Drivers of Migration to Malaysia // *J. of Int. Migration & Integration*. 2018. Vol. 19 (3). P. 757–770 (2018). <https://doi.org/10.1007/s12134-018-0567-z> (date of access: 15.06.2020).
20. Kizito S., Mukunya D., Nakitende J., Nambasa S., Nampogo A., Kalyesubula R. et al. Career intentions of final year medical students in Uganda after graduating: the burden of brain drain // *BMC Med. Educ*. 2015. 15: 122. doi: 10.1186/s12909-015-0396-0. PMID: 26231749, PMCID: PMC4522140.
21. Solberg I.B., Tómasson K., Aasland O., Tyssen R. The impact of economic factors on migration considerations among Icelandic specialist doctors: a cross-sectional study // *BMC Health Serv Res*. 2013. 13: 524. PMID: 24350577, PMCID: PMC3878398.
22. George G., Atujuna M., Gow J. Migration of South African health workers: the extent to which financial considerations influence internal flows and external movements // *BMC Health Services Research*. 2013. 13(1): 1. doi: 10.1186/1472-6963-13-297.
23. Asadi Heshmatollah & Ahmadi Batoul & Nedjat, Saharnaz & Baba Akbari, Ali & Gorji, Hasan & Salehi Zalani, Gholamhossein. Factors affecting intent to immigration among Iranian health workers in 2016 // *Electronic Physician*. 2017. 9. 4669–4677. 10.19082/4669.
24. Foster T.R. The art and science of the advertising slogan. *ADSlogans Unlimited*, 2001.

YOUTH EMIGRATION AND THE BRAIN DRAIN FROM IRAN: REASONS, TRENDS AND DIRECTIONS

Mehdi Afzal

Institute for Demographic Research, FCTAS RAS (Moscow)

In this study, the key characteristics of students' emigration from Iran as potential brain drain are discussed. The main factors of emigration of students and high-skilled individuals are believed to be socio-economic and political factors. In our research, we used the sociological method and conducted six in-depth interviews with Iranian entrepreneurs and students who had emigrated and lived at the time of the survey in four countries (Russia, the USA, Malaysia and Germany). In-depth interviews were conducted on the basis of a guide, which included 15 questions with the aim of identifying the causes of emigration, current contacts and prospects for socio-economic cooperation with Iran. A survey of Iranian students studying in Russia was also conducted to determine the prospects for their return to their homeland, life plans, and migration attitudes after completion of studies. The sample size was 100 persons or 7% of the total population of Iranian students in Russia ($N = 1398$, 2017 data). The sample is representative in terms of gender: 67 men and 33 women were interviewed. The survey was conducted personally on the basis of random selection. The questionnaire included 35 questions. The findings of our study show that military service and gender discrimination have significant positive correlation with potential brain drain and emigration of students; and hope for future has a significant negative relationship with potential brain drain from Iran. However, we are unable to confirm the relationship between unemployment and infrastructure with potential brain drain.

Keywords: migration, emigration, immigration, brain drain, students, academic mobility, development, Iran.

УДК 316

ПОДХОДЯТ ЛИ РОССИИ ПРОЕКТЫ «ЦИВИЛИЗАЦИИ СОФИИ» И «ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ»? (ДВОЙНАЯ УТОПИЯ В.С. СОЛОВЬЕВА И ЕЁ РЕКОНСТРУКЦИЯ)

© 2020 г.

Ю.М. Резник

Резник Юрий Михайлович, д.филос.н.; проф.; гл.н.с.; руководитель центра философских коммуникаций
Института философии РАН, Москва
reznik-um@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 17.05.2020**Статья принята к публикации 15.07.2020*

Известный русский религиозный философ В.С. Соловьёв помимо других идей и концепций вошёл в историю отечественной культуры ещё и как автор оригинальных проектов – Софии и Вселенской церкви. Автор данной статьи ставит перед собой задачу показать, насколько эти проекты подходят для построения образов цивилизационного будущего России и учитывают её социокультурные реалии.

Реконструкцию обоих проектов В.С. Соловьёва автор начинает с определения их философско-этических оснований. Таковыми являются, на его взгляд, допущения о добре и благе, которые лежат в основе соловьёвских представлений о совершенстве Бога, человека и его истории. Благодаря единству последних становится возможным возникновение богочеловечества, которое выражает идею Софии. И это единство возможно только на более высокой ступени – вечного и абсолютного всеединного (Бога).

София представляет собой трансцендентное начало в русской или российской цивилизации, которая, будучи божественной премудростью, соединяет в себе мир людей и мир Бога на земле. Она раскрывается в историческом бытии людей поэтапно или в виде последовательности её сущностных моментов: как абсолютная, дотварная и внемировая, как тварная и нетварная, космическая и человеческая, вечно женственная и интимно-романтическая, божественно красивая и магическая, наконец, как русская национальная идея. София воплощается в христианском государстве как прибежище Вселенской церкви. Последняя выступает божественным предназначением России, призванной осуществить идею Софии в земной жизни и воссоединить её потерянную душу с Богом.

Вывод, к которому приходит автор статьи, заключается в том, что проекты Софии и Вселенской церкви не подходят России, правомерно претендующей на статус самобытной цивилизации. Опыт последнего столетия показал, что христианство так и не стало единым, а столкновения между цивилизациями продолжаются, хотя и в новом историческом формате.

Ключевые слова: философия, Соловьёв, абсолют, всеединство, человек, мир, проект, история, цивилизация, Россия, Запад, мораль, христианство, София, мировая душа, Вселенская церковь, национальная идея.

Предисловие

Сегодня не принято обращаться к классикам философии, когда речь идёт о решении современных проблем. Между тем думы о России, которыми были заняты наши великие предшественники, не теряют своей оригинальности и по сей день. Свою же задачу я вижу не в том, чтобы провести переключку времен или эпох (это не под силу никому), а в актуализации и переосмыслении некоторых идей русских мыслителей.

Известно, что В.С. Соловьёв является не только противником концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, но и автором собственной (а именно – софийной) концепции русской цивилизации, которую он дополнил проектом Вселенской церкви, противоречащей, по мнению его критиков, культурно-историческим устоям России. Поэтому в данной статье перед мной стоит следующий

вопрос: можно ли применить идею Софии Соловьёва и его утопические представления о Вселенской церкви к формированию нового образа российской цивилизации? Ответ на него пока для меня не совсем очевиден. Необходимо детально проанализировать эти подходы, имеющие отношение к двум разным разделам религиозной философии русского мыслителя – теоретической и практической.

Правда, справедливости ради надо отметить, что сам термин «цивилизация» Соловьёв использует крайне редко и, как правило, применительно к человечеству в целом. Но я думаю, что не будет большим искажением его философских взглядов то, чтобы сохранить в данном исследовании понятие цивилизации, наделив его значениями, близкими по смыслу самому Соловьёву. Так, не только отдельные народы и нации, но и человечество он считал живым организмом. А значит, локальная цивилизация

возможна как живая часть или орган всеобщего организма – мировой цивилизации, если бы он, конечно, использовал этот термин. В данном случае она представляет собой органическое единство или сотрудничество наций и народов, родственных в культурно-религиозном отношении (например, христианские страны) и связанных единым нравственным императивом. Допускаю, что такая реконструкция не будет существенно противоречить принципиальным установкам самого В.С. Соловьёва. Но судить всё же не мне, а читателям и коллегам по философскому цеху.

Кстати, под проектом цивилизации я буду понимать здесь и далее мысленную конструкцию идеального (или оптимального) цивилизационного будущего страны (общества) или группы родственных в культурном отношении стран (системы обществ), обоснованную не только логически, но главным образом содержательно и с учётом заданных автором критериев должностования. Поэтому проекты могут быть как утопическими, так и реалистическими, одинарными или двойными, одномерными или многомерными (комплексными) и т.д. Далее я попытаюсь показать, что В.С. Соловьёв разработал оригинальный утопический двойной проект, состоящий из двух взаимосвязанных частей – «цивилизации Софии» и «Вселенской церкви». Но пока это всего лишь авторская гипотеза, которую предстоит подтвердить доказательствами.

Для начала представлю вкратце некоторые философские основания того, что можно условно назвать проектом «София». Разумеется, на этом этапе речь ещё не идёт о России и её цивилизационном будущем.

Философско-этические основания проекта «София»

Учение о Софии пронизывает всё творчество В.С. Соловьёва. Оно вытекает из всей его философии и, прежде всего, нравственной философии и философии всеединства. Как известно, всеединство есть единство во множественности. Оно соответствует абсолютно-сущему (Богу) как вечно единому или сущему всеединому, которое не может существовать иначе, как будучи становящимся единым, то есть осуществленным в другом – мировой душе, человеке, природе, истории и пр. Как известно, эта идея Соловьёва находит своё выражение в Божественной Троице, которой соответствуют в аксиологическом плане ценностям Истины, Добра и Красоты.

Если у Гегеля развитие нравственной идеи совершается начиная от индивида (единичного), семьи и гражданского общества (особенного) и

завершаясь в государстве (всеобщее), то у русского философа нравственность проходит несколько другие стадии развития: нравственная данность человеческой природы – высший тип или «действительный порядок» нравственности (Бог и его воплощение – богочеловек) – нравственность человеческой истории, в которой личность соединяется с обществом и получает божественное наполнение («откровение Божье»), становясь благодаря этому богочеловечеством [1].

Нравственная цель человеческой жизни – достижение совершенства как полноты добра или единства добра и блага. Такое совершенство, по Соловьёву, «выражается в трёх видах: 1) безусловное сущее, вечно действительное совершенство – в Боге; 2) потенциальное – в человеческом сознании, вмещающем в себя абсолютную полноту бытия как идею, и в человеческой воле, ставящей её как идеал и норму для себя, наконец, 3) в действительном осуществлении совершенства идеи или в историческом процессе совершенствования» [2, с. 255]. Следовательно, в Боге заложено предельное совершенство, человек есть незавершённый проект, а в истории Бог и человек соединяются в конкретном бытии, образуя единство (богочеловечество). И только последний пункт имеет непосредственное отношение к нравственной природе цивилизации.

Личность рассматривается у Соловьёва как «сосредоточенное общество», общество – как «дополненная или расширенная личность», а история – как становление духовного человечества или богочеловечества, которое конкретизируется далее в триаде «семья – отечество – человечество» [2, с. 65–66]. Каждый член триады соединяет человека с Богом, например семья – через культ предков (прошлое), брак (настоящее) и воспитание детей (будущее). Отдельно Соловьёв останавливается на роде, с которого, по его мнению, начинается переход от племени к семье и далее – к народу и государству, что в совокупности составляет отечество (всеобщее). Начало духовной жизни (жизни «не от себя») он связывает уже с ним и его совершенствованием, в том числе с достижением естественной солидарности с другими народами, в результате взаимодействия с которыми сформируется нравственное общежитие, которое выступает предпосылкой христианской цивилизации.

Таким образом, человеческая история как история цивилизаций есть органическое единство человеческого (нравственного) и божественного, которое находит своё выражение в Софии как создательнице мировой души. Смеем предположить, что российская цивилизация в

своей основе имеет все эти духовно-нравственные начала. Но общим, объединяющим, или синтетическим, их основанием выступает, условно, сама София.

София как трансцендентное начало цивилизации России

Как показывает авторитетный исследователь творчества Соловьёва А.Ф. Лосев, в ранний период своего творчества тот был склонен к пантеизму. Анализируя его неопубликованную рукопись «Sophi» [3], он подчёркивает вместе с тем, что вселенская религия Соловьёва – «это не произведение абстракции или обобщение, это реальный и свободный синтез всех религий, который не отнимает у них ничего положительного и даёт им ещё то, чего они не имеют» [4, с. 211].

В диалоге с Софией Соловьёв обращается к абсолютному, рассматривая последнее как начало, свободу и исходную силу, а вместе с тем и полноту бытия, которые не тождественны самому бытию или небытию. Другими словами, это то, что производит бытие, являясь по своей сути единым и простым. В этом смысле оно есть положительная потенция и свобода бытия, из которой рождается его множественность. Абсолютное как первоединое выражается далее в человеке как органическом единстве духа, разума и души. С гностической же точки зрения, София есть выражение интимно-личного отношения к Богу. Она привлекала Соловьёва как возможность человеческого понимания непостижимости Бога.

Так что же такое София в представлении Соловьёва? Как известно, в разных работах («Философские начала цельного знания», «Чтения о Богочеловечестве») он даёт её взаимодополнительные характеристики, формулируя шаг за шагом свои «десять пунктов», о которых писал А.Ф. Лосев. Конечно, Соловьёв не говорит непосредственно о Софии как локальной цивилизации. Его рассуждения о ней относятся к человечеству в целом. Однако мы можем реконструировать эти суждения применительно к российской цивилизации, а точнее – к её будущему. С этой точки зрения, Россия, приняв идею Софии как божественной Премудрости Вселенской церкви, может стать в потенции Софийной цивилизацией, то есть частью всего богочеловечества. Но ещё раз повторяю, это моя реконструкция, а не позиция самого Соловьёва.

Каким же образом идея Софии связана с идеей всеединства? По сути становящееся всеединое и София – это, если не одно и то же у Соловьёва, то, по крайней мере, родственные понятия. София же соответствует в его учении

третьему лицу Божественной Троицы – Святому Духу. Вместе с тем это – органическое тело Бога и в то же самое время идеальный (родовой) человек, или богочеловек, воплощающий в своём лице всё совершенное человечество. Я не буду поднимать здесь вопрос о дифференциации самой Софии у позднего Соловьёва, выделения в ней двух самостоятельных начал – божественной премудрости и мировой души. Не стану также вдаваться в разочарования Соловьёва в своей теократической доктрине в последние годы жизни. Оставляю этот предмет исследования для специалистов по истории русской философии.

Гораздо важнее понять сущностные аспекты («пункты») такой цивилизации Софии в философии В.С. Соловьёва, образ которой можно с высокой долей условности проецировать на будущее России. На эти пункты Софии указывает, в частности, А.Ф. Лосев. Поэтому я приведу здесь его интерпретацию с некоторыми комментариями.

1. Пункт первый – *абсолютно божественная, дотварная и внемировая София*. «Итак, София есть идеальное, совершенное человечество, вечно заключающееся в цельном божественном существе или Христе» (цит. по: [4, с. 230]). В этом суждении, с моей точки зрения, заключается трансцендентный смысл всего бытия Софийной цивилизации. Иными словами, именно София выступает первообразом для цивилизации, стремящейся постичь Бога в его абсолютной и нетварной сущности.

2. *Пункт о тварной и нетварной Софии*. «Одна София – это материально-вещественная осуществленность самого абсолюта... В этом смысле София Премудрость Божия есть не что иное, как сам Бог» [4, с. 230]. Другая София – та, которая возникает в инобытии как нечто сотворённое (космос и человечество). И эта, богочеловеческая София воплощена в Христе как тварном и нетварном бытии (богочеловеке), Святой Деве и Церкви. В ней Бог выступает как личность, осуществляющая себя в теле. В иерархии Софии человек благодаря тварно-нетварной природе стоит выше ангелов, то есть чистых, умопостигаемых идей, лишенных свободы выбора. Можно полагать, что цивилизация Софии также обладает тварно-нетварной, т.е. богочеловеческой природой.

3–4. *Космическое и человеческое в Софии*. Фактически в антропологическом измерении Софии речь идёт об уровнях жизни человеческой цивилизации: отдельный человек, народы и общины и человечество как самостоятельное живое существо. София Соловьёва, как подчёркивает Лосев, «вполне человечна, но она цело-

мудренна и лишена бытовых страстей и чувств и являет собою только путь сердечного восхождения человека к высоте духовного совершенства» [4, с. 247]. Именно идею богочеловечности воплощает в себе Софийная цивилизация.

5–6. *Пункты «Вечная женственность» и интимно-романтический аспект* Софии. Пятое – это универсально-феминистическое начало Софии, порождающее человеческие поколения и выступающее для них Матерью. Шестой пункт указывает на стремление всякого любящего к предмету интимного желания (возлюбленной). Он явственно и эмоционально описан в стихотворении «Три свидания» (1898), в котором Соловьёв подводит поэтический итог своих софийных воззрений [4, с. 234–235]. Его отличает не только сердечное, но и целомудренное отношение к Софии. Можно предположить, что к цивилизационному проекту России непосредственное отношение имеет пятый пункт, раскрывающий жизненную силу цивилизации, её способность к воспроизводству новых поколений. Именно София придаёт ей жизненность и любовь.

7–8. *Принцип космической красоты Софии* (эстетически-творческий аспект) и борьба светлых и темных сил вокруг рождения дитя Божьего, которая чревата катастрофами (эсхатологический аспект). С одной стороны, София как воплощение красоты призвана спасти мир, а с другой – она символизирует не только рождение новой жизни, которое происходит в борьбе добра и зла, но и конечную судьбу человечества, которому грозят космические катастрофы. Эти аспекты в полной мере можно приложить к образу России как цивилизации Софии.

9. *Магия Софии*. Этот пункт говорит о Софии как мистической силе, которая используется в борьбе с другими силами и для привлечения к молитвенной акции («Соберите воедино лучи силы вашей, преградите источник вашего хотения и будьте причастны молитве моей: Да возможем уловить чистую голубицу Сиона, да обретём бесценную жемчужину Офира и да соединятся розы с лилиями в долине Саронской». [4, с. 243]). Этот пункт можно интерпретировать так, что в построении российской цивилизации по образу и подобию Софии необходимо использовать её способность к объединению и собиранию людей для борьбы со всеобщим злом.

10. *Русский национальный момент* в Софии. Этот пункт наиболее близок к софийной сущности российской цивилизации. Соловьёв определяет его содержание в работе «Россия и вселенская церковь» (1911). Он полагает, что христианская истина необычайно близка душе русского народа. Последний не только посвящал свои

древние храмы святой Софии, связывая её с Богородицею и Иисусом Христом, но и почитал её как «небесную сущность» и «лучезарный дух возрожденного человечества» [4, с. 253–254].

Как отмечает А.Ф. Лосев, в понимании Соловьёва София была для русского народа социальным воплощением Бога и Вселенской Церкви. А это значит, что последний мог выступать в качестве творца такой социальной общности, как российская цивилизация, хотя сам Соловьёв не признает возможности существования такой самобытной цивилизации, а связывает её с участием России во всемирной цивилизации под предводительством Вселенской церкви и во главе с Папой Римским. При этом он допускает, что светскую власть в новом христианском государстве будет возглавлять русский царь. Такой проект мне представляется более чем утопичным. Но свои замечания по нему я выскажу несколько позже.

По мнению А.Ф. Лосева, главной заслугой В.С. Соловьёва в понимании Софии были постановка новых философских тем или новое прочтение старых тем, а именно: что у абсолюта есть «тело вечности»; что человек выше бесплотных ангелов и обладает свободой выбора; что София есть не только личность, но и социальная структура; что общественно-исторический процесс характеризуется божественной обусловленностью; что идея не существует без вещи; что цивилизация находится накануне больших катастроф [4, с. 257–258]. С этим трудно не согласиться, так же как и с тем, что он, как никто другой, вкладывал в своё понимание цивилизации национально-русскую символику. Это признает и С.Н. Трубецкой, подчёркивая тот органический и живой синтез, который произвёл в своей философии Соловьёв, благодаря соединению национального и вселенского начал.

Каким же образом нравственная философия Соловьёва связана с идеей Софии? С его точки зрения, нации, как индивиды, суть моральные существа и их функция состоит в том, чтобы выполнять свои моральные обязательства во вселенской жизни. Без этого морального призвания они не могут исполнять свой долг перед Богом. А значит, и вся соловьёвская конструкция Софии является моральной по определению, поскольку она олицетворяет собой идеальное и совершенное человечество, заключающееся в Христе. Членения же Софии на тварную и нетварную, космическую и человеческую не отменяет её моральной, а значит, и божественной сути. Ведь «моральное существо никогда не может освободиться от власти божественной идеи» [5, с. 9].

Таким образом, идея Софии послужила развитием его нравственной философии и отправной точкой обоснования проекта христианской цивилизации, целью которой Соловьёв признает создание христианского государства, которое выступает вовне как единство государства и церкви, а внутри себя организуется тремя типами личного представительства (первосвященники, цари или монархи и пророки). Но на этом не заканчивается процесс цивилизационного строительства России.

**Россия и её «цивилизационная миссия»
в мире. Реализуем ли проект
Вселенской церкви?**

В работе «Русская идея» (1897) В.С. Соловьёв определяет отношения России с Западом и смысл её исторического существования [5]. Каковы же эти идеальный смысл и главная идея российской цивилизации? Ведь «...идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [5, с. 8]. А это значит, что цивилизационное развитие России определяется её божественным предназначением. Оно вытекает, в свою очередь, из признания субстанциального единства человеческого рода – великого собирательного существа или социального организма, «живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения, очевидно, что ни один народ не может жить в себе, чрез себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определённое участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, – вот истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога» [5, с. 8].

Конечно, трудно возражать против такого довода, базирующегося на всей философии всеединства Соловьёва. Однако Россия – это не одна-единственная нация, а множество самобытных наций, и у неё не может быть также одной национальной идеи, как и одной религии (христианства). Но именно на неё Соловьёв возлагает миссию объединения всех наций. Вместе с тем он сам признаёт, что на пути движения России во всемирную христианскую цивилизацию ещё стоит национальный эгоизм. Поэтому и обрушивается с критикой на тех, кто считает, что надо поддерживать мощь своей страны и преследовать во всём лишь национальный интерес, обращаясь в трудные моменты истории за советом к своему [5, с. 9].

Как известно, В.С. Соловьёв не разделяет позицию Н.Я. Данилевского в обосновании цивилизационного будущего России и её отноше-

ний с Европой и всем Западом. В соответствии со своими взглядами он настаивает на том, что Россия – часть живого целого или всеединства, то есть всего человечества, а не какая-то отдельная цивилизация. «Высшее национальное призвание» России состоит в её духовном освобождении и в становлении частью богочеловечества. Он не признаёт за ней особой, «неевропейской самобытности». За идеей последней стоит, с его точки зрения, не что иное, как эгоистическое отделение от других христианских народов.

Единственно благоприятной почвой для дальнейшего цивилизационного развития и вместе с тем объединяющим началом самой России остаётся христианство. В принципе, ни для кого не секрет, что он открыто выступал за объединение христианских церквей Запада и Востока. И поэтому «историческая задача России состоит именно в универсально-жизненном осуществлении христианства» [4, с. 309]. А значит, следует преодолеть и второстепенные по отношению к решению этой задачи культурно-исторические различия между европейскими и славянскими народами. К чему приведёт на практике такая культурно-религиозная унификация, я не знаю. Но думаю, что причина здесь состоит не столько в национальном эгоизме и культурной отсталости народов России, сколько в их нежелании становиться на такой путь цивилизационного развития. Поэтому трудно принять доводы самого Соловьёва в том, что надо преодолевать культурную ограниченность России и всячески уходить от официальных и спекулятивных притязаний на особенное место страны в мире.

В чём же всё-таки, по Соловьёву, заключаются исторические преимущества России по сравнению с бесчеловечным Востоком и безбожным, индивидуалистическим Западом? Несмотря на присутствие византийско-православного начала, в ней сохраняются ещё готовность к осуществлению божественной истины и потребность в объединении христианских церквей во Вселенскую церковь. А истинное христианство предполагает, по его мнению, соединение веры и разума, опирающееся на развитие науки, искусства и философии. Вот почему оно должно стать не только всеобщим сознанием, но и практикой жизни («люди будут жить по нему»). Но не стоит забывать и о том, что Соловьёв высоко ценил склонность русских людей к духовной жизни, а также их способность к солидарности и нравственному общежитию с другими народами.

К чему же всё-таки призывает Россию Соловьёв? Стать на путь создания Вселенской церкви, в основе которой лежит «союз божеского и чело-

веческого, являющийся целью творения, лично (ипостасно) совершился в едином лице Иисуса Христа... Твёрдая точка, несокрушимая скала или камень, на который можно опереть действие, найден. Один человек, который с помощью Божией отвечает за всех, – вот конститутивное основание Вселенской церкви» [6]. В ней достигается «единодушие и сознательная солидарность, братская любовь и свободное согласие, это – идеал Церкви, признаваемый всеми» [6]. Но захочет ли идти по этому пути Россия? Нужно ли возлагать на неё такую непомерную и главное – чуждую ей ношу?

Неужели такая церковь может стать историческим существом, способным преобразовать Россию и влить её в лоно более широкой цивилизации, не затрагивая национальных интересов и межконфессиональных противоречий? Увы, Соловьёв убежден, что только она и сможет стать обществом, основанным на истинной вере, поскольку в ней воплощено человеческое и божественное. Сам Христос в ней есть воплощённая истина. Однако этого недостаточно, чтобы убедить всех христиан и нехристиан в необходимости такой церкви. При этом Соловьёв предлагает совершенно крамольную для русских людей вещь – признать «живого представителя Церкви, общего отца всех верующих» в соответствии с установленным им первенством апостола Петра. И он называет такого представителя: «Вселенская истина, в совершенстве осуществленная в одном (Христе), влечет к себе веру всех, непогрешимо определяемую голосом одного (папы)» [6]. Очевиден и центр такого церковного единства – Рим. И далее: «Исповедуя, что епископ Рима – истинный преемник апостола Петра и – как таковой – непоколебимый камень Церкви и ключарь Царства небесного, мы оставляем в стороне вопрос о том, был ли князь апостолов телесно в Риме. Факт этот засвидетельствован церковным преданием, как восточным, так и западным, и мы лично не сомневаемся в его действительности» [6].

Ну что ж, достаточно откровенный, хотя и неубедительный, на мой взгляд, аргумент. Вот так постепенно Соловьёв проводит свою линию: Иисус Христос как воплощённая истина – апостол Пётр как «первый среди равных» и князь епископов – папа римский как главный епископ. Ни слова о том, как отнесутся к его проекту православные епископы и все верующие в России. Наверное, при таком грандиозном замысле их согласие и не требуется. Сами узрят истину... А если она не откроется им, то их можно заставить. Правда, я не представляю, как это можно сделать.

Чем же такая христианская утопия лучше других социальных утопий, в том числе утопии

всеславянства Н.Я. Данилевского, которую Соловьёв отвергает? Думаю, что обе «крылатые теории», как их назвал К. Леонтьев в работе «Владимир Соловьёв против Данилевского»¹ являются утопическими, хотя и по разным основаниям. Конечно, мне ближе по духу теория Данилевского, несмотря на ряд высказанных им исторических допущений и предпочтений, с которыми я не могу согласиться. Но в любом случае мне лично, как и многим россиянам, больше по душе «самобытная цивилизация» в России с православными и иными религиозно-культурными корнями, а не её филиал во Вселенской церкви, возглавляемой главой католиков, которых русский философ так критиковал в своё время за безбожие, а теперь предоставил им всю полноту церковной власти.

Во всём же, что касается критики утопических взглядов Соловьёва, я присоединяюсь к позиции Леонтьева, высказанной в данной работе. Вот, в частности, что он пишет о проекте Соловьёва: «По мнению Влад. Соловьёва, у России нет и не должно быть никакого особого культурного призвания. Назначение русской (и вообще славянской) цивилизации одно: *служить почвой для примирения Православия с папством*. Призвание исключительно *религиозное*; все остальное и безнадежно, и неважно. Поэтому всякая попытка резко обособить Россию от Запада в других отношениях: в государственном, экономическом, в научном, философском и эстетическом, есть попытка не только тщетная, но и прямо вредная, как помеха и задержка на главном пути – религиозного слияния всех христиан в единую истинно Вселенскую Церковь (и не только всех христиан, но и евреев – ибо “весь Израиль спасется”))»².

Удивительно, что Леонтьев, справедливо критикуя Соловьёва за его приверженность утопической идее Вселенской церкви, высказал между прочим предположение, что, возможно, через 150 лет интерес к славянофильству и другим «самобытным теориям» вновь возродится. С тех пор прошло немногим более 130 лет. И мы видим, что поворот к признанию цивилизационного своеобразия России не только в стане гуманитарной интеллигенции, но и среди политиков и общественных деятелей постепенно уже происходит. Неужели его полусерьёзное предсказание сбудется и лет через двадцать мы, наконец, осознаем, что нужно идти своим путём, а не копировать западные или другие стандарты жизни? Немного ли отводится времени для подготовки такого исторического решения?

И всё же Соловьёву нужно отдать должное за попытку превратить христианство в реальную социальную силу. И дело не только в его

стремлении довести дело до построения христианского государства, которое возьмёт на себя многие обязанности во Вселенской церкви, но и в предложении соединить истинную веру с разумом, что приведёт, в конечном счете, к формированию истинного и всеобщего мировоззрения.

Таким образом, второй по значимости проект В.С. Соловьёва оказался не просто претенциозным, но и резко противоречащим сложившимся историческим реалиям и господствующим умонастроениям. Кроме того, он представлял потенциальную опасность сложившейся в то время системе цивилизаций и в случае своего применения мог бы разрушить баланс международных и межконфессиональных отношений. Конечно, в нём выразила себя страстная и мятущаяся душа русского мыслителя, который был один из немногих, если не единственный из религиозный философ, открыто симпатизировавших католицизму и признававших его безусловное первенство в строительстве Вселенской церкви. Очевидно, что даже для своего времени подобный проект выглядел вызывающе антиправославным и к тому же весьма утопичным, за что и попал под град уничтожающей критики своих современников (см., например, анализ их критических публикаций А.Ф. Лосевым [4, с. 310–318]).

Возможное будущее России: цивилизация Софии или Вселенская церковь?

Скорее всего, мой ответ будет отрицательным на обе линии цивилизационного развития России, предложенные В.С. Соловьёвым. Но для начала нужно обосновать свои возражения, учитывая исторический контекст, в котором жил и работал русский философ.

Во-первых, я не буду критиковать Соловьёва за его приверженность идее Софии и моральному идеализму в целом. Они обоснованы в рамках его системы философских координат. Соловьёв имел право так рассуждать, а мы имеем право с ним не соглашаться, но обязаны считаться с тем, что прошло больше ста лет с тех пор, как его доктрина получила как положительные, так и отрицательные отклики современников. В наших же силах попытаться реконструировать его учение с учётом тогдашних реалий.

Во-вторых, выскажу главное возражение. С моей точки зрения, построить единую христианскую цивилизацию при участии России, но с центром в Риме – это значило бы обречь страну на полупериферийное существование и заведомо подчинённое положение. По сути дела, при таком раскладе Россия теряет свой государствен-

ный суверенитет и превращается в филиал западной цивилизации, возглавляемой римско-католической церковью. И здесь не поможет предложение самого Соловьёва сохранить светскую власть за русским монархом.

Я могу временно вынести за скобки нежелание народов России, но ведь и сам Запад не готов к такому повороту событий. Не думаю, что он, учитывая его противоречивое развитие в последние 200 лет, способен был когда-либо, в том числе и сегодня, «переварить» в культурном и религиозном отношении такое многообразие национальных культур и религиозных конфессий или, тем более, принять светскую власть русского правителя со всеми вытекающими отсюда политическими обстоятельствами. Поэтому вряд ли такую теократическую утопию можно признать обоснованной даже по меркам того времени, конца XIX – начала XX в. Сегодня же она воспринимается уже почти как реакционная, претендующая на установление мирового господства христианской цивилизации.

В-третьих, оба проекта («София» и «Вселенская церковь») объединяет идея всеединства В.С. Соловьёва, которая базируется на его убеждении в органическом единстве мира при сохранении индивидуальности составляющих элементов – индивидов, народов и стран. Однако у меня возникает другой вопрос: к какой части Софии имеет отношение проект Вселенской церкви? Ответ не столь очевиден, но можно предположить, что он соотносится с Божественной премудростью в ней, поскольку София как мировая душа оказалась подверженной влиянию адского начала и, в конечном счете, «отпала» от Бога. Поэтому такой проект должен способствовать воссоединению потерянной мировой души с Богом и восстановлению утраченного божественного всеединства.

Но как это сделать в реальной, а не воображаемой истории? По мнению П.П. Гайдено, Соловьёв был убежден, что «исторический процесс ведёт к торжеству добра, к победе единства и любви над распадом и враждой» [1]. Может быть, это и так, но реальная историческая практика пока свидетельствует об обратном. Распределение сфер влияния, включая военные конфликты, между ведущими цивилизациями никогда не прекращалось и не завершилось по сей день. Современный мир постепенно выходит на новый этап столкновения цивилизаций. И священная миссия России в объединении стран и народов с целью окончательного воссоединения с Богом и утверждения Вселенской церкви мне представляется слишком утопичной.

Но как же выполнить цивилизационную миссию России в условиях её культурного и

Таблица

Этапы цивилизационного проектирования	Проекты возможного цивилизационного будущего России, основанные на идее всеединства	
	Проект «София»	Проект «Вселенская церковь»
Цель проекта	Производство человеческого бытия во всей полноте его божественной сущности; восхождение человека к высоте духовного совершенства	Создание христианского государства на основе органического единства государства и церкви; практическое осуществление христианства в повседневной жизни людей
Образы желаемого будущего	София как человеческое и социальное воплощение Бога на земле; Россия – неразрывная часть софийной цивилизации (богочеловечества)	Россия как историческая сила, способная обеспечить «универсально-жизненное осуществление христианства», объединить человеческий род в единый социальный организм, а все церкви во Вселенскую церковь
Способы проектирования	Разворачивание абсолютного как вечного-единого и всеединого в облике вечной женственности и космической красоты, а также с учётом русского национального момента; необходимо сподвигнуть народы России к выполнению их великой миссии	Органическое единение духа, разума и души в христианстве, прежде всего практическое воссоединение истинной веры и высокого разума; преодоление национальных предрассудков и исторических аномалий, препятствующих цели проектирования
Возможности согласования и практической реализации проекта	София – один из возможных проектов трансцендентной цивилизации в России; аналогичные проекты имеются как у предшественников (Н.Ф. Фёдоров, Н.Я. Данилевский), так и у современников (например, «православная цивилизация» С. Хантингтона). Ни один из них не получил поддержки и практического применения	Это наиболее слабый пункт проекта; трудно даже представить, как можно убедить не только церковных иерархов, но и рядовых верующих в правомерности создания Вселенской церкви и отказа от догматов православия; российская общественность как прошлого, так и нынешнего веков не готова к восприятию столь масштабных проектов, затрагивающих геополитические интересы других стран

конфессионального многообразия? Неужели Соловьёв собирался установить при непосредственном и самом активном участии нашей страны всемирную теократию под предводительством Рима? Тогда пришлось бы провести насильственную христианизацию народов, придерживающихся других религиозных верований, и заставить их войти в лоно христианства помимо их воли. А как ещё освободить Россию от «прямых противоречий христианскому началу»? И для этой цели Соловьёв предлагает вытеснить славянофильство и любые проявления почвенничества в стране, чтобы преодолеть «национальные односторонности и исторические аномалии», а также повернуть народы России лицом к образованному человечеству (и прежде всего к христианской Европе)³. Неужели он верил в то, что Европа примет Россию в распростёртые объятия вместе с его национально-специфической идеей Софии? Мне трудно представить себе такую ситуацию как в то время, так и, особенно, сегодня.

При всём обилии идей В.С. Соловьёва реконструировать содержание его проектов достаточно сложно. Ещё сложнее выделить в них цивилизационные константы России, признание которых у современных исследователей вызывает если не отторжение, то вполне аргументированные возражения. Представляю теперь некоторые результаты реконструкции учения Соловьёва о Софии и Вселенской церкви примени-

тельно к построению образов цивилизационного будущего России (табл.).

Таким образом, я попытался показать, что проекты цивилизации Софии и Вселенской церкви, хотя теоретически и совместимы друг с другом в рамках философии всеединства В.С. Соловьёва, их невозможно реализовать на практике как в то время, так и сегодня, когда мир изменился до неузнаваемости. По своей форме они представляют собой двойную утопию, поскольку предполагают и дополняют друг друга. Их утопичность заключается в том, что ни один из них не обладает потенциалом, необходимым хотя бы для его частичной и поэтапной реализации. Причём первый проект являет собой «чистую» (теоретическую) утопию, представляющую интерес лишь для историков философии, а второй – сугубо религиозную утопию, отторгаемую не только в силу глубокого раскола христианской церкви и непримиримого конфликта между её ветвями, но и по соображениям геополитического характера, в том числе нарастающего столкновения западной и российской цивилизаций, о котором писал в конце XX века С. Хантингтон.

Вывод: Россия, будучи незавершенной по форме и транскультурной по сути цивилизацией, «беременна» трансцендентным началом, в том числе всечеловечностью и софийностью. Но вряд ли она пойдёт по пути, предложенному В.С. Соловьёвым, и осуществит его двойную

утопию: станет Софийной цивилизацией и в то же время вольётся в лоно Вселенской церкви под предводительством Папы Римского. Предположить сегодня такой исход – означало бы полностью проигнорировать реальность мира современных цивилизаций, который претерпел радикальные изменения в конце XX – начале XXI в., и навсегда отказаться от поиска какой бы то ни было истины.

Одним словом, Россия на протяжении последних ста лет развивалась с небольшими перерывами как особенная цивилизация. И её никак нельзя «вместить» в проектные рамки Софии или Вселенской церкви, как бы этого ни хотелось Соловьёву и его сторонникам. Но что-то из того, что предложил русский философ, можно, конечно, использовать для формирования новых образов цивилизационного будущего России. И это заслуживает отдельного изучения.

Могу лишь предположить в заключение, что В.С. Соловьёв, возможно, и не стремился к практической реализации своего проекта, а рассматривал его как своего рода интеллектуальный эксперимент, призванный расшевелить консервативно-патриотическое «болото», сложившееся в то время в среде гуманитарной интеллигенции и общественно-религиозных деятелей. Если это так, то ему, по крайней мере, удалось посеять смятение в рядах славянофилов и «почвенников», а также других патриотически настроенных мыслителей, вызвав с их стороны мощный шквал критики. Как известно, критике этих идей Соловьёва посвящены книги и статьи многих его современников. А это уже немаловажный факт, необходимый для формирования общественного мнения в России конца XIX – начала XX в.

Примечания

1. Леонтьев К. Владимир Соловьёв против Данилевского // Гражданин. 1888. № 99, 102, 105, 107, 112, 115, 120, 128, 137, 140, 147, 152 (главы 1–10). Главы 11–14 впервые напечатаны в СС. Т. 7.

2. Здесь по: КНЛ «Восток, Россия и Славянство». С. 466–511. URL: https://web.archive.org/web/20071009044953/http://www.leontiev.net.ru/texts/soloviev_vs_danilevsky.htm (дата обращения: 21.04.2020).

3. Вот что П.П. Гайденко пишет об отношении Соловьёва к славянофильству и о его понимании бытия. «Как и славянофилы, Соловьёв критикует отвлеченное мышление, в частности идеализм Гегеля, с позиций спиритуалистического реализма, требующего различать мышление, мыслящего субъекта и мыслимое содержание – моменты, совпадающие у Гегеля в понятии абсолютной идеи. Подлинно сущее, по Соловьёву, – не понятие и не эмпирическая данность, а реальное духовное существо, субъект воли – сущее. Реальностью обладают только духи и души, носители силы и воли, эмпирический же мир Соловьёв вслед за Кантом и Шопенгауэром считает лишь явлением. Первое и верховное сущее – Бог определяется Соловьёвым в духе неоплатонизма и каббалы как положительное ничто, которое есть прямая противоположность гегелеву отрицательному ничто – чистому бытию, полученному путем абстрагирования от всех положительных определений» (см.: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f70b84bc75ae3d6f0df6>; дата обращения: 21.04.2020).

Список литературы

1. Гайденко П.П. Соловьёв В.С. // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. 692 с. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01f70b84bc75ae3d6f0df6> (дата обращения: 14.12.2019).
2. Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 892 с.
3. Соловьёв В.С. Sophy. Рукопись // ЦГАЛИ СССР. Ф. 446, оп. 1, ед. хр. 19.
4. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
5. Соловьёв В.С. Русская идея. URL: <http://old.st-tver.ru/biblioteka-2/s/1836-solovev-v-s/19661-solovev-v-s-russkaya-ideya-1987> (дата обращения: 14.12.2019).
6. Соловьёв В.С. Россия и вселенская церковь. URL: <http://old.st-tver.ru/biblioteka-2/s/1836-solovev-v-s/19660-solovev-v-s-rossiya-i-vselenskaya-tserkov-1991-1911> (дата обращения: 12.04.2020).

ARE THE «SOPHIA CIVILIZATION» AND THE «UNIVERSAL CHURCH» PROJECTS SUITABLE FOR RUSSIA? (V.S. SOLOVYOV'S DOUBLE UTOPIA AND ITS RECONSTRUCTION)

Yu.M. Reznik

Institute of Philosophy RAS (Moscow)

The famous Russian religious philosopher V.S. Solovyov, in addition to other ideas and concepts, entered the history of Russian culture as the author of original projects – Sophia and the Universal Church. The author of this article aims to show whether these projects are suitable for building images of the civilizational future of Russia and take into account its socio-cultural realities.

The author begins the reconstruction of both projects of V.S. Solovyov by defining their philosophical and ethical grounds. In his opinion, these are the assumptions about good and weal, which are the basis of Solovyov's ideas about the perfection of God, man and his history. Thanks to the unity of the latter, the emergence of divine-humanity, which is expressed by the idea of Sophia, becomes possible. And this unity is possible only at a higher level – the eternal and absolute all-one (God).

Sophia, being the divine wisdom, represents the transcendent element in the Russian civilization, which combines the world of people and the world of God on earth. It is revealed in the historical existence of people step by step or in the form of a sequence of its essential moments: as absolute, pre-created and extra-world, as created and uncreated, cosmic and human, eternally feminine and intimate-romantic, divinely beautiful and magical, and finally, as the Russian national idea. Sophia is embodied in the Christian state as the refuge of the Universal Church. The latter is the divine purpose of Russia, which is destined to implement the idea of Sophia in the earthly life and reunite her lost soul with God.

The author of the article concludes that the projects of Sophia and the Universal Church are not suitable for Russia, which legitimately claims the status of an original civilization. The experience of the last century has shown that Christianity has not become unified, and conflicts between civilizations continue, albeit in a new historical format.

Keywords: philosophy, Solovyov, absolute, unity, man, world, project, history, civilization, Russia, West, morality, Christianity, Sophia, world soul, Universal Church, national idea.

УДК 316

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© 2020 г.

Г.И. Осадчая, Е.Ю. Киреев

Осадчая Галина Ивановна, д.соц.н.; проф.; руководитель Центра исследования процессов евразийской интеграции Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва
osadchaya111@gmail.com

Киреев Егор Юрьевич, к.соц.н.; старший научный сотрудник Центра исследования процессов евразийской интеграции Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва
yegorkireev@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 18.03.2020**Статья принята к публикации 20.07.2020*

Социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции рассматривается как важнейший ресурс интеграции на евразийском пространстве, обосновывается важность социологической оценки её состояния. Представлен обзор сложившихся подходов к объяснению феномена социальной памяти, анализу ее структуры, форм и способов реконструкции социальной памяти. Представлена авторская модель социологического анализа социальной памяти поколения Y – миллениалов постсоветских государств, позволяющая на эмпирическом уровне дать характеристику представлений об общем советском прошлом, Второй мировой войне и роли СССР в событиях тех лет, отношения молодежи государств-членов к вступлению в ЕАЭС и к интеграционным процессам на постсоветском пространстве, оценить механизмы формирования социальной памяти. Предлагаемая теоретическая модель исследования социальной памяти молодежи государств – участников евразийской интеграции нацелена на понимание и объяснение памяти посредством смысловых символов прошлого и настоящего.

Ключевые слова: социальная память, молодежь, евразийская интеграция, социологический анализ.

Введение

Социальная память молодежи постсоветских государств, включившихся в процессы евразийской интеграции, – важнейший интеграционный ресурс. Она представляет собой ключевой механизм социализации, самоидентификации, передачи ментальных и социальных ценностей, является одним из инструментов управления обществами. Обострение борьбы за коллективное понимание образов и смыслов прошлого, активизация попыток создания новых, синтетических форм памяти, основанных на возможностях новых технологий, манипулировании, актуализируют потребность эмпирического изучения темы. Однако сегодня в научном дискурсе нет логически завершенной теории, позволяющей получить достоверное, эмпирически подтвержденное знание о содержании данного феномена, сохранении и понимании общественного исторического опыта молодежи Содружества Независимых Государств. Целью нашего исследования является разре-

шение данного противоречия. Разработка теоретической модели измерения данного социального феномена вносит вклад в теоретическую рефлексию социальной памяти молодых поколений, открывает возможность характеристики глубинной основы актуального осознания молодым поколением социальной реальности как отражения общепризнанного знания сообществ, в которые оно включено, личных переживаний, социальных практик, установления зависимости между отношением к прошлому и отношением к интеграционным процессам в Евразии.

Методология

Для разработки теоретической модели социологического анализа социальной памяти молодежи постсоветских государств использованы общенаучные методы и приемы исследования: анализ, синтез, индукция, абстрагирование, моделирование, наработки современных российских и зарубежных ученых.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на активное обсуждение в последние годы проблем социальной памяти, в научном дискурсе так и не сложилась логически завершенная теория, поскольку интерпретация понятия памяти задается особенностями предметного поля разных наук (психологии, истории, философии, культурологии, социологии) и даже подходов и направлений в рамках одной науки. Концептуальные различия, стремление к междисциплинарному исследованию этого сложного феномена привели к серьезным противоречиям и даже к требованиям отказаться от опоры на классические концепции изучения памяти, что вряд ли следует признать разумным.

Разработанная теоретическая модель социологического анализа социальной памяти молодежи государств – участников евразийской интеграции включает в себя совокупность идей, смыслов, определений, позволяющих связать в единое целое проблемное поле нашего исследовательского интереса. Она предполагает методологическую рефлексию концепта социальной памяти, учитывающую реалии настоящего и обсуждаемые модели будущего, уточнение понятийного аппарата, предложение авторского методического подхода, позволяющих изучить поставленную проблему с учетом целей эмпирического исследования – оценки восприятия молодым поколением образа советского прошлого, событий двадцатого века, прежде всего Великой Отечественной войны, механизмов социализации прошлого, сохранения социальной памяти, выявления зависимости между отношением к прошлому и отношением к интеграционным процессам в Евразии.

Логика построения теоретической модели социологического анализа содержания социальной памяти молодежи требует опоры на предшествующее знание. Поэтому проанализируем идеи, сформулированные учеными, изучающими данную тему, порождающие полезную и адекватную систему понятий для нашего анализа. Вслед за М. Хальбваксом мы полагаем, что отдельные группы обладают присущей для каждой из них социальной памятью, и воспоминания могут фигурировать только в сознании индивидов, которое структурируется в соответствии с существующими социальными договоренностями. Воспоминания человека – не постоянны, текучи, их изменения связаны с характером и требованием настоящего, являются результатом социальной практики. Память формируется в результате коммуникативного взаимодействия и интеракции индивида и группы, в первую очередь семьи, имеет реконструктив-

ный характер пережитого с точки зрения настоящего. Ум реконструирует свои воспоминания под давлением общества [1].

Мы принимаем идею теории А. Ассман о двух видах социальной памяти: коммуникативной (устная передача индивидуального опыта, характеризующаяся высокой степенью неформальности передачи) и культурной (воплощаемая в символических средствах: тексты, картины, фото, которые обеспечивают долговременность памяти или повторяемость памяти: участие, ритуал и усвоение, и активно используемая социальными институтами) [2]. При этом полагаем, что первая и вторая формы могут переходить друг в друга, но могут и противостоять друг другу, подчеркиваем увеличивающуюся роль в формировании коммуникативной памяти возможностей СМИ.

Особенность социальной памяти о событиях XX века молодых граждан постсоветских государств поколения Y состоит в том, что изучаемые явления произошли до их рождения. Обращаясь к концепции «постпамяти» М. Хирша [3], мы соглашаемся, что они обладают особым видом памяти. Она формируется под влиянием визуальной репрезентации произошедшего (фотографии, собственное воображение). При этом эмоционально окрашенная информация в большей мере влияет на социальную память, нежели передаваемая когнитивная информация. Согласны и с тем, что память в семье и других группах постоянно подвергается модификациям в процессе переосмысления, пересказа [3]. Однако не считаем, что семья обладает ограниченным набором инструментов влияния на конструирование социальной памяти молодого человека.

В связи с особенностями эмпирического объекта следует отметить возможность контрпрезентационного измерения истории. В данном случае социальная память молодых используется как инструмент дезинтеграции общественно-политической обстановки, призывов к активным действиям по смене режима. Я. Зерубавель вводит понятие «контрпамяти» как альтернативного представления об истории внутри маргинальных групп [4]. Благодаря различным практикам коммеморации в публичное пространство транслируются иногда противоположные трактовки истории и отношения людей к настоящему.

Часто обращение к прошлому является реакцией на существующее положение вещей, которое не позволяет молодежи выстроить образ будущего, а потому заставляет искать ответы в прошлом. Так, З. Бауман во введении к своей последней работе «Ретротопия» [5], с отсылкой к Светлане Бойм [6], говорит об «эпохе но-

стальгии», которая является защитным механизмом в период ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений и выражается в стремлении к эмоциональной общности с коллективной памятью, что находит свое отражение в ряде политических платформ и идеологий, которые сводятся к обещанию «вернуть всех домой». Опасность «эпохи ностальгии» видится автором в возможности усиления экстремистских и националистических движений. Неопределенность и страх перед будущим заставляют обращаться к прошлому, подобный разворот, по мнению З. Баумана, прослеживается на всех уровнях общественной жизни – мировоззрения и жизненных стратегий. Ретротопия характеризуется отказом от утопии, избирательным запоминанием и забыванием. «Эпидемии ностальгии» часто случаются после революций и потрясений. Например, по мнению С. Бойм, распространенные сегодня в России представления о последних десятилетиях СССР как о «золотой эпохе» порождены падением коммунизма, то есть определенным травматическим опытом. Вслед за З. Бауманом мы в теоретической модели социологического анализа социальной памяти учитываем, что ретротопические настроения и практики сегодня часто культивируют представления о таком прошлом, которого на самом деле не было.

Для нас важен подход к социологическому анализу социальной памяти Дж. Олика, который выделил в качестве предмета исследования фигурации памяти – постоянно меняющиеся соотношения прошлого и будущего, в которых перемешиваются образы, исторические контексты, приверженности определенным ценностям и традициям [7].

В рамках нашего подхода поддерживается теория темпоральной стабильности социальной памяти Х.-А. Хайнриха и постструктуралистская теория Л. Басу, которые были подробно проанализированы в трудах Л.В. Коротецкой [8]. Опираясь на результаты исследований немецкого общественного мнения, Х.-А. Хайнрих показал, что воспоминания людей, как правило, содержат ключевые исторические события, причем в качестве «глобальных категорий». Если общество приписывает конкретным историческим событиям первостепенное значение, то они вспоминаются членами общества на протяжении длительного времени и их оценки быстро не меняются, поскольку выстраивание согласованного образа прошлого на уровне институтов протекает медленно. Оценки и толкования произошедшего могут быть забыты или заменены в зависимости от существующего контекста, обусловленного текущим положением дел. Как

правило, данные оценки меняются вследствие революционных социальных изменений.

Для понимания сущности социальной памяти как разнородного феномена общественной жизни можно использовать постструктуралистскую теорию Л. Басу. Исследователь анализирует комплекс памяти, возникший вокруг исторической фигуры, в рамках категории «диспозитив памяти», преобразовывая категорию философской концепции М. Фуко. Л. Басу предлагает рассматривать «диспозитивы памяти» в соотношении с крупными историческими фигурами и ключевыми событиями прошлого, которые постоянно воспроизводятся в культуре. Медиа, политика и темпоральные связи конструируют новые идентичности исторических фигур, наделяя их значением и возможностью трансформации. Л. Басу отмечает, что память о герое имеет две стороны: первая – коммерциализация и фетишизация, вторая – построение собственных идентичностей, в том числе партийных.

В нашей модели поддержан подход П. Нора к пониманию социальной памяти и определению роли мест памяти (памятники, города, события, праздники, фестивали, книги) для её формирования, сохранению национальных культурных символов [9].

В рамках исследования мы имели в виду опыт эмпирического исследования социальной памяти польских социологов, изложенный в книге «Коллективная память о польском обществе в период трансформации» Петра Тадеуша Квятковского, в которой представлены изменения в отношении поляков к прошлому после вступления в Европейский союз. В работе анализируется «разговорная» коллективная память, «восприятие и опыт прошлого «средними людьми», не профессионально вовлеченными в историю», используются опросы общественного мнения, публикации в прессе и другие источники. Интерес представляет анализ семейной традиции, «коммодификации» прошлого, которая прогрессировала вместе с развитием рыночной экономики» [10].

При формировании авторского подхода к анализу «социальной памяти» учитывались работы российских ученых. Так, например, утверждение Ю.А. Левады, что любое общество неизбежно должно обладать какими-то «способами фиксации своих прошлых состояний», без чего невозможно представить продолжение его жизнедеятельности и развития [11]. Одним из таких способов он называл социальную память. Ю.А. Левада разделял короткую и долговременную социальную память. Первой присуще воспроизводство сложившегося типа социальных отношений, второй – фиксация на отдален-

ном прошлом, которое уже не может быть воспроизведено в настоящем, а потому опосредовано рядом иных состояний, связанных с переоценкой и перестройкой самой сущности социальной памяти. Автор также специально выводил мифологический тип исторического сознания, который служит воспроизведению иллюзорного прошлого, «золотого века» и мифологических персонажей в целях создания новой, необъективной реальности. Задача мифа – санкционировать и навязать определенный тип социальных отношений, подчинить прошлое сегодняшним мифологическим оценкам в угоду сегодняшним иллюзиям.

Представление о памяти как о некоем сфокусированном сознании вслед за Ю.А. Левадой развивал Ж.Т. Тощенко [12]. По его мнению, историческое сознание отражает информацию о прошлом в неразрывной связи с настоящим и будущим. Историческая память является средством выражения прошлого опыта. Ж.Т. Тощенко обращал внимание на избирательность памяти, игнорирование одних событий и заострение внимания на других, ее нередко персонафицированный характер. Историческая память, по мнению Ж.Т. Тощенко, отражает косвенное восприятие исторических событий.

В теоретической модели учтено мнение М.Б. Ямпольского. Он рассматривает социальную память как общие воспоминания, которые не являются производным личного опыта, атрибут совокупности людей, объединенных общими воспоминаниями. Коллективная память выступает способом интеграции, создания сообщества. «Аффект» недостижимости прошлого, который содержится в коллективной памяти, может выражаться в критике присвоения прошлого либо ностальгии. Социальная память или постпамять может выступать в качестве главного источника ужаса, боли, гнева, агрессивности [13].

Для осмысления и интерпретации феномена «социальная память» для нас был полезен современный научный дискурс толкования более широкой категории «память» в контексте различных наук. Так, в работах Л.П. Репиной «Феномен памяти в современном гуманитарном знании» [14], «События и образы прошлого в исторической и культурной памяти» [15] обосновываются понятия «историческая память» и «историческое сознание» как характеристика культуры человеческого общества, концепция надындивидуальной памяти, представляющая, по её мнению, непрерывный процесс формирования идентичности с помощью меморизации событий в общественном сознании и реконструкции «общего прошлого» и с учетом потребностей настоящего. Автор не отождествляет

понятия «история» и «память» и не абсолютизирует их различия, полагая, что необходим комплексный анализ «образа прошлого». Вклад в решение этой задачи вносит предлагаемое нами исследование.

О.О. Дмитриева в статье «Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке» [16] также анализирует взгляды отечественных и зарубежных ученых на интерпретацию категории «историческая память», выделяет типы и формы, раскрывает механизмы её формирования, особенности конструирования национальной идентичности. Автор представляет свое определение «рекоммеморации» как «целенаправленного процесса забвения определенных исторических фактов».

Р.Ю. Сабанчеев посвящает свою статью «Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции» [17] анализу концепции «мест памяти» французского историка Пьера Нора, обосновывая преимущества предложенного способа исторической реконструкции Нора. По его мнению, она «позволяет иначе взглянуть на многие факты прошлого, очистить их от мифологизации и излишней политизации, а также переосмыслить проблемы коллективной памяти, роль личности в истории и значение исторических событий в ее существовании».

Н.Л. Мысливец и О.А. Романов свою статью «Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции» [18] посвятили осмыслению генезиса, сущности и перспектив социологического изучения исторической памяти.

Ряд статей, опубликованных в последние годы, посвящены анализу соотношения исторической и социальной памяти. Так, в статье П.Ю. Черникова «Проблема изучения исторической и социальной памяти» [19] выявлены отличительные особенности исторической и социальной памяти в контексте индивидуального и общественного сознания, соотношения исторической памяти и традиции. Автор обосновал необходимость разработки проблемы определения места индивидуальной памяти в пространстве истории, забвения как социокультурного феномена.

В статье Ю.А. Папениной «Теоретические основы понятия «социальная память»» [20] обосновано, что человек воспринимает информацию ориентируясь на личные культурно-исторические установки и на принятую в социуме систему ценностей и социальную память поколений.

А.В. Верещагина, В.Н. Нечипуренко, С.И. Самыгин в статье «К проблеме определения соци-

альной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма» [21] рассматривают социальную память «как социально созданное и общепринятое знание, относящегося к прошлому определенного сообщества». Здесь дан анализ содержания и функций социальной памяти, индивидуальной и коллективной памяти, культуры и культурной памяти, показана роль процесса инкультурации в сохранении социальной памяти, формировании идентичности общества и индивидов. Раскрыты особенности влияния социальной памяти «на социально конструируемые образы желаемого будущего, а также формирование патристических установок».

Интерес для разработки теоретической модели нашего исследования представляет статья Е.Ю. Рождественской и В.В. Семеновой «Социальная память как объект социологического изучения» [22], в которой раскрыты проблемы социологического изучения феномена социальной памяти на примере результатов эмпирического исследования коллективной памяти бывших «афганцев».

Проблемы социальной памяти молодежи России привлекали внимание очень молодых исследователей – студентов, аспирантов – и менее глубоко анализировались. Здесь можно отметить работы Л.И. Миклиной «Социальная память как фактор формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи» [23], «Социальная память современной российской молодежи» [24], где рассматривается социальная память россиян в связи с текущим состоянием общественного сознания, раскрываются влияние социальной памяти на ценности российской молодежи, теоретические подходы к изучению ценностных ориентаций и памяти, результаты эмпирического исследования. Автор дает определение понятия «социальная память», выделяет базовые компоненты его структуры, особенности коллективной памяти молодого поколения.

Н.А. Поварницына статью «Роль социальной памяти в формировании культурной идентичности современной молодежи» [25] посвятила анализу особенностей и причин кризиса идентичности молодежи в современных условиях.

О.А. Веревкина, М.А. Колповская [26] в 2015 г. сделали попытку анализа особенностей исторической памяти молодежи о событиях Великой Отечественной войны.

Т.П. Емельянова, Т.В. Белых, В.Н. Шабанова в статье «Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «бэби-бумеров» [27] обосновали значительную однородность социально-психологических характе-

ристических представителей поколения «бэби-бумеров» и показали групповые различия в оценках прошлого, настоящего и будущего.

Стоит также отметить, что за последнее время по вопросам социальной памяти были проведены отдельные тематические конференции. Так, например, VIII Социологические чтения памяти В.Б. Голофаства получили название «Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему?». В рамках чтений участники пытались подойти к раскрытию феномена прошлого, культурной памяти и её оценки с позиций междисциплинарного подхода [28].

Категория социальной памяти стала предметом анализа отдельных научно-исследовательских работ, по итогам реализации которых, в частности, были выпущены сборники статей. В этой связи особый интерес представляет сборник, подготовленный Институтом научной информации по общественным наукам РАН и Центром по изучению культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге, посвященный методологическим вопросам изучения социальной памяти. На страницах данного сборника затрагиваются вопросы, связанные с политизацией прошлого, развитием исследований памяти и становления *memory studies* как отдельного научного направления [29].

Для нашего исследования особый интерес представляет анализ исторической политики, проводимой на территории государств, ранее составляющих единое объединение. В частности, в статье И.О. Дементьева «Разделенная история»: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий» на основе историографического анализа рассматриваются сходства и различия подходов к исторической политике и политике памяти, предпринимается оценка продуктивности использования понятий «места памяти» и «конфликты памяти» в странах Балтийского региона [30].

Целый ряд публикаций посвящены Великой Отечественной войне и ее осмыслению с позиций исследований прошлого. Л. Гудков, на основе анализа результатов социологических опросов, обращается к рассмотрению Великой Победы как опорному символу истории России [31]. Важным представляется и тезис о том, что сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне является не только прерогативой государства, но и других социальных институтов, например Русской православной церкви [32].

Стоит отметить, что отдельные исследования социальной памяти проводятся в некоторых государствах – участниках евразийской инте-

грации. В Казахстане исследовательский интерес фокусируется на осмыслении советского прошлого и политики памяти в современном Казахстане [33] и участия Казахской ССР во Второй мировой войне [34], в том числе на коммеморативных практиках и социокультурной памяти в постсоветском Казахстане [35], а также роли казахских национальных войсковых формирований в годы Второй мировой войны [36].

В Беларуси в 2019 г. Национальной академией наук была проведена специализированная конференция, посвященная исторической памяти о Беларуси как факторе консолидации общества, институциональных механизмах ее формирования и сохранения в условиях цифрового общества [37]. Исследования особенностей социальной памяти молодых граждан государств – участников евразийской интеграции не принимались.

Опираясь на проведенный нами критический анализ социально-гуманитарных исследований феномена социальной памяти, дадим краткую характеристику нашей теоретической модели социологического анализа, ориентированной на применение в эмпирическом исследовании, концептуально представляющей нашу теорию социальной памяти. В качестве рабочей дефиниции мы используем определение категории «социальная память молодежи государств – участников евразийской интеграции» как актуальной социальной информации о совместном прошлом народов, ранее входивших в состав единого государства, и совокупности актуальных практик, сформировавшихся под влиянием текущей реальности, общественно-культурного контекста в постсоветских государствах и личного социального бытия молодых людей, разновекторно оценивающих прошлое и по-разному ориентированных на перспективы евразийской интеграции. Исходим из того, что память функционирует благодаря воспоминанию и забвению, выполняет важные функции передачи знания о прошлом, культурных компетенций, ценностей, привносит новую информацию в социальное взаимодействие, задает рамки «приемлемого» социального поведения в социуме, поддерживает социальную идентификацию, определяет трактовку событий прошлого, выступает фактором проектирования будущего и установок на евразийскую интеграцию. В исследовании в интересах анализа выделяем два вида социальной памяти: коммуникативную и культурную, отмечая значительное влияние в современном обществе на процессы формирования памяти и само его содержание медиа, присутствие в обществах большого количества нарративов, связанных с разнородными общественными структурами и сообществами.

С нашей точки зрения, социальная память молодежи не оказывает сильного влияния на ее повседневную жизнь, оставаясь потенциальной силой, которая спонтанно может проявиться в общественной жизни или может быть использована какими-либо политическими силами для дезинтеграции общественно-политического дискурса. Она изучается как массовые обыденные представления, основанные на опросе, содержащем оценочные суждения социальной общности – молодежь о советском прошлом, носителями которой являются индивиды. В нашем случае социальная память ассоциируется не только с коллективной памятью, но и с социальной памятью индивида. Оценка содержания социальной памяти молодежи постсоветских стран в нашем исследовании представляется как эмоциональное отношение к СССР, характеристика фреймовых конструкций советского прошлого, а также результат сопоставления исторических событий, названных информантами в ходе повествования, с которыми они ассоциируют совместное прошлое и разделенную историю постсоветских стран, после распада СССР, особенностей их коннотации с перечнем знаковых социальных событий, оказавших, с нашей точки зрения, влияние на социально-экономическое, политическое и социально-культурное развитие единого Союза и каждой страны.

В качестве эмпирического объекта выбраны молодые граждане (поколение Y – миллениалы¹) постсоветских государств, ориентированных на экономическую интеграцию. При этом мы считаем, что поколения миллениалов в постсоветских государствах в силу большого количества дифференцирующих факторов неоднородны. Восприятие прошлого всегда опосредовано разделяемыми ценностями и пережитым жизненным опытом, сформировавшимся миропониманием, оно по мере взросления меняется и оценивается с позиции настоящей социальной реальности и представлений о будущем, конструирует изменяющееся поле смыслов социальной реальности. Поэтому смысловые конструкты произошедших в прошлом событий могут совпадать/не совпадать внутри молодых поколений как в каждой изучаемой стране, так и, тем более, в разных странах.

Социальная память поколения Y анализируется нами как постпамять, поскольку к моменту распада СССР самым старшим из них было не более 6 лет и при построении картины событий, произошедших до их рождения или в период раннего детства, они опирались на рассказы близких им людей – родителей, учителей, формы визуальной репрезентации произошедшего и собственное воображение.

В основе реализации модели социологического анализа социальной памяти лежит методическая стратегия: анкетный опрос и глубинные интервью молодых граждан поколения Y государств-членов ЕАЭС и кандидатов на вступление в ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Молдова, Таджикистан), проживающих, обучающихся или работающих в г. Москве. Планируется опросить 1750 респондентов (по 250 человек из каждой группы) в городе Москве в возрасте 18–38 лет, отобранных методом снежного кома по двум основным признакам: возраст, гражданство – и 350 информантов (50 информантов из каждой группы) с использованием неслучайной выборки, отобранных методом снежного кома по тем же признакам. А также планируется экспертный опрос 50 представителей научного сообщества государств – членов ЕАЭС и руководителей евразийских ассоциаций и организаций с целью выявления проблем и противоречий в практиках по реконструкции общей социальной памяти.

Выводы

Предлагаемая теоретическая модель исследования нацелена на понимание и объяснение памяти как гибкой фигурации смысловых символов, возникающей на пересечении прошлого и настоящего, контекстов и образов, на характеристику сложных механизмов социального воспроизводства конструирования прошлого, с учетом его рефлексивной природы. Она создает условия для оценки содержания социальной памяти молодежи постсоветских стран как эмоционального отношения к СССР, характеристики фреймовых конструкций советского прошлого, позволяет зафиксировать доминирующие представления молодежи о СССР, уточнить механизмы социализации прошлого, сохранения информации, установить зависимость между отношением к прошлому и отношением к интеграционным процессам в Евразии, степень влияния социальной памяти на позицию человека, предложить формы и способы её реконструкции в интересах расширения социального взаимодействия народов постсоветских стран.

Следует подчеркнуть, что предложенная модель имеет свои ограничения. В рамках эмпирического исследования невозможно полноценное описание модели взаимодействия памяти на индивидуальном и общественном уровне, процессов возникновения памяти о конкретном прошедшем событии, ее закрепления в общественном сознании.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00899 «Социальная память молодежи государств – участников

евразийской интеграции: структура, состояние и механизмы формирования».

Примечание

1. Поколение миллениалов, или поколение Y, поколение людей, родившихся с 1980 по 1999 г., встретивших новое тысячелетие в юном возрасте, характеризующееся прежде всего глубокой вовлечённостью в цифровые технологии.

Список литературы

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вст. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика; Пер. с нем. М.: Н.Л.О., 2014. 328 с.
3. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012.
4. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–25.
5. Бауман З. Ретротопия / Пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
6. Boym S. The Future of Nostalgia. New York: Basic Books, 2001.
7. Олик Дж. Фигурации памяти: процессореляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–74.
8. Коротецкая Л.В. Социальная память: социологический анализ дискурса прошлого в немецком самосознании: Дис. ... кандидата социологических наук. М., 2018. URL: <https://mgimo.ru/upload/2018/04/korotetskaya-diss.pdf> (дата обращения: 10.03.2020).
9. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
10. Kwiatkowski P.T. Pamięć zbiorowa społeczeństwa polskiego w okresie transformacji. Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR. Warszawa, 2008. URL: <http://www.publio.pl/pamiec-zbiorowa-spoleczenstwa-polskiego-w-okresie-transformacji-piotr-tadeusz-kwiatkowski,p48786.html> (дата обращения: 10.03.2020).
11. Левада Ю. Время перемен: предмет и позиция исследователя. Издательство «Новое литературное обозрение», 2016. 872 с.
12. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 10.03.2020).
13. Ямпольский М.Б. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М.: Новое издательство, 2018. 198 с.
14. Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Том 153. Кн. 3. Гуманитарные науки. 2011. С. 191–201.

15. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое / The new past. 2016. № 1. С. 82–99.
16. Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 132–137.
17. Сабанчеев Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 33–38.
18. Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 9–19.
19. Черников П.Ю. Проблема изучения исторической и социальной памяти // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. № 5 (89). С. 189–194.
20. Папенина Ю.А. Теоретические основы понятия «социальная память» // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 12. Вып. 1. С. 395–400.
21. Верещагина А.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. № 1/2. С. 9–19.
22. Рождественская Е.Ю., Семенова В.В. Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕР. 2011. Том. 1. № 6. С. 27–48.
23. Миклина Л.И. Социальная память как фактор формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 5. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/socio/hiden/65.html>; (дата обращения: 10.03.2020).
24. Миклина Л.И. Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. Том 23. № 1. С. 136–140.
25. Поварничина Н.А. Роль социальной памяти в формировании культурной идентичности современной молодежи. URL: <http://naukarus.com/rol-sotsialnoy-pamyati-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti-sovremennoy-molodyozhi> (дата обращения: 10.03.2020).
26. Вережкина О.А., Колповская М.А. Особенности исторической памяти молодежи о событиях Великой Отечественной войны // Молодой ученый. 2015. № 19.1. С. 87–90.
27. Емельянова Т.П., Белых Т.В., Шабанова В.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «бэби-бумеров» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 75–85.
28. Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? // Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб., СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г. / Ред. и сост. О.Б. Божков. СПб.: Эйдос, 2015. 368 с.
29. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.–СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
30. Дементьев И.О. «Разделенная история»: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балтийский регион. 2015. № 4. С. 105–120.
31. Гудков Л. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг. 1997. № 5. С. 12–19.
32. Буюкли Д.А. Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне // Вестник ТГУ. 2019. № 180. С. 179–185.
33. Галиев А.А. Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. № 2 (3.1). С. 430–440.
34. Жанбосинова А.С. Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1 (2). С. 122–130.
35. Жаркынбаева Р.С. Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 103–116.
36. Асанова С.А. Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941–1945) // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (2). С. 280–295.
37. Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г. / Ред. кол.: Коршунов Г.П. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: ООО «СУГАРТ», 2019. 360 с.

**SOCIAL MEMORY OF YOUTH OF THE MEMBER STATES –
PARTICIPANTS OF EURASIAN INTEGRATION:
THEORETICAL MODEL OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

G.I. Osadchaya, E.Yu. Kireev

Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

The article considers social memory as the most important integration resource in the Eurasian space, substantiates the importance of a sociological assessment of the state of social memory of the young people in the Eurasian integration countries. At the center of the proposed sociological analysis is the problem of the perception by the young generation of a number of post-Soviet countries of the image of the Soviet past and events of the twentieth century. The authors provide an overview of the existing approaches to explaining the phenomenon of social memory, analyzing its structure and

formation mechanisms, forms and methods of reconstructing social memory. The authors' original model of a sociological analysis of the social memory of the youth of the EAEU member states and candidates for accession to the EAEU is presented. With the use of this model, it is possible to give an empirical characterization of ideas about the common Soviet past, the Second World War and the role of the USSR in the events of those years, to determine the attitude of young people of member states to joining the EAEC and to the integration processes in the post-Soviet space, to assess the mechanisms of social memory formation. The theoretical research model proposed in the article is aimed at understanding and explaining memory through meaningful symbols of the past and present.

Keywords: social memory, youth, Eurasian integration, sociological analysis.

УДК 316.454.3

НЕПОЛНАЯ ЗАНЯТОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК СЦЕНАРИЙ ПОИСКА РАБОТЫ: НА МАТЕРИАЛЕ НИЖЕГОРОДСКОГО РЫНКА ТРУДА

© 2020 г.

Г.Л. Воронин, А.Д. Крамер, Е.А. Шинкаренко

Воронин Геннадий Леонидович, д.соц.н.; доц.; профессор кафедры общей социологии
и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
voroningl@mail@mail.ru

Крамер Анастасия Дмитриевна, магистрант факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
nas.kramer@gmail.com

Шинкаренко Елена Александровна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии
и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
elenashinkarenko@fsn.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 25.02.2020**Статья принята к публикации 21.07.2020*

Исследуется феномен неполной занятости как одной из стратегий трудоустройства молодежи. Проанализированы теоретические подходы к определению неполной занятости, ее особенности, причины возникновения. На основе двух авторских исследований резюме и вакансий на сайте HeadHunter представлен комплексный анализ явления в Нижнем Новгороде. В исследования были включены как резюме молодых людей, ищущих временную работу, так и вакансии, соответствующие критерию неполной занятости. На основе резюме молодежи, ищущей неполную занятость, выделено несколько сценариев поиска, в основе которых очередность работы (первая, вторая и последующие) и взаимосвязь специальности по образованию и желаемой должности. При анализе рынка вакансий учитывались такие параметры, как форма неполной занятости (частичная, проектная, стажировка), требования к уровню образования, опыту, навыкам. В результате можно говорить, что молодежь при поиске неполной занятости придерживается как стратегии наработки опыта по получаемой специальности в секторе квалифицированного труда, так и сценария подработки в должностях среднего уровня квалификации. Также исследования показали, что в Нижнем Новгороде предлагается широкий спектр вакансий, требующих различного уровня квалификации, опыта работы, уровня образования. Многие должности отвечают запросам молодых людей и являются скорее универсальными, подходящими для соискателей широкого возрастного диапазона.

Ключевые слова: неполная занятость, сценарий поиска работы, трудоустройство молодежи, молодежь, приобретение опыта.

Введение

Трудовая сфера является одной из важнейших в жизни человека, поэтому происходящим в ней процессам уделяется большое внимание со стороны социологов, психологов, экономистов, политиков, представителей международных организаций. Особое внимание в последние годы стало уделяться разным типам занятости. В научных публикациях можно встретить упоминание о неполной, неформальной, вторичной занятости. В данной работе мы сосредоточим внимание на том, что такое неполная занятость, а также насколько данное явление распространено среди молодежи Нижнего Новгорода.

Методология

В самом общем виде неполную занятость (как и неустойчивую занятость в целом) принято противопоставлять стандартной занятости.

Так, У. Бек писал, что та система занятости, которая сложилась в XX веке, была «основана на интенсивной стандартизации всех существенных ее аспектов: трудового договора, места работы и рабочего времени». Другими словами, человек мог рассчитывать на продолжительную полную занятость, в его жизни четко распределялись рабочее и нерабочее время. Однако в конце 70-х – начале 80-х гг. такая система начинает меняться. Границы между работой и неработой становятся текучими, возникают новые более гибкие формы занятости, то есть она становится неустойчивой. Среди причин таких изменений У. Бек называл: дерегулирование трудовой сферы; развитие технологий, которые заменяли работников на производствах. Это приводило к приватизации (со стороны работников) рисков труда в сфере занятости; безработица сменялась генерализованной нестабильной занятостью, ослабевала власть персонала [1].

Разные ученые и страны по-разному определяют неполную занятость. Международная организация труда (МОТ) к занятым неполное рабочее время относит рабочих, «нормальная продолжительность рабочего времени которых меньше нормальной продолжительности рабочего времени трудящихся, занятых полное рабочее время и находящихся в сравнимой ситуации» [2]. В. Гимпельсон и Р. Капелюшников пишут о двух подходах к определению неполной занятости – количественном и качественном. В первом случае продолжительность рабочего дня работников меньше определенной цифры (как правило 30–35 часов в неделю), во втором случае работники при ответе на вопрос о режиме занятости сообщают, что имеют трудовые контракты на неполное рабочее время [3].

Особо остро проблемы трудоустройства стоят перед молодежью. Согласно данным опроса фонда «Общественное мнение», именно проблемы трудоустройства волнуют современных студентов больше, чем проблемы с образованием, жильем, материальным положением [4]. Исследование Е.А. Шинкаренко 2012 г. показало, что студенты часто обеспокоены проблемами в трудовой сфере. Достойная оплата труда, трудоустройство по специальности, стабильность занятости, приобретение трудового опыта воспринимаются как актуальные и острые [5]. Молодежь, выходя на рынок труда, зачастую не обладает необходимым опытом, она менее конкурентоспособна, молодым людям в большей степени присуща социально-профессиональная неопределенность.

В России к молодежи принято относить граждан в возрасте от 14 до 30 лет [6]. По данным официальной статистики, в России в 2018 г. проживало 25 млн граждан в возрасте 15–29 лет. Из-за резкого снижения рождаемости в 90-х – начале 2000-х гг. в последние годы количество молодых людей только сокращалось, что отразилось и на численности рабочей силы [7]. В 2017 г. молодые люди в возрасте 15–29 лет составляли 21.5% (16.4 млн человек) рабочей силы, в то время как в 2007 г. такой показатель был равен 25.3%. Это означает, что людей более старших возрастных групп становится больше в структуре рабочей силы, они занимают все больше рабочих мест, что осложняет выход молодежи на рынок труда. Проблема включения в трудовую деятельность может подталкивать молодежь обращаться к менее устойчивым формам занятости или вовсе избегать трудовую деятельность. Данные Росстата показывают, что среди всех неформально занятых в 2017 г. 23.6% (3.3 млн) составили люди в возрасте 15–29 лет [8]. Исходя из всего этого, неполная занятость

может рассматриваться как важный механизм интеграции молодых людей на рынок труда, у которых по-другому не получается участвовать в стандартизированных формах труда.

Чтобы более подробно проанализировать неполную занятость среди молодежи, обратимся к исследованию «Электронное резюме как элемент профессионального карьерного поля», которое было проведено Е.А. Шинкаренко в октябре–ноябре 2018 г. Объектом данного исследования выступали сценарии поиска работы молодежью, предметом исследования – неполная занятость как сценарий поиска работы. Цель исследования – анализ неполной занятости как сценария поиска работы молодежью. На крупнейшем портале по поиску работы HeadHunter.ru были собраны резюме молодежи (18–25 лет), ищущей работу в Нижнем Новгороде, выборка сплошная ($N = 1021$). Один из параметров резюме – тип занятости. При заполнении электронного резюме система предлагает соискателю указать один или несколько видов занятости. В ходе анализа из общего массива были отобраны данные, где в графе «Тип занятости» соискатели, поставившие прочерк в графе «Полная занятость», выбрали один или несколько других вариантов (частичная занятость, проектная занятость, стажировка). Эти виды мы объединили в одну общую категорию – «неполная занятость». Из 1021 резюме 120 человек указали, что не рассматривают для себя вариант полной занятости.

Результаты

Почти все молодые люди, которые не рассматривают для себя вариант полного рабочего дня, желаемым типом занятости называли частичную занятость, всего треть из них рассматривает проектную работу или стажировку (таблица 1). Стажировка, как правило, предполагает не только выполнение рабочих обязанностей, но и обучение. Также определенное распространение получает проектная занятость, как подчеркивает М.О. Пряженников, наем работников для выполнения задач в рамках определенного проекта характерен как для органов публичной власти, так и для бизнеса и НКО [9].

Выбирая тип занятости, соискатель может указать один или несколько видов. Более половины молодежи (57%) указали в резюме только частичную занятость, 30% – частичную и проектную занятость. Сложно сказать, является ли указание проектной занятости осознанным намерением соискателя по поиску работы в рамках краткосрочного или долгосрочного проекта. Возможно также желание поставить мак-

Таблица 1

**Желаемый тип неполной занятости молодежи
Нижегородского, ищущей работу, %**

Тип занятости	%*
Частичная занятость	96
Проектная работа	31
Стажировка	27

Процент указан от числа тех, кто в резюме не указал полную занятость как желаемую форму трудоустройства (N=120). Сумма процентов не равна 100, поскольку можно выбрать несколько форм занятости

Таблица 3

**Распределение ищущих неполную занятость
по полу и уровню образования, %**

Уровень образования	Пол	
	Женщины	Мужчины
Среднее профессиональное	21	14
Получаемое высшее	27	18
Высшее образование	14	6

Процент указан от числа тех, кто в резюме не указал неполную занятость как желаемую форму трудоустройства (N=120)

симальное количество опций, чтобы получить больше предложений, 16% молодежи указали все три типа (частичная, проектная, стажировка), 10% – частичную занятость и стажировку. Только стажировку или проектную занятость указали менее 5% соискателей.

Большинство молодых людей, ищущих неполную занятость, заинтересованы в гибком графике (таблица 2).

Чуть более 40% не исключают варианта удаленной работы или сменного графика. Менее 10% процент соискателей готовы работать полный день или вахтовым методом.

Анализируя портрет соискателя, ищущего неполный тип занятости, можно говорить о большей привлекательности этой формы для девушек (таблица 3).

Чаще всего работу, предусматривающую неполную занятость, ищут девушки, которые в момент проведения исследования проходили обучение в вузах, за ними следуют юноши, которые также обучаются в университетах (в целом группа молодежи, получающая высшее образование в момент поиска работы, является самой многочисленной – 45%). Молодежь со средним образованием составляет более трети от всех кандидатов (35%), претендующих на неполную занятость. Каждый пятый соискатель обладает высшим образованием.

Более половины тех, кто ищет работу с неполной занятостью, – это студенты в возрасте 18–20 лет, желающие совмещать обучение и работу (таблица 4).

Таблица 2

Желаемый график при неполной занятости, %

График	%*
Гибкий график	88
Удаленная работа	43
Сменный график	42
Полный день	9
Вахтовый метод	5

Процент указан от числа тех, кто в резюме не указал неполную занятость как желаемую форму трудоустройства (N=120). Сумма процентов не равна 100, поскольку можно выбрать несколько вариантов графика

Таблица 4

**Распределение ищущих работу на неполную
занятость по возрастным группам, %**

Возраст	%
18–20	53
21–23	31
24–25	16

В графе о желаемом размере заработной платы молодые люди чаще указывают суммы в интервале 11–15 и 16–20 тыс. руб., небольшое количество соискателей указывали суммы выше 20 тысяч. Эти цифры значительно ниже среднего дохода по Нижегородской области, который в 2018 г. составлял почти 31 000 руб.

В ходе исследования всех тех, кто указал, что не готов к полной занятости, мы разбили на подгруппы в зависимости от того, какую по счету работу они ищут. Выделились подгруппы тех, кто ищет первую, вторую, третью и более работы. Собранные данные позволили посмотреть, какую работу ищут молодые люди, соответствует ли данная работа специальности соискателя, какую зарплату они хотели бы получать. Проанализировав эти данные, мы смогли выделить некоторые сюжеты.

Группа тех, кто ищет первую работу, оказалась самой многочисленной, в нее вошли 46 человек (более трети всех рассматриваемых резюме). Более половины из них получали высшее образование в момент размещения резюме. Представители данной подгруппы (13 человек) в качестве желаемой вакансии указывали «начинающий специалист». В графе «О себе» такие соискатели перечисляют все имеющиеся навыки, которые могли бы заинтересовать работодателя: «Студент 4-го курса факультета права НИУ ВШЭ. Стажировался помощником юриста на крупном предприятии. Имеется опыт в сфере продаж: более полугода работы в международной компании, специали-

зирующей на розничной продаже. Проходил тренинг предоставления обслуживания держателям платежных карт международных платежных систем в компании *United Card Services*» (М., 21 год, желаемая вакансия «Начинающий специалист»); «Студентка 3-го курса радиотехнического колледжа, учусь очно, нуждаюсь в подработке (неполный рабочий день, с 16:00). Работы не боюсь» (Ж., 20 лет, желаемая вакансия «Начинающий специалист»). Такая самопрезентация может говорить о том, что молодые люди пока не определились, кем конкретно они хотят работать, и используют обобщенное название резюме. Работа специалистом предполагает достаточно высокий уровень квалификации, значит, у этих молодых людей видны задатки профессионализации, стремление выйти на рынок труда для наработки опыта.

Другая часть данной подгруппы (33 человека), которая не указывала «начинающий специалист» в названии резюме, искала работу по своей специальности, указывая в качестве опыта прохождение практики, изучаемые курсы: «Учусь в ННГУ им. Лобачевского, 3 курс журналистики. Обладаю коммуникабельностью и умением легко находить общий язык с людьми. Проходила практику на радиостанции "Комсомольская правда", писала статьи (интервью, репортаж и др.) в интернет-журнале» (Ж., 20 лет, желаемая вакансия «Журналист»); «Оконченное высшее образование, бакалавриат радиофизического факультета ННГУ по направлению «Радиофизика и электроника». В данное время студент первого курса магистратуры ННГУ по направлению «Нелинейные колебания и волны» на радиофизическом факультете. Один день в неделю полностью занят на учебе. Опыт работы с нейросимуляторами. Программирую в основном на Python 2/3, хорошее знание основных библиотек. Обладаю базовыми знаниями C++. Учился в языковой школе и окончил обучение на уровне Upper-Intermediate» (М., 21 год, желаемая вакансия «Программист»). Стремление «реализовать» диплом касается не только студентов вузов, но и молодежи, обучающейся в сузах: «Студентка, в данный момент прохожу обучение. Могу отметить у себя такие качества, как наблюдательность, вежливость, ответственность, креативность. Закончила художественную школу, затем поступила в Художественное училище на специальность «Дизайн», и уверенно шагаю дальше в достижении своей цели. А цель моя – хороший и продуктивный дизайнер, способный применить все свои знания и умения для получения наилучшего результата. Имею хорошее чувство вку-

са, творческое мышление, готова к самосовершенствованию и повышению квалификации в данной области» (Ж., 19 лет, желаемая вакансия «Графический дизайнер»). Эта подгруппа соискателей ищет неполную занятость для наработки опыта и построения карьеры в определенной сфере, связанной с полученным образованием.

В графе об ожидаемом уровне зарплаты больше половины данной подгруппы не указали совсем никакой информации. Среди тех, кто указал, суммы варьировались от 5 до 25 тыс. руб., средний показатель равен чуть менее 15 тыс., что значительно ниже среднего уровня заработной платы в Нижегородской области в 2018 г.

Перейдем к подгруппе *ищущих вторую работу*, в нее входят те, кто уже имеет опыт занятости. Численность подгруппы – 30 человек. Небольшая часть данной группы (2 человека) заняты неквалифицированным трудом на должности курьера, горничной. Около трети (10 человек) задействованы на должностях сферы обслуживания, не требующих специализированной подготовки и навыков (официант, продавец-кассир, член бригады ресторана быстрого питания, помощник повара). Такая занятость, как правило, связана с необходимостью быстрого стабильного заработка, предполагает обучение на рабочем месте, а не реализацию специализированных знаний, полученных в ходе обучения в вузе или сузе. При поиске нового места работы 8 человек ищут позицию, схожую с нынешним местом (бариста, официант, продавец-консультант).

В разделе «О себе» соискатели указывают в основном личные качества, которые помогут в работе на определенной должности: «Я студентка, учусь очно на технической специальности. У меня есть опыт работы в сфере продаж. За полгода я научилась находить общий язык практически с каждым человеком, несмотря на то, что у всех разные интересы, вкусы и взгляды на окружающий мир, а также искать решение для самых необычных задач. Я хотела бы совмещать работу с учебой, поэтому рассматриваю только частичную занятость и гибкий график». (Ж., 19 лет, желаемая вакансия «Продавец-консультант»).

Еще одна подгруппа среди тех, кто ищет вторую работу, занята квалифицированным трудом, связанным с администрированием, работой на телефоне, ведением баз данных и документации. Такие должности требуют общей компьютерной грамотности, хороших коммуникативных навыков, знания специфики конкретной области работы. На такие вакансии может претендовать человек с дипломом любо-

го профиля. При поиске работы представители данной подгруппы в основном заинтересованы в смене места, но не профиля занятости. Есть и те, кто хотел бы сменить сферу деятельности, перейдя с должности администратора на должность программиста, с должности оператора call-центра на должность репетитора по математике, с должности менеджера на должность журналиста.

Наконец, можно выделить подгруппу занятых квалифицированным трудом, требующим специальных знаний, умений, навыков, образования (веб-дизайнер, репетитор по английскому языку, инженер, воспитатель). При смене работы выделяется несколько сценариев. Во-первых, смена места работы с сохранением профиля. Например, переход с должности репетитора по английскому языку на должность педагога по английскому языку в детский развивающий центр. Во-вторых, смена квалифицированного профиля на должность, не требующую специальных знаний: например желание сменить должность воспитателя в детском саду на должность продавца-консультанта. В-третьих, углубление профиля, например, переход с должности инженера на должность сметчика. Средний уровень ожидаемой зарплаты у подгруппы ищущих вторую работу выше по сравнению с первой подгруппой (18 тыс. против 15), но все еще значительно меньше уровня средней заработной платы по региону.

Теперь рассмотрим группу тех, кто *ищет третью (или последующую) работу*. В данную подгруппу вошли 44 человека. Здесь нам важно было посмотреть, какова траектория молодых людей на рынке труда, двигаются ли они в сторону работы по специальности или нет. Больше половины молодых людей, вошедших в данную группу, искали работу и работали на местах, не связанных с их специальностью. Как правило это были места либо в сфере услуг, либо специалистов высшего и среднего уровня квалификации. При переходе с первой работы на вторую (а в некоторых случаях при смене второй работы на третью) можно говорить о двух сценариях: сохранение профиля занятости или переход от работы в сфере услуг (официант, бармен) к более квалифицированным должностям, не требующим специального образования (администратор, менеджер по продажам). При смене трех мест работы и более можно найти еще один сюжет: сохранение профиля занятости при переходе от первого места работы ко второму и в дальнейшем – стремление изменить профиль и более квалифицированную позицию на рынке труда. По всей видимости, молодые люди идут по пути изучения рынка труда, нащупывая

наиболее интересные для себя занятия: *«Я очень хочу работать с детьми! Могу смело заявить, что мы с ними на одной волне, можем весело и информативно проводить время! Имею опыт работы в лагерях и на фестивалях (вела кружки и мастер-классы по различным темам)»* (Ж., 20 лет, желаемая вакансия «Преподаватель ИЗО», предыдущая вакансия «Администратор»).

Интересная особенность данной подгруппы в том, что почти половина соискателей в момент публикации резюме о поиске второй работы продолжали работать на своей первой работе. Исходя из доступных данных, можно сделать вывод, что часть молодых людей ищут не просто вторую работу, а готовы заниматься двумя работами одновременно, т.е. вторичной занятостью: *«Ищу неофициальную работу в нижней части города! Умение находить контакт с любым покупателем, работать в команде и достигать совместных результатов, вежливость и стрессоустойчивость помогают мне всегда сохранять спокойствие и доброжелательность при общении с покупателями!»* (Ж., 25 лет, желаемая вакансия «Продавец-кассир»).

Несмотря на то что большинство молодых людей не стремятся пока искать работу по специальности, четко видно, что они ищут работу более высокого статуса, требующую более высокого уровня квалификации, чем предыдущие места работы.

Чтобы понять, на какую работу могут рассчитывать молодые люди, нам помимо их резюме необходимо проанализировать предложение на рынке труда. А.Д. Крамер было проведено исследование, в рамках которого проанализированы вакансии Нижнего Новгорода, предлагающие неполную занятость, размещенные на сайте HeadHunter в период с декабря 2018 г. по январь 2019 г. (N=310). Для унификации вакансий был использован Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ), каждой вакансии присваивался соответствующий код. Помимо кода должности фиксировались требуемый профиль образования, опыт работы, возраст работников. Нашей задачей в рамках данного исследования было узнать, на какие из рассматриваемых вакансий потенциально могут устроиться молодые люди в возрасте 18–25 лет.

Чаще всего работодатели публиковали вакансии, предусматривающие частичную занятость, лишь незначительная часть предложений была связана с проектной работой и стажировкой (таблица 5). Рассмотрим вакансии по всем трем группам отдельно, начнем с частичной занятости, так как это самая большая группа.

Частичная занятость может предполагать различный рабочий график. Чаще всего рабо-

Таблица 5

**Распределение вакансий
по предлагаемому типу занятости, %**

Тип занятости	%*
Частичная занятость	87
Проектная/временная работа	5
Стажировка	8

*Процент указан от числа вакансий, предполагающих неполную (N=310)

тодатели предлагали потенциальным работникам гибкий график (138 вакансий), реже удаленную работу (76), сменный график (32) и полный рабочий день (22). Такое разнообразие выгодно молодежи, так как часто позволяет совмещать рабочую деятельность с учебной. Как показал анализ резюме молодых людей, они как раз чаще всего ищут работу, которая представляла бы гибкий график работы, или удаленную работу. Вакансии, связанные с частичной занятостью, были очень разнообразными, здесь предложения варьировались от специалистов высшего уровня квалификации до работников сферы услуг и неквалифицированных работников. Из 268 вакансий в 193 (чуть более 70%) было указано, что предыдущий опыт работы не требуется, и еще в 57 вакансиях желательным опытом работы были указаны 1–3 года. В рамках нашего анализа именно эти вакансии интересуют нас больше всего, так как молодые люди в силу своего возраста, выходя на рынок труда, не имеют трудового опыта вообще или он очень маленький.

Среди рассматриваемых вакансий выделилось несколько групп в зависимости от необходимой квалификации. Первая группа (106 предложений) включает специалистов среднего и высшего уровня квалификации, к ним относятся медицинские работники, учителя и преподаватели, финансовые работники и работники ИТ-сферы, различные менеджеры, агенты по недвижимости. Определенное количество данных вакансий будет недоступно значительной части молодых людей или студентов, т.к. требуется профильное образование и опыт работы. К таким вакансиям в первую очередь относятся вакансии медицинских работников, врачей и учителей (преподавателей). При этом на сайте были представлены вакансии репетиторов, где не требуется профильного образования и опыта работы и есть возможность совмещать работу с учебой. В то же время можно говорить о спросе на молодых специалистов – выпускников медицинских, педагогических, инженерно-технических специальностей.

Опыта работы и образования не требуют многочисленные вакансии менеджеров. Здесь можно выделить менеджеров по работе с кли-

ентами, по продаже услуг. Работодатели, ищущие людей на данные вакансии, в качестве требований, как правило, указывают такие навыки, как коммуникабельность, ответственность, желание работать с людьми и обучаться, владение компьютером. Работа может осуществляться как удаленно, так и из офиса; график работы тоже гибкий – от полного рабочего дня до нескольких часов в день (с возможностью работать по вечерам, что удобно для студентов, обучающихся по очной форме). Вместе с менеджерами можно упомянуть вакансии «начинающего специалиста», специалистов по продажам, а также рекрутеров/специалистов по подбору персонала, так как требования к ним схожи с требованиями, предъявляемыми менеджерам. Вакансии такого типа часто предполагают работу в различных телекоммуникационных компаниях (МТС, «Билайн», «Дом.ру»).

При более подробном рассмотрении описания вышеперечисленных вакансий видно, что многие работодатели могут и готовы обучать новых работников. Для молодых людей, которые только выходят на рынок труда, данное условие благоприятно. Таким образом, из рассмотренных данных видно, что молодые люди могут претендовать на эти рабочие места, и, как показывает анализ резюме молодых людей, многие из них, действительно, хотят заниматься такой работой или уже делали это в прошлом. Что касается заработной платы, предлагаемой на данных вакансиях, то в основном работодатели готовы платить от 20–25 тысяч (в целом же показатели варьировались от 15 до 40 тыс. руб.). Как мы видим, в среднем работодатели предлагают больше денег, чем молодые люди указывают в своих резюме.

Во вторую группу (29 вакансий) выделились рабочие места, связанные с подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием. Здесь представлены вакансии операторов call-центра, менеджеров по туризму, промоутеров. Отличительная черта многих профессий, представленных в этой группе, состоит в том, что они не требуют опыта работы или специального образования, могут осуществляться удаленно, такая работа занимает всего несколько часов, что позволяет студентам совмещать учебу с работой. Совокупность этих факторов делает такие занятия подходящими для молодежи, которая хочет заработать денег, при этом занимаясь учебой или другой деятельностью. Отметим, что зарплаты, предлагаемые на такие типы работы, ниже, чем, например, в группе вакансий, требующих высоко- и среднеквалифицированных работников. В среднем заработные платы в данной группе профессий начина-

ются от 20 тыс. руб. (в предыдущей группе средний показатель был равен почти 25 тыс.). Если же молодые люди хотят построить карьеру, реализовать полученное образование, то скорее всего данные вакансии им не подойдут.

К третьей группе относятся вакансии в сфере обслуживания (33 вакансии), а также неквалифицированные работники и водители (38 вакансий). В сфере обслуживания предлагаются должности официанта, помощника повара, продавца-кассира и продавца-консультанта. Для таких должностей не требуется специальная профессиональная подготовка, а также опыт работы. Среди навыков, которыми необходимо обладать для выполнения таких работ, работодатели называют: умение работать с деньгами; общаться с покупателями/посетителями; умение продавать; дисциплинированность; доброжелательность. Почти во всех вакансиях, попавших в данную группу, предлагается гибкий график работы. Длительность рабочего дня может варьироваться: в общепите (в нашем случае в KFC) от 4 часов в день (работодатель предоставляет возможность совмещать работу и учебу); в магазинах (одежды или продуктовых) работникам, скорее всего, придется работать полный рабочий день, хотя есть вакансии на неполный рабочий день. В качестве стартовой зарплаты работодатели анонсируют суммы от 14 до 30 тыс. руб. Анализируя резюме, мы видели, что, действительно, значительное количество молодых людей ищут работы в сфере обслуживания, именно чтобы подзаработать денег и потому, что такая работа дает возможность совмещать учебу с работой.

На HeadHunter в большом количестве представлены вакансии водителей, как в такси, так и курьеров. С распространением сервисов онлайн-заказов (таких как Uber, «Яндекс.Такси», Gett) возросли возможности работы таксистом. Тем не менее для молодых людей здесь все равно могут быть свои препятствия: помимо отсутствия водительских прав в описании многих вакансий от соискателей требуется опыт вождения не менее трех лет. В силу своего возраста большой процент молодежи не сможет претендовать на данные рабочие места. Если посмотреть на вакансии водителей-курьеров, то они предполагают наличие личного транспорта, что также ограничивает круг людей, которые могут заниматься данным трудом. Преимуществом занятости в этой сфере является заработная плата от 25–80 тыс. руб., в среднем же работник, занимающийся таким трудом, сможет зарабатывать от 45 тыс. руб. в месяц.

Относительно других неквалифицированных рабочих мест в выборку попало несколько ва-

кансий грузчиков, дворников и уборщиков. Несмотря на то что здесь не требуются какие-либо навыки и умения и убирать можно в удобное для соискателя время, можно предположить, что большинство молодых людей не пойдут заниматься таким трудом. Данное суждение подтверждает исследование резюме молодых людей, лишь 2 человека искали работу неквалифицированным работником. Такой труд не является престижным, за него мало платят, и к тому же он еще физически тяжелый.

Среди неквалифицированных работников в последние несколько лет, благодаря все тем же мобильным сервисам, появился новый вид деятельности, который выбирают многие молодые люди, – это пеший курьер доставки еды. Чтобы выполнять данную работу, молодому человеку всего лишь необходимо иметь при себе мобильное устройство. Работодатели предоставляют возможность пройти обучение, выбрать индивидуальный график работы (возможность совмещения с учебой). При этом не стоит забывать, что такой труд тоже требует серьезных физических сил.

В рамках нашего исследования выделилась особая, довольно многочисленная, группа вакансий, связанная с написанием работ для студентов по различным дисциплинам (всего в эту группу попали 43 вакансии). Учащиеся и студенты и раньше пользовались помощью посторонних людей в написание курсовых работ, докладов и т.д. Но благодаря распространению информационных технологий такое занятие становится профессиональной деятельностью, в которой требуются знания определенной области и навыки написания научных работ. Несмотря на то что на такие вакансии не требуется опыт работы, одним из ограничений является наличие высшего образования. Работу по написанию дипломов можно выполнять удаленно и в свободном графике. Несмотря на то что в такой сфере молодые люди могут реализовать знания, полученные в учебных заведениях, а также заработать от 30 тыс. руб., среди тех резюме, что мы рассмотрели, ни один человек не искал работу похожего профиля.

Перейдем к рассмотрению вакансий, предусматривающих стажировку. Стажировка – это такой тип занятости, который в первую очередь относится к молодым людям, она дает возможность им реализовать свои теоретические знания на практике, втянуться в профессиональную деятельность. Всего в данную группу мы включили 33 вакансии (помимо тех, где было указано, что это стажировка, мы также отнесли сюда вакансии помощников и интернов). Из этих вакансий 26 требовали среднего или высо-

кого уровня квалификации. Почти все рассмотренные нами стажировки не требуют опыта работы (только в четырех случаях требовался прошлый опыт работы в 1–3 года).

Около половины вакансий относятся к IT-сфере, также есть предложения на позиции помощника менеджера по продажам, в государственную службу, в телекоммуникационной сфере. Резюме молодых людей, которые рассматривают стажировку как один из вариантов занятости, во многом соотносятся с предлагаемыми вакансиями (тоже, как правило, ищут высококвалифицированную работу и чаще в сфере технологий). Стажировки в IT-сфере предусматривают высокий уровень квалификации, работодатели ищут выпускников или учащихся технических вузов. К другим стажировкам требований по образованию не предъявляется, но необходимо иметь другие навыки, например знание английского языка (работа интернетом в телерадиовещательной компании), умение работать с ПК и т.д. Только в 12 случаях было указано, что стажировка будет оплачиваться. Предлагаемые зарплаты сильно варьировались, нижняя планка от – 2 до 40 тысяч (в среднем 18 тысяч), а верхняя от – 6 до 70 тысяч (среднее – 27 тысяч). При более подробном рассмотрении описаний вакансий выделились еще несколько предложений, где работодатели готовы стажерам выплачивать зарплату (или стипендию), но в каких размерах и при каких условиях – непонятно.

Последний вид занятости – проектная/временная работа. В данную категорию попало 17 вакансий. Выделяются две подгруппы вакансий: первая – связанные с IT-технологиями и программированием (7 вакансий); вторая – низкоквалифицированные работники (6 вакансий). За исключением неквалифицированных работников, на все остальные вакансии требуется опыт работы. Высококвалифицированные рабочие места требуют не только опыта работы, но и специального образования (математическое или техническое). Такие требования сокращают круг молодых людей, которые могут заниматься данным трудом. Особенность низкоквалифицированного труда в данной группе заключается в том, что сама работа располагается в другом регионе и, по сути своей, представляет работу вахтовым методом (это работники склада и грузчик). Несмотря на то что такой труд может неплохо оплачиваться, молодые люди, которые только окончили школу/университет или которые еще обучаются, скорее всего, не откликнутся на такие вакансии.

Выводы

Резюмируя исследования, можно говорить о том, что стремление к неполной занятости вы-

ступает как сценарий поиска работы для молодых людей, желающих совмещать работу и учебу. Чаще всего к такой стратегии обращаются девушки, получающие высшее образование. Молодежь, имеющая среднее профессиональное образование, представлена в этом секторе в меньшей пропорции. Наименее многочисленны здесь юноши и девушки, имеющие диплом вуза. Важно подчеркнуть, что многие молодые люди в качестве желаемых позиций указывают должности квалифицированных специалистов, ориентируясь на наработку опыта в определенной сфере, желая применить знания, получаемые в ходе обучения. Группа тех, кто ищет возможность подработки на менее квалифицированных позициях, значительно меньше.

Предложения рынка труда в целом отвечают запросам молодых людей, которые готовы к неполной занятости. Работодатели предлагают широкий спектр рабочих мест, требующих самого разнообразного уровня профессиональной подготовки. Широко распространены вакансии для среднего и высокого уровня квалификации. Особо востребованы студенты педагогических, медицинских и технических/математических специальностей. Молодежь может претендовать практически на все вакансии в сфере услуг, а также вакансии, предусматривающие неквалифицированный труд (при этом сами молодые люди почти не ищут и не рассматривают для себя такую деятельность).

На рынке труда представлены вакансии, которые помогут молодым людям начать профессиональную карьеру. Молодежь, которая на данном этапе жизни рассматривает трудовую деятельность как способ подработки для получения материальных средств, также найдет большое разнообразие предложений. Большинство из этих вакансий не требуют опыта и специального образования, при этом они могут относиться к высококвалифицированным сферам (менеджеры, специалисты по продажам, начинающие специалисты, администраторы). Многие работодатели предоставляют возможность выбирать удобный график работы. Данное условие особенно важно для тех молодых людей, которые в настоящий момент проходят обучение. Относительно заработной платы проведенные исследования показали, что сами молодые люди просят и ожидают в среднем более низкую зарплату, чем предлагают работодатели. Можно говорить о том, что трудоустройство конкретных молодых людей будет зависеть уже от их личных качеств, навыков, умений, а также от желания работодателей нанимать молодых специалистов, а не от состояния рынка труда.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Конвенция № 175 Международная организация труда «О работе на условиях неполного рабочего времени». Женева, 24 июня 1994 г.
3. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с.
4. Исследование «Студенчество». Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14277> (дата обращения: 25.02.2020).
5. Шинкаренко Е.А. Социальные проблемы молодежи в представлениях студентов вузов Нижнего Новгорода // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 1 (119). С. 168–180.
6. Основы Государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.rgub.ru/files/state_policy-1021-2.pdf (дата обращения: 25.02.2020).
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/labour_force (дата обращения: 25.02.2020).
8. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат.сб. / Росстат. М., 2018. 142 с.
9. Пряженников М.О. Трудовые аспекты проектной занятости // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 27–30.

**PART-TIME JOB OF YOUTH AS A JOB SEARCH SCENARIO:
BASED ON THE MATERIALS OF NIZHNY NOVGOROD LABOUR MARKET**

G.L. Voronin, A. D. Kramer, E.A. Shinkarenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the phenomenon of youth employment. The theoretical approaches to the definition of part-time employment, its features and causes are analyzed. Based on the author's two studies of resumes and vacancies on the HeadHunter website, we present a comprehensive analysis of this phenomenon in Nizhny Novgorod. This study included both the resumes of young people seeking part-time jobs and the respective part-time employment vacancies. Based on the resumes of young people seeking part-time employment, several scenarios are identified depending on the kind of job (first, second and subsequent) and the relationship between the educational specialisation and the desired position. We included in our analysis of the job market such parameters as the form of part-time employment (part-time, project-based, internship), as well as requirements for the level of education, experience, and skills. As a result of the study, it can be concluded that young people in the search for part-time jobs adhere to both the strategy of gaining experience in the specialty they receive in the skilled labor sector, and the scenario of part-time work in medium-caliber posts. Our studies have also shown that a wide range of vacancies is offered in Nizhny Novgorod that require various levels of qualification, work experience, and educational level. Many positions meet the needs of young people and are sufficiently universal, suitable for applicants in a wide age range.

Keywords: part-time job, job search scenario, youth employment, youth, gaining experience.

УДК 316

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

© 2020 г.

Т.К. Ростовская, М.А. Королев

Ростовская Тамара Керимовна, д.соц.н.; проф.;
заместитель директора ИСПИ РАН по научной работе, Москва
rostovskaya.tamara@mail.ru

Королев Максим Александрович, ст. преп. кафедры социальной медицины и социальной работы,
заместитель декана факультета социальной работы
Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова
m.korolev10@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 16.01.2020**Статья принята к публикации 28.07.2020*

Развитие института социальной работы в России сопровождается становлением отдельных направлений, в частности медико-социальной работы – нового вида деятельности медицинского, психолого-педагогического и социально-правового характера специалиста социальной работы в сфере охраны здоровья населения. Сегодня в центрах социального обслуживания населения медико-социальная работа проводится в следующих основных направлениях: работа специалистов в учреждениях медико-социальной экспертизы; в центрах медико-социальной реабилитации инвалидов; в специализированных отделениях помощи на дому. В учреждениях здравоохранения выделяют следующие приоритетные направления медико-социальной работы: медико-социальная работа в наркологии, медико-социальная работа в онкологии, медико-социальная работа в психиатрии, а также хосписное дело и охрана материнства и детства. Поскольку современная концепция медико-социальной работы была разработана в нашей стране лишь в начале 2000-х гг., организация медико-социальной службы сопряжена с различного рода сложностями.

Анализируются имеющиеся научно-теоретические разработки и эмпирические исследования, касающиеся сферы оказания медико-социальных услуг, выявлены проблемы организации медико-социальной службы по основным направлениям ее реализации. Делается вывод о необходимости совершенствования межведомственной координации в управлении социальной работой в здравоохранении и создания новых механизмов, форм и методов медико-социальной помощи.

Ключевые слова: социальная работа, медико-социальная работа, медико-социальная помощь, межведомственная координация, социология управления.

Введение

Развитие современного российского общества, характеризующееся усугублением социальных проблем и снижением показателей здоровья населения, актуализирует потребность в системе, призванной решать на качественно новом уровне взаимосвязанные вопросы социального и медицинского характера. Особенно остро этот вопрос стоит для лиц, неспособных самостоятельно справиться с данными проблемами. В этой связи ключевое значение приобретают структуры и организации, обеспечивающие медико-социальную помощь населению.

Следует отметить, что в России работа медико-социальной службы организована недостаточно эффективно. И если раньше проблема была только в недостаточном финансовом обеспечении, то сегодня возник ряд иных сложностей, основной из которых является несогласованность работы медицинского персонала и социальных работников. Более того, несмотря на то что общее представление о медико-

социальной работе, а также ее базовая модель в отечественной науке детально описаны доктором медицинских наук, профессором А.В. Мартыненко [1], единого мнения по данной проблеме не существует.

Цель исследования: выявить основные проблемы организации медико-социальной службы в России.

Гипотеза исследования: организация медико-социальной службы в России сопряжена с трудностями, обусловленными различиями в характере медико-социальной работы в учреждениях социальной защиты и учреждениях здравоохранения.

Методология

Выполненный в данном исследовании анализ основывался на принципах объективности и научности. Для достижения цели и проверки гипотезы был реализован ряд методов: анализ литературных источников, обобщение, сравнение, вторичный анализ результатов социологи-

ческих исследований, раскрывающих особенности организации медико-социальной службы в России.

Результаты исследования и обсуждение

Сегодня в сфере социального обслуживания населения медико-социальная работа проводится по следующим основным направлениям: работа специалистов социальной работы в учреждениях медико-социальной экспертизы; в центрах медико-социальной реабилитации инвалидов; в специализированных отделениях помощи на дому, психоневрологических интернатах; центрах помощи семье и детям. В учреждениях здравоохранения выделяют следующие приоритетные направления медико-социальной работы: медико-социальная работа с наркозависимыми, онкологическими и психиатрическими больными, паллиативная помощь, охрана материнства и детства.

Рассмотрим основные проблемы организации медико-социальной службы по каждому из этих направлений.

Медико-социальная работа в учреждениях медико-социальной экспертизы

Установление потребностей освидетельствуемого лица в рамках соцзащиты, в том числе реабилитацию, основанием чего является ограниченная жизнедеятельность, связанная со стойким нарушением функций организма, – одна из основных задач медико-социальной экспертизы [2, с. 412]. Работа указанного учреждения осуществляется на стыке здравоохранения, социального страхования и социального обеспечения; важнейшей целью выступает признание человека инвалидом, определение его потребностей в соответствии с мероприятиями социальной защиты, включающими реабилитацию.

В число сотрудников учреждения входят медики, врачи-реабилитологи, психолог-консультант и социальные работники. Основной задачей последних является предоставление социальной помощи, а также устранение в максимально возможной степени негативных жизненных ситуаций граждан [3, с. 12]. В то же время компетентный специалист по социальной работе должен в достаточной мере разбираться в проблемах социальных отношений, в правовых гарантиях населения, в нравственно-психологических факторах социальной ситуации клиента, а также оказывать квалифицированную помощь, актуальную для образовавшейся ситуации [4, с. 135].

Специалист по социальной работе должен быть осведомлен о состоянии здоровья, при-

вычках, интересах и склонностях своих подопечных. Эти знания позволяют создать микро-социальные группы, смысл деятельности которых заключается во взаимодействии и взаимопомощи с инвалидами и их семьями. В задачи социального работника входит также обучение лица с ОВЗ общению и взаимодействию в ситуации совместного проживания с другими инвалидами [5, с. 79].

По мнению многих исследователей, служба МСЭ нуждается в серьезной реорганизации. Постоянное совершенствование нормативно-правовой базы по медико-социальной экспертизе, к сожалению, не позволяет решить все проблемы медико-социальной экспертизой [6, с. 4]. В их числе авторы называют, в частности, ситуацию, при которой государственные и региональные информационные ресурсы в отношении инвалидов функционируют без общей базы данных, в виде отдельных ведомственных информационных кластеров, различающихся по целям создания, функционирования, структурам и качеству данных.

В силу длительности процедуры оформления направления на медико-социальную экспертизу и прохождения освидетельствования в бюро МСЭ [7, с. 43] многие лица, имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии, отказываются от данной процедуры и предпочитают самостоятельно приобретать положенные им технические средства реабилитации [8, с. 9].

Требует своего разрешения и вопрос о том, что законодательством пока не предусмотрена возможность проведения независимой медико-социальной экспертизы в случае несогласия гражданина с ее результатами. Показатели и классификации, используемые в процессе медико-социальной экспертизы федеральными государственными учреждениями, были сформированы на основе Международной классификации расстройств, принятой Всемирной организацией здравоохранения. В настоящее время по этим показателям невозможно в полной мере, достоверно и точно изучить все уровни ограничения жизнедеятельности лица, имеющего ограниченные возможности здоровья, поэтому предлагаемые реабилитационные программы зачастую оказываются недостаточно эффективными [9, с. 82].

Исходя из изложенного, медико-социальная экспертиза и реабилитационная помощь требуют совершенно иных подходов. Причем эти подходы должны включать пересмотр и улучшение механизмов адаптации и социализации лиц с инвалидностью [10, с. 203].

Медико-социальная работа с инвалидами и лицами пожилого возраста в центрах медико-социальной реабилитации и на дому

Важнейшими задачами национального здравоохранения и социального развития являются: осуществление мер, направленных на улучшение состояния здоровья граждан, профилактику любых заболеваний и инвалидности, совершенствование реабилитации, использование новейших высокоэффективных здоровьесберегающих технологий [11, с. 47].

Реабилитацию лиц с ОВЗ многие годы выполняют дома-интернаты, деятельность которых носит профильный и дифференцированный характер, в ее основе медико-социальная реабилитация. И эта работа часто оценивается положительно. Например, социологические опросы родителей, проводимые в течение шести лет в детском реабилитационном центре для детей с ДЦП (г. Волжский), об участии медико-социальных работников в деятельности центра показали следующее:

– 47.8% семей улучшили материальное положение при предоставлении комплексной социальной помощи;

– 89.3% указали на положительные изменения в личностном развитии ребенка, 61.6% родителей – в физическом развитии;

– 7% отметили улучшение детско-родительских отношений; 24.1% – внутрисемейных отношений [12, с. 10].

Б.А. Качмазова подчеркивает, что детскими реабилитационными центрами должны руководить именно специалисты в области социального обслуживания, так как профессиональный социальный работник наиболее эффективно способен координировать работу всех участников реабилитационного процесса [12, с. 11].

Одной из задач медико-социальной работы с инвалидами и пожилыми людьми является социальное обслуживание на дому. Как показало социологическое исследование Ж.Э. Кесаевой, агенты социальной помощи уверены, что и медицинский уход, и социальная поддержка предпочтительнее на дому, тогда как 50.9% пациентов в качестве наиболее предпочтительной формы медицинской помощи назвали городской стационар. Более того, по мнению социальных работников, и медицинскую, и социальную помощь целесообразно совместить в деятельности одного субъекта – медико-социального работника [13, с. 63].

Целью социального обслуживания на дому является максимальное увеличение времени пребывания лиц, имеющих инвалидность, в привычной для них общественной среде, чтобы не только поддерживать их социальный статус,

но и защищать их права [14, с. 32]. Инвалиды и пожилые люди могут рассчитывать на предоставление таких социально-бытовых услуг от комплексных центров социального обслуживания, как приобретение и транспортировка к месту жительства продуктов питания, готовых блюд, промышленной продукции первой необходимости, оплата услуг коммунально-бытового обслуживания.

Следует подчеркнуть, что со временем постоянно увеличивается количество предлагаемых для лиц, имеющих инвалидность, гарантируемых государством надомных услуг. Кроме того, специалисты по социальной работе сталкиваются с необходимостью оказывать социально-медицинские и санитарно-гигиенические услуги, касающиеся, в частности, доврачебной помощи, помощи в покупке изделий медицинского назначения, а также в госпитализации и сопровождении инвалидов и пожилых людей в лечебно-профилактические учреждения. Специалисты по социальной работе посещают их в медучреждениях для обеспечения психологической помощи, содействия в проведении МСЭ, получении страхового медицинского полиса.

Патронируют пожилых людей и лиц, имеющих физические и (или) психические недостатки, медсестры, недостаток которых ощущается достаточно остро, что, впрочем, свойственно и медицинским, и социальным учреждениям. Высокая психофизическая нагрузка, а также относительно низкий уровень заработной платы обуславливают постоянную нехватку младшего медицинского персонала в данной сфере [15, с. 26]. Формирование штата медицинских сестер осуществляется зачастую без учета особенностей их работы. Медицинские сестры нередко выполняют задачи, которые должны исполняться социальными работниками: при подготовке личных документов пациентов, взаимодействии с родственниками пациентов, а также оказывают психологическую поддержку.

Здесь мы также сталкиваемся с неурегулированностью процесса взаимодействия медицинских и социальных работников.

Специалист по социальной работе в сфере здравоохранения востребован в амбулаторно-поликлинических организациях, стационарах, на дому, наблюдая за пациентами «ранней» выписки из хирургического отделения, в реабилитационных центрах. Основная задача социального работника в медучреждении – обеспечение комфортного пребывания нуждающегося в оказании помощи лица.

Медико-социальная помощь имеет два основных направления: профилактика и работа с патогенетическими факторами. Профилактическое направление охватывает весь диапазон ис-

пользования медико-социальных технологий, а патогенетическое – преимущественно в медицинских учреждениях. По мнению М.А. Беляевой, к основным направлениям медико-социальной работы относятся:

- работа специалистов с клиентами, страдающими наркотическими заболеваниями;
- работа с клиентами, страдающими онкологическими заболеваниями;
- работа с инфекционными пациентами;
- работа с лицами, имеющими психические отклонения;
- охрана материнства и детства [16, с. 14].

Медико-социальная работа с наркозависимыми направлена и на самих наркологических больных, и их родственников и ближайшее окружение, так как химическая зависимость одного члена семьи неминуемо приводит к негативным изменениям во взаимоотношениях внутри семьи, зачастую формируется созависимое поведение [17, с. 401]. Реальная продуктивность мероприятий, проводимых ведомством, явно недостаточна. В немалой степени это объясняется необходимостью выполнения некоторых обязанностей социальных работников медицинским персоналом. Для повышения эффективности данного направления работы социальному работнику следует взять на себя роль координатора в ходе решения всех проблем пациента, имеющего наркотическое заболевание и нуждающегося в консультации различных специалистов: врачей, психологов, педагогов и др.

Еще одной проблемой данного направления медико-социальной работы выступает отсутствие в большинстве населенных пунктов реабилитационного звена, призванного предоставить гражданам медико-социальную помощь в процессе ремиссии.

На опыте Свердловской области, где государственные реабилитационные центры отсутствуют, хорошо видно, что функционируют только негосударственные реабилитационные центры. В нескольких государственных стационарах созданы группы врачей для оказания первого этапа реабилитационной помощи. Не проводится амбулаторный этап медико-социальной реабилитации, отсутствует взаимосвязь между государственными наркологическими лечебными учреждениями и негосударственными реабилитационными центрами при реабилитации таких больных [18, с. 98].

Медико-социальная работа с клиентами, страдающими онкологическими заболеваниями, имеет свои особенности. Если изменения в организме, связанные с таким заболеванием, были

обнаружены на ранних стадиях патологического процесса, прогноз может быть благоприятным. В связи с этим социальная работа с лицами, которые находятся в группе риска, призвана не допустить развития уже начавшихся у них онкологических изменений. В первую очередь следует проводить профилактические мероприятия с теми людьми, у которых уже диагностированы предраковые заболевания, приводящие к возникновению злокачественных опухолей при определенных неблагоприятных внешних либо внутренних факторах, а также с пациентами, имеющими родственников, страдающих онкологическими заболеваниями, с работниками вредных производств и др. [19, с. 18].

Деятельность по организации паллиативной помощи инкурабельным онкологическим больным занимает особое место в медико-социальной работе. Сегодня эта помощь в России находится на низком уровне эффективности, говорить о комплексной медико-социальной деятельности в этой сфере не приходится.

Лечение онкологических больных обуславливает использование таких медицинских подходов, при которых достижение положительного результата терапии негативно влияет на качество и образ жизни человека [20, с. 1387]. И здесь на первый план выходит проблема наличия высококвалифицированных сотрудников, обеспечивающих хоспис-паллиативное сопровождение [21, с. 10].

Чрезвычайно важной частью медико-социальной работы является взаимодействие с родными инкурабельных пациентов, нередко испытывающими не меньший психологический стресс, чем заболевший. Зачастую развитие шоковой стадии у родственников больных проявляется в первую очередь, поскольку о болезни сообщают именно им. Депрессия, которая появляется ближе к исходу, продолжается и после похорон [22, с. 7].

Ближайшие родственники инкурабельного пациента сталкиваются не только с медицинскими, психологическими и материальными сложностями, но и с множеством формальных бюрократических проблем. Неудивительно, что смертность среди членов семьи онкологического больного возрастает на 40% [20, с. 1388]. В медико-социальной работе в паллиативной помощи нуждаются родственники получателя социальных услуг и после его смерти.

Следует согласиться с мнением Т.Н. Ильиной, что паллиативная помощь – это не столько медицинская, сколько, в первую очередь, медико-социальная работа, и в настоящее время наблюдается острая необходимость в обучении новых специалистов в области паллиативной

помощи – специалистов по медико-социальной работе [21, с. 11]. С.И. Глухих, в свою очередь, отмечает, что некоторые из функций специалистов сферы паллиативной помощи могут исполнять бакалавры с высшим сестринским образованием [23, с. 75].

Паллиативное обслуживание ВИЧ-инфицированных.

Ещё одним важным направлением в этой сфере является оказание *паллиативной помощи больным ВИЧ-инфекцией*. Необходимо выработать механизмы взаимодействия различных служб – поликлиник, центров ПБ СПИДа, служб паллиативной помощи, центров социальной защиты – с целью упрощения принятия решения о необходимости оказания медико-социальной помощи на дому, а также порядка госпитализации ВИЧ-инфицированных [24, с. 14].

Многие исследователи считают, что продуктивное совершенствование системы паллиативной помощи – новое направление формирующегося института медико-социальной работы и зависит как от уровня государственной помощи, так и от принятия новых инициатив на законодательном уровне [25, с. 79].

Медико-социальная работа с инфекционными пациентами

Большая часть помощи людям, имеющим инфекционное заболевание, не является лечебно-диагностической, она может оказываться социальными работниками, что свидетельствует о целесообразности организации медико-социальных услуг на базе инфекционных больниц. В клинической инфекционной больнице им. С.П. Боткина (Санкт-Петербург) это было реализовано ещё 1995 г. Отделение медико-социальной помощи состоит из заведующего, двух специалистов, психолога и одиннадцати социальных работников.

С 1 октября 2017 г. в Санкт-Петербурге функционирует кабинет медико-социальной помощи для ВИЧ-инфицированных женщин. Основная задача специалистов кабинета – помочь женщине (и членам ее семьи) успешно контролировать ВИЧ-инфекцию и жить благополучно и счастливо. Команда кабинета поможет женщине:

- принять диагноз;
- сохранять приверженность к АРВ (антиретровирусной) терапии;
- разобраться в том, какие медицинские и социальные учреждения ей нужно посетить;
- защитить свои права (если ей отказали в лечении, разгласили ее диагноз, отказали в усыновлении или опеке);

– получить помощь в ситуации домашнего насилия, в ситуации зависимого и созависимого поведения.

Специалисты кабинета информируют, консультируют и сопровождают женщин, чтобы они смогли стабилизировать свое эмоциональное состояние и жизненную ситуацию. Сопровождение оказывается в случаях, когда требуется комплекс услуг, вплоть до представления интересов клиентки в суде (сопровождение может длиться до года). В кабинете есть возможность получить женскую и детскую одежду, средства гигиены. Для обращения в кабинет не нужны документы или направления. Любая женщина может бесплатно и конфиденциально получить помощь специалистов.

Опыт функционирования Ассоциации «Е.В.А.», которая взаимодействует с городскими госучреждениями и СО НКО, позволит максимально полно удовлетворять нужды клиентов, касающиеся их информирования по сервисам поддержки, обеспечения доступности консультаций специалистов разного профиля, предоставления интересов клиенток в различных государственных учреждениях. Особое внимание специалистов кабинета направлено на профилактику насилия в отношении женщин и помощь жертвам жестокого обращения, проблему нейтрализации зависимого и созависимого поведения.

Мониторинг эффективности работы кабинета реализуется по специально разработанной методологии измерения социального эффекта. К количественным критериям относятся число оказанных женщинам услуг и благополучателей, к качественным – положительные личностно и социально значимые изменения в жизненной ситуации, улучшение материального состояния клиенток кабинета. Успешная реализация проекта позволит внедрить его и в других регионах.

Вместе с тем реализация данного направления медико-социальной работы далека от совершенства, что подтверждается многочисленными исследованиями. Например, врачи, работающие с больными ВИЧ, свидетельствуют, что в первую очередь оказывают инфицированным больным медицинскую помощь (56% ответов), затем психологическую (25%) и социальную (13%). При этом какие-либо консультационные услуги по юридическим вопросам пациентам не оказываются [26, с. 74].

Медики уверены, что ВИЧ-инфицированные страдают и от недостатка реальной социальной государственной помощи, и от отсутствия необходимого после нее реабилитационного процесса. Медицинские работники обращают внимание, что ВИЧ-инфицированным в большей

степени необходима не только психологическая, но и социальная поддержка, интенсивная терапия и помощь со стороны общества [26, с. 74].

Медико-социальная работа с клиентами, страдающими психиатрическими заболеваниями

Сегодня в России закрепились модель помощи психиатрическим больным, ориентированная на психиатра, что вызывает массу нареканий. Ряд ученых считают, что врача-психиатра следует освободить от предоставления юридических консультаций в рамках психиатрической помощи, решения жилищных, бытовых и иных социальных проблем пациентов. Нужно сохранить главное его предназначение в интегрированном подходе к лицам, страдающим психиатрическими заболеваниями [27, с. 117].

Как отмечает С.А. Судьин, существует острая необходимость усиления работы социальных служб в области всесторонней помощи психиатрическим больным [28, с. 52].

Медико-социальная работа в сфере охраны материнства и детства

Охрана материнства и детства – задача комплексная, не исключительно медицинская, следовательно, подход к решению задачи охраны материнства и детства должен быть комплексный. Среди основных технологических методов медико-социальной работы в системе охраны материнства и детства можно выделить профилактические мероприятия, санитарно-гигиеническое воспитание, профилактику здорового образа жизни, социально-правовую помощь, медико-социальный патронаж, организацию мероприятий по планированию семьи.

Женские консультации проводят специальные мероприятия, направленные на снижение числа осложнений в процессе беременности, профилактические осмотры, диспансерный учет беременных, пациентов с хроническими гинекологическими заболеваниями, санитарно-гигиеническое воспитание, пропаганду здорового образа жизни.

Отделения, оказывающие медико-социальную помощь пациентам, следует организовывать и для того, чтобы увеличить эффективность профилактических и лечебно-оздоровительных мероприятий, проводимых в отношении детей, так как, согласно статистике, около 50% детей включены участковым педиатром во вторую группу здоровья в связи с выявлением факторов риска, около 10% таких семей имеют несколько факторов одновременно [29, с. 89].

Задачей отделений медико-социальной помощи выступает медико-социальный патронаж семей, относящихся к группам социального

риска и нуждающихся в медико-социальной помощи. В особом наблюдении нуждаются семьи, имеющие определенные факторы риска, среди которых:

- многодетность;
- несоответствие жилищно-бытовых условий установленным нормам;
- наличие у родителей психиатрических расстройств;
- наличие у родителей алкогольной или наркотической зависимости;
- частые конфликты в семье;
- низкая медицинская и социальная активность членов семьи;
- жестокое обращение родителей с ребенком, использование ребенка в корыстных целях и др. [29, с. 90].

Особенности наблюдения за семьями, входящими в указанные категории, заключаются в высокой целесообразности систематического посещения мест проживания как работниками социальных служб, так и педиатрами для сбора всей необходимой информации.

По результатам анализа научно-теоретических разработок и эмпирических исследований, касающихся сферы оказания медико-социальных услуг, очевидно, что в России социальная работа в учреждениях здравоохранения недостаточно развита и имеет место главным образом в детских поликлиниках и стационарах, наркологических и психиатрических клиниках и в хосписах.

Следует отметить, что значимость деятельности медико-социального работника в учреждении здравоохранения в том, что он работает в соответствии и с медицинскими, и с социальными нормативными предписаниями в качестве основополагающей базы, что положительно влияет на обслуживание пациента. Специалист медико-социального профиля освобождает врача от непрофильной работы, в частности речь идет о приеме пациентов, которые обращаются в медицинское учреждение для решения различного рода медико-социальных вопросов: оформления справок, выписывания рецептов по социальным показаниям и т.д.

Включение специалистов по социальной работе в число сотрудников различных медицинских учреждений вызывает вполне понятное противостояние с врачами, медсестрами, младшим медперсоналом учреждений здравоохранения, что объясняется нечетко определенным полем деятельности этих работников. По мнению Н. Берковитц [30, с. 112], это происходит из-за различия целей и задач медицины и социальной сферы. В частности, первая ориентирована на излечение людей от заболеваний, а вторая – на улучшение качества их жизни в целом.

Выводы

Процесс формирования медико-социальной службы в России находится на этапе становления. Практика организации и осуществления медико-социальной работы свидетельствует о наличии в данной сфере ряда проблем, которые, в числе прочих, обусловлены различиями в характере медико-социальной работы в учреждениях социальной защиты и организациях здравоохранения:

- деятельность медицинских работников направлена на сохранение здоровья и жизни пациентов, социальных работников – на реабилитацию и абилитацию получателей социальных услуг;

- медицина опирается преимущественно на объективные данные, тогда как в социальной работе присутствует высокий уровень субъективной составляющей;

- эмоциональные проблемы пациентов медиками и социальными работниками воспринимаются по-разному;

- существуют отличия в медицинском и социальном обслуживании.

Безусловно, такая ситуация не позволяет продуктивно взаимодействовать специалистам разного профиля, а также способствует формированию определенной степени напряженности в их взаимоотношениях и может привести к отсутствию желания у сотрудников каким-либо образом совершенствовать работу учреждений здравоохранения. Несмотря на принимаемые меры по изменению данной ситуации, проблема не теряет своей актуальности и требует скорейшего разрешения. В этой связи обоснованна модификация существующих методик и организационных аспектов оказания медико-социальной помощи для реализации комплексной поддержки нуждающихся в ней категорий населения.

Список литературы

1. Мартыненко А.В. Теория медико-социальной работы. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 160 с.
2. Помников В.Г. Особенности медико-социальной экспертизы и реабилитации больных и инвалидов в настоящее время // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2010. Т. 5. С. 412.
3. Невлева И.М., Соловьева Л.В. Теория социальной работы. Белгород: Кооперативное образование, 2017. 424 с.
4. Сигида Е.А. Содержание и методика социальной работы: Учебное пособие для вузов / Под ред. Е.А. Сигиды. М.: Владос, 2015. 345 с.
5. Буртонова И.Б. Коммуникативная компетентность специалиста по социальной работе // Вестник БГУ. 2009. № 5. С. 74–81.
6. Пузин С.Н., Меметов С.С., Шургая М.А., Лаптева А.Е., Кузнецова Е.А. Качество медико-социальной экспертизы: современные аспекты формирования клинико-функционального диагноза // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2015. № 3. С. 4–6.
7. Пузин С.Н., Меметов С.С. Проблемные вопросы медико-социальной реабилитации лиц пожилого и старческого возраста на современном этапе // Физическая и реабилитационная медицина, медицинская реабилитация. 2019. Т. 4. № 4. С. 42–44.
8. Меметов С.С., Черныш М.В., Рукодайный О.В. и др. Некоторые промежуточные итоги индивидуальных программ реабилитации – абилитации инвалида // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2017. № 3. С. 6–12.
9. Стрелкова Я.А., Польщикова О.В., Дрогомержский В.В., Третьяков А.А. Обоснование проблемы физкультурно-оздоровительных занятий с инвалидами различных нозологических групп // Успехи современной науки. 2016. № 1. С. 82–85.
10. Сабанов З.М. Особенности совершенствования государственной системы медико-социальной экспертизы в современном обществе // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 1. С. 202–204.
11. Меметов С.С., Балека Л.Ю., Потапов В.Н., Богова О.Т. Совершенствование медико-социальной помощи и реабилитации инвалидов и участников ВОВ на современном этапе // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2015. № 1. С. 46–49.
12. Качмазова Б.А. Теория и практика интеракции социологии медицины и медико-социальной работы: Дис. ... канд. социол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. мед. ун-т, 2008. 160 с.
13. Кесаева Ж.Э. Социологический анализ медико-социальной работы с пожилыми людьми: Дис. ... канд. социол. наук. Волгоград: Волгогр. гос. мед. ун-т, 2008. 134 с.
14. Технология социальной работы / Под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононовой. М.: Дашков и К°, 2020. 478 с.
15. Володин А.В. К вопросу управления качеством сестринской помощи в учреждениях, оказывающих медико-социальную помощь лицам пожилого возраста // Оренбургский медицинский вестник. 2016. Т. IV. № 3–2 (15). С. 24–27.
16. Беляева М.А. Осмысление содержания понятия «медико-социальная работа» // Педагогическое образование в России. 2008. № 1. С. 12–17.
17. Буханько Е.О., Филатова М.В. Медико-социальная работа в наркологии // Проблемы социализации личности в контексте непрерывного профессионального образования: Материалы Межд. научно-практ. конф. (Санкт-Петербург, 11 апреля 2014 г.) / Под ред. В.Н. Скворцова. СПб.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 2014. С. 400–403.
18. Бабушкина Е.И., Чернова Т.В. Социальные предпосылки создания медико-социальной реабилитации в наркологической службе Свердловской области // Вопросы наркологии. 2012. № 6. С. 91–176.
19. Технология медико-социальной помощи различным категориям граждан / Сост. Л.И. Алифанова. Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2016. 52 с.

20. Черкасова Е.А., Кром И.Л., Новичкова И.Ю. Институционализация медико-социальной работы в онкологии // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10. С. 1386–1389.
21. Ильина Т.Н. Паллиативная помощь как направление медико-социальной работы в России // *Перспективы развития российского государства и общества в современных условиях: Материалы Межд. научно-практ. конф. (Саратов, 12 декабря 2014 г.)* / Под ред. В.Л. Чепляева, О.Н. Фомина. Саратов, 2015. С. 9–12.
22. Гнездилов А.В. Психические изменения у онкологических больных // *Практическая онкология*. 2001. № 1 (5). С. 5–13.
23. Глухих С.И. Особенности подготовки медицинских сестер в современном профессиональном образовании // *Siberian Pedagogical Journal*. 2016. № 1. С. 73–77.
24. Шахгильдян В.И. Паллиативная помощь больным ВИЧ-инфекцией как составная часть общей системы паллиативной медицины и реабилитации // *Паллиативная медицина и реабилитация*. 2019. № 2. С. 13–21.
25. Кром И.Л., Еругина М.В., Новичкова И.Ю. Современная интерпретация паллиативной помощи // *Интегративные исследования в медицине: Науч. труды III Всеросс. (с межд. участием) науч.-практ. конференции*. Саратов, 2014. С. 78–81.
26. Евдокимов Г.Э., Егорова В.Н., Винокурова С.П. Медико-социальная помощь ВИЧ-инфицированным пациентам // *Якутский медицинский журнал*. 2018. № 4 (64). С. 73–75.
27. Шарова Е.Н. Социальная работа в здравоохранении: сравнительный анализ в России и за рубежом // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 1-5. С. 116–118.
28. Судьин С.А. Психиатрия и социальная работа: факторы взаимной интеграции // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2011. № 2 (22). С. 49–54.
29. Кургузов В.Т. Социально-медицинские аспекты работы с населением групп риска: Дис. ... канд. социол. наук. М.: Социально-технологич. ин-т, 1998. 162 с.
30. Гуманистический подход к охране здоровья / Отв. ред. Н. Берковитц; пер. с англ. Е.Б. Беззубовой. М.: Аспект Пресс, 1998. 252 с.

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF MEDICAL SOCIAL SERVICES IN RUSSIA

T.K. Rostovskaya¹, M.A. Korolev²

¹Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

²A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry

The development of the institution of social work in Russia is accompanied by the formation of certain areas, in particular, medical social work – a new type of activities for medical, psychological, pedagogical and socio-legal specialists' social work in the field of public health. At present, medical social work at the centers providing social services to the population is carried out in the following main directions: the work of specialists in medical and social assessment institutions; in centers of medical social rehabilitation of disabled people; in specialized departments of home care. In health care institutions, the following priority areas of medical social work are identified: medical social work in narcology, medical social work in oncology, medical social work in psychiatry, as well as hospice care and maternal and child health care. At the same time, since the modern doctrinal concept of medical social work was developed in our country only in the early 2000s, the organization of medical social services involves various difficulties.

The article analyzes the existing scientific theories and empirical research related to the provision of medical social services, which allowed us to identify the problems of organizing medical social services in the main areas. Based on the results of the analysis, it is concluded that there is a need to improve interdepartmental coordination in the management of social work in health care and to create new mechanisms, forms and methods of medical social assistance.

Keywords: social work, medical social work, medical social assistance, interdepartmental coordination, management sociology.

УДК 316.354:351/354

КОМПАРАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОЦЕНКЕ ИННОВАЦИОННОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2020 г.

И.С. Леонова

Леонова Ирина Сергеевна, к.соц.н.; доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irina.leonova@unn.ru

*Статья поступила в редакцию 06.07.2020**Статья принята к публикации 17.07.2020*

Представлен анализ проблемы классификации предприятий по уровню инновационности в условиях изменения технологического уклада, старения персонала, новых требований, предъявляемых на государственном уровне к субъектам экономической деятельности, а также с учетом социально-психологического контекста внедрения инноваций в обществе, тяготеющего к ценностям стабильности. Используются компаративный подход, экспертный метод и метод диагностики организационной культуры. На основании анализа отечественной и зарубежной литературы выделены основные измерения, которые характеризуют инновационность предприятия. Показано, что менеджмент проблемных компаний склонен завышать уровень технологической и управленческой инновационности (в сравнении с оценками, даваемыми экспертами), при этом оценки организационной культуры менеджерами существенно отличаются от оценок персонала. В инновационных компаниях наблюдается близость оценок менеджмента, экспертов и персонала при некотором отставании менеджерских оценок инновационности управления. Обозначена основополагающая роль комплекса управленческих мер и соответствующей современным требованиям организационной культуры предприятия как драйвера инновационности организации в целом.

Ключевые слова: инновации, компаративный подход, экспертная оценка, ценности, организационная культура, старение персонала.

Введение

Новые тенденции мирового экономического развития находят отражение в стратегических планах развития российской экономики. В соответствии с долгосрочным прогнозом министерства экономического развития на период до 2036 г., ситуация на российском рынке труда будет определяться переходом экономики на инновационный путь развития, внедрением инноваций, новых технологий и форматов взаимодействия. Вместе с тем в глобальном рейтинге инновационности Россия занимает сегодня только 46-е место [1]. Ряд причин можно отнести к объективным сложностям макроэкономического уклада и турбулентности современной экономики; но значительная часть причин носит субъективный характер и напрямую связана с человеческим фактором. Ситуация характеризуется тем, что на уровне отдельных предприятий, несмотря на внедрение целого комплекса технологических и управленческих инноваций, как правило, ценности организационной культуры подавляющего количества исполнительского звена и соответствующие им модели организационного поведения остаются прежними, и при этом организация продолжает достаточно успешно свою операционную деятельность на протяжении какого-то промежутка времени.

«Применительно к сегодняшней ситуации в России этот феномен можно объяснить как особенностями национальной культуры, так и процессом переоценки ценностей, разрушением старого габитуса и формированием новых ментальных схем восприятия, оценки и практического действия» [2, с. 125]. В связи с этим актуальной задачей для современной социологии является выявление социально-психологических барьеров инновационного развития, связанных с управлением персоналом компаний, поскольку хорошо известен феномен сопротивления персонала инновациям [3]. Такие исследования могут строиться на сравнительном изучении характеристик персонала инновационных компаний и компаний с проблемами перехода на инновационный путь развития.

Сейчас в России функционирует целый ряд жизнеспособных предприятий, которые сумели успешно преодолеть проблемы трансформации и перехода к новому технологическому укладу и современной парадигме управления с высокой востребованностью инноваций, которые смело можно назвать инновационными вне зависимости от сферы их деятельности. При этом наряду с такими организациями можно наблюдать и большое количество организаций с низкой жизнеспособностью, многолетними проблемами модернизации, предприятия, которые продол-

Таблица 1

Показатели оценки инновационности компании [9–14]

Показатели	-	+
Ноу-хау и технологии		
Источники появления ноу-хау	Заимствованные (зависимость от внешнего источника)	Внутренние (высокая доля автономности)
Тип (характер) ноу-хау	Адаптивное, тип – улучшающий	Обеспечивающее существенный отрыв от точки отсчета, тип – радикальный
Технологические инновации, соотношение интенсивности затрат на технологические инновации и удельного веса инновационных товаров, работ, услуг	Низкий уровень инновационной активности	Стремление к производству высокотехнологичной продукции, высокий уровень инновационной активности
Человеческий капитал		
Ценности	Ценности отношений и иерархии	Ценности инновационности и конкурентоспособности
Отношение сотрудников к инновационной деятельности	Отсутствие желания и мотивации к обучению, нежелание брать на себя ответственность, бескомпромиссность	Целеустремленность, готовность к обучению и самообучению, желание и умение брать на себя ответственность, умение идти на компромисс
Управление		
Организационная структура и инструменты управления	Иерархическая и негибкая структура, жесткое распределение обязанностей, бюрократия	Гибкая, горизонтальная структура, междисциплинарные рабочие группы, адхократия и сетевое взаимодействие
Уровень централизации	Высокий	Оптимальный

жают функционировать во многом благодаря действию целого ряда нерыночных механизмов, включая государственный протекционизм. Именно про такие предприятия авторы говорят, упоминая «хроническую» для России проблему низкой эффективности экономических систем и низкой производительности труда, а также отсталость уровня развития управленческих систем [4; 5, с. 563–564].

В этом случае исследователи, как правило, сталкиваются с проблемой оценки инновационности компаний. И такая оценка необходима, поскольку сравнительный анализ, особенно на начальных этапах исследования, может дать важные сведения о характеристиках персонала и управления. Далеко не всегда можно получить достоверную информацию об уровне инновационности той или иной компании на ее сайте, по материалам работы ее PR-службы. Анализ показателей экономической деятельности нередко является недоступным для исследователей. Безусловно, об инновационности компании в первую очередь судят по производимому ею продукту. Однако встают вопросы об устойчивости компании в реализации ею во времени своего инновационного потенциала, поэтому закономерный интерес вызывает путь компании к ее нынешнему инновационному состоянию. А.В. Платонова и Е.В. Пустынникова справедливо предлагают осуществлять анализ динамики уровня инновационной активности компании за последние 10 лет [6].

Изучение пути становления инновационности является особо значимым, когда компания не создана как инновационная, а преодолела барьеры инновационного развития. Подлежит изучению становление организационных условий и управленческих механизмов как социально-психологического контекста внедрения инноваций, способствующих или препятствующих инновационной динамике в деятельности предприятий в современных условиях, и поиск эффективных инструментов оптимизации неблагоприятных факторов, управление которыми является эффективным способом перевести предприятие на инновационные рельсы [7; 8].

К настоящему времени в целом ряде зарубежных и российских исследований выявлены характеристики в деятельности компаний, которые обеспечивают ее инновационность. Краткий перечень показателей инновационности компании представлен в таблице 1.

Можно видеть, что не только продукты, создаваемые компанией в виде ноу-хау, и ее технологическая оснащенность представляют интерес для исследователей, но и качества персонала, и особенности управления компанией в целом и персоналом в частности. Именно эти характеристики представляются особо значимыми в социологических и психологических исследованиях, направленных на изучение специфических особенностей персонала проблемных и инновационных компаний, становление человеческого капитала при инновационной направленности в развитии компаний.

Таблица 2

Оценка технологических и управленческих инноваций менеджерами компаний и экспертами

№	Оценка технологических инноваций						Оценка управленческих инноваций					
	2008			2019			2008			2019		
	Эксперты	Менеджеры	W	Эксперты	Менеджеры	W	Эксперты	Менеджеры	W	Эксперты	Менеджеры	W
1				7.2	7.6	-				8.5	6.2	*
2				8.3	8.5	-				8.5	7.0	T
3	6.2	6.8	-	9.4	9.2	-	8.2	7.9	-	9.0	7.2	*
4				4.4	5.5	*				4.1	5.5	*
5	3.5	6.0	**	3.5	5.8	**	3.0	6.2	**	3.0	5.7	*
6	3.7	5.5	**	3.5	6.2	**	3.5	6.5	*	3.5	5.0	**
7				3.7	5.6	**				3.5	5.7	**

В таблицах 2 и 3: W – статистическая значимость различий по критерию Вилкоксона: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$, T – тенденция; - – статистически значимые различия отсутствуют.

Представленные в таблице характеристики показывают содержательную сторону технологии оценки уровня инновационности компаний. Для построения такой технологии целесообразно разработать шкалы оценки, привлечь менеджмент компаний и экспертов, осуществить сбор данных и провести сравнительный анализ компаний по всем основным показателям: наука – технологическая инновационность, персонал – приверженность ценностям инновационности и управление – управленческая инновационность. Особую сложность представляет получение данных о становлении инновационности компании во времени. Однако имеющиеся данные, полученные в предшествующих исследованиях [15], могут помочь в ответе на вопрос о необходимости изучения временной динамики инновационных процессов.

Цель исследования: апробация компаративного подхода к оценке инновационности компаний.

Эмпирическая база исследования: семь крупных производственных компаний г. Нижнего Новгорода, типичного промышленного города России с еще советской историей; часть из них имеют репутацию инновационных компаний, а часть – это компании с многолетними проблемами модернизации, в последнее время – с серьезными трудностями вхождения в новый технологический уклад.

Методы: метод оценки менеджерами компаний и оценки экспертами Нижегородской ассоциации промышленников и предпринимателей уровня технологических и управленческих инноваций. Внешним экспертам было предложено оценить технологический и управленческий уровень известных им компаний по десятибалльной шкале, сравнивая оцениваемые предприятия с предприятиями региона. Поскольку внешние эксперты, как правило, незнакомы с характеристиками персонала компаний, применен метод диагностики организационной культуры компании К. Камерона и Р. Куинна,

позволяющий выявить преобладающие ценности организационного развития в социально-психологическом контексте трудовой деятельности персонала [16]. От каждой компании в исследовании приняли участие по 5–7 менеджеров и примерно по 80 представителей инженерного корпуса. Исследования психологических барьеров инновационного развития и психологической жизнеспособности компаний ведутся в ННГУ им. Н.И. Лобачевского с 1999 г. [17], поэтому оказалось возможно представить в таблицах сведения о трех компаниях, исследованных в 2008 г., чтобы можно было составить представление о динамике их инновационности.

Результаты и их обсуждение

Данные таблицы 2 показывают, насколько сложно доверять оценкам менеджмента проблемных компаний. С одной стороны, менеджеры знают положение дел в компании, но, с другой – ни разу не зафиксированы оценки ниже 5 баллов. Даже на предприятиях с очень большими проблемами менеджмент не считает свои компании существенно «хуже» других. Это относится как к 2008 г., так и к 2019.

Сравнение своей компании с другими, более инновационными, заставляет менеджеров сохранять типичный для них уровень оценки в диапазоне 5.5–6.2 балла. Эксперты присваивают проблемным компаниям оценки инновационности в диапазоне 3.0–4.1 балла. Практически во всех случаях выявлены статистически значимые различия в оценках менеджеров и экспертов. Привлекает внимание близость оценок технологической и управленческой инновационности. Оценки управленческой инновационности несколько ниже технологической, но статистической значимости различий нет. Видимо, это не случайно: управленческая инновационность должна бы вести за собой технологическую, но сохранение традиционных управленческих подходов оставляет технологическую инновационность на низком уровне.

Таблица 3

Оценка организационной культуры компании менеджерами и персоналом (инженеры)

№	Ценности организационной культуры, 2019											
	Клановые		W	Инновационные		W	Рыночные		W	Иерархические		W
	М	И		М	И		М	И		М	И	
1	30.6	27.5	T	19.5	20.5	-	30.5	33.2	-	19.4	18.8	-
2	33.3	30.5	-	20.4	19.3	T	31.0	32.4	-	15.3	17.9	-
3	24.8	25.5	-	20.0	18.5	-	30.2	31.5	-	25.0	24.5	-
4	25.6	41.5	*	17.2	12.4	*	22.4	19.2	*	34.8	26.9	*
5	23.5	40.5	*	19.1	10.7	*	20.5	16.6	*	36.9	32.2	*
6	21.6	34.5	*	17.5	12.5	*	20.5	15.4	*	40.4	37.6	T
7	30.3	35.5	*	17.8	14.1	*	18.5	12.2	*	33.4	38.2	*

Подтверждение этого можно увидеть, если обратиться к данным, полученным при исследовании компаний, причисляемых экспертами к инновационным. В 2008 г. компания № 3 имела экспертную оценку технологической инновационности 6.2 балла, а управленческой – 8.2 балла. В 2019 г. соответствующие показатели составили уже 9.4 и 9 баллов соответственно. То есть управленческое опережение в организационных изменениях обеспечило и технологический рост. Оценки экспертов и менеджеров инновационных предприятий весьма близки при оценке технологической инновационности, статистически значимые различия между ними отсутствуют. Но это не относится к оценке управленческой инновационности в 2019 г. Оценки менеджеров существенно ниже оценок экспертов, хотя статистически значимо выше оценок менеджеров проблемных предприятий. Это свидетельствует о том, что менеджеры понимают, что они действуют в правильном направлении (это подтверждает успешное технологическое развитие), но и перспективы оптимизации управленческих процессов еще велики.

Результативность управления на инновационных предприятиях подтверждается при анализе ценностных основ организационной культуры (ОК) (табл. 3).

И менеджеры, и инженерный корпус инновационных компаний солидарны в оценке инновационного компонента ОК. Он колеблется в диапазоне 18.5–20.5%. Это существенно превосходит оценки присутствия инновационности в ОК проблемных компаний, где представленность этого компонента в оценках инженеров составляет 10.7–14.1%. Менеджеры проблемных предприятий и в этом случае демонстрируют статистически значимо более высокие оценки, чем их персонал. Диапазон их оценок составляет 17.2–19.1%. Это статистически значимо не отличается от оценок инженеров инновационных предприятий. На этом примере хорошо видно, что для оценки инновационности недостаточно менеджерских оценок. Ценности

ОК инновационных компаний соответствуют оценкам технологической и управленческой инновационности, а на проблемных предприятиях оценки менеджеров и персонала существенно расходятся, но на первый план выступает соответствие экспертных оценок и ценностного состояния ОК по оценкам инженерного корпуса.

Другие ценностные составляющие ОК подтверждают общую картину инновационности в исследуемых компаниях. Можно видеть, что тип ОК в инновационных компаниях базируется на рыночных ценностях с сохранением сложившихся отношений в коллективах и выраженным инновационным компонентом. Иерархический компонент представлен минимально в сравнении с остальными. Это обеспечивает внутреннюю конкуренцию, которая не разрушает человеческие отношения, а стимулирует инновационность.

В проблемных компаниях ценностная организационно-культурная ситуация принципиально другая. Менеджмент полагает, что держит организационную ситуацию под полным контролем. Иерархический компонент представлен в диапазоне 33.4–40.4%, но только в одной компании (№7) инженеры признают эту доминанту. В остальном инженерный корпус оценивает присутствие клановых ценностей как доминирующих: от 34.5% до 41.5%, что показывает уязвимость авторитарического подхода: работники всегда находят способы смягчить его действие. Но это смягчение не способствует росту ни инновационных ценностей, ни рыночных: и те, и другие представлены минимально. Это еще раз подтверждает, что сохранение традиционных для России кланово-иерархических подходов в управлении является нередко непреодолимым барьером инновационного развития.

Выводы

1. Проведенное пилотное исследование на основе компаративного подхода, экспертных оценок и организационной культуры по разра-

ботке технологии оценки уровня инновационности компаний для проведения социологических и социально-психологических исследований показало продуктивность и перспективность полученных результатов.

2. Динамика экспертных оценок технологической и управленческой инновационности отражает специфику инновационных преобразований в компаниях. Экспертная оценка и оценка организационной культуры персоналом являются более надежными для компаний с многолетними проблемами выхода на инновационный путь развития, чем оценки менеджеров этих компаний.

3. В компаниях инновационной направленности оценки менеджментом как уровня технологической инновационности, так и ценностной приверженности персонала инновационному развитию близки с оценками экспертов. Отмечено, что менеджмент инновационных компаний более сдержан в оценке инновационности управления, чем эксперты. Это указывает на то, что менеджмент видит перспективы развития.

4. При оценке уровня инновационности компаний для получения надежного результата целесообразно использовать весь комплекс апробированных дополняющих друг друга оценочных средств. Вместе с тем исследование динамики развития инновационности компании во времени является важным аспектом исследования, но при невозможности сбора таких данных можно ограничиться актуальными результатами. В этом случае целесообразно сравнивать компании с приблизительно одинаковой продолжительностью существования.

Список литературы

1. Global Innovation Index 2019. 12th Edition / Eds S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Cornell SC Johnson College of Business. 2019 [Electronic resource]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report> (дата обращения: 04.02.2020).
2. Бекарев А.М., Пак Г.С. Организационная культура как многомерный феномен // *Личность. Культура. Общество*. 2011. № 2. Т. 13. С. 120–126.
3. Мкртычян Г.А., Исаева О.М. Причины сопротивления персонала организационным изменениям: взгляд менеджеров как агентов перемен // *Организационная психология*. 2015. Т. 5. № 1. С. 22–33.
4. Внутских А.Ю., Сокрута Л.В., Пищальников Д.В. Повышение производительности труда как междисциплинарная проблема: историческая ретроспектива // *Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология*. 2015. Вып. 4 (24). С. 132–142.
5. Пищальников Д.В., Ныркова Ю.Л., Руднова Н.А. и др. Комплексный подход в изучении производительности труда: актуальное состояние и перспективы исследования // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018. Вып. 4. С. 562–572.
6. Платонова А.В., Пустынникова Е.В. Инновационное развитие предприятий обрабатывающей промышленности: тенденции и перспективы // *Вестник университета*. 2020. № 1. С. 57–64.
7. Brettel M., Chomik C., Flatten T.C. How organizational culture influences innovativeness, proactiveness, and risk-taking: fostering entrepreneurial orientation in SMEs // *Small Business Management*. 2015. Vol. 53 (4). P. 868–885.
8. Everly G.S., Smith K.J., Lobo R. Resilient leadership and the organizational culture of resilience: construct validation // *International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience*. 2013. Vol. 15 (2). P. 123–128.
9. Яшин С.Н., Тихонов С.В. Методические подходы к определению структуры инновационного потенциала организации // *Финансы и кредит*. 2015. Т. 628. № 4. С. 2–12.
10. Захарова Л.Н. Психологические барьеры становления инновационной экономики в России // *Социальная психология труда. Теория и практика: Коллективная монография* / Под ред. А.Л. Журавлева, Л.Г. Дикой. М.: Институт психологии РАН, 2010. Т. 2. С. 313–330.
11. Daft R.L. Organization theory and design. 10th Edition. South-Western Cengage Learning, Mason, USA, 2009. 670 p.
12. Prasad B., Junni P. Understanding top management team conflict, environmental uncertainty and firm innovativeness // *International Journal of Conflict Management*. 2017. Vol. 28 (1). P. 122–143.
13. Bibi M., Zafar N., Kausar R. Perceived Authentic Leadership Practices, Organizational Climate and Team Innovativeness in Employees of Multinational Companies // *FWU Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 12 (2). P. 123–134.
14. Vnuckova L., Urbancova H. Perceived authentic leadership practices, organizational climate and team innovativeness in employees of multinational companies // *Quality Innovation Prosperity*. 2020. Vol. 24(1). P. 54–68.
15. Kafashpoor A., Shakoory N., Sadeghian S. Linking Organizational Culture, Structure, Leadership Style, Strategy, and Organizational Effectiveness: Mediating Role of Knowledge Management // *Advanced Research in Economic and Management Sciences (AREMS)*. 2013. Vol. 10. P. 158–172.
16. Cameron K.S., Quinn R.E. Diagnosing and changing organizational culture: Based on the competing values framework. Third ed. San Francisco: Jossey-Bass, 2011. 242 p.
17. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Коробейникова Е.В. Ценностный конфликт и психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 411 с.

COMPARATIVE APPROACH TO EVALUATING AN ENTERPRISE'S INNOVATIVENESS***I.S. Leonova***

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article presents an analysis of the problem of classifying enterprises according to the level of innovativeness in the context of changing technological patterns, aging staff, new requirements at the state level for economic entities, and also taking into account the socio-psychological context of the introduction of innovations in society that leans towards the values of stability. In this study, we use a comparative approach, an expert method and an organizational culture diagnostic method. Based on the analysis of domestic and foreign literature, the main dimensions that characterize the innovativeness of the enterprise are identified. It is shown that the management of problem companies tends to overestimate the level of technological and managerial innovation (in comparison with the estimates given by experts), while managers' assessments of organizational culture differ significantly from those made by the personnel. On the contrary, in innovative companies, the closeness of management, expert and personnel assessments is observed, with some lagging behind in management innovation assessments made by the managers. The fundamental role of a set of management measures and the current requirements of the organizational culture of the enterprise as a driver of the innovativeness of the organization as a whole is emphasized.

Keywords: innovation, comparative approach, expert judgment, values, organizational culture, staff aging.

УДК 316

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МУЖЧИН (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2020 г.

Н.Б. Гафизова, Е.О. Цалко

Гафизова Наталья Борисовна, к.и.н.; доц.; доцент кафедры теории управления
Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
gafizovanb@mail.ru

Цалко Екатерина Олеговна, к.соц.н.; доцент кафедры теории управления
Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
etsalko@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 26.02.2020**Статья принята к публикации 29.07.2020*

Изучение репродуктивных установок населения позволяет понять, к каким мерам стимулирования рождаемости чувствительны те или иные группы населения. Предпринята попытка охарактеризовать репродуктивные установки мужчин Ивановской области, которая отмечена устойчивой тенденцией убыли населения. Исследование базируется на результатах авторского исследования – анкетирования и фокус-группового интервью, проведенных в мае–июне 2019 г. Анкетирование охватило все 26 муниципальных образований региона. Опрошены жители репродуктивного возраста соответственно половозрастным различиям и месту проживания. Четыре фокус-групповых интервью позволили получить социологическую информацию по каждому типу муниципальных образований Ивановской области: городской округ, муниципальный район, городское поселение, сельское поселение. Делается вывод, что большинство мужчин ориентированы на малодетную семью с дуальным взаимодополняющим родительством. Установлено, что среди мужчин установки на бездетность выше, чем в целом по выборке, в два раза, а также выше установка на малодетность. В качестве причин отложенного деторождения преобладают нестабильность материального положения, низкие зарплаты, жилищная неустроенность. Делается вывод, что в случае активной демографической политики и поддержки семей с детьми возможно преодоление установок на малодетность. Наиболее актуальными мерами поддержки семьи с детьми, по мнению мужчин Ивановской области, являются выплаты материнского капитала, льготное жилищное кредитование, предоставление земельных участков под жилищное строительство, предоставление психологической поддержки, юридических консультаций, скидок в учреждениях культуры и досуга.

Ключевые слова: демографическая проблема, репродуктивные установки, мужчины.

Актуальность исследования

Демографическая проблема – проблема политическая. Не случайно практически в каждом своем ежегодном послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин инициирует новые меры стимулирования рождаемости и повышения благополучия семей с детьми. Однако по-прежнему проблема деторождения в медийном пространстве и на уровне обыденного сознания чаще всего рассматривается как женская и детская. Проводимые социологические опросы, в том числе и общероссийского масштаба, включают в выборку мужчин, но при этом вычленения их репродуктивных установок, как правило, не осуществляется. Анализ мнений и установок мужской части населения в отношении рождения детей, их количества представляется важной задачей, потому что решение конкретной семьи, пары, женщины рожать или не рожать первого / очередного ребенка зависит и от позиции мужчины.

В Ивановской области демографическая проблема является довольно острой. На протяжении нескольких лет демографическая ситуация характеризуется снижением общей численности населения. Это результат отрицательного сальдо естественного воспроизводства. На начало 2018 г. удельный вес численности населения Ивановской области составил около 0.7% численности населения Российской Федерации и примерно 2.6% численности населения Центрального федерального округа. Плотность населения Ивановской области на начало 2018 г. – 47.3 человека на 1 кв. км. Так, по данным Ивановостата на 1 января 2019 г., численность населения Ивановской области составила 1004180 человек [1], а по данным СМИ, за 2019 год численность постоянного населения Ивановской области впервые перешла порог в 1 млн человек. По прогнозным оценкам, в 2020 г. численность постоянного населения составит 992.1 тыс. человек, к 2022 г. она будет составлять 978.3 тыс. человек [2].

Общее снижение численности населения региона обусловлено в основном естественной убылью населения. В 2018 г. в регионе родилось 9117 детей, что на 768 детей меньше по сравнению с 2017 г. (9885 детей). Суммарный коэффициент рождаемости на начало 2018 г. составил 1,4 [2]. По-прежнему в Ивановской области удельный вес женщин значительно больше, чем мужчин, – 55% и 45% соответственно. Неблагоприятно складывается ситуация в отношении нагрузки на трудоспособное население. В общей структуре населения доля граждан старше трудоспособного возраста составила 26,9%, лица трудоспособного возраста – 55,2%, детское население – 17,9%.

Выборка и методы исследования

Исследование репродуктивных установок жителей Ивановской области было проведено в мае–июне 2019 г. Использовались два метода – анкетирование и фокус-групповое интервью. Для проведения анкетирования населения применялась стратифицированная непропорциональная выборочная совокупность, которую составили жители Ивановской области репродуктивного возраста. Основными котируемыми признаками выступили возраст, пол, место проживания. В каждом из 26 муниципальных образований региона опрашивались жители репродуктивного возраста (от 18 до 49 лет) соответственно половозрастным различиям и месту проживания – город/село. Всего было проанкетировано 756 человек. Первичная информация была обработана в программе IBM SPSS Statistic-23.

Также было проведено 4 фокус-групповых интервью по каждому типу муниципальных образований Ивановской области: городской округ (город Иваново), муниципальный район (Юрьевецкий район), городское поселение (город Комсомольск), сельское поселение (село Аньково Верхнеландеховского района).

Всего в выборке 49% мужчин и 51% женщин. Распределение респондентов по возрасту соответствовало типу выборки – каждая возрастная группа представлена в равных частях. Более половины опрошенных состоят в браке, треть не замужем / не женаты и менее 10% состоят в гражданском браке или разведены. По уровню образования наибольшее количество респондентов имеют высшее (39,7%) или среднее профессиональное образование (34,9%), около 15% имеют только полное среднее общее. Распределение респондентов по субъективным оценкам своего экономического положения в целом отражает экономическое положение семей в Ивановской области: основная часть (бо-

лее 40%) находится на краю бедности («живем от зарплаты до зарплаты, еле сводим концы с концами»), трети респондентов «приходится работать изо всех сил», чтобы обеспечивать себе приличное существование; 15% опрошенных живут в бедности. Состояние детности в Ивановской области отражает общероссийские тренды – преобладают однодетные и двухдетные семьи. Многодетные семьи – в демографическом понимании этого термина, то есть 5 и более детей, – составили чуть более 1%.

По большинству переменных анализ проводился по полу, возрасту, месту проживания (городской округ, городское поселение, сельское поселение), образованию и уровню материального благополучия.

В данной статье будут представлены результаты исследования о репродуктивных установках мужской части населения региона.

Результаты исследования

Как показывают исследования, факторы репродуктивного поведения – это жизненные условия, субъективное переживание которых влияет на принятие решения о рождении или не рождении ребенка.

Прежде всего, подобным фактором выступает общая оценка жизни, восприятие будущего. В общем массиве 44,8% жителей Ивановской области воспринимают свое будущее с беспокойством, тревогой, 10,5% – с безысходностью. Около 40% ивановцев испытывают положительные эмоции в отношении своего будущего – надежду и уверенность. Среди мужчин беспокойство и тревогу отметили 41%, безысходность – 12,8%, надежду и уверенность – 39,6%. В целом по выборке эмоциональное восприятие будущего мужчинами и женщинами существенно не различается.

Данные анкетирования подтверждаются результатами, полученными в ходе фокус-группового интервью. Участникам фокус-групп был задан вопрос: «Люди по-разному смотрят в будущее: кто-то его боится, кто-то только на будущее и возлагает надежды? А какие чувства Вы чаще всего испытываете, думая о своем ближайшем будущем?». Как правило, ответы участников делились на два типа – ответы с положительным эмоциональным окрасом и отрицательным. Приведем типичные ответы с отрицательным содержанием: «с *настороженностью*» (Максим, 35–39, двое детей, село, Комсомольский район); «с *опасениями, потому что доход падает*» (Антон, 30–34, город Комсомольск); «с *опасением, потому что закрываются предприятия и я боюсь потерять доход*;

наше предприятие перевели в город, и я лишился сельских доплат; что дальше будет – не понятно» (Сергей, 25–29 лет, село, Юрьевецкий район); «я не знаю, чего ждать» (Андрей, 30–34, город Юрьевец); «определенно отрицательные ожидания, в нашей стране ничего хорошего точно не будет» (Александр, 30–34, город Иваново); «нет уверенности, стрёмно, не понятно, будет работа или нет» (Михаил, 35–39, двое детей, село Аньково Верхнеландеховский район); «определенный страх, потому что не знаю, как устроюсь в жизни» (Александр, 15–19, село Аньково Верхнеландеховский район); «страх, потому что не понятно, что будет с работой и благосостоянием» (Сергей, 25–29, четверо детей, село Аньково Верхнеландеховский район).

Как видим, настороженное восприятие будущего демонстрируют мужчины разных возрастов, имеющие и не имеющие детей, проживающие в населенных пунктах разного типа. Беспокойство мужчин в основном связано с трудоустройством и материальным благополучием, возможностью прокормить себя и семью.

Среди тех, кто давал ответы, содержащие позитивную оценку будущего, преобладают молодые мужчины. Например, в Комсомольском районе: «положительные ожидания» (Дмитрий, 20–24, город Иваново); «все будет хорошо, я уверен» (Александр, 15–19, город Иваново); «хорошее ощущение, главное для меня – поднять детей» (Артем, 30–34, четверо детей, село Аньково Верхнеландеховского района); «страха нет, я уверен в себе» (Никита, 15–19 лет, село Аньково Верхнеландеховского района).

Из полученных ответов можно выявить ряд закономерностей. Эмоциональное восприятие будущего обусловлено возрастными и семейными характеристиками участников. Чем моложе участники, тем чаще высказывались позитивные эмоции в отношении будущего. Социальные страхи обусловлены социально-экономическими причинами: отсутствием стабильной занятости и дохода, боязни того, что не сможешь поднять детей, потеряешь работу.

Фокус-групповое интервью позволило установить, что идеальная семья в восприятии жителей Ивановской области – это полная (с двумя родителями) семья, где есть взаимопонимание и общие интересы супругов; это семья с дуальным взаимодействующим родительством – где отец и мать полноправные родители, в равной степени участвующие в воспитании детей.

Однако опрос показал, что представления об идеальном и желаемом количестве детей в семье у жителей региона расходятся. Семья без детей является идеальной для 1.4%, желаемой – для 2.2%, с одним ребенком – для 21.7% и

23.8%; с двумя детьми – для 60.6% и 56.9%, с тремя детьми – для 12.2% и 13.4%, с четырьмя детьми и более – 3.9% и 3.3% соответственно для мужчин и женщин. У мужчин в сравнении с представлениями женщин наибольшее расхождение касается семьи без детей – мужчин, желающих иметь такую семью, больше на 1.2%, – и двухдетной семьи – мужчин, желающих иметь такую семью, меньше на 3.5%. Среди мужчин установки на бездетность выше, чем в целом по выборке, в два раза, и выше установка на малодетность – на 3.7%.

Установки на количество детей должны подтверждаться действиями и наличием соответствующих планов по рождению, поэтому обратимся к анализу планов по рождению ребенка (первого, последующего). Для этого респондентам был задан вопрос: «Собираетесь ли Вы иметь ребенка (первого, второго, последующего) в ближайшие 3 года?». В целом по выборке решение отложить деторождение отметили 26.6% жителей региона, мужчин – 28.1%. Затруднились с ответом 17.8% жителей и 19.6% мужчин. Среди затруднившихся с ответом и откладывающих деторождение преобладают молодые со средним и высшим образованием жители городских округов. По всей вероятности, это их вполне рациональное решение, обусловленное необходимостью устроиться в жизни – создать семью, сделать карьеру.

Рассмотрим теперь причины отказа от рождения ребенка. По выборке преобладают причины, связанные с профессиональной сферой и материальным положением, – отсутствие работы (38.6% по выборке, 41.5% – мужчины), не с кем будет оставить ребенка (35.1% по выборке, 32.7% – мужчины). 2/3 жителей региона в целом и мужчин очень мешают материальные трудности и неуверенность в завтрашнем дне. Среди причин, связанных с семейной сферой и доступом к услугам, наибольшее влияние оказывают боязнь ущемить интересы имеющихся детей (23.1% по выборке, 21.4% – мужчины), трудности совмещения работы и ухода за детьми, двойная нагрузка (31.5% по выборке, 31.6% – мужчины). Таким образом, для мужчин Ивановского региона, так же как и для всех его жителей, важно, чтобы дети рождались в материально благополучной семье, способной обеспечить им качественный досуг.

Полученные в рамках анкетирования данные коррелируют с мнениями участников фокус-групп в отношении вопроса: «Есть ли в Вашей семье или семье Ваших знакомых/родных те, кто принял решение пока не рожать ребенка? Как Вы думаете, почему они приняли такое решение? Какие соображения, причины побудили

их к этому?». Приведем наиболее типичные ответы: «Есть такие. Отсутствие материально-го достатка. Неуверенность, что будет работа и достойная зарплата» (Максим, 35–39, двое детей, село, Комсомольский район); «Деньги. Отсутствие перспективы» (Антон, 30–34, город Комсомольск), «Нет материальных средств» (Александр, 40–44, трое детей, село, Юрьевецкий район); «нет уверенности, что прокормишь» (Алексей, 20–29, город Иваново); «есть такие, хотят только для себя, а есть у кого проблемы с жильем, или зарплаты маленькие» (Артем, 30–34, четверо детей, село Аньково Верхнеландеховского района); «Все упирается в деньги. И так приходится подработки брать» (Михаил, 35–39, двое детей, село Аньково Верхнеландеховского района); «может, бедствовать не хотят» (Сергей, 25–29, четверо детей).

В отличие от женщин, мужчины чаще связывали желание отложить рождение ребенка с экономическими соображениями – нестабильностью материального положения, низкими зарплатами, жилищной неустроенностью, тогда как женщины отмечали и психологический фактор – желание «пожить для себя» и фактор здоровья и возраста.

В ходе исследования были изучены мнения жителей региона о роли государства в стимулировании рождаемости. Две трети жителей Ивановской области считают, что государство должно занимать активную позицию, из них 27% – государство должно помогать семьям иметь желаемое количество детей, 33% – стимулировать к рождению большего количества детей. Отметим, что мужчины чаще женщин выступали за автономию семьи, выбирая вариант ответа: «Семья должна сама решать – иметь детей или нет и сколько, а государство тут ни при чем» – 44,7% (35,2% женщин). Они реже соглашались с высказыванием «государство должно стимулировать семьи иметь большее число детей» (28,9% против 37,1% у женщин).

Анализ репродуктивных установок завершался оценкой действующих мер (по состоянию на июнь 2019 г.) поддержки семей с детьми. Участники фокус-групп размышляли над вопросом: «Какие дополнительные меры могли бы повлиять на Ваше личное решение иметь еще одного ребенка?». Приведем наиболее показательные цитаты из ответов мужчин: «Материнский капитал – это не мотивация для рождения еще одного ребенка, это, скорее, приятный бонус, но для какой-то части населения, согласусь, это сильная мотивация» (Валерий, 40–44, двое детей, село, Комсомольский район); «предоставление жилищных кредитов и субсидий» (Антон, 30–34, город Комсо-

мольск); «материнский капитал, предоставление земельного участка и ежемесячная выплата на третьего ребенка» (Андрей, 30–34, город Юрьевец); «материнский капитал, единовременное пособие при рождении ребенка и ежемесячная выплата на третьего ребенка до трех лет» (Александр, 40–44, трое детей, село, Юрьевецкий район); «предоставление материнского капитала, предоставление жилищных кредитов и субсидий, еще хочу отметить бесплатные лекарства для детей, но вообще я про это не слышал» (Сергей, 25–29, село, Юрьевецкий район); «предоставление отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет и ежемесячное пособие, предоставление жилищных кредитов и субсидий, бесплатная психолого-педагогическая поддержка родителей» (Борис, 35–39, один ребенок, город Иваново); «предоставление жилищных кредитов и субсидий; сокращение подоходного налога родителям, но налоги в целом надо сокращать, а не только родителям; бесплатное предоставление земельного участка под строительство» (Александр, 30–34, город Иваново); «ежемесячное пособие на ребенка в семьях с низким доходом, предоставление неоплачиваемого отпуска по уходу за ребёнком от 1,5 до 3 лет, сокращение подоходного налога для родителей» (Артем, 30–34, четверо детей, село Аньково, Верхнеландеховский район).

Как видим, среди наиболее мотивирующих мер мужчины отмечали материнский капитал, льготные жилищные кредиты, предоставление земельных участков под жилищное строительство. Эти меры поддержки актуальны и для горожан, и для жителей села. Примечательно, что среди жителей города в качестве важной поддержки отмечались предоставление психологической поддержки, юридических консультаций, скидки в учреждениях культуры и досуга. Среди ответов мужчин реже, но все же встречались идеи о необходимости повышения качества медицинского обслуживания беременных, рожениц и детей.

Выводы

Подводя итоги, можно заключить, что репродуктивные установки мужской части населения Ивановской области формируются под влиянием ряда факторов. Среди них господствуют однодетные и двухдетные установки, низкий уровень социального самочувствия жителей региона (широкое распространение чувств безысходности и тревоги вследствие низкого материального положения). Анкетирование и фокус-групповое интервью показали, что настороженное восприятие будущего де-

монстрируют мужчины разных возрастов, имеющие и не имеющие детей, проживающие в населенных пунктах разного типа.

Мужчины Ивановской области ориентированы на создание полной (с двумя родителями) семьи, где есть взаимопонимание и общие интересы супругов. Большинство мужчин ориентированы на дуальное взаимодополняющее родительство, в рамках которого отец и мать – полноправные родители, в равной степени участвующие в воспитании детей. Ориентация на партнерские отношения вполне объяснима трудностями материального характера и недостаточностью инфраструктуры для воспитания и ухода.

Вместе с тем среди мужчин установки на бездетность выше, чем в целом по выборке, в два раза и выше установка на малодетность – на 3.7%. Решение отложить рождение ребенка для молодых мужчин со средним и высшим образованием, проживающих в городах, обусловлено необходимостью устроиться в жизни – создать семью, сделать карьеру. Среди причин отложенного деторождения преобладают нестабильность материального положения, низкие зарплаты, жилищная неустроенность. Психоло-

гические причины и фактор здоровья и возраста имеют для них второстепенное значение.

Преодоление установок на малодетность возможно при условии создания комплекса мер, поддерживающих семью с детьми. По мнению мужчин Ивановского региона, наиболее эффективными мерами стимулирования выступают материнский капитал, льготные жилищные кредиты, предоставление земельных участков под жилищное строительство, а также предоставление психологической поддержки, юридических консультаций, скидок в учреждениях культуры и досуга.

Список литературы

1. Численность населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2019 года [Электронный ресурс]. URL: https://ivanovo.gks.ru/storage/mediabank/NAS19_Pr.pdf (дата обращения: 20.01.2020).
2. Постановление Правительства Ивановской области о Прогнозе социально-экономического развития Ивановской области на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов от 23.10.2019 № 415-п [Электронный ресурс]. URL: <http://derit.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/a3e/PP-415-23102019.pdf>. (дата обращения: 20.01.2020).

REPRODUCTIVE ATTITUDES OF MEN (ON THE EXAMPLE OF THE IVANOV REGION)

N.B. Gafizova, E.O. Tsalko

Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

A study of the reproductive attitudes of the population makes it possible to understand which social groups are sensitive to certain measures aimed at stimulating birth rate. The authors attempt to describe reproductive attitudes of men in the Ivanovo region. The Ivanovo region is characterized by a steady decline in population. The article is based on the sociological research data, namely, the results of a questionnaire survey and focus-group interviews conducted in May-June 2019. The survey covered all 26 municipalities of the region. Residents of reproductive age were interviewed with the account of their gender and age differences and their place of residence. Four focus-group interviews made it possible to obtain sociological information from each type of municipalities in the Ivanovo region: the city, the municipal district, the urban district and the rural settlement. The authors conclude that most men are oriented to a small family with dual complementary parenthood. Among men, attitudes toward childlessness are twice as high as in the sample as a whole, they are also more in favour of families with few children. The reasons for delayed childbearing are dominated by instability of the financial situation, low salaries, and housing problems. It is concluded that in case of an active demographic policy and support for families with children, it is possible to overcome attitudes to having few children. The most relevant measures to support families with children, according to men in the Ivanovo region, are maternity capital payments, preferential housing loans, the provision of land for housing, psychological support, legal advice, discounts in cultural and leisure facilities.

Keywords: demographic problem, reproductive attitudes, men.

УДК 316.3

ПРОБЛЕМАТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ В ХОДЕ ПЛАНИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ

© 2020 г.

А.Е. Солдаткин, В.В. Гурская

Солдаткин Александр Евгеньевич, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
as@fsn.unn.ru

Гурская Валентина Васильевна, магистрант факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
v.gurskaya96@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 12.02.2020**Статья принята к публикации 28.07.2020*

Охарактеризованы особенности взаимоотношений органов государственной и муниципальной власти и населения городов в сфере планирования и реализации проектов городского развития. Участие горожан в обсуждении решений о будущем города рассматривается как важное, с точки зрения легитимации принимаемых решений, снижения социальной неудовлетворенности и напряженности, эффективности реализации решений, формирования горизонтальных структур гражданского общества. Показаны особенности взглядов участников взаимодействия на роль другой стороны и основные факторы, препятствующие успешному взаимодействию: культурные, структурные и социально-психологические. К первым относятся особенности коммуникации в городской среде и проблемы формирования связной среды городских сообществ. Ко вторым – дистанционированность и отчуждение между властью и обществом, противоречия между формализованными практиками административных структур и менее формальными, ценностно мотивированными – со стороны граждан и их объединений. К третьим – сохраняющиеся предрассудки и стереотипы восприятия у граждан и представителей администрации относительно друг друга. Делается вывод о значительном потенциале НКО как ключевого стабилизирующего элемента в отношениях органов власти и горожан и необходимости дальнейших исследований в данной области с учетом роли НКО.

Ключевые слова: органы власти, население, НКО, город, планирование, взаимодействие.

Введение

Одной из тенденций развития в современном мире является изменение роли городов, повышение их значимости как мест концентрации капитала (включая социальный), производства (включая производство услуг и культурное производство), человеческих ресурсов. В этих условиях обостряется конкуренция между городами на региональном, национальном и мировом уровнях. В связи с этим актуализируются вопросы оптимизации использования имеющихся ресурсов и реализации технологий управления процессами социально-экономического развития города, направленными на повышение его конкурентоспособности.

Участие горожан в разработке и реализации стратегий развития города представляется очень важным по ряду причин. Во-первых, это существенное средство легитимации решений, инициаторами которых выступают органы власти. Во-вторых, разделение ответственности за принятые решения между властью и гражданами снижает уровень недовольства и риск острых протестных ситуаций. В-третьих, подлин-

ное вовлечение горожан в принятие решений подразумевает получение органами управления значительного объема обратной связи, что положительно сказывается на качестве решений. Наконец, совместное участие горожан в деятельности по планированию будущего их города способствует завязыванию и укреплению горизонтальных связей и структур гражданского общества.

К подобным выводам за последние годы приходил целый ряд исследователей. Так, О.С. Чернявская отмечает, что вовлечение жителей в планирование развития города обеспечивает не только выработку востребованных, одобряемых населением решений, но и поддержку реализуемых мер, уменьшает уровень отчужденности населения, формирует лояльность и доверие органам местной власти, активизирует коммуникативные потоки внутри городского пространства. Это, в свою очередь, создает условия для создания и поддержания городского сообщества [1, с. 25].

Именно оформившееся городское сообщество является хранителем и выразителем городской идентичности. Самоопределение себя как

жителя этого города делает человека неравнодушным к событиям, связанным с жизнью города, мобилизует его для реализации повестки городского развития. Наполненное смыслами в ходе коммуникации городское пространство становится символическим капиталом, сплачивающим сообщество, вовлекающим в городское пространство новых людей и социальные группы, помогающим транслировать образ города во внешнюю среду [2, с. 107].

С учетом сказанного, представляется закономерным включение в Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3] пункта об обязательном привлечении граждан, общественных институтов к процессу управления социально-экономическим развитием, разработке и реализации стратегии развития города.

Эффективность управления социально-экономическим развитием территории, как подчеркивают многие исследователи, во многом зависит от наличия продуктивного диалога между органами власти и местным сообществом [4, с. 33]. Тематика взаимодействия органов муниципальной власти и жителей является достаточно популярной. Тем не менее анализ имеющегося в научной литературе дискурса, проведенный К.А. Антиповым, Е.А. Лазуковой, Г.В. Разинским [5, с. 119], а также С.А. Мартышкиным, Д.В. Прохоровым, В.М. Цлафом [6, с. 45], выявил недостаточность исследований, освещающих особенности взаимодействия городских органов власти и местных сообществ жителей. Таким образом, актуальными представляются как дальнейшие исследования имеющихся публикаций на обозначенную тему, так и эмпирические исследования актуальных случаев взаимодействия органов власти и городских сообществ в сфере социально-экономического развития города.

Анализу параметров взаимоотношений, складывающихся между населением и органами власти, был посвящен ряд исследований. Изучением проблем взаимодействия сторон занимались К.А. Антипов [7], И.К. Шевцова и В.Д. Бедерсон [8], Е.В. Фролова [9].

Далее ракурс отечественных исследований смещается в сторону изучения активности жителей при формировании пространства города, их мотивов, ценностей, целей, направлений деятельности. Здесь интересна работа П.В. Иванова, предпринявшего попытку описать паттерны пространственного поведения и участия городских жителей в производстве пространства [10].

Анализ практик участия жителей в реализации повестки развития городской среды, но с акцентом на оценке характера взаимодействия с

органами городской власти, можно найти в работе О.Б. Молодова [11], О.В. Рогач [12], С.Г. Климовой и И.А. Климова [13].

Результаты и обсуждение

Взаимодействие жителей и муниципальных органов власти в основном описывается как сложное и конфликтное [4, 8]. Рассмотреть противоречия, лежащие в основе конфликтных отношений, и причины этих противоречий можно с трех точек зрения: самих представителей муниципальных органов власти, со стороны жителей и с позиции представителей научного сообщества.

Позиция муниципальных служащих раскрыта в научной литературе в меньшей степени по сравнению с мнениями, высказываемыми самими жителями и экспертами научного сообщества. Эту ситуацию можно объяснить ограниченностью у исследователей доступа к социальной группе муниципальных служащих.

В целом, имеющиеся данные позволяют говорить, что, с точки зрения представителей органов власти, созданы все условия для вовлечения местных жителей в решение тех или иных вопросов местного уровня, в частности для осуществления общественного контроля [9, с. 61]. Государственными и муниципальными служащими осознается необходимость привлечения населения к решению вопросов о будущем территории, однако вовлечение жителей в основном ограничивается тематиками охраны окружающей среды и благоустройства. До участия в выработке более сложных и ответственных решений, например формирования бюджета, население не допускается [9, с. 62]. На наш взгляд, такое положение вещей может объясняться убеждением служащих в недостаточной компетентности жителей в подобных вопросах.

Темы, к обсуждению которых следует привлекать общественность, можно разделить на три направления: нормативно-оценочное, организационное и контрольное [9, с. 60]. Первое направление включает все возможные формы выявления мнений жителей о приоритетах социально-экономического развития территории и оценок деятельности органов власти в этой сфере. Второе направление заключается в реализации жителями инициатив с целью решить разнообразные проблемы города. Третье направление связано с реализацией общественного контроля и общественной экспертизы.

По результатам опросов муниципальных служащих, необходимость привлечения населения в первую очередь признается ими в рамках нормативно-оценочного и контрольного направ-

лений, в меньшей степени в рамках организационного [9, с. 61]. При этом практика показывает, что привлечение населения к диалогу лишь «подразумевает возможность учесть мнение граждан» [9, с. 63]. Таким образом, полученные результаты указывают на проявления неравноправия сторон при реализации повестки городского развития.

Затруднения в процессе взаимодействия с жителями муниципальными служащими связываются с определенными социально-психологическими характеристиками людей: пассивностью жителей, их незаинтересованностью, отказом брать на себя ответственность [7, с. 176]. Причины низкой активности населения сводятся к «внутренним свойствам самого человека: потребительскому отношению к общественным благам, пассивности мышления, а также отсутствию внешних материальных и моральных стимулов. Популярным также является мнение об особой ментальности российского населения, связанной с отношением к местному самоуправлению как к органам власти» [14, с. 46–47]. Следовательно, представители органов местного самоуправления указывают на неготовность населения стать равноправными партнерами в реализации стратегии развития города, ссылаясь на укорененность в сознании населения патерналистских установок.

Исследования мнений населения о взаимодействии с органами местной власти более распространены в научном дискурсе, чем исследования мнений чиновников и политиков. Результаты этих исследований указывают на неудовлетворенность населения процессом и эффективностью взаимодействия с органами местной власти [9; 13]. Однако органы муниципальной власти рассматриваются общественностью как основной участник городского развития, который формирует формальные и неформальные «правила игры» и без участия которого не обходится принятие ни одного решения. Поэтому фиксируемая исследованиями неудовлетворенность населения процессами взаимодействия с органами власти вызывает тревогу, так как, по нашему мнению, объективно существующие процессы принятия и реализации управленческих решений в административных структурах не до конца понимаются населением либо противоречат представлениям населения о том, как должно работать местное самоуправление в современных условиях.

Точка зрения местных жителей на структуру и характер их взаимодействия с органами муниципальной власти неоднократно изучалась отечественными исследователями. Результаты их работы позволяют говорить о некоторой

общности проблем, затрудняющих процесс взаимодействия с муниципальной властью, с которыми сталкиваются инициативные жители при реализации повестки развития своих городов.

Перечень элементов взаимодействия, которыми остались недовольны жители, включает [8; 13]:

- неравноправность отношений: стремление контролировать деятельность общественных организаций, диалоговые формы общения осуществляются как формальность, имитируется ситуация учета мнений населения, вводятся негласные ограничения для участия населения в решении вопросов местного значения;

- отсутствие устойчивой стратегии развития территории, отсутствие преемственности (со сменой аппарата управления меняется и стратегия развития города), персональный фактор в выстраивании отношений с общественностью;

- недостатки ресурсов: органы муниципальной власти либо не имеют достаточных ресурсов для реализации повестки городского развития, либо не готовы ими делиться, либо не обладают достаточной автономией для решения городских проблем, так как плотно встроены в вертикаль власти, в результате чего им необходимо одобрение «сверху»;

- усложненность, забюрократизированность деятельности управленческих структур;

- монополия на информацию: непрозрачность процессов принятия решений, контроль за деятельностью муниципальных СМИ, которые в большей мере выполняют имиджевую функцию, а не функцию привлечения и солидаризации широких масс;

- непрофессионализм в решении местных вопросов и организации управленческих процессов.

В конечном итоге, характеризуя соотношение позиций властных структур и местных жителей в диалоге, последние отмечают, что, несмотря на готовность принимать участие в различных формах гражданской активности, они не видят возможности каким-то образом повлиять на ситуацию [9; 11].

Вопреки мнениям муниципальных служащих, жители видят свою роль не только в реализации инициатив, связанных с благоустройством городской территории и защитой окружающей среды. Они активно участвуют, например, в решении проблем по защите исторического и культурного наследия территории, в организации программ социальной поддержки уязвимых слоев населения, в защите экономических интересов граждан. Следовательно, видение муниципальных служащих и местных жителей места последних в реализации городской повестки несколько отличается.

Чтобы быть все-таки услышанными, местные жители выбирают различные способы влияния на муниципальные органы власти. При недоверии к организуемым властями диалоговым формам (общественным слушаниям, конференциям, круглым столам и т.п.) в качестве наиболее действенных подходов выбираются следующие: формальные, например обращения в суды или надзорные инстанции; мобилизация населения и проведение публичных акций; проведение публичных мероприятий, не связанных с акциями протеста; формирование общественных организаций, устойчивость которых стремятся поддерживать [8, с. 122–127].

Основной мотив в этих подходах можно определить как стремление как можно шире распространить информацию о проблеме, привлечь как можно больше сторонников из числа горожан и поддерживать постоянное циркулирование информации о проблеме в коммуникативном пространстве города с тем, чтобы «власти было сложнее замолчать проблему» [8, с. 124]. Причем активизация, по мнению населения, должна происходить с ранних этапов обсуждения проблемы-темы [8, с. 126]. Соответственно, можно говорить о том, что населением признаются как более эффективные организационное и контрольное направления.

В процессе рефлексии научного сообщества на тему взаимодействия муниципальной власти и местных жителей накопился обширный перечень факторов, которые, с точки зрения экспертов, усложняют выстраивание взаимоотношений между заинтересованными сторонами. Их можно объединить в несколько групп.

В первую группу входят *факторы, связанные с влиянием городской среды и городского образа жизни*. Город представляет собой пространство, в котором пересекаются огромное множество различных интересов самых разных социальных групп. Кроме того, городской образ жизни может способствовать разобщению людей [1, с. 25]. Здесь наблюдается парадоксальность влияния городского образа жизни на коммуникацию: с одной стороны, город предоставляет широкие возможности для общения, от повышенной насыщенности социальной среды средствами информационно-коммуникационных технологий до наличия общественных пространств; с другой стороны, для организации социальных коммуникаций по проблемам развития города с участием горожан требуются специальные усилия, усложняется поддержание коммуникации и, как следствие, затрудняется процедура сплочения городского сообщества.

Тем не менее планирование будущего территории не должно являться уделом узкой группы лиц. С одной стороны, мнения различных групп

должны быть учтены, чтобы сделать городскую среду удобной для всех жителей, с другой – вовлечение жителей в решение проблем местного уровня позволит людям ощутить свою сопричастность, значимость для городского сообщества.

В результате представители местной власти попадают в затруднительную ситуацию, когда нужно каким-то образом соединить разрозненные мнения, найти компромиссы, структурировать коммуникативные потоки внутри городского пространства. Значимую помощь в подобной ситуации способны оказать местные сообщества, которые могут объединить и структурировать интересы различных групп населения. Именно с развитыми местными сообществами горожан удобнее и проще станет работать муниципальным служащим, поскольку активное зрелое местное сообщество, помимо реализации коммуникативной и организационной функций, также становится посредником и представителем интересов группы в ситуации диалога с муниципальными органами власти.

Оформившееся местное сообщество отличаются следующие признаки [5, с. 121]: население (как общность людей), место (территория, с которой себя идентифицируют), социальные связи и взаимодействия внутри группы, четко определенные общие интересы, чувство сообщества (социально-психологическая идентификация в сообществе). Уровень развития местных сообществ в городах России неоднороден, многие из них проходят этап становления. Региональные и муниципальные власти зачастую склонны считать, что они еще не достигли должного уровня солидаризации интересов, профессионализма, не заручились доверием и поддержкой [5, с. 122]. Как итог, представители власти не видят действительно сильных партнеров среди местных сообществ в реализации актуальных задач городского развития.

Своеобразным выходом в данной ситуации может стать большая информационная открытость ключевых акторов процесса городского развития, интенсификация коммуникации в рамках городского пространства. Это способно создать условия для объединения горожан, формирования у них каких-то общих целей и задач, общих образов жизни города, а также способно помочь структурировать и направить взаимодействие между жителями.

Следующую группу факторов можно обозначить как *организационно-структурные (системные)*. Здесь ключевыми проблемами становятся, во-первых, дистанцированность власти и общества, во-вторых, отчуждение жителей,

в-третьих, противоречия формализованной и спонтанной практик.

Дистанцированность между властью и обществом может рассматриваться, с одной стороны, как результат взаимодействия людей, принадлежащих к различным стратам, когда положение в иерархическом порядке определяет формат этого взаимодействия. С другой стороны, дистанцированность можно понимать как результат отсутствия реальных взаимодействий ввиду распределения по обширному физическому пространству города. Также дистанцированность можно анализировать как осуществление взаимодействия в рамках устоявшихся стереотипных практик, когда вся власть, право что-то менять и, соответственно, вся ответственность за принятие решений концентрируются у муниципальных служащих, а жители отстраняются от решения местных проблем. Так или иначе наличие дистанции между сторонами затрудняет процесс взаимодействия, мешает им услышать и понять друг друга.

Отчуждение горожан от местного самоуправления также можно рассматривать двояко. Отчуждение можно определить как результат обширного контроля за общественными движениями и авторитарного стиля управления, низкого уровня доверия власти и неверия в возможность на что-то повлиять [13, с. 53]. В то же время отчуждение имеет социокультурную природу и складывается в результате «присутствия недостижимой власти, гомогенизирующей гетерогенности структуры расселения, низкой резидентной мобильности, низкой дифференцированности городской среды, государственной политики, направленной на уничтожение структур самоуправления, а также кризисного мышления» [10, с. 14]. Результатом становится отстранение людей от участия в реализации повестки городского развития.

Последним параметром этой группы факторов становится противостояние двух «мировоззрений». Органы муниципальной власти олицетворяют собой организованную деятельность, которая строится в ориентации на организованное функционирование, рационализацию, на соответствие определенным нормам и правилам. Вместе с тем инициативные группы граждан руководствуются ценностями, спонтанностью и прихотливостью жизненных процессов. Именно поэтому сторонам становится трудно найти точки соприкосновения для совместной деятельности.

В соответствии с вышеобозначенной группой факторов определенный оздоравливающий эффект может принести смена управленческих подходов, пересмотр организационной структу-

ры органов местного самоуправления, принятие новой тактики выстраивания отношений с городским сообществом, ориентированной на сотрудничество с общественностью.

Еще одну группу факторов обозначим как *социально-психологические*. В эту группу можем отнести мнения о бытующих в сознании населения патерналистских, иждивенческих установках, представления о враждебности служащих муниципальных органов власти, восприятие их как «чужих». Распространенность подобных представлений об обособленности управленческой структуры муниципалитетов и возложение на них всей ответственности за определение стратегии развития города препятствуют активизации и вовлеченности населения.

Работа по минимизации влияния этой группы факторов, пожалуй, является наиболее трудной, поскольку изменения должны затрагивать структуры личности, которые отличаются своей ригидностью. Смена социально-психологических установок населения требует определенного, достаточно длительного времени. Помимо этого, требуется создания благоприятных условий среды, которые помогут подкреплять новые паттерны.

Заключение

Взаимодействие горожан и органов власти, ответственных за социально-экономическое развитие городов, является одним из важнейших условий эффективности реализации программ развития и, как следствие, улучшений позиций города в системе отношений кооперации и конкуренции на всех уровнях, от регионального до международного. Всеми вовлеченными сторонами признается, что участие местных жителей в решении значимых для города вопросов важно по целому ряду обстоятельств. Выстраивание продуктивного диалога между представителями местных сообществ и городских органов власти может стать мощным механизмом социально-экономического развития города.

Однако сегодня в России реализация сценариев такого взаимодействия сталкивается с целым рядом проблем — структурных, культурных, социально-психологических. Каждая из сторон в этой ситуации так или иначе выражает недовольство содержанием и эффективностью процесса взаимодействия в настоящий момент. Важнейшую роль посредника между гражданами и органами власти способны реализовать неправительственные и некоммерческие организации, однако динамика их взаимодействия с властью и гражданами требует отдельного анализа.

Список литературы

1. Чернявская О.С. Город как коммуникативное пространство // Город меняющийся: траектории развития и культурные пространства: Сборник статей / Пермский филиал НИУ ВШЭ. Пермь, 2011. С. 24–34.
2. Федотова Н.Г. Территориальная идентичность как символический ресурс региона // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 7 (90). С. 105–108.
3. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=287039&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.18698593454391044#09472126386907678> (дата обращения: 20.12.2019).
4. Антипов К.А. Конфликтное взаимодействие местного сообщества и муниципальной власти // Социология города. 2013. № 4. С. 39–44.
5. Антипов К.А., Лазукова Е.А., Разинский Г.В. Муниципальная власть и местные сообщества: особенности взаимодействий (к постановке из проблемы социологического исследования) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 118–129.
6. Мартышкин С.А., Прохоров Д.В., Цаф В.М. Местные сообщества как фактор социокультурного развития территории (на примере г.о. Самара) // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 45–50.
7. Антипов К.А. Муниципальные служащие о проблемах местного сообщества // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 174–182.
8. Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. «У власти точка зрения – молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // Политическая наука. 2017. № 4. С. 111–136.
9. Фролова Е.В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 59–64.
10. Иванов П.В. Городские жители и производство пространства (на примере российских городов) // ИНТЕР. 2016. Т. 1. №11. С. 5–15.
11. Молодов О.Б. Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона // Проблемы развития территории. 2016. № 2 (82). С. 82–97.
12. Рогач О.В. Социальное конструирование туристической привлекательности российских городов // Урбанистика. 2019. № 3. С. 37–47.
13. Климова С.Г., Климов И.А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 51–57.
14. Карлина А.А., Рязанов Д.И. Партисипативные принципы публичного управления социально-экономическим развитием города // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 4. С. 44–51.

**PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN AUTHORITIES AND POPULATION IN PLANNING
AND REALIZATION OF URBAN SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT PROGRAMS**

A.E. Soldatkin, V.V. Gurskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The paper examines the relations between state and municipal authorities on the one side, and the population of Russian cities, on the other side, in planning and realization of projects of urban socioeconomic development. The mutual opinions of the both sides of communication are characterized. It is shown that the factors hindering effective communication can be seen from three perspectives: cultural, structural, and socio-psychological. The first one is concerned with the specific features of communication in urbanized social sphere and the problem of emergence of coherent environment of urban communities. The second one relates to alienation between citizens and the authorities, contradictions between the authorities' formalized administrative practices, and predominantly value-motivated actions of the civic activists and organizations. The third group of factors includes the influence of stereotypes on communication between citizens and city administration representatives. It is concluded that NGOs could potentially be the key stabilizing elements of the communication between the authorities and the population.

Keywords: authorities, population, NGOs, city, planning, interaction.

УДК 316.614.6

УПРАВЛЕНИЕ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИЕЙ В АРМЕЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ И ЕГО СОДЕРЖАНИЕ

© 2020 г.

В.Ю. Власкин

Власкин Виктор Юрьевич, к.соц.н.; инструктор по военно-политической подготовке и информированию, войсковая часть Министерства обороны Российской Федерации
wvy-mulino@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 25.03.2020**Статья принята к публикации 16.07.2020*

Рассматриваются составные элементы модели управления профориентационной социализацией военнослужащих, – как проходящих службу по призыву, так и на контрактной основе. Обозначены этапы армейской профориентационной социализации и намечены их временные рамки. Сформулирована главная цель обновлённого подхода к профессиональному самоопределению военнослужащих, связанная с оптимальным выбором ими сфер перспективной для них деятельности. Предполагается, что оптимизация социализирующего воздействия в отношении военнослужащих указанных категорий возможна за счёт изменения стратегии проведения армейской профориентационной работы посредством реализации принципа двухвекторной направленности деятельности агентов социализации. Предложены практические рекомендации по внедрению усовершенствованных социализационных практик в организациях первичного войскового звена. Дается содержательное наполнение авторских специализированных модулей, выполнение мероприятий которых позволяет повысить качество тренинговых систем по развитию поведенческих навыков военнослужащих применительно к вариативным сферам перспективной трудовой деятельности. Также отмечено, что подобного рода модули могут иметь практическое применение в армейских организациях, различных как по своему основному предназначению и специфике служебной деятельности, так и по принципу кадрового подхода к комплектованию подразделений. В качестве перспективных исследовательских задач войсковым социологам и другим представителям научного сообщества предложен ряд тематических аспектов для систематизации данных по обозначенной проблеме. К ним относятся изучение особенностей процесса профориентационной социализации военнослужащих с позиций их социокультурных различий в категориальном, возрастном и иных аспектах.

Ключевые слова: военная служба, профессиональная ориентация, профориентационная социализация, агенты социализации, служебная деятельность, оптимизация.

Введение

Министерство обороны Российской Федерации, выполняя социальный заказ высшего руководства страны по повышению действенности армейских организаций, в качестве эффективного социального института, проводит планомерную и целенаправленную работу по расширению предметного поля социализирующих воздействий в отношении военнослужащих. Помимо основополагающего военно-политического аспекта деятельности должностных лиц воинского воспитания, значительное внимание уделяется профориентационному направлению армейской социализации. Это объясняется тем, что профессиональная составляющая является одним из наиболее значимых показателей социализированности человека в онтогенезе его личностного развития. Именно профессионализация, по мнению Э. Дюркгейма [1] и Т. Парсонса [2], определяется как позитивный и прогрессивный процесс, способствующий осуществлению социальных преобразований, а профессии, выступая структурным элементом

современного общества, формируют, в конечном итоге, – профессионала – «...идеального гражданина идеальной страны» [3, с. 54].

В целях обеспечения оптимизации данного аспекта социализации в условиях военной службы Министерство обороны РФ в 2015 г. издало ведомственный правовой акт, предусматривающий проведение в войсковом организационном звене мероприятий по профессиональной ориентации военнослужащих в большем, нежели ранее, объеме. Причём в перечень объектов социализирующих воздействий, помимо солдат срочной службы, планирующих заключить контракт с Министерством обороны, вошли и те, кто пополнит собой ряды мобилизационного запаса страны после увольнения из Вооруженных сил. В равной мере это касается и тех военнослужащих, кто проходил службу на контрактной основе.

Данные социологических замеров и их анализ

Несмотря на то что условия армейского уклада изначально имеют определённые воз-

Таблица

Обобщенные показатели профессиональных выборов, %

Определились с профессиональным выбором	%	Не определились с профессиональным выбором	%
Служба по контракту в силовых структурах (МО, МВД, МЧС, ФСИН, ФСБ, ФСО, СК и пр.), работа в охране	81	Неопределенные выборы, указывающие вариативность сфер деятельности	15
Получение образования в вузе (военном вузе, сузе)	56	Не обозначили свой выбор	14
Предпринимательская деятельность	8		
Работа по найму в гражданской сфере	62		

В таблице сумма показателей абсолютных значений превышает 100% по причине вариативности выборов места работы респондентами.

возможности для профессионального самоопределения, должностные лица командного звена, будучи поведенческими образцами членов армейской служебной иерархии, не в полной мере способны обеспечить становление готовности к трудовой деятельности подчинённых вне рамок силовой структуры. Достаточно очевидно также допущение – и данные социологических замеров эмпирически это подтверждают, – что не все солдаты-призывники или контрактники с малым опытом службы планируют связать свою профессиональную карьеру с армией или подобными ей организациями. Так, например, при проведении авторского исследования 2014–2016 гг., посвящённого изучению проблем выборов сфер трудовой деятельности военнослужащими срочной службы после увольнения в запас, их предпочтения распределились следующим образом: 42% респондентов обозначили готовность к службе в организациях, подобных армейским, 58% – на предприятиях гражданского сектора экономики [4]. Процентные показатели выборов внутри указанного континуума, сгруппированные по признаку определения/неопределения с будущим трудоустройством, представлены в таблице.

Полученные данные свидетельствуют о значительной неопределённости профориентационных выборов респондентов. Не дали ответа о своих предпочтениях на момент окончания исследования 14% респондентов; аналогичный показатель промежуточного замера начального этапа сбора данных в 2014 г. составил 20% [5, с. 46]. Даже допустив, что некоторое снижение показателей стало следствием увеличения численности выборки респондентов, их абсолютные значения указывают на наличие проблем в профориентационной работе с допризывной молодежью.

Особого внимания также заслуживает тот факт, что некоторые ответы из группы проармейских выборов характеризуются одной особенностью – гипотетической готовностью респондентов к прохождению службы в весьма специфических организациях: ФСБ, ФСО, СК России, ОМОН или спецназ (суммарно 21%);

итоги практической реализации таких выборов вызывают определённые сомнения. Данные, представленные в таблице, также показывают, что 15% ответов были выделены автором по признаку одномоментной дуальности сфер профессиональных выборов: «контракт в армии – своё дело (ИП)», «работа по полученной рабочей специальности – служба в полиции» и т.п. Следует отметить, что вариант ответа, предусматривающий службу в органах МВД (34%), представляет определённый интерес для специалистов-профориентологов. Причина в том, что интерес военнослужащих к данному виду деятельности, процентно доминирующий в группе силовых выборов, во многом аналогичен результатам опроса ВЦИОМ, посвящённого проблеме востребованности направлений рынка труда. Так, например, в числе наиболее перспективных для начала профессиональной карьеры, помимо помощника специалиста в финансовой организации (84%) или юриста (78%), были отмечены специальность рядового полиции или сотрудника пожарной охраны (71%) [6]. Но в нашем случае необходимо помнить о следующем: если первые две профессии подразумевают наличие у кандидата профильного высшего образования и опыта работы, то служба в МВД или МЧС предъявляет более лояльные требования к кандидатам. Велика вероятность, что бывшие военнослужащие, в большинстве своём имеющие среднее профессиональное образование [4, с. 36] и небольшой стаж работы на производстве, будут стремиться в те организации, где зачастую сам факт прохождения армейской службы является весомым аргументом при трудоустройстве.

Подводя итог анализа вышеперечисленных данных, можно сделать следующий обобщающий вывод. Профессионализация тех военнослужащих, кто намерены связать своё профессиональное будущее с работой на гражданских предприятиях (суммарно 70% выборов) или повысить уровень образования в гражданских учебных заведениях (46% из 56%), может быть отложена, как минимум на время службы. Респонденты, выбравшие профессии по принципу

аналогии с военной службой, будут ограничены мерой сходства деятельности в ВС и вне их. И только те, кто намерен поступать в военные вузы (10%) или заключить контракты с МО РФ (26%), способны получить за время службы достаточно полную военно-профессиональную ориентированность [4, с. 93–99]. Всё это свидетельствует о достаточно сложных условиях проведения профориентационной работы в войсковых организациях и необходимости изменения принципов подхода к реализации её мероприятий.

Концептуальные основы и принципы обновления механизмов армейской профориентационной социализации

До момента вступления в силу вышеупомянутого приказа министра обороны работа в этом направлении проводилась лишь в рамках проармейски-ориентированного профессионально-психологического отбора – выполнения комплекса мероприятий по обеспечению соответствия профессионально важных качеств военнослужащего требованиям военно-профессиональной деятельности [7, с. 7]. Или, иными словами, специалисты армейского профотбора осуществляли реализацию принципов «диагностического» подхода «трёхфакторной модели профориентации» Ф. Парсонса, – делая акцент работы на изучении психических и личностных особенностей претендента, анализе требований профессии и конечном сопоставлении этих двух рядов факторов при принятии решения о рекомендуемой воинской специальности [8, с. 19].

Представляется обоснованным выдвинуть гипотезу, предполагающую, что выполнение армией роли успешного социального института для военнослужащих, ориентированных как на службу в силовых организациях, так и на трудовую деятельность в гражданском секторе, возможно посредством целенаправленного использования агентами армейской социализации механизмов управления профориентационной социализацией как составной частью социализационной работы. В данном контексте профориентационная социализация представляет собой процесс и результат опережающего становления социальной роли современного работника во всей полноте необходимых социальных компетенций и служит системообразующим фактором в виде его ценностной готовности к работе в вариативных организационных условиях. Цель данной работы достигается посредством внедрения в повседневную воспитательную практику мероприятий профориентационной социализации, имеющих двухвекторную

направленность: «силовая организация» или «гражданское предприятие». Идея создания модели управления профориентационной социализацией базируется на посыле о том, что традиционная профориентация может быть усовершенствована за счёт расширения предметного поля социализирующих воздействий. В этой связи необходимо отметить, что предписанное руководством министерства обороны обязательство выполнения функций подобного плана именно армейскими психологами – большей частью это гражданские специалисты и, частично, военнослужащие – имеет значительный потенциал для успешной оптимизации социализационных воздействий в войсковой практике.

В общем плане действие социализирующих мероприятий, предусмотренных разработанной моделью управления, содержательно включает в себя проведение трёх базовых этапов:

- первичное выявление профессиональных предпочтений солдат-призывников (кандидатов на контракт), проводимое на сборных пунктах военных комиссариатов во время призыва (отбора по контракту) или в подразделениях молодого пополнения воинской части;
- изучение ценностных ориентаций и личностных особенностей военнослужащих применительно к перспективным сферам деятельности, реализуемое в рамках нормативного психодиагностического изучения с обязательным включением элементов профориентационного содержания;
- непосредственно обучающий этап информационно-консультативной и тренинговой направленности, предваряющий решения уже социализированных военнослужащих о выборе перспективной сферы деятельности к моменту увольнения их в запас (в случае, если оно будет ими принято в стенах армейского института социализации).

В ходе практической реализации мероприятий предполагается целенаправленная деятельность по решению специализированных задач ценностно-мотивационной подготовки военнослужащих. Такая социализационная поддержка, наряду с широкими возможностями информационного воздействия и арсеналом имеющегося диагностического инструментария, возможна и за счёт создания специализированных модулей профориентационной социализации [9], включающих в себя методы поведенческого тренинга и тренингов принятия решений. В случаях выбора оптантами гражданской сферы деятельности к осваиваемым компетенциям можно отнести составление резюме, подготовку к проведению собеседования с потенциальным работодателем. В отношении военнослужащих, кото-

рые планируют службу по контракту или деятельность в силовых структурах, – приобретение навыков служебной субординации и военно-ролевого взаимодействия. Тренинговые же занятия по развитию коммуникативных способностей можно отнести к категории универсальных, необходимых оптантам вне рамок выбора сферы будущей профессиональной деятельности. В работе автора «Социализационные аспекты профессиональной деятельности психолога армейской организации» показана перспективность такого социализирующего подхода в отношении солдат срочной службы [10, с. 181]. Полученные данные отразили наличие запроса данной категории военнослужащих на проведение с ними занятий именно тренингового характера; в своём абсолютном числовом значении он уступил лишь оценкам работы по изучению молодого пополнения и промежуточному психодиагностическому изучению военнослужащих – тем функциям, которые можно отнести к образцам наиболее регламентированных действий в армейской психологической практике. Давая всестороннюю оценку возможностей тренингового аспекта деятельности, необходимо иметь в виду, что мероприятия подобного рода широко практикуются психологическими службами в иностранных армиях. Так, например, в США руководство Пентагона, помимо планирования занятий по групповому взаимодействию, уделяет внимание развитию навыков руководства, инструкторской деятельности и, что очень важно, совершенствованию самих тренинговых систем. В подразделениях армии ФРГ отрабатываются такие вопросы, как выработка умения правильно держаться в ходе выступлений и бесед, следить за жестикულიей, внешним видом, положением головы и рук, проводя запись речи тремя камерами с разных точек с целью корректировки допущенных ошибок [11]. Подобный опыт, обладая универсальностью приобретаемых навыков, имеет большие перспективы для обогащения профориентационной социализирующей практики.

Логическим завершением обучающего этапа видится проведение SWOT-анализа [12] смоделированной профконсультантом ситуации выбора перспективной сферы профессиональной деятельности. Принимая во внимание то обстоятельство, что оптанты, обладая к этому времени накопленным социализационным потенциалом, смогут детально проработать для себя сильные и слабые стороны, а также возможности и угрозы будущего выбора. Вариативным дополнением SWOT-анализа может служить выполнение ими методики личностных самоидентификаций М. Куна и Т. Макпартланда [13,

с. 11], в основу которой положены концепции социальных ролей и соответствующего ролевого поведения. При этом специалист проводит анализ временного аспекта идентичности общего контекста деятельности и её перспектив. Важно отметить, что в рамках этого этапа военнослужащие имеют возможность соотнесения итогового решения – если таковое состоится – как со своими первичными выборами, так и с результатами выявления их личностных и профессионально важных качеств, полученных на диагностическом этапе работы. К наиболее оптимальному результату проведения комплекса социализирующих действий следует отнести минимизацию «профориентационной неопределённости» военнослужащих, способствующую их успешному профессиональному самоопределению.

Выводы

1. Профориентационная социализация, предполагающая психологически обоснованный профессиональный выбор и психологическую подготовку к трудовой деятельности в военных и (или) в гражданских организациях, в современных условиях является важнейшей задачей для вооруженных сил. Представленная в статье авторская модель управления процессом профориентационной социализации способна служить действенным инструментарием для решения задач, поставленных армейскому институту социализации руководством страны.

2. Универсальность предложенного социализирующего подхода заключается в возможности его реализации в армейских организациях, имеющих различия в своём должностном предназначении или способе комплектования.

3. Разработаны учебно-тренинговые модули усовершенствования методической подготовки войсковых специалистов, занимающихся вопросами профессионального самоопределения военнослужащих.

4. Одна из программ модуля предусматривает систематизированную реализацию мероприятий социализирующей деятельности в отношении солдат срочной службы, другая – составлена с учётом специфики служебных задач подразделений военной полиции – служба по контракту в военных комендатурах или военно-автомобильной инспекции. При этом временной объём отработки модулей рассчитан таким образом, что выполнение спланированных к проведению мероприятий не выходит за рамки нормативного методического обучения специалистов, ответственных за общее психологическое обеспечение прохождения военной службы.

5. Обновление профориентационного подхода в практике армейской социализации позволит также расширить круг исследовательских задач для войсковых социологов, психологов и других представителей научного сообщества.

К числу наиболее перспективных тематических ракурсов для дальнейших работ можно отнести сравнительный анализ процессов профориентационной социализации военнослужащих согласно их категориальной принадлежности, профилю и уровню их образования, времени нахождения в армейских структурах. Отдельной строкой необходимо отметить изучение особенностей работы с теми, кто выполнял служебные задачи в условиях вооруженных конфликтов и по каким-либо причинам принял решение об увольнении с военной службы в запас.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
2. Parsons T. A Revised analytical approach to the theory of social stratification // Parsons T. Essays in Sociological Theory. 2 ed. Glencoe, The Free Press, 1964. P. 386–438.
3. Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) // Социологические исследования. 2005. №1. С. 54–67.
4. Власкин В.Ю. Управление профориентационной социализацией военнослужащих срочной службы: Дис. ... канд. соц. наук. Н. Новгород, 2019. 179 с.
5. Саралиева З.Х., Захарова Л.Н., Власкин В.Ю. Профессиональное самоопределение и организационные ценности военнослужащих срочной службы // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 41–51.
6. ВЦИОМ изучил востребованность направлений рынка труда // Взгляд. Деловая газета. 2017. 18 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2017/12/18/900124.print.html> (дата обращения: 19.12.2017).
7. Основы военного профессионального психологического отбора: Учебное пособие / Под общ. ред. В.И. Лазуткина, В.А. Жильцова, Г.М. Зараковского, Н.П. Островского. М.: Военное издательство, 2005. 464 с.
8. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М.: Академия, 2007. 503 с.
9. Захарова Л.Н., Власкин В.Ю., Орлова О.М. Профориентационная социализация как обновленная парадигма социально-психологической подготовки к трудовой деятельности // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2603–2611.
10. Власкин В.Ю. Социализационные аспекты профессиональной деятельности психолога армейской организации // Личность. Культура. Общество. М.: ЛКО, 2016. Том XVIII. № 3–4 (91–92). С. 176–184.
11. Военная психология: методология, теория, практика: Учебно-методическое пособие. М.: ВУ, 1996. 287 с.
12. Кузнецова С., Маркова В. SWOT-анализ: практика применения // ПТИПУ. 2008. № 5. С. 86–92.
13. Климова Е.Н. Психологический тренинг: практикум. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2010. 14 с.

CAREER GUIDANCE SOCIALIZATION MANAGEMENT IN ARMY ORGANIZATIONS: ANALYSIS OF THE CONCEPT AND ITS CONTENT

V.Yu. Vlasikin

Military unit of the Defense Ministry of the Russian Federation

The article examines the components of the model for managing the career guidance socialization of military personnel serving on the conscription and contract basis. The stages of career guidance socialization and their timeframe are identified. The main objective of the updated approach to professional self-determination of servicemen is formulated; it is related to the optimal choice of the areas of their prospective activities. It is assumed that optimization of the socializing effect in relation to servicemen in the above categories is possible by changing the strategy for army career guidance through the implementation of the principle of the two-vector orientation of socialization agents. It is assumed that optimization of the socializing effect in relation to servicemen can be achieved by changing the strategy for army career guidance through the implementation of the principle of a two-vector orientation of socialization agents' work. Practical recommendations are proposed for implementing improved socialization practices in primary military organizations. The content is described of the author's specialized modules intended to improve the quality of training systems for developing the military personnel's behavioral skills with respect to variable areas of prospective activities. It is also noted that such modules may have practical application in military organizations that differ from each other both in terms of their main purpose and specific features of service activities, and in terms of the principles for staffing the units. Military sociologists and other representatives of the research community are offered a number of thematic aspects for systematizing data on this issue as a promising task for further research, including the study of the specific features of the process of career guidance socialization of military personnel from the standpoint of their socio-cultural differences in terms of categories, age and other aspects.

Keywords: military service, career guidance, career guidance socialization, socialization agents, service activities, optimization.

УДК 316

**ФАКТОРЫ ВЫБОРА ВУЗА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ
СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ**

© 2020 г.

Я.В. Ушакова, И.В. Ситникова, Ю.Е. Францева

Ушакова Яна Владимировна, к.соц.н.; заведующая учебно-исследовательской лабораторией социологических исследований; доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
yana@fsn.unn.ru

Ситникова Ирина Викторовна, ведущий социолог учебно-исследовательской лаборатории социологических исследований; преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
april@fsn.unn.ru

Францева Юлия Евгеньевна, к.пед.н.; ст. преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jull.franceva@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 17.02.2020**Статья принята к публикации 24.07.2020*

С целью изучения образовательных и профессиональных стратегий студентов социогуманитарных направлений подготовки весной 2019 г. был проведен опрос студентов первого курса очной формы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, обучающихся по направлениям «Социология», «Социальная работа», «Управление персоналом», «Психология», «Психология служебной деятельности». Рассмотрены факторы выбора вуза, факультета, направления подготовки, выявлены проблемы, с которыми пришлось столкнуться студентам во время обучения, а также планы студентов относительно будущей профессиональной деятельности. Проведен сравнительный анализ позиций студентов разных направлений социогуманитарной подготовки.

Ключевые слова: факторы выбора вуза, факультета и направления подготовки, сфера будущей профессиональной деятельности, профессиональные стратегии, проблемы адаптации.

Введение

Отношение молодежи к образованию – актуальное и важное направление современных российских социологических исследований. Социально-экономические реформы в России последних десятилетий внесли значительные изменения в установки выпускников школ на получение высшего образования. С введением Единого государственного экзамена (ЕГЭ) у молодежи, с одной стороны, увеличились шансы на поступление в любой вуз страны, а с другой – для них отодвинулся этап профессионального самоопределения. При поступлении в вуз абитуриент недостаточно понимает специфику будущей профессии, не до конца разобрался со своими собственными предпочтениями и способностями. Новая социальная среда, смена места жительства и окружения, изменение уровня жизни зачастую демотивируют молодых людей в учебном процессе. При массовом образовании в вузы нередко поступают абитуриенты с несформированными профессиональными представлениями, результатом чего является разочарование в профессии, депрофессионализация и некоторые другие социально негативные явления [1, с. 4].

Предоставленная абитуриентам возможность подачи документов в несколько вузов на несколько направлений или специальностей привела к росту числа случаев зачисления абитуриентов, для которых не имеет значения место обучения, главное – получение диплома о высшем образовании [2, с. 152]. Одним из главных мотивов при поступлении в вузы является ориентация молодежи на получение дипломов о высшем образовании для достижения определенного статуса в обществе. Исследователи отмечают полное единодушие среди старшеклассников из различных социально-профессиональных групп в таком мотиве получения высшего образования, как желание получить хорошо оплачиваемую работу, соответствующую интересам и склонностям [3, с. 169]. В настоящее время, по мнению многих исследователей, этот мотив выбора будущей профессиональной деятельности является основным – большинство молодых людей желают в дальнейшей получить престижную и высокооплачиваемую работу. Значительная часть молодежи обращает внимание на престижные, по их мнению, профессии, которые не являются востребованными на рынке труда. Так, например, сегодня существует пере-

кос в подготовке юристов, менеджеров, экономистов, которые, конечно, востребованы, но такому количеству молодых специалистов невозможно трудоустроиться [4, с. 98]. При этом ситуация конкуренции на рынке труда среди молодых специалистов ухудшается преимущественно для специалистов гуманитарного профиля.

Не менее важным фактором, влияющим на профессиональное самоопределение молодежи, стало сокращение сроков профессиональной подготовки, которое не позволяет молодежи интегрироваться в профессию достаточно глубоко и получить полное представление о будущей профессиональной деятельности, тем более идентифицировать себя с ней. Это, в свою очередь, может не лучшим образом отразиться на намерении строить свою карьеру в рамках полученного профессионального образования [5, с. 163].

Методология исследования

Для выявления факторов выбора вуза и профессиональных стратегий студентов социогуманитарных направлений подготовки весной 2019 г. был проведен анонимный опрос по неформализованной анкете студентов первого курса очной формы – факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Выборка сплошная, опрошено 126 человек, обучающихся по направлениям «Социология» ($n=34$), «Социальная работа» ($n=22$), «Управление персоналом» ($n=20$), «Психология» ($n=19$), «Психология служебной деятельности» ($n=31$). По результатам приемной кампании 2018 г. на первый курс очной формы обучения факультета социальных наук было зачислено по направлениям подготовки: «Социология» – 38 студентов, «Социальная работа» – 25, «Управление персоналом» – 21, «Психология» – 25, «Психология служебной деятельности» – 41. Таким образом, в опросе приняли участие 85% первокурсников. В анкете студентам было предложено самостоятельно сформулировать не более трех оснований собственного выбора вуза, факультета, направления подготовки, описать проблемы, с которыми им пришлось столкнуться во время обучения, а также поделиться планами относительно будущей профессиональной деятельности. Все ответы были закодированы, часть результатов исследования представлена в количественных значениях. Проведен сравнительный анализ позиций студентов разных направлений подготовки, для их иллюстрации приводятся некоторые варианты ответов респондентов, выделенных курсивом. Обобщающие результаты исследования представлены в таблицах 1–3.

Представленное исследование явилось логическим продолжением двух проектов: «Мотивация выбора вуза и специальности» (2017)¹ и «Отношение студентов к учебному процессу и удовлетворенность выбранным направлением подготовки» (2018)².

Результаты исследования

Направление подготовки «Социология». В рейтинге мотивов выбора вуза будущими социологами первые позиции занимают престиж Нижегородского университета, рекомендации родителей, друзей-студентов университета, близкого окружения, наличие интересующего направления подготовки: выбрала ННГУ, так как это более престижный университет; он является одним из самых престижных вузов Нижнего Новгорода; ННГУ – один из лучших университетов России, очень престижен среди нестолиц (города вне Москвы и Санкт-Петербурга); много знакомых учатся именно в ННГУ, глядя на их студенческую жизнь в ННГУ, захотелось попасть именно сюда, а о студенческой жизни сужу по социальным сетям, фотографиям с различных выездов; свою роль в выборе ННГУ сыграли советы родственников. На вторых позициях студенты указывают наличие большого количества бюджетных мест, высокий рейтинг университета среди других нижегородских вузов, широкие возможности поступления по результатам ЕГЭ. Не последнее значение имело для будущих студентов, особенно для иногородних, и месторасположение Нижегородского университета (представлено достаточное количество бюджетных мест, больше, чем в других институтах; большое количество бюджетных мест; в Интернете много информации о рейтинге данного вуза, что сыграло большую роль при выборе; университет имеет высокий рейтинг среди вузов; есть специальности, на которые оптимально поступить по выбранным предметам и набранным баллам; многообразие факультетов и специальностей с выбранными предметами ЕГЭ; данный вуз в территориальном плане меня привлекал больше других; ННГУ находится не так далеко от моего города; есть родственники и в Нижнем Новгороде, и во Владимире). Для четверти студентов, поступивших на направление подготовки «Социология», вопрос выбора вуза не стоял изначально: выбор был только ННГУ им. Лобачевского, так как с детства хотел учиться именно в этом вузе; с самого детства хотелось именно туда, точного объяснения этого нет, возможно, потому, что в филиале ННГУ учился мой брат; выбора не стояло, так как я знала, что хочу в университет Лобачевского.

Таблица 1

Проблемы, с которыми столкнулись студенты во время обучения в 1-м семестре	
Направление подготовки	Проблемы
Социология	1. Написание курсовых работ 2. Адаптация к новым условиям 3. Отношения с преподавателями
Социальная работа	1. Расписание 2. Отношения с однокурсниками 3. Отношения с преподавателями
Управление персоналом	1. Расписание 2. Адаптация к новым условиям
Психология	1. Информирование об изменениях в учебном процессе 2. Качество преподавания
Психология служебной деятельности	1. Расписание 2. Отношения с преподавателями 3. Адаптация к новым условиям

Таблица 2

Планы студентов относительно будущей профессиональной деятельности	
Направление подготовки	Трудоустройство
Социология	1. Трудоустройство по специальности в различных сферах 2. ГМУ 3. Наука и образование 4. Бизнес
Социальная работа	1. Социальная работа 2. <i>Нет определенности</i>
Управление персоналом	1. Управление персоналом 2. <i>Нет определенности</i>
Психология	1. Психологическое консультирование 2. Управление персоналом 3. Наука 4. Бизнес
Психология служебной деятельности	1. Силловые структуры 2. <i>Психология без конкретизации</i>

Таблица 3

Факторы выбора вуза и направления подготовки					
Факторы выбора	Социология	Социальная работа	Управление персоналом	Психология	Психология служебной деятельности
Факторы выбора ННГУ	1. Престиж ННГУ 2. Рекомендации близкого окружения 3. Бюджетные места, универсальный набор дисциплин ЕГЭ	1. Престиж ННГУ 2. Направление подготовки	1. Престиж ННГУ 2. Рекомендации близкого окружения 3. Перспективы трудоустройства	1. Направление подготовки 2. Репутация ННГУ	1. Престиж ННГУ 2. Направление подготовки
Конкуренты ННГУ	РАНХиГС НГПУ Столичные вузы	НГПУ РАНХиГС	Столичные вузы РАНХиГС	НГПУ	НГПУ
Факторы выбора ФСН	1. Интерес к наукам об обществе 2. Поступление на бюджет по баллам ЕГЭ	1. Интерес к профессии 2. Поступление на бюджет по баллам ЕГЭ	1. Интерес к психологии 2. Поступление на бюджет по баллам ЕГЭ	1. Направление подготовки	1. Интерес к психологии 2. Поступление на бюджет по баллам ЕГЭ
Конкуренты ФСН	ИЭП ИМОМИ	ИЭП ИМОМИ	ИЭП	<i>Нет</i>	ИББМ
Факторы выбора направления подготовки	1. Универсальный набор дисциплин ЕГЭ 2. Результаты ЕГЭ 3. Интерес к специальности	1. Результаты ЕГЭ 2. Деятельность в сфере социальной работы	1. Интерес к специальности 2. Перспективы трудоустройства	1. Интерес к специальности	1. Уникальность специальности 2. Специалитет 3. Перспективы трудоустройства

Есть среди студентов и те, кто планировал поступление в другой вуз: *не поступила в вуз, в который планировала; побоялась, что не смогу пройти в московский вуз или на ту специальность, на которую хочу; так как не поступила в ВШЭ в Нижнем Новгороде, а ННГУ один из престижных вузов города.*

В рейтинге предпочтений абитуриентов у Нижегородского университета выявляются два значимых конкурента: РАНХиГС и НГПУ – Мининский университет (11 и 7 человек соответственно подавали документы для поступления и в эти нижегородские вузы). Девять человек подали документы и предприняли попытку поступить в столичные вузы (Москва и Санкт-Петербург) – понятно, что неуспешную.

Результаты социологических исследований, проведенных в 2017 г. [6] и 2019 г., показали, что, выбирая факультет, большинство абитуриентов ориентируются на собственные интересы и представления о будущей профессиональной деятельности (по этим основаниям сделали свой выбор 28 человек): *данное направление всегда меня привлекало, мне это интересно, другие направления не рассматривались; выбрала ФСН, так как направление мне показалось ближе, интереснее и перспективнее; ФСН для меня равно работа, требующая прямого взаимодействия с обществом и отдельными его элементами; хочу изучать общие принципы функционирования общества, выявлять его закономерности и понять, как в обществе все устроено; я выбрала ФСН, так как меня привлекала обширная область получения знаний в социальной сфере.* Вторым по значимости мотивом выбора факультета социальных наук стало значительное количество бюджетных мест и сравнительно небольшой конкурс (отметили 10 человек): *выбрала ФСН, так как проходила сюда на бюджет и на более близкую специальность из тех, на которые подавала документы; на ФСН представлено большее количество бюджетных мест и меньше желающих попасть – большинство поступает на юрфак, экономику; отсутствие бюджетных мест или малое их количество на других факультетах; маленький конкурс; невысокий проходной балл.* Действительно, план приема в 2018 г. на направление подготовки «Социология» факультета социальных наук предполагал 24 бюджетных места, а направления подготовки «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент», «Управление персоналом» Института экономики и предпринимательства – по 10 бюджетных мест. При этом проходные баллы на эти направления подготовки ИЭП были выше (247, 233 и 241 балл соответственно), чем

на направление подготовки «Социология» (223 балла).

Внутри Нижегородского университета при выборе абитуриентами факультета значимую конкуренцию факультету социальных наук составляет только Институт экономики и предпринимательства (направления подготовки – «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление», «Управление персоналом»). Более половины будущих студентов подавали документы о поступлении и в этот институт, четыре человека пытались поступить в Институт международных отношений и мировой истории, один – в Институт филологии и журналистики. Абитуриенты направления «Социология» демонстрируют наиболее широкий разброс в предпочтениях выбора факультета и гуманитарного направления подготовки внутри ННГУ, во многом этому способствует универсальный набор предметов ЕГЭ (русский язык, математика, обществознание).

В рейтинге мотивов выбора специальности одно из первых мест всегда занимает количество набранных баллов по ЕГЭ или набор тех дисциплин, по которым абитуриент успешно сдал Единый государственный экзамен. На выбор направления подготовки влияет не только личный интерес к будущей профессии и науке, но и возможность пройти по конкурсу на бюджетное место, имея необходимое количество баллов по ЕГЭ [7, с. 96]. Абитуриенты 2018 г. делали свой выбор по тем же основаниям: *достаточное количество бюджетных мест в отличие от других направлений; подошел набор сдаваемых предметов ЕГЭ; подходящий балл ЕГЭ для поступления на бюджет; не хватило баллов на другие направления.* Тем не менее чуть более половины абитуриентов заинтересованы в получении выбранной специальности и связывают ее с будущей профессиональной деятельностью: *меня интересуют социальные явления и социологические исследования; всегда хотелось работать с людьми, что-то изучать о людях и общественном поведении; пару лет назад заинтересовалась наукой после того, как случайно наткнулась в Интернете на статьи социологов по волнующей меня проблеме; социология помогает понимать людей и анализировать какие-то события, именно это мне нужно для моей работы; хочу изучать общие принципы функционирования общества, выявлять его закономерности и понять, как в обществе все устроено.*

Оценивая весь процесс обучения в первом семестре и в начале второго, студенты обозначили ряд проблем, с которыми им пришлось столкнуться. Для половины первокурсников

основной проблемой стало написание курсовых работ. Действительно, учебный план предполагал написание двух курсовых работ по дисциплинам «Человек и общество» и «Введение в эмпирическую социологию», но для студентов эта задача оказалась тяжелой: *было тяжело написать две курсовые работы; сложно было написать сразу две курсовые; в первом семестре две курсовых работы, я думаю, достаточно было одной работы.* Не менее важной проблемой для студентов стала адаптация как к самому процессу обучения, так и в целом к студенческой жизни. Но многие осознают и собственную ответственность в этом вопросе: *сложная адаптация к парам по полтора часа; сложно быть сконцентрированным в течение полутора часов, так как привыкла в школе к 45 мин.; не умею правильно распределять время, из-за чего иногда перенапрягаюсь; неправильное распределение времени.* Пятая часть студентов, поступающая на гуманитарное направление, не предполагала изучение в вузе высшей математики: *проблемы с математикой, я поступала на гуманитарное направление, думала, что ее не будет, а ее я плохо знаю и понимаю, а требования высокие; высшая математика – не люблю цифры; не думала, что будет много математики.* Отметим, что будущая профессиональная деятельность студента-социолога предполагает наличие у выпускника навыков написания аналитических текстов, хороших знаний математики и статистики, которые необходимы в проектной и научно-исследовательской работе.

Безусловно, осознание студентами процесса обучения в вузе и привыкание к новым формам жизнедеятельности зависят не только от учебного плана и расписания занятий, но и от взаимодействия с преподавателями, некоторые из них не всегда добросовестно относятся к преподаваемой дисциплине: *пассивный подход некоторых преподавателей к своим предметам; нежелание некоторых преподавателей раскрывать всю суть дисциплины и ее основы; очень редко, но все же отличаются требования преподавателей относительно одного и того же, например, оформление курсовой, хотя оно и едино; субъективное оценивание при сдаче домашних заданий, зачетов и экзаменов; техническое обеспечение аудиторий, не хватает компьютеров, проекторов.*

Учитывая факторы выбора студентами вуза, факультета и направления подготовки, очевидными выглядят и их планы по поводу будущей профессиональной деятельности. Треть студентов пока не определились с профессиональным выбором, хотя и нет явного отторжения получаемой специальности: *выбор настолько велик и*

неточен, что я не знаю пока, что сказать; надеюсь определиться с этим в процессе обучения; не знаю, определюсь во время обучения или уже после окончания университета; пока у меня смутные представления о том, чем можно заниматься на данном направлении подготовки, надеюсь, дальше станет понятнее. Шестая часть студентов-первокурсников все-таки связывает получаемую специальность с будущей профессиональной сферой и даже с конкретной деятельностью: *если получится устроиться по специальности, то в этой сфере с определенными условиями; пока не задумывалась, но, в первую очередь, попробовала бы работать по специальности; пока не знаю, хотелось бы остаться в науке, наверное; научная сфера деятельности.* Стоит отметить, что студенты в большей своей части осознают широкие возможности профессионального социологического образования для трудоустройства в различных сферах: государственное и муниципальное управление, образование, научная деятельность, маркетинг, СМИ, реклама и PR, телекоммуникации, экология, предпринимательство.

Направление подготовки «Социальная работа». Основными мотивами выбора будущими социальными работниками Нижегородского государственного университета стали престиж ННГУ и наличие конкретного направления подготовки: *ННГУ один из самых престижных университетов не только города, но и страны; ННГУ является одним из лучших вузов страны; в РФ существует только три вуза, которые готовят специалистов по социальной работе на высоком уровне; выбрала университет, поскольку тут есть то направление, которое мне интересно.* Почти треть студентов, еще будучи учащимися средней школы, уже были ориентированы на поступление исключительно в Нижегородский университет: *со школы была мечта поступить в ННГУ; с 10-го класса один день в неделю мы учились в ННГУ; я окончил 11 классов и целенаправленно хотел поступить в ННГУ.*

Тем не менее в выборе вуза конкуренцию классическому университету составляют Нижегородский педагогический университет (Мининский университет) и РАНХиГС (10 и 5 упоминаний соответственно).

В выборе факультета в Нижегородском университете у будущих социальных работников, так же как и у социологов, основополагающими выступают два мотива – возможность поступления на бюджетное место по набранным баллам ЕГЭ, который отметили 10 человек (*много бюджетных мест на очное обучение; поступила на бюджетную форму; влияли на выбор*

предметы, выбранные для сдачи ЕГЭ; на юриспруденцию по баллам не прошел; проходила по баллам на бюджет на ФСН; выбор был случайным, так как не прошла по баллам на ИМОИ и ИЭП), и интерес к будущей профессии, на который указали 13 студентов (выбрала ФСН, так как всю свою учебную деятельность в школе так или иначе связывала с общественными науками, с социумом, мне это ближе; мне нравится сфера человек – человек, думаю, работать в ней мне подходит по характеру; ФСН выбрала в связи с желанием оказывать социальные услуги населению). Более четверти студентов были ориентированы только на поступление на факультет социальных наук и другие факультеты для подачи документов в приемную комиссию ННГУ не рассматривали: выбор был категоричен – ФСН; изначально подавала документы только на ФСН; никакие другие факультеты мне не понравились. Абитуриенты направления «Социальная работа» так же, как и абитуриенты направления «Социология», демонстрируют разброс в предпочтениях выбора факультета и гуманитарного направления подготовки внутри ННГУ.

При выборе направления подготовки половина будущих социальных работников ориентировалась на количество баллов ЕГЭ и возможность зачисления на бюджетное место: *проходила по баллам на бюджет; прошла по баллам на бюджет, для меня это было определяющим; прошла по баллам только сюда; не поступила на юридический по баллам. Из них только четыре человека указали этот мотив как единственный. Другим определяющим мотивом поступления на данное направление подготовки было желание студентов реализовать свои наклонности, способности и приобретенные впоследствии компетенции в сфере социальной работы: желание работать в дальнейшем с неблагополучными семьями и детьми; мне хочется помогать тому, кто нуждается в помощи; нравится взаимодействовать с людьми и помогать людям; социальная работа ориентирована на оказание помощи нуждающимся гражданам, мне интересен процесс оказания социальной помощи. Скорее всего, такая мотивация в большей степени выработалась в процессе обучения в первом семестре, нежели при поступлении. Студенты уверены в перспективах работы по выбранной специальности и дальнейшего трудоустройства в сфере социальной работы: возможность дальнейшего трудоустройства по профессии; именно за социальной сферой, на мой взгляд, стоит ее активное развитие; у специалиста по социальной работе широкий спектр трудоустройства.*

Анализируя проблемы, с которыми пришлось столкнуться студентам-первокурсникам во время обучения в первом семестре и начале второго, стоит отметить, что третья часть этих студентов вообще не отметили никаких проблем (более точная оценка – *во время учебы пока ни с какими проблемами не сталкивалась; не сталкивалась с проблемами пока*). Такое же количество студентов отмечают проблемы, связанные с учебным планом (расписание учебных занятий, прохождение учебной практики, написание курсовых работ, объем часов по дисциплинам) и подготовкой к сессии: *в начале учебы немного трудно было разобраться с расписанием; не очень удобное расписание во втором семестре; недостаток опыта в выполнении отчета по практике и курсовых работ; трудности в написании рефератов и курсовых работ; подготовка к сессии была морально тяжелой, кажется, что преподаватель не поймет тебя, если ты вдруг растеряешься, и подумает, что ты не учил; стресс во время экзаменов. Отдельного упоминания требуют проблемы, которые возникают в результате вхождения студента-первокурсника в новую социальную среду, необходимости взаимодействия с однокурсниками, новым коллективом ровесников, преподавателями: проблема во взаимодействии и непонимании некоторых преподавателей; столкнулась с одним учителем, который не объясняет свой предмет; новый коллектив, когда пытаешься найти общий язык со всеми.*

Оценки первокурсников направления подготовки «Социальная работа» перспектив собственного трудоустройства выглядят более обнадеживающими, нежели студентов-социологов. Более половины студентов (13 упоминаний) планируют реализовать полученные профессиональные знания в сфере социальной работы. Однако стоит отметить, что в этой группе студентов велико число и тех, кто пока не определился с выбором (9 упоминаний): *сложно ответить, пока я пытаюсь выявить, подходит ли мне это направление подготовки или нет; это будет не скоро, так как я не собиралась останавливаться только на одном направлении, дальше буду учиться; я не планировал пока еще свою деятельность после учебы; я еще не решила, жизнь покажет.*

Направление подготовки «Управление персоналом». Как и в группах студентов-социологов и социальных работников, студенты указанного направления подготовки при выборе места получения высшего образования ориентировались, прежде всего, на престиж Нижегородского государственного университета (отметили

13 человек): *ННГУ входит в топ лучших университетов мира; ННГУ является главным вузом города; хорошая репутация; это один из ведущих вузов. Другими значимыми мотивами при выборе вуза стали рекомендации и советы ближайшего окружения вчерашних школьников (6 упоминаний) и перспективы трудоустройства после окончания учебы (5 упоминаний): его советовали многие мои знакомые; о нашем университете я очень много слышала от знакомых, друзей, родственников; посоветовали родители по своему опыту; востребованность выпускника на рынке труда; университет дает больше перспектив в будущем.*

При выборе вуза почти треть абитуриентов рассматриваемого направления также подали документы о приеме и в университеты Москвы и Санкт-Петербурга, почти половина – в Нижегородский филиал РАНХиГС, хотя там и не ведется подготовка по указанному направлению.

Оценивая качественный состав студентов-первокурсников, стоит отметить, что группа четко делится пополам: на тех, кому интересна психология (на ФСН уклон больше на психологию, а на ИЭП на экономику; хотела больше психологии и меньше математики; на ФСН больше психологии, чем на ИЭП), и тех, кто прошел конкурс по баллам ЕГЭ и поступил на бюджетное место (были подходящие мне проходные баллы; подходили предметы ЕГЭ, которые сдавала в школе; выбрала ФСН, так как смогла пройти на бюджет). Среди последних – три человека признались в случайном выборе: на ФСН занесло случайно, хотела изменить деятельность; случайно попала; ФСН – это случайность.

Судя по оценкам первой группы, становится очевидным, что основной конкурент факультета социальных наук по направлению подготовки «Управление персоналом» – Институт экономики и предпринимательства Нижегородского университета, где также ведется подготовка по данному направлению: 16 абитуриентов из 20 подавали документы в приемную комиссию ННГУ на оба факультета.

Анализируя выбор направления подготовки, корректно скорее говорить об актуальных настроениях и оценках студентов-первокурсников, нежели о реальных мотивах выбора, так как студенты к моменту социологического опроса уже отучились первый семестр и сдали сессию. Это подтверждается их высказываниями по поводу выбранной специальности, где даже студенты из группы прошедших по конкурсу по баллам ЕГЭ проявляют однозначный интерес к получаемому профессиональному образованию: *выбор стоял перед тем, на какое направление*

поступать – психология, ПСД, менеджмент. Управление персоналом включает в себя и менеджмент, и психологию; хорошие управленцы нужны всегда; я люблю общаться и работать с людьми; интересная специальность. Более того, студенты оптимистично оценивают собственную профессиональную реализацию на рынке труда после окончания университета: проанализировав рынок труда в долгосрочном периоде, посчитал, что данное направление будет самым актуальным еще долгое время; это наиболее востребованная профессия в настоящем и будущем; после обучения на этом направлении можно легко найти работу, так как оно охватывает множество сфер и не имеет узкой специализации.

Проблемы, с которыми пришлось столкнуться первокурсникам во время начала обучения, лежат, как обычно, в двух плоскостях: собственный образовательный уровень (сложности с одним из преподавателей из-за того, что она ориентируется на студентов с высоким уровнем знаний; плохое знание английского языка, отсюда проблемы с зачетом; плохая база знаний по некоторым предметам; сложные для понимания предметы; сложно справиться с большим объемом информации и объемом домашней работы) и адаптация к новым условиям жизни (первая пара в 7.30 – это очень рано; неудобное расписание; привыкание к новой обстановке, предметам, людям). Например, плохое знание английского языка отметили шесть человек, а неудобное расписание – почти половина студентов.

Планы студентов-первокурсников относительно будущей профессиональной деятельности вполне соотносятся с их оценками получаемой специальности: 13 человек постараются трудоустроиться в сфере управления персоналом и кадрового делопроизводства, двое планируют предпринимательскую деятельность, у остальных пока нет определенных планов на будущее.

Направление подготовки «Психология». Определяя собственный выбор вуза, абитуриенты данного направления осознали, что обучение по нему ведется только в Нижегородском государственном университете. И, пожалуй, это было главным мотивом их выбора: выбор стоял между ННГУ и Мининским, но я была уверена, что пойду именно сюда, и в Мининский документы так и не подала, там не было той специальности, на которой хотелось бы учиться; лучший университет по направлению «Психология»; единственное место в Нижнем Новгороде с данной специальностью. Два человека уже

дебютировали в качестве студентов первого курса в Приволжском исследовательском медицинском университете, но, видимо, поторопились с выбором места обучения: *это не первый мой университет, до этого я училась в ПИМУ, ушла, так как поняла, что не буду хорошим врачом; легче, чем в ПИМУ, где училась ранее.* Один человек рассматривает начало обучения на данном направлении подготовки факультета социальных наук ННГУ как переходный вариант для перевода в СПбГУ. Тем не менее для трех четвертей студентов при выборе вуза важное значение имела надежная репутация Нижегородского университета: *хорошие рейтинги вуза; классическое университетское образование с хорошим базисом; престижное учебное заведение; хороший состав педагогов.* Примечательно, что никто из студентов не упомянул другой значимый для многих абитуриентов фактор выбора ННГУ – возможность поступления на бюджетное место по баллам ЕГЭ. Действительно, с этих позиций выбор не очевиден – на данном направлении подготовки всего десять бюджетных мест.

Востребованная специальность и отсутствие данного направления подготовки в других вузах Нижнего Новгорода характеризует позиции Нижегородского университета как внеконкурентные: *шесть человек подавали документы только в приемную комиссию ННГУ, шесть – в Нижегородский педагогический университет, четверо использовали шансы в столичных университетах.*

Тем более перед абитуриентами не стояла проблема выбора и факультета в Нижегородском университете – подготовка профессиональных психологов ведется только на факультете социальных наук: *изначально определился со специальностью, потом выбрал факультет; выбора не было, потому что только на этом факультете была данная специальность; выбор между факультетами не стоял, целенаправленно шла на ФСН.*

Основным фактором выбора абитуриентами рассматриваемого направления подготовки выступает их интерес к получаемой специальности, но никак не перспективы успешного трудоустройства: *мне интересна данная сфера, хочу работать с людьми; ближе всего, хочу разбираться в себе и других людях; люблю общаться и помогать людям разобраться в себе; это именно то направление, которое мне интересно, я хочу стать психологом.*

Основной проблемой, с которой будущие психологи столкнулись во время обучения, стало отсутствие системы информирования об изменениях в учебном графике: *не предупрежда-*

ют об изменениях в расписании; важная информация появляется в самый последний момент; не всегда оповещают вовремя об отмене или проведении пары; проблема неоповещения об отменах, переносах, изменениях в расписании. Студенты-психологи обозначают еще ряд моментов, которые свидетельствуют о более серьезных проблемах, таких как качество преподавания: *неинформативность на занятиях, но формальная обязанность хождения на пары из-за бонусов для хороших оценок; низкая нагрузка, из-за чего отсутствие мотивации; низкие педагогические навыки преподавателей.* Отметим, что студенты факультета социальных наук других направлений подготовки подобных замечаний не высказывали.

Перспективы будущей профессиональной деятельности студенты находят в разных сферах, но практически половина собирается реализовать полученные компетенции в психологическом консультировании, пятая часть – в управлении персоналом, трое – в науке, некоторые упоминают бизнес без уточнения вида экономической деятельности.

Направление подготовки «Психология служебной деятельности». В рейтинге факторов выбора вуза абитуриентами равнозначны два: престиж Нижегородского государственного университета (15 упоминаний) и наличие интересующей специальности (16 упоминаний). Престиж университета обусловлен не только первыми позициями в различных российских и международных рейтингах, но и качеством преподавания, репутацией, карьерными перспективами выпускников: *рейтинг университета; данный вуз является одним из топовых вузов страны; считаю, что в ННГУ качественное образование; ННГУ – самый престижный в Нижнем Новгороде.* Студенты отмечают уникальность направления подготовки специалистов–психологов служебной деятельности: *направления ПСД в других вузах, которые я изучал, нет; нужная специальность была только здесь; редкое направление, которого в других вузах Нижнего Новгорода нет; специальность, на которую я хотела пойти, есть только в этом вузе.* Только шестая часть студентов мотивировала выбор вуза возможностью поступления на бюджетное место по сумме баллов ЕГЭ.

Наличие в Нижегородском университете направления подготовки «Психология служебной деятельности» усиливает его позиции на рынке высшего психологического образования, тем более что на направлении «Психология» в Мининском университете не предусмотрено бюджетных мест, а на других направлениях –

психолого-педагогический профиль. Однако абитуриенты рассматривали для себя возможность обучения и в Нижегородском государственном педагогическом университете (14 упоминаний). Одна треть абитуриентов были однозначно ориентированы на поступление только на рассматриваемое направление.

Учитывая наличие направления подготовки психологов служебной деятельности только на факультете социальных наук ННГУ, очевидным представляется и выбор абитуриентами данного факультета, которые ориентировались, прежде всего, на собственные предпочтения и интерес к психологии: *выбор не стоял, потому что только на этом факультете есть нужная мне специальность; именно здесь есть ПСД и психология; меня больше заинтересовало направление ПСД и психология; меня привлекла психология как наука, поэтому ФСН; хочу стать психологом*. Такую позицию продемонстрировали 18 человек, подавших документы в приемную комиссию только на факультет социальных наук. Тем не менее результаты исследования позволили выявить некоторые противоречия в позиции части абитуриентов: с одной стороны, им нравится психология, с другой – они не отказались бы учиться и в Институте биологии и биомедицины ННГУ (9 упоминаний), где такое направление подготовки отсутствует. В данном случае подтверждается вывод многих исследователей о том, что во многих случаях выпускники школ делают выбор специальности исходя не из собственных наклонностей, интересов и предпочтений будущей профессиональной деятельности, а из набранных баллов ЕГЭ, необходимых для поступления на бюджетное место.

Одним из самых привлекательных критериев при выборе направления подготовки, кроме уникальности специальности, для будущих студентов стал срок обучения – пять лет (отметили 13 человек). Психология служебной деятельности – единственное направление подготовки на факультете социальных наук, где остался специалитет. Их вполне устраивает диплом специалитета, нежели необходимость обучения четыре года на бакалавриате плюс два года в магистратуре: *специалитет, поэтому в дальнейшем не пришлось бы поступать в магистратуру*. Другими факторами выбора направления подготовки выступают перспективы трудоустройства вообще (*данная специальность перспективней и интересней, чем другие; широкая направленность деятельности; больше возможностей работы*) и в силовых структурах в частности (*интересная работа в силовых структурах; я раньше хотела работать в силовых структурах; всегда хотела быть психологом и*

одновременно работать в силовых структурах, а на этой специальности возможно совместить), а также интерес к профессии (*мечта детства стать психологом; психология привлекает меня как наука, мне интересно ее изучение*).

Как и на других направлениях подготовки психологического профиля, почти половина студентов ПСД тоже отметили проблемы с расписанием: *не совсем удобное расписание первого семестра, когда пары начинались в 14.40, а заканчивались в 19.30; большие окна между парами в расписании; ранние подъемы к 7.30, из-за которых не могу нормально существовать потом весь день – чтобы не сильно опоздать и доехать, встать надо в 5*. Ряд других отмеченных студентами проблем лежит, скорее, в области методической работы преподавателей: *недопонимание условий некоторых заданий во время пар; объемная работа с электронным вариантом работ; неправильное оформление эссе, докладов, которое повлияло на оценку больше, чем их содержание*. Реже студентами были отмечены естественные проблемы адаптации к новым условиям жизни: *адаптация к новому темпу жизни; проблемы с перестройкой после школы, поскольку режим и распорядок дня резко изменились; сложно перестроиться со школы на университет*.

Серьезная мотивация конкретного направления подготовки находит свое отражение и в планах студентов относительно будущей профессиональной деятельности. Более половины из них рассматривают возможность трудоустройства в силовых структурах (в правоохранительных органах, на военной службе, в структурах МЧС, в пенитенциарных учреждениях), почти треть – в сфере психологии без конкретизации места работы.

Выводы

Результаты проведенного исследования показали, что основным фактором выбора вуза абитуриентами является престиж Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (табл. 3). В числе критериев такой оценки, по мнению бывших абитуриентов, выступают репутация университета, ведущие места в международных и российских рейтингах, качество образования, высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, возможности трудоустройства. Другими значимыми факторами выбора вуза стали направления подготовки, по которым обучение ведется только в ННГУ, и рекомендации ближайшего окружения.

Выбор факультета обусловлен, в первую очередь, интересом к социогуманитарным

направлениям подготовки и наличием большого количества бюджетных мест. Однако стоит отметить, что интерес к конкретным наукам и профессии чаще уступает возможности поступления на бюджетное место по результатам ЕГЭ.

Факторами выбора направления подготовки выступают не только интерес к получаемой специальности и возможности трудоустройства в профессиональной сфере деятельности, но и результаты ЕГЭ по профильным дисциплинам.

В числе проблем, с которыми пришлось столкнуться студентам во время обучения, первокурсниками называются как объективные факторы, которые детерминированы новой социальной средой, новыми условиями деятельности первокурсников, так и причины личностного характера (табл. 1). Отметим, что одной из наиболее важных проблем в сфере адаптации абитуриентов к условиям высшей школы является проблема мотивированного выбора образовательного учреждения и направления подготовки на этапе поступления.

Проблема профессионального выбора студентами социогуманитарных специальностей во многом связана с характером профессиональной подготовки (табл. 2). Такая подготовка предполагает широкий спектр профессиональной деятельности (социология, экономика, менеджмент), выпускники могут работать на разных предприятиях в самых разных отраслях экономики [8]. Результаты опроса студентов-первокурсников показали ориентацию большинства из них на будущее трудоустройство по профилю профессиональной подготовки.

Примечания

1. Опрос по неформализованной анкете, которая включала три вопроса: мотивация выбора вуза, факультета, специальности. Студентам необходимо было самостоятельно сформулировать не более трех оснований каждого выбора. Всего в опросе приняли участие 25 студентов-первокурсников направления подготовки «Социология».

2. Опрос студентов первого курса факультета социальных наук ННГУ очной формы, обучающихся по направлениям подготовки «Социальная работа», «Социология», «Управление персоналом», «Психология», «Психология служебной деятельности». Всего в опросе приняли участие 110 студентов.

Список литературы

1. Попова Л.А., Фадеева И.М., Юрлова Е.М. Профессиональные и социальные факторы, определившие выбор вуза первокурсниками [Электронный ресурс] // Огарев-online. 2017. № 5. Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/professionalnye-i-socialnye-factory-opredelivshie-vybor-vuza-pervokursnikami>. (дата обращения: 10.01.2020).
2. Ушакова Я.В., Ёркина Т.С. Проблемы и перспективные направления реформирования ЕГЭ // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Вып. 15). Н. Новгород: Изд. НИСОЦ, 2015. С. 143–156.
3. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Молодежь в сфере образования: ожидания и мотивация // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 154–174.
4. Иудин А.А., Ситникова И.В. Современное студенчество: становление образа профессионального будущего // Социология образования. 2018. № 3. С. 89–103.
5. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., Дидковская Я.В. Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 1. С. 152–170.
6. Ушакова Я.В. Мотивация выбора вуза и специальности в контексте формирования человеческого капитала // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. В 2 т. Т. 2. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 612–617.
7. Ушакова Я.В., Морзавченкова Е.В. Мотивация выбора направления подготовки и отношение студентов к учебному процессу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 1 (53). С. 94–101.
8. Иудин А.А., Подольская Т.О., Тютнев А.С. Особенности профессионального выбора абитуриентов ННГУ в сфере общественных наук // Социальные преобразования и социальные проблемы: Сборник научных трудов (Вып. 17). Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 29–43.

FACTORS FOR CHOOSING A UNIVERSITY AND PROFESSIONAL STRATEGIES FOR STUDENTS IN THE HUMANITIES

Ya.V. Ushakova, I.V. Sitnikova, Yu.E. Frantseva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

To study the educational and professional strategies of students in the humanities and social sciences, a survey of first-year students of the Faculty of Social Sciences of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod was conducted in the spring of 2019. It covered students in the areas of «Sociology», «Social work», «Personnel Management», «Psychology», «Psychology of Service Activities». The survey revealed the factors of choice of higher education, faculty, areas of study, the problems that students faced during their training, as well as students' plans for future professional activities. A comparative analysis of students' positions in different areas of training in the humanities and social sciences

was carried out. The presented study was a logical continuation of two previous projects: Motivation for choosing a University and specialty (2017) and Students' attitude to the educational process and satisfaction with the chosen area of study (2018).

Keywords: factors for choosing a university, faculty, area of study, field of future professional activity, professional strategies, problems of adaptation.

УДК 316

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ НА ЭТАПЕ СОЗДАНИЯ БИЗНЕСА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

© 2020 г.

О.Р. Чепьюк, В.С. Кравченко, М.Г. Демина, И.О. Седых

Чепьюк Ольга Ростиславовна, к.э.н.; доцент кафедры финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
cheryuk@gmail.com.

Кравченко Валентина Сергеевна, к.э.н.; доцент кафедры финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kvsfnf@mail.ru.

Демина Мария Геннадьевна, научный сотрудник музея А.Д. Сахарова, Н. Новгород
angryalien@yandex.ru.

Седых Игорь Олегович, аспирант Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
igor_sedykh@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 11.02.2020**Статья принята к публикации 31.07.2020*

Представлены результаты анализа мотивации предпринимателя к началу самостоятельной инициативной деятельности в социальной сфере. Методом исследования стал опрос, проведённый в течение сентября – октября 2019 г. среди предпринимателей – учредителей и руководителей действующих субъектов малого предпринимательства Нижегородской области (в том числе микропредприятий). Оригинальность исследования заключается в представлении мотивации предпринимателя как формы проявления субъектности экономического агента, его качественного (осознанного) вовлечения в хозяйственную деятельность, с целью собственной самореализации. Цель исследования – выявление отличительных особенностей в поведении социальных предпринимателей на стадии зарождения предпринимательской идеи, в том числе выявление их отношения к внешним рискам и кризисам. Результаты исследования представляют интерес для представителей государственных структур, участвующих в поддержке субъектов малого предпринимательства, для университетов, реализующих программы обучения предпринимателей (в том числе предпринимательских университетов), а также других общественных институтов, способствующих развитию предпринимательства. В методологическом плане результаты исследования представляют эмпирический материал для специалистов, занятых исследованием экономического субъекта и когнитивных аспектов экономического поведения.

Ключевые слова: предприниматель, субъектность, мотивация, риски, кризисы, экономический субъект, социальное предпринимательство.

Описание проблемы

Проблема исследования мотивации к предпринимательской деятельности является междисциплинарной. Этот вопрос освещается в рамках различных дисциплин: экономической социологии, организационной психологии, поведенческой экономики. Однако, несмотря на очевидную важность вопроса мотивации к предпринимательской деятельности, исследователи отмечают недостаток эмпирических наблюдений [1, р. 43; 2, р. 49; 3]. Начало собственной предпринимательской деятельности является определённым вызовом для субъекта, который неизбежно связан с ответственностью, необходимостью изучения профессиональных аспектов (в том числе профильного законодательства) в выбранной сфере приложения усилий, развитием навыков менеджмента, организации бизнес-процессов, оптимизации ресурсов и мотивации нанимаемых специалистов. Неко-

торые задачи, которые приходится решать предпринимателю на определённом этапе организационного развития, требуют от него лидерских качеств [4].

Обоснование методологии

Среди многочисленных работ по проблеме мотивации предпринимательской деятельности следует обратить внимание на теорию «push»-«pull» [5], авторы которой утверждают, что можно выделить две основные причины индивидуальной предпринимательской инициативы. В ситуации «push» (от англ. «толчок») индивид вынужденно начинает собственное дело, по причине личных карьерных неудач, текущей ситуации на рынке труда, изменений в профессиональной сфере. В ситуации «pull» (от англ. «тяга») выбор предпринимательской траектории является осознанным: в этом случае индивид стремится к самореализации, независимости, а

также личному обогащению. Отдельные эмпирические исследования в конце XX века показали [1, р. 44], что ведущими являются факторы, которые можно отнести к ситуации «тяга».

Можно выделить несколько методологических подходов к исследованию поведения в рамках предпринимательской деятельности и классифицировать в зависимости от эпистемологических особенностей представлений об экономическом субъекте. Например, модели, основанные на экономических критериях, полагаются на допущение, что поведение экономического субъекта подчинено гипотезе рациональности, а рынок (например, рынок труда и готового бизнеса) – высокоэффективен и отражает в доходности (уровне заработных плат) всю рыночную информацию. В основе таких моделей – проверка гипотез о положительной связи между внешними критериями экономической эффективности предпринимательской деятельности и альтернативными вариантами заработка (например, динамика заработных плат [6]). Другое направление исследований связано с разработкой динамических когнитивных моделей. Они основаны на представлении о том, что экономический субъект принимает решения, основываясь на когнитивных представлениях о вариантах своего экономического поведения. Здесь, например, можно выделить направление как российских, так и зарубежных исследований, связанных с изучением роли риска на старте предпринимательской деятельности [7, 8], а также более сложные модели, где желание начать собственное дело сопровождается субъективной оценкой индивида собственных возможностей это сделать. Некоторые исследователи добавляют к этому такие факторы, как «склонность» к реальным действиям [9], способность к рефлексии собственной самозффективности [1, р. 47].

Гипотезы и инструменты исследования

1. Авторы в качестве цели исследования выбрали факторы, относящиеся к ситуации «тяга», так как основной аудиторией исследования стали социальные предприниматели. Как показало предварительное собеседование с участниками акселерационных программ для социальных предпринимателей 2018–2019 гг. о причинах начала их деятельности в социальной сфере, социальные предприниматели Нижегородской области ориентированы в большей степени на факторы самореализации. Это согласуется с одной из гипотез, согласно которой феномен социального предпринимательства представляет собой синтез предпринимательской инициа-

тивы и гуманистических ценностей [10]. В связи с этим особенностью мотивационной сферы социальных предпринимателей является их ориентация на решение социальной проблемы с привязкой к определённой местности. Это делает исследование факторов «тяги» предпочтительным среди других моделей. Основными предпосылками исследования стали следующие положения, сделанные коллективом в рамках социально-философского исследования проблемы экономического субъекта [11], а также предварительного выборочного собеседованиями с группами респондентов:

1) субъект экономической деятельности отличается единством детерминант поведения. Его мотивация к деятельности может быть определена и сформулирована;

2) субъект предпринимательской деятельности отличается высокой поведенческой динамикой (мотивация к предпринимательской деятельности может быть различной);

3) формы предпринимательства находятся в постоянном изменении (выделяют социальное предпринимательство, технологическое предпринимательство, со-предпринимательство и другие формы проявления личной инициативы в сфере бизнеса).

Как феномен мотивация к предпринимательской деятельности раскрывается в четырех следующих гипотезах.

Гипотеза 1. Существует положительная связь между возможностью самоактуализации экономического субъекта и его мотивацией к инициации бизнеса в социальной сфере.

Гипотеза 2. Существует положительная связь между открывающейся для субъекта возможностью получения большего дохода и его мотивацией к инициации бизнеса в социальной сфере.

Гипотеза 3. Существует положительная связь между интенцией субъекта к самостоятельному и независимому экономическому поведению и его мотивацией к инициации бизнеса в социальной сфере.

Гипотеза 4. Существует положительная связь между всеми тремя факторами и мотивацией предпринимателя к инициации бизнеса в социальной сфере.

Ход исследования

На основе выделенных гипотез авторами была разработана анкета и проведён опрос 83 опытных и начинающих предпринимателей Нижнего Новгорода и Нижегородской области, участников акселерационных программ по старту нового проекта (или нового бизнеса) в социальной сфере. К этой категории относятся предприниматели, чья деятельность направлена

на достижение общественно полезных целей, способствующих решению социальных проблем граждан и общества. Именно так определяется социальное предпринимательство в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» от 24.07.2007 №209-ФЗ (часть 1, статья 24.1).

Описание выборки исследования. Для определения объектов исследования в качестве субъектов малого предпринимательства авторы руководствовались положениями Федерального закона Российской Федерации № 209-ФЗ от 24.07.2007 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» ст. 4, п. 2, 3 [12] – численностью работающих до 100 работников и выручкой от реализации товаров (работ, услуг) за предшествующий год, без учёта налога на добавленную стоимость, до 800 млн руб. Опрашиваемые предприниматели ведут деятельность, которая входит в перечень, относящий их к категории «социальных предпринимателей» [13]. Все опрошенные предприниматели соответствуют заявленным формальным критериям. Аудитория проведённого опроса была характеризована несколькими признаками. Так, 46% опрошенных – мужчины, 54% – женщины. Средний возраст респондентов составил 39 лет, от 16 до 58 лет. Средний стаж предпринимательской деятельности – 8 полных лет. Высшее образование имеют 85% опрошенных, среднее образование (колледж) – 13%, учёную степень – 2%. Среди опрошенных 75% указали на наличие руководящего опыта более 3 лет, 25% – имели опыт руководителя менее 3 лет.

Сроки и территория проведения исследования. Опрос проводился с 1 сентября по 30 октября 2019 г. в рамках образовательных акселерационных программ для социальных предпринимателей¹, которые проходили в 5 городах Нижегородской области: Нижний Новгород, Выкса, Заволжье, Шахунья, Дзержинск.

Описание поля исследования. Участникам было задано 3 группы вопросов и предложены варианты ответов, а также дана возможность изложить свой комментарий, если ни один из предложенных вариантов ответа не отражает мнения предпринимателя. Первая группа вопросов касалась исследования причин (факторов) мотивации предпринимателей начать своё дело в социальной сфере. Предпринимателям предлагалось оценить значимость различных факторов в разной текстовой формулировке. На этом этапе цель авторов исследования заключалась в проверке достоверности четырех гипотез, описывающих феномен мотивации предпринимательской деятельности. В группу из пяти факторов вошли: 1) факторы мотивации, свя-

занные с внешними причинами (ситуация «толчок»); 2) факторы мотивации, связанные с возможностью самоактуализации предпринимателя как активного экономического субъекта; 3) факторы монетарной мотивации; 4) факторы мотивации, связанные с возможностью самостоятельной и независимой организации хозяйственной деятельности в форме предпринимательской инициативы; 5) факторы мотивации, связанные с личностным профессиональным развитием субъекта при выборе предпринимательства как новой профессиональной траектории. Факторы 2), 3) и 4) соответствовали трём названным ранее гипотезам. Факторы 1) и 5) были добавлены в исследование по итогам предварительного интервьюирования участников опроса. Один и тот же вопрос о мотивации повторялся в различных формулировках в течение пяти итераций. Такой метод опроса позволил проверить устойчивость (релевантность) мотивационного фактора для участника опроса.

Вторая группа вопросов была связана с оценкой влияния фазы экономического цикла, в том числе периода кризиса в экономике, на принятие решения относительно возможности начала предпринимательской деятельности. Авторы исследования ставили целью исследовать степень рациональности поведения предпринимателя. При этом принималось во внимание, что период кризиса – это не всегда время повышенных рисков в деловой сфере, но одновременно – время новых возможностей для реализации идей в условиях меньшей конкуренции. В опросе были выделены следующие этапы цикла: подъёмы (оживление), пики (вершины), спады (рецессия) и дно (депрессия).

Третья группа вопросов связана с проверкой значимости предпринимательского образования как для действующего, так и будущего (начинающего) предпринимателя. Авторы ставили цель определить качественное отношение опрошенных к предпринимательскому образованию и степени его полезности для принятия решения о старте собственного дела в социальной сфере.

Проблемы, возникшие в ходе исследования. Предприниматели проявили интерес к исследованию и свободно делились своим мнением. Однако следует отметить, что возникали трудности с ранжированием по значимости мотивационных факторов, которые повлияли на решение опрошенных стать предпринимателями.

Результаты исследования

Полученные авторами результаты исследования можно объединить в три группы. Первая группа связана с проверкой основных гипотез о

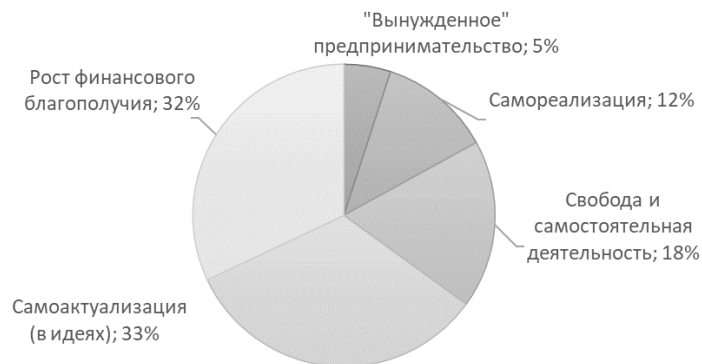

Рис. 1. Структура мотивации опрошенных предпринимателей на стадии создания бизнеса в социальной сфере

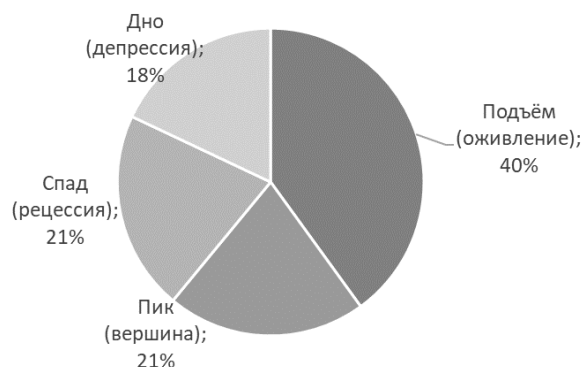

Рис. 2. Готовность опрошенных предпринимателей к началу собственного дела в зависимости от стадии экономического цикла

структуре мотивации предпринимательской деятельности на самом старте создания бизнеса в социальной сфере (рис. 1). Среди выделенных факторов мотивации к началу собственного дела в социальной сфере наибольшей популярностью у респондентов пользовались группы ответов, относящиеся к росту финансового благополучия (32%) и возможности самоактуализации, то есть реализации в бизнес своей идеи решения социальной проблемы (33%). Как и предполагалось, факторы, относящиеся к ситуации «push» («внешнего» толчка к предпринимательской деятельности), имели незначительное влияние (менее 5%). Группа прочих мотиваторов, относящихся к профессиональной самореализации или возможности самостоятельной экономической деятельности, имела меньшее значение для опрошенных предпринимателей.

Таким образом, на данной выборке и при выбранных методах исследования получили подтверждение первая и вторая гипотезы. Третья гипотеза требует дальнейшей проверки. Следует отметить, что проверка четвертой гипотезы об одновременном влиянии нескольких факторов также получила подтверждение, благодаря разбросу значений факторов в процессе пяти итераций, на первом этапе опроса.

Вторая группа результатов показала, что фазы экономического цикла, в том числе периоды кризиса в экономике, оказывают незначительное влияние на решение предпринимателя начинать предпринимательскую деятельность. Несмотря на то, что 40% участников опроса отдали предпочтение *стадии подъема* в экономике, обращает внимание относительная равнозначность ответов по другим стадиям цикла (рис. 2).

Третья группа результатов связана с оценкой значимости предпринимательского образования для предпринимателя. Как для начинающего предпринимателя, имеющего опыт ведения собственного бизнеса менее 1 года, так и для опытного предпринимателя значение профильного предпринимательского образования была оценена как достаточно высокая (рис. 3).

Для начинающего предпринимателя среднее значение значимости по шкале от 1 до 7 составила 6.43 при медиане 7.00. Для опытного предпринимателя среднее значение значимости по шкале от 1 до 7 составило 5.94 при медиане 6.50. Проверка наличия связи между опытом предпринимательской деятельности, а также возрастом участников опроса и оценками значимости предпринимательского обучения показала отсутствие корреляции (модуль коэффициента корреляции составил 0.12 для обоих тестов).

Рис. 3. Оценка значимости предпринимательского обучения в зависимости от опыта предпринимательской деятельности

Обсуждение результатов

Полученные результаты в целом совпали с выдвинутыми ранее предположениями о сущности социального предпринимательства как концепции, сочетающей возможности получения дохода и реализации идеи бизнеса для решения конкретной социальной проблемы [10]. Представляют интерес дальнейшие исследования структуры мотивации, связанной с большей гибкостью и свободой экономического поведения по сравнению с наёмным трудом. Как показал проведённый опрос, многие предприниматели рассматривают именно совместное действие мотивирующих факторов. Можно выделить следующие наиболее часто повторяющиеся сочетания групп факторов (рис. 1):

- 1) самоактуализация – рост финансового благополучия (33%);
- 2) большая свобода экономического поведения в достижении монетарных целей либо в самоактуализации (20%);
- 3) самоактуализация (12%).

Следует отметить, что роль контекстуальных факторов в определении мотивации к предпринимательской деятельности так и остаётся противоречивой. В исследовании значимость внешних факторов как на стадии формирования бизнеса, так и с точки зрения состояния деловой среды была оценена как низкая. В то время как одни исследователи отмечали значительную роль внешних экономических факторов в принятии решений стать предпринимателями, другие указывали на низкую объясняющую силу контекстуальных факторов (например, ситуация на рынке труда, влияние государственных программ стимулирования предпринимательской деятельности) [9]. Исследования российских исследователей, например, показывают, что действующие представители среднего и малого бизнеса высокотолерантны по отношению к политическим рискам, которые сопровождают деятельность российского предпринимателя [8]. «Чем выше толерантность к риску, тем выше мотивация к самозанятости» [7, р. 231].

Полученные результаты об отношении предпринимателей к предпринимательскому образованию, однако, требуют дальнейших уточнений. Так, при анализе комментариев к третьему разделу опроса было выявлено, что большинство предпринимателей рассматривают предпринимательское обучение в целом как полезную возможность для рефлексии, получения новых знаний без учёта аспектов этой профессиональной деятельности. Следует согласиться также с отдельными положениями о превалировании опыта над обучением при получении первичных предпринимательских навыков. Предпринимательское обучение при этом рассматривается как возможность «страховки» от ошибок.

Выводы

Выборка участников опроса для исследования подтверждается описанием профессионального опыта участников опроса. В исследовании приняли участие 83 человека, среди которых 75% имели управленческий опыт. При этом средний стаж управленческой деятельности составил 19 лет. Среди ключевых факторов, определивших мотивацию участников опроса к занятию предпринимательской деятельностью, были выделены не только стремление к финансовому благополучию, но и реализация своих идей в бизнесе (самоактуализация), а также возможность влиять на характер и организацию своей экономической деятельности (свобода экономического поведения). Участники опроса выразили относительное безразличие к внешним факторам (например, текущему этапу экономического цикла – спад, подъём, пик, депрессия), которые могли бы оказать влияние на их мотивацию начать собственное дело.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с проверкой устойчивости полученной модели мотивации на старте предпринимательской деятельности, в том числе для других видов предпринимательства. Можно предположить, что структура мотивации предпринимателя в социальной сфере отличается от мотивации в сфере коммерции или технологическом бизнесе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00152 (2018–2020 гг.).

Примечание

1. Акселерационные программы проводила АНО «Центр инноваций в социальной сфере Нижегородской области». <http://cissno52.ru>

Список литературы

1. Segal G., Borgia D., Schoenfeld J. The motivation to become an entrepreneur // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2005. V. 1. № 1. P. 42–57.
2. Herron L. and Sapienza H.J. The entrepreneur and the initiation of new venture launch activities // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 1992. Vol. 17. No. 1. P. 49–55.
3. Kuratko D.F., Hornsby J.S. and Naffziger D.W. An examination of owner's goals in sustaining entrepreneurship // *Journal of Small Business Management*. 1997. Vol. 35. No. 1. P. 24–33.
4. Адизес И.К. Управление жизненным циклом корпораций. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 512 с.
5. Gilad B. and Levine P. A behavioral model of entrepreneurial supply // *Journal of Small Business Management*. 1986. Vol. 24. No. 4. P. 45–54.
6. Praag C.M. and Cramer J.S. The roots of entrepreneurship and labor demand: individual ability and low risk // *Economica*. 2001. Vol. 68. No. 269. P. 45–62.
7. Douglas E.J. and Shepherd D.A. Entrepreneurship as a utility maximizing response – entrepreneurial management // *Journal of Business Venturing*. 2000. Vol. 15. No. 3. P. 231–251.
8. Гинзбург М.Ю., Митин Д.В., Чепьюк О.Р. Политическая неопределённость как фактор экономического риска: региональные перспективы // *Региональная экономика: теория и практика*. 2014. № 32 (359). С. 2–12.
9. Krueger N.F. Jr, Reilly M.D. and Carsrud A.L. Competing models of entrepreneurial intentions // *Journal of Business Venturing*. 2000. Vol. 15. No. 5/6. P. 411–432.
10. Ангелова О.Ю., Чепьюк О.Р., Бряндина Н.Г. Социальное предпринимательство: синтез гуманитарного и экономического подхода // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017. № 9. С. 105–114.
11. Чепьюк О.Р. Экономический кризис как феномен бессубъектности: опыт социально-философского анализа // *Kant*. 2019. № 1 (30). С. 231–238.
12. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209-ФЗ от 24.07.2007 (с изменениями, вступившими в силу с 12.04.2020).
13. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» от 26.07.2019 № 245-ФЗ.
14. Germak A.J., Robinson J.A. Exploring the motivation of nascent social entrepreneurs // *Journal of Social Entrepreneurship*. 2014. V. 5. № 1. P. 5–21.

**MOTIVATION OF THE ENTREPRENEUR AT THE STAGE
OF CREATING A BUSINESS IN THE SOCIAL SPHERE**

O.R. Chepyuk, V.S. Kravchenko, M.G. Demina, I.O. Sedykh

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The study presents the results of an analysis of the entrepreneur's motivation to start an independent initiative in the social sphere. This research involved a survey conducted during September-October 2019 among entrepreneurs who were founders and heads of existing small businesses in the Nizhny Novgorod region (including microenterprises). The originality of the study lies in the presentation of the motivation of the entrepreneur as a form of manifestation of an economic agent's subjectivity, this agent's conscious involvement in economic activity, with the goal of self-realisation. The aim of the study was to identify distinctive features in the behavior of social entrepreneurs at the stage of the emergence of an entrepreneurial idea, including the identification of their attitude to external risks and crises. The results of the study are of interest to representatives of government agencies involved in supporting small businesses, for universities implementing training programs for entrepreneurs (including entrepreneurial universities), as well as other public institutions that promote entrepreneurship. In methodological terms, the results of the study provide empirical material for specialists engaged in the study of the economic subject and the cognitive aspects of economic behavior.

Keywords: entrepreneur, subjectivity, motivation, risks, crises, economic subject, social entrepreneurship.

УДК 316

РОЛЬ СЕМЬИ В СОЦИОЛОГИИ О. КОНТА

© 2020 г.

А.В. Курамшев

Курамшев Александр Васильевич, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Kuramschew@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 10.03.2020**Статья принята к публикации 22.07.2020*

На основе анализа работ О. Конта «Система позитивной политики, или Социологический трактат об основах религии Человечества» и «Общий обзор позитивизма» дается описание роли семьи в системе общественных отношений. Семья рассматривается в социальной статике и социальной динамике как базовый элемент общества. Анализируются различные типы семейных отношений: принудительные и добровольные. Семья рассматривается как эмоциональное единство членов семьи: мужа, жены, братьев, отца, матери, сыновей и т.д. Особое внимание уделяется характеру межпоколенных и внутрисемейных отношений. Описываются основные семейные роли: супружеские, родительские, братские – и их место в семейной организации. При анализе семейных отношений выявлены воззрения О. Конта о положении женщины и ее предназначении в обществе. Для О. Конта определяющий характер в формировании и самоопределении семьи занимает брак. Анализируется асимметрия основных семейных ролей мужчин и женщин в супружеских отношениях, рассмотрено внутрисемейное разделение труда. Большое внимание О. Конт уделяет и родительским отношениям. Особое внимание он уделяет роли отца и отцовской любви к детям. Материнство рассматривается в контексте предназначения женщины не только во внутрисемейных отношениях, но и общественных в целом.

Ключевые слова: семья; О. Конт; межпоколенные отношения; братские отношения; брак; супружество; родительство; отцовство; материнство.

Введение

О. Конт – французский мыслитель XIX века, являясь основоположником социологии, не только предложил общий план развития этой научной дисциплины, но и сделал первую попытку разработки теории ряда социальных институтов, в частности семьи. Наиболее полно представления О. Конта о семье изложены в третьей главе «Семья» второго тома «Социальной статистики, или Абстрактного трактата о человеке» (1852 г.) четырехтомной «Системы позитивной политики, или Социологического трактата об основах религии Человечества» (1851 – 1854 гг.) [1] и «Общем обзоре позитивизма» (1848) [2].

К сожалению, специальных исследований о роли семьи в социологических построениях О. Конта в отечественной социологии нет.

Основная часть

Семья определяется не только как «непосредственный элемент общества», но и как «наименее обширная и наиболее спонтанная ассоциация». О. Конт подчеркивает, что «человеческое общество состоит из семей, а не отдельных лиц... Любая система может быть сформирована только из элементов, похожих на неё, и только меньших... Следовательно, обще-

ство не более разложимо на индивидов, чем геометрическая поверхность на линии или линия на точки. Поэтому наименьшее общество, а именно семья, иногда сводимая к своей фундаментальной социальной паре, является истинным социальным элементом» [1, р. 180].

Для понимания роли семьи в теории О. Конта важно, что она рассматривается им не только как один из элементов общества, но, по сути, само современное общество есть продукт семейной организации жизни людей, именно в семье и посредством семьи человек становится не только членом общества, но и гражданином. Основное предназначение семьи О. Контом видится в ее решающем значении для перехода человечества от эпохи природного эгоизма к альтруизму общественного состояния позитивного общества. Он отмечает, что «сексуальный и материнский инстинкты, свойственные семейной жизни, сами по себе почти столь же эгоистичны, как и простой консервативный инстинкт, которому помогают два инстинкта совершенства, и их характер даже более личный, чем у двух инстинктов амбиций. Но они вызывают особые отношения, в высшей степени подходящие для развития всех социальных наклонностей: отсюда и их главная моральная эффективность, которая не имеет аналогов. Поэтому в силу своего несовершенства семейные чувства становятся единственными спонтанны-

ми посредниками между эгоизмом и альтруизмом, чтобы обеспечить необходимую основу для реального решения великой человеческой проблемы» [1, р. 183–184].

В «Общем обзоре позитивизма» О. Конт отмечает, что «только благодаря семейным обязанностям человек изменяет своему первоначальному себялюбию и может надлежащим образом подняться к конечной ступени, к обществу... Основное назначение семейной жизни – служить естественной связью между себялюбием и общественностью... Индивидуальная эволюция социального чувства начинается в семье благодаря неизбежной детской привязанности, этому первому источнику нашего нравственного воспитания, из которого возникает инстинкт непрерывности и, следовательно, уважение предков: именно таким образом каждое новое существо первоначально вступает в связь со всей совокупностью человеческого прошлого. Вскоре затем братская любовь дополняет этот первый зародыш общности, присоединяя к нему прямой инстинкт действительной солидарности. Возмужалость открывает далее новую семейную эволюцию, вводя совершенно добровольные и поэтому еще более общественные отношения, чем невольные связи незрелого возраста. Эта вторая эпоха нравственного воспитания начинается с супружеской привязанности, являющейся главным фундаментом всех остальных; в ней взаимность и нерасторжимость брачных уз обеспечивают полноту преданности. Название этого высшего типа симпатических инстинктов не требует никакого определения. Из этого союза по преимуществу естественно вытекает последняя семейная привязанность, именно родительская, которая, уча нас любить наших потомков, завершает наше самопроизвольное посвящение в универсальную общественность; таким образом, мы связываемся с будущим, как сначала мы приобщаемся к прошлому» [2, с. 114–115].

При этом, по мнению французского мыслителя, «истинная теория человеческой семьи, может быть построена из двух очень различных, но одинаково естественных аспектов: морального и политического». Семья, подчеркивает О. Конт, «должна восприниматься как стихийный источник нравственного воспитания, а иногда как естественная основа нашей политической организации... каждая настоящая семья готовит будущее общество, и при этом каждая новая семья расширяет существующее общество» [1, р. 181].

Семья рассматривается О. Контом и как эмоциональное единство, она является источником стабильности частной жизни.

А.Б. Гофман отмечает, что, по О. Конту, «семья – это школа социальной жизни, в которой индивид учится повиноваться и управлять, жить в гармонии с другими и для других. Она прививает чувство социальной преемственности и понимание зависимости от прошлых поколений, связывая прошлое с будущим... Будучи микро-социальной системой, семья предполагает иерархию и субординацию: женщина в ней должна повиноваться мужчине, а младшие – старшим. Семья – основной элемент, из которого и по образцу которого строится общество» [3, с. 91].

Анализируя теорию семейных отношений О. Конта, французский социолог Р. Арон особо отмечает их вариативность: они «могут быть отношениями равенства (между братьями), почтения (между детьми и родителями), доброты (между родителями и детьми), сложными отношениями власти и подчинения (между мужем и женой)» [4, с. 117].

О. Конт выделяет два типа семейных отношений: недобровольные (детско-родительские и братские) и добровольные (брачные/супружеские и родительские, особенно отцовство).

«Недобровольные», предписанные отношения могут быть как отношениями неравенства – подчинение ребенка родителям, так и равноправными – братскими (особенно между братьями и сестрами).

Как отмечает О. Конт, «в человеческой семье постепенное воспитание социальных чувств начинается спонтанно из-за произвольных отношений, которые возникают в результате нашего рождения. Они сначала заставляют нас чувствовать преемственность, а лишь затем текущую солидарность» [1, р. 185].

Подчинение ребенка, будучи вынужденным, развивает сначала только консервативный инстинкт, но почитание сыновей облагораживает долгое произвольное послушание и завершает первый фундаментальный шаг к формированию истинной морали, заключающейся, прежде всего, в любви к вышестоящим.

Примером равноправных предписанных отношений являются братские отношения. Именно они, по мнению О. Конта, «развивают в нас чистую привязанность, лишенную всякой защиты и конкуренции... братство всегда прекращает произвольный рост нашей общительности, развивая внутреннюю привязанность, наиболее восприимчивую к внешнему расширению, которое, фактически, обеспечивает повсюду спонтанный тип универсальной любви» [1, р. 186]. О. Конт подвергает критике систему средневекового майората, поскольку она порождает дух конкуренции и разногласий между братьями.

Добровольные отношения, являясь более интимными, рассматриваются как качественно иной род социальных отношений. Первым и основным звеном семейных отношений является брачный/супружеский союз. По мнению О. Конта, «превосходство этой связи, заключается, прежде всего, в том, что только она развивает сразу три социальных инстинкта, слишком изолированных в трех других внутрисемейных отношениях, каждый из которых не стимулирует так сильно, как реальный брак. Супружеский союз, более нежно, чем братская дружба, внушает почитание, более чистое и более живое, чем сыновнее уважение, как и более активную и более преданную доброту, чем отцовская защита» [1, р. 186]. «С момента учреждения института моногамии все больше ощущалось, что и активный (мужской) пол и эмоциональный (женский) пол, каждый из которых сохраняет свой истинный характер, должны объединяться исключительной и неразрывной связью, которая сопротивляется даже смерти. Хотя время спонтанно ослабляет все другие внутренние узлы, в обычном случае оно еще больше затягивает единственную связь, которая может определить полную личную идентификацию, постоянный объект всех наших сочувствующих усилий. Более высокая интенсивность супружеской привязанности обусловлена его естественной связью с наиболее сильным из эгоистических инстинктов, кроме непосредственного самосохранения. Это случай общей направленности мотивов на стимулирование доброжелательных склонностей, присущих ему, потому что связь не может быть где-либо еще столь глубокой» [1, р. 186–187].

О. Конт не был сторонником равноправия мужчин и женщин. Это неравенство он обосновывал естественным/природным характером полов: «во всех видах силы, не только телесной, но также умственной и волевой, женщина очевидно уступает мужчине, соответственно нормальному закону, относящемуся вообще к миру животных» [2, с. 62]. Отсюда вытекало неравенство социального предназначения. Если для мужчин это была общественная сфера: производство, политика, наука, то уделом женщин оставалась семья – «каково бы ни было реальное значение общественной роли женщины, отводимой ей в окончательном строе Человечества, её благородное социальное назначение преимущественно характеризуется священным домашним призванием» [2, с. 78]. «В самом деле, естественные различия между двумя полами, счастливо дополняемые неравенством их социального положения, делают каждый из них необходимым для морального совершенствования другого. У мужчины, очевидно, преоблада-

ют качества, приспособленные к активной жизни, с неотделимой от неё умозрительной способностью. Напротив, женщина преимущественно призвана к аффективной жизни. Она выше стоит в отношении нежности в то время, как он превосходит ее во всех видах силы. Никакая близость не может сравниться с той, которая устанавливается между двумя существами, столь склонными взаимно служить друг другу и становиться лучше под влиянием друг друга, не имея при том почвы для обычного соперничества. Вполне добровольный характер их союза служит усилению его привлекательности, когда выбор сделан обеими сторонами удачно» [2, с. 79–80].

В рамках же семьи для О. Конта женщина прежде всего жена. «Позитивная теория брака и семьи стремится, главным образом, установить, что основная обязанность женщины совершенно не зависит от функции размножения и строит ее на наиболее важных свойствах нашей природы. Вопреки моральной важности материнства, двусмысленность слова «жена» решительно свидетельствует, что общественный инстинкт считает существенным призванием женщины роль жены. Помимо того, что человеческий брак бывает часто бесплоден, недостойная супруга почти никогда не может быть хорошей матерью. Поэтому-то позитивизм должен во всех отношениях преимущественно рассматривать женщину просто как подругу мужчины, изгоняя сначала из своей оценки её материнскую функцию» [2, с. 79].

Супружеские отношения должны базироваться на взаимной любви, «брачный союз становится наилучшим образцом истинной дружбы... свободной от всякого настоящего или возможного соперничества» [2, с. 80]. Для О. Конта брак исключителен и нерасторжим. Более того, он считал, что после смерти одного из супругов другой не должен иметь права вступать в повторный брак. «Вдовство становится естественным продолжением единства связи... Если чувство связи переживает одного из двух членов, почему бы общественной благодарности не обеспечить их единство и после смерти второго, заключив в одну гробницу эти сердца, которые смерть не в состоянии была разъединить» [2, с. 83].

О. Конт, идеализируя брак, однако, остается сторонником жесткого разделения власти и ресурсов в семье. Для него главой семьи и единственным кормильцем может быть только мужчина, который «должен содержать женщину – таков естественный закон нашего рода... Впрочем, эта прямая ответственность, лежащая особено на каждом мужчине касательно избранной им подруги, не избавляет весь активный пол от

косвенной обязанности по отношению ко всему аффективному полу. При отсутствии супруга и родителей общество должно обеспечить материальное существование женщины, вознаграждая ее тем за её неизбежную светскую зависимость и, в особенности, за ее необходимую моральную службу» [2, с. 89–90].

Большое внимание О. Конт уделяет и родительским отношениям. Рассуждая о роли отца и отцовской любви в семейной организации, он отмечает, что «наша моральная эволюция завершается во внутреннем существовании последним порядком привязанностей, более слабым и менее добровольным, чем предыдущий, но особенно связанным с наиболее универсальным из трех симпатических инстинктов. Будучи сыновьями, мы учимся почитать наших начальников, а братьев беречь как равных нам. Но именно отцовство учит нас непосредственно любить своих подчиненных. Собственно, доброта всегда предполагает своего рода защиту, которая, будучи несовместимой с детско-родительскими и братскими отношениями, не является существенным элементом [...]. Тем не менее, это великое чувство, естественно, слишком слабо для активного пола, который, однако, должен обладать им больше, по крайней мере, в нынешней конституции человеческой семьи, где вся власть принадлежит отцу. Кроме того, отсутствие выбора препятствует полному развитию провидения, которое всегда стремится отдать предпочтение на добровольной основе. Эти серьезные недостатки обычно компенсируются содействием самых личных импульсов. Фактически, обычное отцовство является наименее чистым (социально окрашенным. – А.К.) из всех внутренних чувств: гордость и тщеславие играют в этом большую роль, и часто замечается жадность (эгоизм), собственно говоря. Никакое другое отношение не может так сильно подтвердить естественный закон, который характеризует силу мотивов, заинтересованных в укреплении доброжелательных наклонностей. Тем не менее, отцовство, безусловно, является обязательным дополнением нашего нравственного воспитания посредством внутренней эволюции. Без этого фундаментальное чувство человеческой преемственности не может быть развито в достаточной степени, поскольку оно само по себе расширяет в будущем ту связь, которая изначально ощущалась в прошлом. Таким образом, два крайних условия внутренней инициации располагают нас: один – уважать наших предшественников, другой – заботиться о наших преемниках» [1, р. 189–190].

Однако главным родителем для О. Конта всегда оставалась мать. В «Общем обзоре пози-

тивизма» (1848) он посвятил этой роли женщины 2 главы (16 и 17). Он определял материнство как необходимое расширение моральной миссии жены, «предоставляя матери главную руководящую роль в домашнем образовании» и в воспитании в целом.

Если «мужское руководство необходимо только для обучения как теоретического, так и практического, то моральное образование, – отмечает О. Конт, – должно перейти в ведение философов только в возрасте, когда оно становится систематическим, то есть в течение последних лет, предшествующих совершеннолетию, а воспитание чувств, которое, в сущности, больше всего оказывает влияние на всю жизнь, должно главным образом зависеть от матери. Именно, в силу этого обстоятельства важно воспитывать ребенка в семье. Эта основная обязанность, начинающаяся одновременно с жизнью ребенка и продолжающаяся в течение всего периода физического развития, лежит необходимо на женщинах. Их способность в этом отношении такова, что при отсутствии матери удачно выбранная чужая женщина, если она сумеет войти в семью в качестве её члена, оказывается обыкновенно более пригодной для этой роли, чем сам отец» [2, с. 85].

О. Конт считал, что дети, от рождения до наступления половой зрелости находясь в семье под руководством родителей, в особенности матерей, должны получить физическое и эстетическое воспитание: «Это домашнее воспитание начинает принимать систематический характер, но только относительно изящных искусств; но очень важно, в особенности с нравственной точки зрения, чтобы оно еще происходило в недрах семьи... Истинное эстетическое обучение сводится всегда к более или менее правильным упражнениям, не требующим никаких специальных лекций, по крайней мере, для общего образования, за исключением разве случаев подготовки к известным профессиям. Ничто, поэтому, не мешает производить их в домашней обстановке, начиная со второго позитивистского поколения, когда лучше развитый вкус позволит родителям руководить этими занятиями» [2, с. 36–37].

Роль матери у О. Конта естественным образом связывается с ролью жены, так как материнское влияние на сыновей, несмотря на естественное убывание, неизменно продолжает руководить их сердечными порывами вплоть до возраста вступления в брак. Только тогда мужчина, незаметно управляемый женщиной, догваривается с ней относительно своего добровольного подчинения ей в течение всей своей остальной жизни, чем и завершает свое моральное воспитание.

Заключение

Таким образом, семья рассматривается О. Контом в социальной статике и социальной динамике как базовый элемент общества. Им выделены различные типы семейных отношений: принудительные и добровольные. Семья – это эмоциональное единство ее членов. Особое внимание О. Контом уделяется характеру межпоколенных и внутрисемейных отношений. Описываются основные семейные роли: супружеские, родительские, братские – и их место в семейной организации. Для О. Конта определяющий характер в формировании и самоопределении семьи имеет брак. Анализируя асимметрию основных семейных ролей мужчин и женщин в супружеских отношениях, внутрисемейном разделении труда, большое внимание О. Конт уделяет и родительским отношениям. Особое внимание он уделяет роли отца и отцов-

ской любви к детям. Материнство рассматривается в контексте предназначения женщины не только во внутрисемейных, но и общественных отношениях в целом.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «Старикам везде у нас почет»? Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

Список литературы

1. Comte A. *Système de politique positive. Tome 2 contenant la Statique sociale ou le Traité abstrait de l'être humain*. P., 1852.
2. Конт О. *Общий обзор позитивизма*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 296 с.
3. Гофман А.Б. *Семь лекций по истории социологии*. М.: КДУ, 2008. 240 с.
4. Арон Р. *Этапы развития социологической мысли*. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1992. 608 с.

THE ROLE OF FAMILY IN A. COMTE'S SOCIOLOGY

A.V. Kuramshev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Based on the analysis of the works of A. Comte «The System of Positive Politics, or the Sociological Treatise on the Fundamentals of the Religion of Mankind» and the «General Survey of Positivism», the role of the family in the system of public relations is described. The family is considered in social statics and social dynamics as the basic element of society. Various types of family relationships are analyzed: forced and voluntary. The family is considered as an emotional unity of family members: husband, wife, brothers, father, mother, sons, etc. Particular attention is paid to the nature of intergenerational and intra-family relations. The main family roles are described: marital, parental, fraternal, and their place in the family organization. When analyzing family relations, the views of A. Comte were revealed on the status of women and their mission in society. For A. Comte, marriage is a decisive factor in the formation and self-determination of the family. The asymmetry of the main family roles of men and women in marital relations is analyzed, the intra-family division of labor is considered. A. Comte pays great attention to parental relations. He emphasizes the role of the father and fatherly love for children. Maternity is considered in the context of a woman's destiny not only in family relations, but also in social relations in general.

Keywords: family, A. Comte, intergenerational relationships, brotherly relations, marriage, matrimony, parenthood, paternity, motherhood.

УДК 316.36

ПРИЕМНОЕ ОТЦОВСТВО: УЧАСТИЕ В РЕШЕНИИ О ПРИНЯТИИ РЕБЕНКА В СЕМЬЮ НА ВОСПИТАНИЕ

© 2020 г.

А.В. Мигунова

Мигунова Арина Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
migunova_arina@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 14.07.2020**Статья принята к публикации 31.07.2020*

Цель статьи – исследование участия состоящих в браке мужчин в решении о принятии ребенка-сироты или ребенка, оставшегося без попечения родителей, в семью на воспитание. Выделено три группы семейных пар: первую группу составили супруги, где решение было обоюдным, во второй группе инициаторами замещающего родительства выступали жены, в третьей – мужья. Представлены характеристики данных групп. Кроме того, отражены взгляды мужчин на ряд вопросов, связанных с процессом принятия ребенка в семью, а именно: Есть ли разница – быть отцом кровного или приемного ребенка?, следовать ли за женой, которая решила стать приемной матерью?, каким должно быть участие мужчины в выборе конкретного ребенка?.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, родительство, замещающая семья, приемная семья, приемное отцовство.

Введение

Семейная форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является приоритетной в нашей стране. Государством предпринимаются разнообразные усилия по стимулированию граждан принять ребенка/детей в семью.

Замещающая семья все чаще стала, соответственно, предметом научного исследования. Проводится сравнительный анализ форм семейного устройства, выявляются мировые тенденции, национальные традиции и перспективы развития подобного способа решения проблемы сиротства, в том числе социального. Предпринимается статистическое, социально-правовое и организационное измерение этой формы воспитания. Исследуются статус замещающей семьи (общественное мнение и формирование соответствующего тренда в обществе), ее проблемы (в основном детско-родительская адаптация и взаимоотношения, предотвращение жестокого обращения и возвратов) и решения (подбор, подготовка, сопровождение семей и обучение специалистов служб, задействованных в работе с ними). Ресурсность замещающей семьи, и в частности родительская компетентность, рассматриваются как залог ее стабильности/результативности/успешности и, соответственно, социальной безопасности и жизненных перспектив детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В данной статье в качестве предмета внимания станет собственно решение о принятии ребенка в семью на воспитание. Подобное на-

решение будет рассматриваться сквозь гендерную призму, а точнее – мужскую.

Степень научной разработанности проблемы

Изучение отцовства в приемных семьях и готовности к нему довольно ново. Среди работ, посвященных этой теме, можно назвать статьи О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой [1], А.Н. Безруковой и О.В. Голубь [2], О.А. Егоровой [3], Е.И. Захаровой и А.В. Пелячик [4]. Находясь в стадии постановки проблемы, как отмечают некоторые исследователи, они, тем не менее, предпринимают и теоретический, и эмпирический анализ. Он происходит в русле осмысления современного родительства, и отцовства в частности. При этом материал для анализа может как формироваться самостоятельно, так и использоваться уже накопленный.

Эмпирическая база

При исследовании участия мужчин в решении о принятии ребенка в семью в данной статье в качестве материала, ставшего предметом содержательного анализа, выступили тексты с размышлениями мужчин о своем опыте приемного родительства, которые были собраны из различных открытых интернет-источников. Среди них дневники, написанные приемными отцами, которые участвовали в конкурсе дневников приемных семей «Наши истории», проходившем ежегодно с 2015 г. по 2017 г. при

поддержке благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко [5]. Далее – цикл историй приемных семей глазами отцов, инициированный благотворительным фондом «Арифметика добра» [6]; интервью в рамках рубрики «Папины истории» (#рубрика_папины_истории), проводимые пользовательницей @n_mirs в Instagram [7]; рассказы, размещенные на православном портале о благотворительности miloserdie.ru [8], а также на страницах интернет-проекта «MediaСоль» [9]. Всего – 52 текста. Стоит отметить, что формы семейного устройства, которые выбирали супруги, могут различаться, но важен сам факт создания замещающей семьи. Поэтому «приемный родитель» чаще будет означать «принявший в семью на воспитание ребенка-сироту или ребенка, оставшегося без попечения родителей».

Результаты и обсуждение

Массив текстов был разделен на три группы с учетом того, кому в супружеской паре принадлежала инициатива принятия ребенка в семью на воспитание. Соответственно, первую группу составили те пары, где было обоюдное решение супругов, вторую группу – жена-инициатор, третью группу – муж-инициатор. Рассмотрим каждую из них детально.

Заметим, что представленные типологизации не будут иметь количественного выражения, а также социально-демографических характеристик (возраст, образование, стаж брачных отношений и т.п.), так как используемый для анализа материал не позволяет осуществить это в полной мере. В дальнейшем, однако, выделенные группы/категории/смыслы могут быть заложены в основу анкетных опросов по исследуемой проблематике, что позволит проверить и уточнить выдвинутые утверждения.

Супружеские пары – обоюдное решение

При анализе данной совокупности текстов можно выделить несколько смыслов и категорий семей. Важно заметить, что границы между категориями условны. 1-я категория – «Желание иметь детей и наполнить, тем самым, свою жизнь смыслом и счастьем».

К этой категории можно отнести семьи, которые не смогли или не решились (в силу возраста) родить собственных детей. Соответственно, это могут быть не только молодые семейные пары, прошедшие длительное лечение/знавшие свой диагноз, но и супруги, вступившие в брак в зрелом возрасте и не решившие родить самостоятельно (когда теоретически возможность родить есть, но «поздновато самим рожать»).

Время для принятия (созревания) решения и степень решимости, проявляемой на разных этапах принятия ребенка в семью, у супружеских пар могут быть разными. На намерение также влияют и другие факторы. Так, кто-то знал с подросткового возраста, что возьмет ребенка из детского дома. А складывалось тогда это мнение в том числе и под влиянием работы одного из его родителей в учреждении для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Или, например, опыт знакомых (возможность все узнать из первых рук, внушили надежду и уверенность) подтолкнул к решению.

Можно отметить, что есть мужчины, которые проявляют высокую активность на пути к принятию ребенка в семью: «Я первый увидел (одного ребенка из двойни. – А.М.), взял на руки и понял, что больше смотреть никого не хочу и что это точно мой ребёнок... Вышел, позвонил жене, сказал: приезжай – это наши дети».

Наконец, нужно подчеркнуть, что первый опыт приема ребенка/детей в семью может стать не единственным. Супруги берут (или имеют желание и готовы/не отрицают возможности взять) еще.

2-я категория – «Сошлись во взглядах на большую семью». Среди подобных семей – многодетные семьи, уже имеющие трех и более своих детей, где супруги разделяют идею большой семьи. Например, они задумываются о том, почему бы не взять приемного ребенка в дополнение к своим? И обосновывают свой выбор словами, что «это было бы правильно с точки зрения развития семьи».

Кроме того, здесь есть и семьи, которые, еще не являясь многодетными, видят такую возможность (стать ими), в том числе благодаря тому, что примут ребенка/детей в свою семью. Проиллюстрируем это высказыванием одного из мужчин: «Мы с женой всегда хотели иметь большую семью. О трех-четырех детях думали точно, хотя я лично пределов не видел. Сначала родились наши кровные дети – первым сын, второй дочка.... Когда старшему ребенку исполнилось одиннадцать, а младшей дочке – два годика, мы с женой почувствовали, что у нас есть внутренний ресурс, любовь и желание еще как минимум на одного ребенка. Собственно, с этого все самое интересное и началось. Мы открыто поговорили об усыновлении – и поняли, что для нас обоих теоретически это возможно. А потом полгода каждый из нас жил наедине с этой мыслью. Вернулись к разговору неожиданно – причем оба сразу, в один момент. Спросили друг друга: «Почему мы этим не занимаемся до сих пор?». И не нашли ответа» (планировали взять одного

ребенка, в результате приняли в семью троих детей. – А.М.).

Семьи, отнесенные нами к этой категории, могут принимать в семью несколько детей (некоторые взяли более десяти детей) и иметь постоянную тесную связь с учреждением для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

3-я категория – *«Свои дети выросли, а еще полно жизненных сил и энергии и хотелось вновь ощутить радость отцовства и материнства»*. Вот несколько примеров, иллюстрирующих подобную позицию:

«Наша дочь стала взрослой, ..., сын потихоньку становится самостоятельным. А мы с женой чувствовали в себе силы и желание вырастить еще одного ребенка. И начали готовиться»;

«Дети вырастают, как-то незаметно становятся взрослыми и самостоятельными и улетают из родительского гнезда. Такой период наступает в каждой семье. Не избежали его и мы с супругой... А у нас ещё полно жизненных сил и энергии, ещё хочется с детьми делать уроки, рисовать рисунки, ходить в кино и на море, чинить самокаты, велосипеды...».

4-я категория – *«Есть своя дочь/дочки, хотели сына»*. Подобный взгляд поясним следующим примером: *«Мы дружная семья, я, жена и три замечательных лапочки дочки. Всё у нас хорошо, но понимаешь, не хватает ещё и сына...»*.

В результате, надо отметить, не обязательно, что будет принят (первым) именно мальчик и только один ребенок.

5-я категория – *«Потребность отдавать, стремление помогать детям, жить ради других»*. В данной категории оказались семьи, которые имеют своих детей (одного или несколько). Приведем несколько иллюстраций:

«Нам Бог дал своих – родных детей, сына и дочку. Когда они уже подрастали, у нас встал вопрос, почему только двое детей... Видели детей из неблагополучных семей и из детского дома-интерната. Поэтому у нас в семье встал вопрос, как помочь таким детям. Жена всегда говорила: если бы подбросили нам ребенка, я бы вырастила его... У нас всегда было просто желание помочь ребенку, вырастить из него достойного человека, мы этому очень старались их научить... Одни дети подрастали и стали уходить, но нам всегда предлагали новых детей из детского дома... Вот так мы живем и стремимся помогать детям, чем сможем»;

«И вот теперь мы живем большой и дружной семьей (десять приемных детей, среди которых два инвалида), помогаем друг другу в проблемах, стараемся жить ради других.... Если бы

каждый хоть чуть-чуть ...уделил бы немного себя «чужому» и «постороннему» ребенку, то жизнь стала бы намного теплее и светлее».

Люди могут быть равнодушны к беде тех, кто живет рядом. Так, бабушка-соседка, проживавшая с внучкой, оставленной ей дочерью, не имела возможности ее воспитывать, и супруги решили взять девочку в свою семью. Либо это произошло под влиянием пережитой семейной трагедии, когда «пришло решение взять в семью ребёнка, оставшегося без родителей».

Кроме того, у супругов может быть соответствующая установка при создании семьи: *«Уже на этапе создания семьи мы твердо решили, что возьмем на воспитание ребенка из детского дома. Тогда мы еще не предполагали, что это будет наш первенец»* (в данной семье после двух последовательно принятых в семью детей родились сначала один, а потом второй ребенок, затем еще были взяты приемные дети, после чего родился еще один ребенок. – А.М.).

Следует заметить, что в семьях, отнесенных к этой категории, выбор «принимать ребенка в семью или нет» не обязательно являлся легким и быстрым. Он мог быть сложным, долгим. Кроме того, он мог быть сделан после того, как родились свои дети, или до этого, либо иметь, например, следующие особенности: «прием в семью/рождение своих детей/прием в семью/рождение своего ребенка» или «есть свои дети/приняли в семью/родился свой ребенок».

Завершая описание данной группы супружеских пар, еще раз обратим внимание, что нет жестких границ между выделенными внутри нее категориями семей, так как супруги могут объяснять свое решение, приводя как один, так и несколько доводов одновременно, либо одни их утверждения со временем и изменением обстоятельств переходят в другие (трансформируются/развиваются/присоединяются друг к другу).

Конечно, попытки выявить и охарактеризовать мотивы приема детей на воспитание не новы. Назовем, к примеру, научные статьи таких авторов, как Ж.В. Чернова, Л.Л. Шпаковская, Э.Ш. Гарифулина [10], Е.М. Паламарчук [11], Н.В. Гибадуллин [12]. Даже используемый для анализа материал может в какой-то степени совпадать, как в случае с работой авторского коллектива, указанного выше, и данной статьей, когда в исследуемый массив включены дневники приемных семей, участвовавшие в конкурсе «Наши истории». Возможность сравнивать и развивать идеи позволит обогатить социологический инструментарий. Кроме того, получаемые данные работают на практические цели. Так, в работе Н.В. Гибадуллина осуществлено соотнесение мотивации родителей с интересами

ребенка-сироты и на этой основе даны рекомендации специалистам, на что надо обратить внимание (с чем работать) при отборе кандидатов в замещающие семьи.

Жена – инициатор

В ситуации, когда жена выступает инициатором принятия ребенка в семью, мужчины реагируют по-разному.

Желание женщины стать приемной матерью, когда в браке уже есть совместные дети, часто становилось неожиданным для мужчины: «сам не думал на эту тему», «самому бы такая идея не пришла», «что ей спокойно не живется?». Подобное предложение могло вызывать у мужчин сдержанное или категоричное отрицание («это не моё»), кто-то не воспринимал его серьезно, но были и те, кто «не против», для кого это «не представлялось чем-то пугающим». Приведем примеры подобных реакций:

«Мысли о приемстве меня вообще не посещали. Первая реакция на желание жены стать приёмной матерью была сугубо отрицательной. Согласился пойти в школу приёмных родителей только после слез, долгих уговоров, выяснения отношений, пересылки мне фотографий сирот, тысячи ссылок на контент по данной тематике, слов о том, что посещение школы ничего не значит и ни к чему не обязывает. После этого были слова о том, что хорошо бы сделать медицину и что это тоже ничего не значит. Затем – что мы только посмотрим ребёнка и все, что направление на знакомство – это чистая формальность. Выяснение отношений продолжалось вплоть до ворот детского дома. А потом я увидел Дочу и понял, что оставить малышку там не могу. Внутри решение было принято за секунду»;

«Так как раньше не думал на эту тему, не читал, не интересовался, в первое время была реакция сдержанного отрицания. Трудно было допустить мысль, что чужой ребёнок может стать своим. Тем более при наличии кровных детей»;

«Первая мысль была, что ей (жене. – А.М.) спокойно не живётся. Старшие дети подросли, можно немного расслабиться. А тут опять маленький ребёнок. Но по напору понял, что лучше согласиться. Я в принципе был не против. Считаю, что в любом случае ребёнку в детском доме хуже, в семье есть шанс. Поэтому сильно не сопротивлялся. Но, наверное, самому бы такая идея не пришла»;

«Через 3 месяца после того как жена заговорила со мной на тему принятия в семью ребенка, сказал, что готов обсудить её предложение, чтобы принять решение. Ведь сын вырос – у него своя семья, а материнская любовь не растрочена и её хватит ещё на долгие годы.

Но я не воспринял это серьезно, подумал, что это состояние у О. пройдет. Однако с каждым днем я сам все больше стал думать об этом. И действительно! Нам очень нужен ребенок! В конце концов, мы приняли решение и обсудили все наши дальнейшие действия».

Среди семейных пар с кровными детьми есть как мужчины, кто не был готов к обсуждению вопроса о принятии ребенка в семью, так и те, кто подобную идею (теоретически) ранее обдумывал и сложил собственное (позитивное) отношение к этому и, соответственно, поддержал жену в ее решении. К примеру:

«Первые мысли появились задолго до знакомства с супругой. Однажды участвовал в посещении детского дома с волонтерами на 23 февраля... Не скажу, что приёмство стало задачей в жизни, но я увидел жизнь детей изнутри, и намерение взять в свою семью ребенка никогда после этого не представлялось чем-то пугающим».

Среди рассмотренных случаев есть пример, где, как говорит мужчина, «ребенок нашел себе маму», и женщина пришла с предложением к мужу принять его в семью:

«Так получилось, что не мы, а девочка выбрала нас, вернее сказать, нашла себе маму. По роду деятельности жена работает в учреждении для деток с ограниченными возможностями. Одна девочка с радостью встречала её, бежала быстрее всех к ней, чтобы обязательно быть первой. На занятиях всегда хотела находиться у неё на руках... Жена рассказывала мне об этой девочке и в один из вечеров предложила взять её в нашу семью. Мы всё обдумали, посоветовались с детьми и решили, что в нашей семье будет прибавление. Во многом на нас повлияло, что девочка сама выбрала свою дальнейшую судьбу. Она нам тоже очень понравилась. Отказать ей в предоставлении родительской любви и ласки мы просто не могли, да и сами хотели дать ей это».

С подобной инициативой выступают также женщины, состоящие в браке, где совместных детей нет, но у мужа есть ребенок от предыдущих отношений. Приведем пример реакции последнего:

«Я не возражал, просто выслушал. Пару дней приходил в себя. Осознавал. У меня в отличие от нее есть сын, правда, взрослый уже. И дочь я воспитывал, не свою, но вполне успешно. Да – она, конечно, имеет право на ребенка. Да, рожать первого, наверное, поздно. Но! ...В общем, через пару дней я ей рассказал, что, конечно, я ее понимаю и поддерживаю. Предупредил, чтобы готовилась к сложностям и резкой смене образа жизни. Сомнения, однако же, остались. Суть сомне-

ний была такова, что, если по прошествии некоторого времени ей начнет казаться, что приемное материнство не ее сильная сторона, не окажусь ли я счастливым, но единственным родителем будущего ребеночка».

Как видим, до решения, что приемный ребенок появится в семье, где уже есть свои дети (совместные либо у супруга), мужчины могли сопротивляться (риск развода при этом не стоит исключать), долго обдумывать этот вопрос либо были готовы обсудить, согласиться с желанием жены, разделить его.

В случае когда в семье нет детей, первой реакцией мужа на предложение жены стать приемными родителями может быть несогласие либо занятие выжидающей позиции (категорично «нет» не говорит, но и с согласием не торопится), либо поддержка высказанной идеи:

«Сначала подумал: нафиг оно мне надо, после нескольких телевизионных передач решил: а почему бы и не попробовать»;

«Инициатор – супруга, реакция спокойная: «я не против, но давай ещё попробуем сами», а первые мысли посетили после нескольких лет походов по аптекам, клиникам, бесконечных процедур. Сомнений (взять ли ребенка или нет. – А.М.) не оставалось, жить так дальше было нельзя»;

«Предложила жена. Реакция положительная, эту идею полностью поддержал».

Мужчина – инициатор

Наконец, обратимся к характеристикам третьей группы семейных пар, принявших ребенка в семью на воспитание, где именно мужчина был инициатором подобного решения. Она, пожалуй, является менее очевидной и изученной.

Не исключено, что мужчина, выступающий инициатором идеи стать замещающими родителями, имеет кровных детей. Кроме того, такое предложение возможно и тогда, когда в актуальном браке есть общие ребенок/дети. В последнем случае подобное желание может вызывать непонимание супруги («ты что, совсем?», «а с чего это?»), обсуждение альтернативного варианта родить еще одного ребенка.

Число друг за другом принятых в семью детей может быть и более одного. В частности, подобное решение объясняется одним из мужчин желанием реализации ролей «муж», «отец», «педагог». Родительство, в том числе замещающее, в системе жизненных ориентиров мужчин на тех или иных этапах жизни может иметь разное значение и смысл. При этом какие-то его составляющие могут приобретать особую силу (ценность). Например, интерес к вопросу воспитания детей. Он же способен порождать желание педагогически (что иногда означает –

профессионально) развиваться и реализовываться. Подобный выбор может быть и не поддержан супругой и приводить к разводу.

Кроме того, кто-то в качестве довода для принятия ребенка в семью называет «волю случая»:

«Когда в доме появились внуки, мы с женой, волею случая, снова стали принимать других детей. В то время я работал директором реабилитационного центра, где находились дети из региональных детских домов, нуждающиеся в длительном лечении в одной из московских клиник. Мы с коллегами приняли решение брать самых сложных больных по возможности под опеку, чтобы они не мотались после каждой операции из учреждения в учреждение. Женщины брали девочек, а мужчины-сотрудники становились опекунами мальчишек.... Жена мои решения поддержала, как и всегда. ... Я часто думаю, как порой интересно нами распоряжается судьба. Кто-то шел к приемному родительству осознанно, переживая каждый шаг, а у нас все произошло случайно и стремительно».

В случае если мужчина имеет ребенка от предыдущего брака (он даже может проживать совместно с отцом. – А.М.), а в актуальном иметь общего ребенка не получается, то для него возможно таким образом воплощение идеи «приемный ребенок=совместный ребенок».

В парах, где у супругов нет детей, мужчина тоже может выступать инициатором: *«Я работал в детском приюте воспитателем... Пришел однажды домой, спросил у жены: «Ты не против взять ребенка из приюта?» Реакция жены была такая, какой я ожидал. Это была радость, согласие, полное одобрение моего решения. И мы начали собирать документы».*

Параллельно заметим, что это высказывание и несколько приведенных ранее содержат также сведения, отражающие степень и характер вовлеченности будущих замещающих отцов в жизнь учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, до принятия ребенка в семью. Они могут быть как сотрудниками этих учреждений, так и теми, кто посещал их, например, в волонтерских целях. Стоит учесть также и тех мужчин, кто либо сотрудничал в профессиональных целях с данными учреждениями, либо является их выпускниками. Дальнейшее количественное измерение подобных параметров заслуживает отдельного внимания.

Возвращаясь к основной теме, укажем и на такой интересный факт, что первоначальную идею женщины может в дальнейшем подхватывать и развивать супруг:

«Инициатор идеи взять приемного ребенка была моя супруга, а я тогда еще долго готовился морально. Наконец мы нашли нашу В., ей то-

гда было 7 месяцев. А вот со вторыми – братом и сестрой С. и Д. – уже проявил инициативу я. Решили, что ребенок не должен жить эгоистом, пусть в семье будут еще дети».

Инициатива мужчин может быть не только в предложении взять ребенка в семью, но и в осуществлении последующих действий (первым закончить школу приемных родителей, собрать основную часть документов, например, или взять отпуск по уходу за ребенком).

Итак, мы описали три группы семейных пар с учетом инициативы супругов в решении о принятии ребенка в семью на воспитание. Стоит заметить, что представленные материалы можно также трактовать в разрезе идеи вовлеченного отцовства и в дальнейшем количественно их выразить в соответствии с предложенной А.Л. Янак типологией отцовской вовлеченности, в частности, по мотивированности, предусматривающей интенциональную, пассивную и вынужденную вовлеченность, и по интенсивности, предполагающей активную, частичную и отсутствующую вовлеченность [13, с. 12], адаптируя ее к приемному родительству.

Далее, от характеристик этих групп перейдем к обсуждению взглядов мужчин, ставших замещающими родителями, на ряд вопросов, которые они решают для себя, совершая подобный шаг.

Есть ли разница – быть отцом кровного или приемного ребенка?

Приведем несколько высказываний, содержащих ответы на данный вопрос:

«Но я не могу сказать, что для меня есть разница – кровный или приемный ребенок (есть свой сын. – А.М.), конечно, неопределенности, тревоги и сумятицы в голове намного больше, но я быстро сроднился с А. и стал воспринимать ее таким же своим ребенком. Считается, что мужчине важно продлить свой род, чтобы в ребенке текла его кровь. Может быть, мужчине сложнее ощутить родство с приемным ребенком... Я думаю, нет никакой разницы, быть папой кровного или приемного ребенка. Папа – это тот, кто дает ощущение защиты, надежности, безопасности. На него можно залезть, как на дерево, и смотреть на всех сверху»;

«Поначалу может чувствоваться, что дети не родные по крови, а сейчас уже не так важно. Но мне кажется, изначально женщине проще. Мне сначала было тяжело решиться на этот шаг. Смущало, что это не мой ребенок. Думаю, привязанность у приемного папы сначала не такая сильная. Но это появляется потом, нужно время...».

Сказанное, на наш взгляд, позволяет сделать акценты на нескольких темах. Во-первых, о роли (назначении) мужского родительства. Здесь уместно вспомнить, что отцовство, как пишет, в частности, Л.А. Хачатрян, – это биосоциальный и социокультурный институт [14, с. 267]. Во-вторых, о формировании привязанности, продолжительности этого процесса и его гендерной окраске.

Следовать ли за женой, которая решила стать приемной матерью?

Высказываются следующие мнения:

«Чаще женщины становятся инициаторами приемного родительства, и начинают подталкивать супругов: «Давай, давай!» Мужчина соглашается, но, бывает, против своей воли, и потом ему трудно свыкнуться с этой ситуацией. Плохо, когда приемный папа еще не готов к этой новой роли, а ребенок – уже вот он, здесь! И приходится уже по ходу дела принаравливаться. Я считаю, что не надо выбивать из мужа согласие. Он должен до этого дозреть. Нужно, чтобы он сам сказал: «Да!»;

«Решайте на берегу. Не уверен – не делай, не нужно думать, мол, «в процессе распробую». Это ребенок, ему нужны искренние чувства и эмоции, искренняя поддержка и защита. А такие решения, как бы это жестко ни звучало в этом аспекте, принимать нужно холодным рассудком»;

«Если она уже решилась на это (взять приемного ребенка. – А.М.), то идите с ней до конца! Верьте в свои силы и поддерживайте решение своей супруги!».

Как видно, одними подчеркивается необходимость осознанности и добровольности выбора мужчины в том, чтобы стать приемным отцом. С другой стороны, высказывается мнение о важности единства, солидарности супругов, поддерживающей роли мужчины, значимости уверенности, решительности и твердости на том пути, по которому пошла семья.

Каким должно быть участие мужчины в выборе конкретного ребенка?

Кто-то считает, что можно довериться выбору жены, полагая, что «наверно, женщины чувствуют детей лучше». Но есть и другое мнение: *«Я считаю, папе нужно выбирать ребенка самому и брать в семью того, который нравится ... Важно, чтобы мужчине в душу этот ребенок западал».* Правда, есть и третье мнение – выбор делает ребенок.

Заключение

Итак, мы выделили три группы супружеских пар, ставших замещающими родителями, типизировав их с учетом инициативы мужчин в ре-

шении о принятии ребенка в семью на воспитание. Были представлены характеристики этих групп, а также раскрыты некоторые вопросы, являющиеся актуальными для мужчин при совершении подобного выбора. В дальнейшем полученные результаты считаем важным дополнить социально-демографическими параметрами, такими как возраст, образование и профессиональная занятость мужчин, а также место проживания, история родительской семьи и другими, с тем чтобы составить их социальный портрет. Кроме того, интересно сравнение полных и монородительских (отцовских) приемных семей.

Таким образом, гендерный ракурс рассмотрения решения супружеских пар о принятии в семью ребенка-сироты или ребенка, оставшегося без попечения родителей, позволяет найти новые возможности и пути продолжения изучения темы, может иметь ценность как для разработки исследовательского инструментария, так и при выработке практических рекомендаций в работе с замещающими семьями.

Список литературы

1. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовство и отцы в приемных семьях: к постановке проблемы // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: Сборник материалов. 2019. С. 452–454. URL: https://socio.msu.ru/documents/sbornik_sorokin2019.pdf (дата обращения: 15.05.2020).
2. Безрукова А.Н., Голубь О.В. Теоретико-эмпирический анализ роли отца в приемных семьях // Приволжский научный вестник. 2012. № 10 (14). С. 84–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18153084> (дата обращения: 15.05.2020).
3. Егорова О.А. Активизация ролевой позиции отца в воспитании приемного ребенка // Актуальные проблемы социальной работы и социально-педагогической деятельности: теория и практика: Материалы II краевой студенческой научно-практической конференции. Пермский государственный университет / Пермский государственный педагогический университет. 2010. С. 64–67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37121792> (дата обращения: 15.05.2020).
4. Захарова Е.И., Пелячик А.В. Представления о родительской роли у кандидатов в замещающие родители // Семья третьего тысячелетия: кризис или эволюция: Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. И.В. Черемисова. 2018. С. 204–212. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36860131> (дата обращения: 15.05.2020).
5. Официальный сайт Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Конкурс «Наши истории». URL: <http://nashiistorii.ru/category/konkurs/> (дата обращения: 08.02.2020).
6. Папа может: истории приемных семей глазами мужчин. URL: <https://www.goodhouse.ru/obshchestvo/people-stories/papa-mozhet-istorii-priemnyh-semey-glazami-muzhchin/#part6> (дата обращения: 08.02.2020).
7. Пользователь n_mirs в Инстаграм. #публика_папины_истории. URL: https://www.instagram.com/n_mirs/ (дата обращения: 08.02.2020).
8. Православный портал о благотворительности «Милосердие.ru». URL: <https://www.miloserdie.ru/article/priemnye-papy-nuzhno-chtoby-papa-sam-skazal-da/> (дата обращения: 08.02.2020).
9. Добрый рассказ одного папы о его приемных детях // Сайт проекта «MediaСоль». URL: https://mirputeshestvij.mediasole.ru/dobryy_rasskaz_odnogo_papy_o_ego_priemnyh_detyah (дата обращения: 08.02.2020).
10. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л., Гарифулина Э.Ш. Мотивы и практики создания приемных семей (анализ нарративов) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 74–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42520585> (дата обращения: 15.05.2020).
11. Паламарчук Е.М. Мотивация принятия ребенка в семью как фактор успешности замещающего родительства // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 2 (12). С. 31–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26146248> (дата обращения: 15.05.2020).
12. Гибадуллин Н.В. Мотивация принятия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающую семью // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–12. С. 2756–2759. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22780203> (дата обращения: 15.05.2020).
13. Янак А.Л. Социальные практики отцовства в современной российской семье: Автореф. ... дис. ... кандидата социологических наук. Н. Новгород, 2019. 23 с. URL: <https://www.fsn.unn.ru/wp-content/uploads/sites/5/YAnak-avtoreferat.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).
14. Хачатрян Л.А. Проблемы функционирования института отцовства в современном обществе // Социальная безопасность человека в условиях новой общественной реальности: ресурсы социальной включенности молодежи: Сборник материалов X юбилейной Международной научно-практической конференции ученых, преподавателей, специалистов, аспирантов, магистрантов / Под общ. ред. З.П. Замаевой, М.И. Григорьевой. 2018. С. 267–270. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37214772> (дата обращения: 15.05.2020).

ADOPTIVE FATHERHOOD: PARTICIPATION IN THE DECISION TO ADOPT A CHILD

A.V. Migunova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this paper, we examine the participation of married men in the decision to adopt an orphan or a child left without parental care. Three groups of married couples were identified: the first group consisted of spouses, where the decision

was mutual, in the second group, wives were the initiators of substitute parenthood, while in the third group, husbands showed the initiative. The characteristics of these groups are presented. In addition, men's views on a number of issues related to the process of adopting a child are reflected: «Is there a difference between being the father of a blood or foster child?», «Should the husband follow the wife who has decided to become a foster mother?», «How should a man participate in choosing a particular child?»

Keywords: orphans, children left without parental care, parenthood, substitute family, foster family, adoptive fatherhood.

УДК 316

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ К ПОЛИЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2020 г.

Е.Н. Шлягина

Шлягина Евгения Николаевна, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
evaryabinina@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 02.03.2020**Статья принята к публикации 17.07.2020*

Анализируются результаты интервью с жителями Нижегородской области относительно их отношения к сотрудникам полиции, в частности мнение респондентов о престижности профессии полицейского, качестве работы полиции, уровне заработной платы и социального обеспечения сотрудников полиции, готовности оказать им помощь при задержании преступника, а также необходимых улучшениях работы полиции. Автор приходит к выводу, что отношение респондентов к полиции неоднородно, хотя и не носит явно выраженного негативного характера. Среди отрицательных аспектов деятельности полиции опрошенные выделяют высокий уровень коррупции, недостаточную правовую грамотность и культуру сотрудников полиции. В то же время отмечается, что минимизировать указанные недостатки и повысить эффективность работы полиции можно с помощью сокращения объема документооборота, расширения штата сотрудников, а также увеличения их заработной платы.

Ключевые слова: полицейский, престиж профессии, заработная плата, социальные гарантии, коррупция, результаты реформы МВД.

Введение

После начала реформы МВД в 2011 г. важным фактором, учитываемым при оценке деятельности полиции, становится отношение населения к ее работе, то есть общественное мнение о деятельности полиции начинает играть существенную роль не только в организации работы территориальных органов, но и самого МВД. Для получения данных об изменениях общественного мнения необходимо регулярно проводить эмпирические замеры в регионах Российской Федерации и осуществлять сравнительный анализ полученных данных. И работа в этом направлении активно ведется [1, 2]. При этом не нужно забывать, что и полиции, и населению предстоит заново построить доверительные отношения и найти новые формы диалога [3–5]. Нельзя отказываться и от изучения опыта зарубежных стран в сфере организации взаимодействия населения и полиции [6; 7]. Криминологов, чья работа направлена на профилактику совершения правонарушений и преступлений, интересует трансформация отношения к полиции различных социально-демографических групп населения [8]. Но и сами полицейские должны проявлять активность в налаживании взаимодействия с населением, для чего сотрудникам необходимо обладать соответствующими навыками, формирование которых требует определенных усилий [9, 10]. Эмпирические данные об отношении к полиции жите-

лей различных регионов России служат для воссоздания целостной картины изменения взаимодействия и взаимопонимания между гражданами и полицейскими, позволяют выявить нерешенные проблемы и направить усилия руководства МВД в правильное русло.

Методология

Краткая демографическая характеристика респондентов

В опросе «Отношение нижегородских жителей к полиции», проведенном в период с декабря 2018 по декабрь 2019 г., приняли участие 147 человек в возрасте от 18 до 62 лет, среди которых 35 мужчин и 112 женщин, проживающих в Нижегородском регионе. Около половины респондентов относятся к возрастной группе 18–29 лет.

В полуформализованном интервью респондентам были заданы вопросы с просьбой дать оценку престижности профессии полицейского, о желании дружить с сотрудниками полиции, об оценке уровня заработной платы и социальной защищенности полицейских, о коррупции в полиции, о возможности распознать полицейского в гражданской одежде, о готовности в случае необходимости оказать помощь полицейским, о необходимых улучшениях работы полиции и об оценке результатов реформы по преобразованию милиции в полицию. Рассмотрим подробнее ответы, данные респондентами на каждый из вопросов.

Результаты

Престижность профессии полицейского в современной России. При ответе на данный вопрос респонденты разделились на три группы. Примерно 40% опрошенных считают профессию полицейского достаточно престижной, так как она, во-первых, требует широкого кругозора, гуманизма, понимания жизни; во-вторых, заработная плата стабильна и в ряде случаев выше, чем у других представителей бюджетной сферы, в-третьих, предоставляемые государством социальные гарантии (в том числе ранний выход на пенсию) обеспечивают комфортный образ жизни; в-четвертых, полицейский обладает определенным (особым) правовым статусом; в-пятых, студенты, сделавшие выбор в пользу этой профессии, получают качественное образование в специализированном вузе и могут быстрее трудоустроиться; в-шестых, полицейские носят стильную форму. Кроме того, для получения профессии полицейского необходимо приложить усилия и через многое пройти, это не бизнес, который можно просто унаследовать от родителей. Респонденты считают, что для некоторых категорий населения служба в полиции может быть неплохой карьерной лестницей, особенно в деревнях и небольших городах. По мнению опрошенных, престижность профессии полицейского зависит от многих факторов, например звания, должности, образования. В последнее время росту престижа профессии способствует необходимость обеспечения правопорядка при проведении в России различных международных культурных и спортивных мероприятий (Олимпиада, Чемпионат мира по футболу 2018 и др.). Свою точку зрения респонденты, убежденные в престижности профессии полицейского, подкрепляют ссылкой на ежегодный рост количества абитуриентов, желающих поступить в академии МВД (то есть показателями конкурса на одно место в подобных вузах).

Примерно такое же количество респондентов придерживается противоположной точки зрения, утверждая, что в настоящее время профессия полицейского совершенно непрестижна. Свое мнение данная группа респондентов объясняет следующим образом: профессия непрестижна из-за коррумпированности полицейских, существует множество прецедентов нарушения полицейскими закона и использования должностного положения в личных целях. При этом профессия полицейского не идет в ногу с новыми технологиями. Кроме того, у населения отсутствует достаточный уровень доверия к сотрудникам полиции, часто поли-

цейский ассоциируется с репрессивной машиной государства (во время митингов они могут незаслуженно причинить участникам сильную физическую боль), с пытками и произволом, их избегают вследствие недостатка у них культуры и воспитания. Респонденты считают, что полицейские несвоевременно реагируют на чрезвычайные ситуации (например, приходится долго ждать сотрудников ГИБДД на месте ДТП), они не всегда исполняют свои обязанности объективно и честно (незаконно увеличивают штрафы, вымогают взятки). При этом у самих полицейских отсутствует нормальное соотношение уровня зарплаты и возложенных на них обязанностей, рисков, их доход абсолютно точно несопоставим приложенным усилиям. Полицейским приходится работать в опасных условиях, ночью, быть свидетелями ужасных ситуаций, видеть чье-то горе и аморальных людей, что негативно сказывается на их здоровье и психике. Работа полицейского считается «грязной» ввиду повышенной сложности, рутинного характера, возможных притеснений и унижений на службе. Работать в других силовых структурах, например в ФСБ, намного престижнее.

Оставшиеся 20% респондентов оценивают уровень престижности профессии полицейского как нейтральный. Сторонники такой оценки говорят, что престиж работы полицейского зависит от места службы, звания и должности, например, в ППС – не престижно, а в управлении по борьбе с экономическими преступлениями – весьма. Поэтому общий престиж профессии полицейского не является особо высоким, но и не относится к «низкоуровневым». Интересно, что представители данной группы респондентов считают, что работа в полиции подразумевает наличие повышенного чувства долга и справедливости, специфического склада характера, поэтому многие приходят в полицию по призванию. Возможно, это связано с тем, что в эту группу часто входят члены семей сотрудников полиции, их супруги и дети. Опрошенные уверены, что сегодня представления о реальной работе полиции искажены различными предубеждениями и большим количеством негатива. При этом большинство критиков не знают всего, что на самом деле происходит в данной структуре, а также общую систему работы полиции. По мнению респондентов, с позиции близких родственников – работа в полиции довольно престижна, а с позиции широкой общественности – нет. Но для членов семьи полицейского часто важен не сиюминутный престиж профессии, а польза от нее в будущем, например возможность рано выйти на пенсию, «а это немаловажно, так как здоровье с возрастом у всех разное».

Отношение респондентов к дружбе с полицейским. При ответе на данный вопрос респонденты тоже разделились на три группы. Большинство опрошенных (около 70%) считают, что отношение к человеку не должно зависеть от его профессии, поэтому уже дружат или потенциально согласны иметь дружеские отношения с сотрудниками полиции. Главное, чтобы человек был адекватным по своему мышлению и поведению и общение с ним доставляло удовольствие. Некоторые респонденты считают, что полицейские во многом очень разносторонне развитые люди, которые в силу своей профессии часто сталкиваются с различными сферами жизни, и от них можно получить много полезных знаний, общаться с ними очень интересно. Мало того, полицейские, как правило, порядочны, более дисциплинированы, и у них больше порядка в мыслях.

Вторая группа респондентов (примерно 20%) тоже готова дружить с полицейскими, но причина этого стремления иная – желание по знакомству получить помощь и поддержку в экстремальной ситуации (то есть мотивация сугубо прагматичная – извлечь выгоду из общения), иметь дополнительные связи.

Оставшиеся 10% респондентов категорически против дружеских отношений с сотрудниками полиции, считая, что приличных людей среди полицейских мало, так как большинство из них – очень неприятные люди, пользующиеся служебным положением, взяточники.

Оценка респондентами уровня заработной платы полицейских. Одна группа респондентов считает, что материальное обеспечение полицейских зависит от занимаемой должности. В материальном плане хорошо обеспечены только полицейские, входящие в старший офицерский состав. Например, начальники территориальных подразделений, у которых зарплата формируется из фиксированного должностного оклада и различных надбавок, в совокупности получают приличные суммы. Это означает, что рядовой и младший офицерский состав не могут похвастаться высокими доходами. Зарплаты у рядового состава хватает на коммунальные платежи и еду, покупка одежды и обуви, техники может вызвать затруднения, о непредвиденных затратах или о возможности покупки автомобиля или недвижимости в краткосрочных перспективах говорить вообще не приходится. Для покупки подобных дорогостоящих вещей необходимо брать кредит или ипотеку. Респонденты сравнивают уровень зарплат рядового состава полиции или с зарплатами других бюджетников, например учителей, или с зарплатами простых офисных работников. Опрошенные считают, что по-

лицейские получают среднюю зарплату по региону, то есть с учетом надбавок и премий она составляет от 20 до 35 тысяч рублей. Для мужчины это скромный заработок. Это означает, что среднестатистический полицейский, имеющий семью хотя бы с одним ребёнком, будет вынужден сокращать свои ежедневные расходы и длительное время копить средства на покупку необходимых для нормальной жизни вещей. Респонденты уверены, что единственным плюсом подобной зарплаты является ее стабильность, позволяющая планировать расходы. Респонденты, имеющие знакомых в полиции, говорят, что полицейские жалуются на низкую заработную плату, а никакая работа не будет выполняться качественно (даже если ее любишь) без достойного материального вознаграждения. И чаще всего именно это является одной из причин взяточничества сотрудников. Сотрудники, которые работают на так называемой «земле», а не в управлении, получают несоизмеримо маленькие деньги при большом объеме и сложности выполняемой ими работы. К тому же форму, канцелярию, криминалистические инструменты приходится покупать на свои деньги. Таким образом, первая группа респондентов считает, что полицейские, не входящие в командный состав, – люди с уровнем заработка ниже среднего, которые могут позволить себе не более одной крупной покупки в год, обеспечены плохо, имущественного довольствия от государства им не хватает.

Вторая группа респондентов считает, что полицейские материально, в целом, обеспечены лучше, чем среднестатистический россиянин. Они имеют гарантированную работу, предоставляющую им большие льготы, особенно в будущем. По мнению второй группы респондентов, полицейских уверенно можно включить в средний класс. Они могут позволить себе купить жилье, приличный автомобиль, бытовую технику, приобрести телефон последней модели, оплатить поездку в отпуск. Что касается социальных льгот, то к ним относится место в детском саду для ребёнка, путёвки в санатории, компенсации за аренду жилья, доплата за выслугу лет. Респонденты уверены, что после 2–3 лет работы в полиции сотрудник получает минимум 40–50 тысяч рублей в месяц. Кроме этого, благодаря частым премиям полицейские могут позволить себе дорогостоящие вещи, в том числе предметы роскоши. Представители второй группы респондентов считают, что сотрудники полиции могут позволить себе все необходимое без труда.

Оценка респондентами социальной защищенности полицейских. Все респонденты знают,

что сотрудникам полиции государство предоставляет социальные гарантии, так как их профессия связана с определенным риском. Однако информированность респондентов о сути и объеме этих гарантий не одинакова. Чаще всего опрошенные называют ранний выход на пенсию по выслуге лет и повышенный размер пенсий, а также бесплатное медицинское обслуживание в ведомственных медицинских учреждениях (это право распространяется и на членов семьи полицейского) и санаторно-курортное лечение. На втором месте – ответы, связанные с жильем. Респонденты, в частности, упоминают возмещение расходов на оплату ЖКХ, предоставление служебных жилых помещений или жилья в собственность, выплаты на приобретение или строительство жилья. На третьем месте по частоте упоминания – социальная поддержка и выплаты семье погибшего сотрудника (а также при получении травм и инвалидности), более продолжительный отпуск. На четвертом месте – предоставление привилегий детям сотрудников полиции, например при наборе в детские дошкольные и школьные учреждения.

Несколько респондентов упомянули и гарантии, которые в настоящий момент не предоставляются, а именно бесплатный проезд в общественном транспорте, оплачиваемый проезд в отпуск.

Еще несколько человек оценивают уровень социальной защиты полицейских как недостаточный, предоставление социальных гарантий декларируется, однако на практике они фактически отсутствуют.

Оценка уровня коррупции в полиции. При ответе на этот вопрос респонденты разделились на три группы. Представители первой группы (около 80%) считают, что уровень коррупции в полиции очень высок. Свое мнение они подкрепляют ссылкой на большое количество дел, возбуждаемых по статьям о коррупции, фигурантами которых являются полицейские (информацию респонденты получили из Интернета, телепередач, реже из прессы). Как правило, по мнению респондентов, случаи, связанные с особо крупными размерами взяток, происходят с высокопоставленными полицейскими чиновниками, работающими в крупных городах или на федеральном уровне. На локальном уровне фигурантами дел являются полицейские низших чинов. Важно отметить, что не все представители первой группы респондентов сталкивались с вымогательством взяток со стороны сотрудников полиции лично, однако они приводят в пример случаи, произошедшие с их родственниками. В основном речь идет о сотрудниках ГИБДД. Тем не менее, оценивая уровень

коррупции в полиции как высокий, опрошенные все же считают его более низким, чем в прежней милиции. Тем не менее, по мнению респондентов, полицейские не обделены властью, а потому пользуются ею для обогащения.

Представители второй группы (около 15%) считают, что коррупция в полиции не исчезла вовсе, но ее уровень точно стал значительно ниже по сравнению с дореформенными временами. Аргументируют свою позицию представители данной группы следующим образом: за сотрудниками полиции сейчас осуществляется строгий контроль со стороны высшего руководства, система с каждым годом становится прозрачнее. При достаточной заботе государства о благосостоянии сотрудников полиции их желание брать взятки существенно снизится. Кроме того, о резонансных коррупционных делах регулярно сообщают в СМИ, и в репортажах четко показано, что наказание за взятку строгое.

Представители третьей группы респондентов (около 5%) не смогли оценить уровень коррупции в полиции, так как сами не сталкивались с проявлениями коррупции со стороны полицейских, а информации из внешних источников они не совсем доверяют.

Респонденты о возможности распознать полицейского без формы. Большинство респондентов уверены, что распознать полицейского без формы просто по внешнему виду очень сложно, практически невозможно, поскольку по окончании рабочего дня сотрудник полиции никаким образом не выдает свою профессиональную принадлежность и ведет себя вполне обычно. При этом респонденты уверены, что при достаточно продолжительном общении сотрудников полиции узнать все же можно, так как они, как правило, обладают следующими чертами: цепкий, строгий, целеустремленный взгляд, сдержанный характер, недоверчивость к людям, стрессоустойчивость, короткая стрижка, немного высокомерности, особая манера речи – четкая, с употреблением определенных слов и выражений, терминов, жаргонизмов. Кроме того, к особенностям полицейских респонденты относят выправку, вежливое отношение к окружающим, готовность прийти на помощь – «в плане каких-то жизненных ситуаций». В разговоре полицейские успевают задать много уточняющих вопросов.

Что касается женщин, служащих в полиции, то, по мнению респондентов, их, вероятно, будут отличать подтянутая осанка, строгий взгляд, минимальный макияж, нервное, раздражительное поведение.

Некоторые респонденты считают, что легче распознать полицейского, который дослужился

до более высокого звания: полковника, генерала. В ходе общения видна военная выправка, дисциплинированность, жесткость – они привыкают к дисциплине на работе и от «гражданских» ждут того же.

Тем не менее подавляющее большинство респондентов уверены, что без общения с человеком, только по внешнему виду, понять, что он полицейский – невозможно. Важно, что практически никто из респондентов не атрибутировал полицейским совсем уж отрицательные черты, скорее, опрошенные упомянули больше положительных особенностей сотрудников полиции. Лишь один респондент был уверен в том, что полицейского в штатском можно легко узнать по грубой речи.

Готовность респондентов оказывать содействие полиции. Данный вопрос является очень важным, так как ответы на него иллюстрируют реальную готовность граждан лично участвовать в поддержании правопорядка. Подавляющее большинство респондентов готовы оказать помощь полиции, однако не безоговорочно. Только около 20% опрошенных придут на помощь полиции в любом случае, так как воспринимают это как свой гражданский долг, как помощь обществу. Остальные (около 70%) помогут только в том случае, если не будет непосредственной угрозы их жизни и здоровью (например, наличие у преступника оружия, ситуация перестрелки), в противном случае они предпочтут не вмешиваться. Помимо опасности для жизни и здоровья респонденты назвали также следующие причины безусловного отказа от помощи полицейскому: нехватка времени, наличие на месте происшествия нескольких полицейских, слабая физическая форма, морально тяжело, нежелание стать опасным свидетелем, которого потом захотят «наказать», неуверенность в том, что полицейский действует в рамках закона. В любом случае, у данной группы респондентов желание оказать помощь связано с оценкой конкретной ситуации. «Одно дело – дать показания (например, в качестве свидетеля ДТП), опознать преступника, предметы, бывшие на месте преступления, своевременно вызвать полицию, а другое дело – участвовать в драке, погоне, перестрелке».

Около 10% респондентов не будут помогать полиции ни при каких условиях, считая, что еще нужно разобраться, кто – полицейский или преступник – вызывает больше доверия, что полицейский должен исполнять свою работу сам, не привлекая граждан.

Стоит отметить, что несколько респондентов уже оказывали реальную помощь полиции, дав свидетельские показания в различных ситуациях.

Необходимые улучшения в работе полиции.

Первое, о чем говорят респонденты, – это ускорение в работе полиции, оперативность при реагировании на заявления граждан. Опрошенные считают, что сделать это можно двумя путями: сократить объем документооборота (полицейские просто завалены бумажной работой, «папочная» система должна быть ликвидирована до конца) и увеличить штат полицейских. На втором месте – увеличение уровня заработной платы и размера пенсии сотрудникам полиции, а также серьезное улучшение материально-технической базы и технического оснащения полиции (автомобили, компьютеры, форма, банальные канцтовары). На третьей позиции – борьба с коррупцией в полиции (коррупция почему-то растет, значит, есть причины) и повышение престижа профессии полицейского (изменить систему отбора кадров, повысить культурный уровень работников, в том числе обучить вежливости, терпимости к гражданам, улучшить правовую компетентность, бороться за качество образования в академиях МВД).

И лишь несколько респондентов указали на необходимость ликвидации безнаказанности, самоуправства, а также снижения уровня «кумовства».

Оценка изменений в полиции после реформы.

Большинство респондентов не ощущают никаких изменений после реформы МВД 2011 года, считая, что изменилось только название – «милиция» стала «полицией». Стоит при этом отметить, что чуть более половины респондентов относятся к возрастной группе 18–29 лет, то есть они еще слишком молоды, чтобы иметь личное представление о деятельности милиции. В этом респонденты соответствующего возраста охотно признаются сами. При этом они понимают, что переименование «милиции» в «полицию» было нацелено, в том числе, на повышение не только доверия населения к представителям органов внутренних дел, но и престижа их профессии. Признаются респонденты и в том, что плохо знают систему изнутри, поэтому им трудно судить о реальных изменениях, произошедших в ходе реформы. Из положительных моментов опрошенные отмечают усиление контроля над полицейскими, легкость нахождения отделений МВД и ГИБДД в районах, улучшение качества общения с полицейскими. Из отрицательных – сокращение штата, переход систем видеофиксации нарушений в ГИБДД в частные руки.

Таким образом, в целом, отношение респондентов к полиции неоднородное, но не негативное. У общества есть определенные претензии к качеству работы полицейских, однако люди

понимают, что служители правопорядка работают в сложных условиях, уровень их материального вознаграждения и социальных гарантий недостаточен. Большинство респондентов уже дружат или не имеют ничего против дружбы с полицейским, при этом только минимальная доля опрошенных руководствуется прагматичными интересами. Граждане готовы прийти на помощь сотрудникам полиции, если оказание помощи не связано напрямую с опасностью для их жизни и здоровья. Для улучшения работы полиции необходимо продолжить борьбу с коррупционными проявлениями среди сотрудников, а также постоянно повышать уровень правовой грамотности и культуры полицейских.

Список литературы

1. Кораблев С.Е. Стратегии деятельности полиции в контексте построения отношений доверия с населением // Научный портал МВД России. 2013. № 2 (22). С. 97–107.
2. Морев М.В. Отношение населения Вологодской области к деятельности полиции // Проблемы развития территории. 2013. № 2 (64). С. 94–103.
3. Лысыков Н.М., Чепрасов М.Н. Доверительные отношения как форма взаимодействия участковых уполномоченных полиции с населением // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: Сборник материалов. Воронежский институт МВД России, 2015. С. 254–255.
4. Мазаев Ю.Н. Социальные отношения между населением и полицией: поиск новых принципов и форм общественного диалога // Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 12. С. 97–99.
5. Попов Д.В. Инновационные подходы к пониманию сущности взаимодействия полиции и населения на основе доверительных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 202–207.
6. Ордоков М.Х. Основные формы и методы деятельности полиции зарубежных стран в отношениях с населением // Вестник научных конференций. 2017. № 6-1 (22). С. 81–84.
7. Тихалева Е.Ю. Институт муниципальной полиции за рубежом: тенденции развития // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 11. С. 45–49.
8. Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Отношение к полиции представителей разных социально-демографических групп населения (по материалам Нижегородского региона) // Регионология. 2018. Т. 26. № 2 (103). С. 384–407.
9. Кучмезов Р.А. Структура способности сотрудников полиции устанавливать доверительные отношения с населением разных категорий // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 311–312.
10. Ярычев Н.У., Кучмезов Р.А. Уровневые характеристики способности сотрудников полиции устанавливать доверительные отношения с населением разных категорий // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-3. С. 276–278.

THE ATTITUDE OF THE POPULATION OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION TOWARDS THE POLICE AT THE PRESENT STAGE

E.N. Shlyagina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes the results of interviews with citizens of the Nizhny Novgorod region regarding their attitude to police officers, in particular, respondents' opinions on the prestige of the police profession, the quality of police work, the level of wages and social security of police officers, their willingness to assist them in detaining a criminal, and the necessary improvements of police work in general. The author concludes that the respondents' attitude towards the police is heterogeneous, although it does not contain a pronounced negative color. Among the negative aspects of police activities, respondents highlight a high level of corruption, an insufficient level of legal literacy and culture of police officers. At the same time, it is noted that it is possible to minimize these shortcomings and increase the effectiveness of the police by reducing the paperwork, increasing staff numbers, as well as increasing their salaries.

Keywords: policeman, profession prestige, salary, social guarantees, corruption, results of the reform of the Ministry of Internal Affairs.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.344.6+811(800:101.8)

ИНКЛЮЗИЯ И ЭКСКЛЮЗИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛИ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ГЛОБАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКА

© 2020 г.

*М.Р. Арпентьева, Р.Р. Гасанова, Т.Л. Худякова,
О.П. Степанова, О.В. Токарь, О.Н. Дувалина*

Арпентьева Мариям Равильевна, д.психол.н.; доц.; академик Международной академии образования, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru

Гасанова Рената Рауфовна, к.психол.н.; старший преподаватель кафедры истории и философии образования, заместитель декана факультета педагогического образования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
renata_g@bk.ru

Худякова Татьяна Леонидовна, к.психол.н.; доц.; заведующий кафедрой практической психологии Воронежского государственного педагогического университета
tanya.dom@list.ru

Степанова Ольга Павловна, к.психол.н.; заведующая кафедрой психологии Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
olga.psihea@mail.ru

Токарь Оксана Владимировна, к.психол.н.; доцент кафедры психологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
tokar.mgtu@mail.ru

Дувалина Ольга Николаевна, к.психол.н.; доц.; доцент кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
gladis75@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.12.2019

Статья принята к публикации 15.07.2020

Современный мир пытается преодолеть сегрегацию, отчуждение между людьми и их разделение, не всегда учитывая тот факт, что гибкое и подвижное разделение может быть продуктивным и важным для развития человека и общества. Эксклюзия – модель понимания мира и построения отношений, при которой люди с некоторыми физическими, психологическими, социальными или нравственными особенностями оцениваются как абсолютно непохожие, чужие и чуждые, существующие и должны существовать отдельно от так называемых «нормальных», «своих», «полноценных» людей, от общества в целом. Эта позиция – позиция стигматизации, которая достигая уровня кастовой системы, жесткого и непреодолимого разделения людей и групп, разрушает общество изнутри. Данный процесс отражает деформацию или отсутствие у членов сообщества действенных и важных нравственных ценностей, служащих основой личностного и социального развития. В мире «толерантности» и отсутствия национальной идеи и идеологии общество активно деградирует: с одной стороны, поощряя деформации, с другой – формируя двойные стандарты и рассогласования декларативных и реальных ценностей, ведущие к росту напряженности и стигматизации людей с теми или иными особенностями. Инклюзия и эксклюзия, их гармоничное и осознанное сочетание выступают как показатели культуры социальных отношений. Глобальное (общее и дополнительное) образование в развитии современного человека должно выполнять функции развития его понимания себя и мира как многомерных и изменяющихся реальностей, развивать готовность и способность к рефлексии, к построению отношений и совершению поступков, опирающихся на духовно-нравственные императивы, обращенные к высшим реальностям человеческого бытия.

Ключевые слова: инклюзия, педагоги, студенты, психологи, понятие инвалидности, категории инвалидов, психологическая инклюзия, глобальное образование, общее образование, дополнительное образование.

Введение

Современный мир, в том числе средствами глобального (общего и дополнительного) образования, пытается преодолеть сегрегацию, отчуждение между людьми и их разделение, не всегда учитывая тот факт, что гибкое и подвижное разделение может быть продуктивным и важным для развития человека и общества. Сама культура есть система запретов и предписаний, то есть система границ, в том числе между людьми. Глобальное (общее и дополнительное) образование в развитии человека связано с формированием и развитием понимания человеком себя и мира как многомерных и изменяющихся реальностей, развитием готовности и способности к рефлексии, к построению и совершенствованию (инклюзивных) отношений и совершению поступков, опирающихся на духовно-нравственные императивы, обращенные к высшим реальностям человеческого бытия, включая «инклюзивные» по своему характеру ценности принятия и любви к ближнему и мирозданию. Эксклюзия – модель понимания мира и построения отношений, при которой люди с некоторыми физическими, психологическими, социальными или нравственными особенностями оцениваются как абсолютно непохожие, чужие и чуждые, другие, «неполноценные», существующие и должные существовать отдельно от так называемых «нормальных», «своих», «полноценных» людей, от общества в целом. Эта позиция – позиция стигматизации (людей разных групп, отличающихся от общей нормы по своим физиологическим, психологическим, социальным и нравственным характеристикам). В зарубежной науке и практике существует понятие о квирах («нетипичных» людях, не соответствующих по своим физиологическим/физическим, психологическим, социальным и нравственным характеристикам общепринятым в сообществе нормам) [1; 2]. Люди с ОВЗ – один из примеров квилов/нетипичности. Другие типы нетипичных людей, или квилов, представлены следующими группами: мигранты и члены групп меньшинства, представители криминального мира, лица БОМЖ и безработные, представители групп нетрадиционной сексуальной ориентации, фанатичные адепты различных религиозных сект и т.д. Отчуждение общества «нормальных» людей от людей «странных», квилов, достигая уровня кастовой системы, жесткого и непреодолимого разделения людей и групп, разрушает общество изнутри [1–3]. Отчуждение обществом мигрантов, осужденных, лиц с ОВЗ, представителей ЛГБТ-сообществ, жертв деструктивных религиозных культов и т.п., вме-

сто направленной работы помощи и диалога с ними, обычно отражает деформацию или отсутствие у сообщества в целом и у его отдельных членов действенных и важных нравственных ценностей и опор, служащих основой личностного и социального развития [4; 5]. В мире «толерантности» и отсутствия национальной идеи и идеологии общество активно деградирует: с одной стороны, поощряя деформации, а с другой, формируя двойные стандарты и рассогласования декларативных и реальных ценностей, ведущие к росту напряженности и стигматизации людей с теми или иными особенностями.

Цель исследования – теоретический анализ проблем инклюзивных и эксклюзивных (эксклюзирующих) практик в контексте социальных отношений (на примере инклюзии в образовании), осмысление ведущих задач глобального (общего и дополнительного) образования в становлении и развитии современного человека.

Основные результаты исследования

Эксклюзия означает, что общество находится на стадии стагнации и разрушения: чем агрессивнее стигматизация и изоляция, тем больше нерешенных проблем стоит перед не имеющими особых нужд и интересов, ценностей и целей, представлений и моделей поведения и общения т.д. «нормальными» людьми. Эти нерешенные проблемы они пытаются переложить, вместе с ответственностью за их возникновение, на людей, у которых такие «особенности» есть. Отчуждение совершается по отношению к ценностям и людям, чьи нужды можно назвать «особыми»: вместо того, чтобы жить вместе, помогая решать друг другу общие проблемы, осознавать, исследовать и разрешать глобальные проблемы, стоящие перед людьми, люди выбирают путь частных мер и «наименьшего сопротивления», отчуждая и отдаляя от себя тех, кто может, по их мнению, «непосредственно» разрушить их благополучие. Жизнь социально здоровых и успешных представителей общества видится как жизнь без людей с теми или иными отклонениями и нарушениями [5; 6]. Такое «терпение» становится либо терпением изоляции, либо терпением пропаганды. В обоих случаях член сообщества практически не рефлексирует последствий своих отношений и поступков, в том числе тех, которые ведут к деградации культуры и сообщества в целом. Насколько психологически такая позиция (стигматизации и сегрегации) является непродуктивной и нездоровой, инвалидизирующей, для них – вопрос риторики и деклараций: декларируя толерантность и терпимость, многие

«нормальные» люди на деле практикуют стигматизацию и изоляцию тех, кто иначе ведет себя, понимает мир и себя, живет другими ценностями и целями. В индивидуалистических культурах Запада все более теряется опыт взаимопомощи, на смену которому приходят эгоцентризм и стремление выжить любой ценой, в том числе и за счет другого: пропагандируются «голодные игры» и «социальный каннибализм» общества потребления. Это происходит благодаря возведенной в ранг идеологического фетиша «демократии» и идеологической опоры «демократии», найденной в усеченных, извращенных и оторванных от ценностей и реалий конкретных условий жизни и ценностей любви, интерпретаций христианских, мусульманских и иудаистических доктрин. Глобальное понимание человеком себя и своего места в мире как представителя человечества, существа природы и культуры заменяется фрагментарным, лоскутным, сиюминутным. И «странными» становятся уже люди, понимающие и стремящиеся понять себя и мир.

Интеграция как позиция общества, нацеленная на общение, взаимодействие с людьми с особыми нуждами, на понимание и принятие их как полноправных членов группы, общества и реальное решение проблем, требует от всех членов общества (больных, здоровых, богатых и бедных, мигрантов и коренных жителей, «правопослушных» и осужденных, сектантов и т.д.) общих усилий жить вместе, принося пользу себе и обществу, развивая себя и свои отношения с миром в духе любви и творчества, взаимопонимания, коллективизма, гармонии с природой и жизнью в целом. Оно требует глобального многоуровневого и многоаспектного, рефлексивного понимания жизни, человеческих отношений и сути человека не с точки зрения тех или иных идеологий и религий, в том числе идеологий, превозносящих ценности потребления, комфорта, размножения и превосходства, а с точки зрения реальности (ценностей обмена и развития, совершенствования и со-бытия). К сожалению, в психологическом, педагогическом и социологическом знании даже до работ З. Фрейда, не говоря о работах, возникших после него, принцип реальности и ориентация на него только отмечались как самостоятельная, сложная задача, требующая исцеления человеческого сознания и бытия (на всех уровнях, начиная с внутриличностного и заканчивая социосферным и ноосферным), переполненных многочисленными иллюзиями, включая иллюзии так называемого «Сверх-я» (идеологий, религий и т.д.) [1]. Однако вопрос о том, что есть реальность, – несмотря на свою насущность для

каждого человека – остается уделом осмысления лишь немногих. Задача осмысления этой реальности, понимания мира как изменяющегося, многомерного актуализируется во время кризиса, однако умения и знания в сфере профилактики, коррекции, совладания с повседневными стрессами и дистрессами-кризисам необходимы человеку всегда [7; 8]. Древний императив «Помни о смерти!», напоминая человеку и человечеству важность заботы о жизни, в том числе важность реалистического отношения к себе и миру. Качественное образование – это образование не только индивидуальное и учитывающее отклонения и особенности развития человека как индивида и/или представителя той или иной социальной группы, но и обращенное к пониманию изменчивости жизненных ситуаций, стрессов и кризисов жизни любого человека, и особенно человека с ОВЗ или иными «нетипичностями».

Конечно, отношения и позиции разных слоев и групп к проблемам сегрегации и интеграции различны: разные группы и люди находятся на разных ступенях постижения принципа реальности и в разных отношениях к реальности как таковой: для многих «обывателей» высшей реальностью становится именно упрощающая понимание себя и мира идеологическая или религиозная доктрина; однако нетипичные люди и те, кто контактирует с ними, так или иначе обращены к решению задач, в которых реальность «прорывается» через покров и блокады иллюзий не только в сознание, но и в бытие. Поэтому, например, для людей, чья работа и жизнедеятельность связаны с помощью людям (педагогов, психологов, социальных работников), а также для людей с развитыми и действенными гуманистическими ценностями, для людей, имеющих более или менее развернутый опыт близкого общения с инвалидами, больше характерна интегративность. Для медиков, юристов, экономистов, фиксирующихся на ценностях материально-физического плана, а также для людей с доминирующими ценностями персонального успеха, здоровья, выгоды, для тех, кто не знаком с инвалидами и иными квирами, напротив более характерны сегрегативность и эксклюзия [9; 10].

При этом существуют значительные межкультурные различия: отношение к квирису («отклонениям» в физическом, психологическом, социальном и духовном развитии и бытии). В современных западных сообществах традиционно, к сожалению, доминируют установки сегрегации, подавляющие интенции интегративного плана. Активно перенимают это отношение страны бывшего СССР. Это отно-

шение ярко демонстрируют процедуры и установки медико-социальной экспертизы инвалидности в России и многих иных странах бывшего СССР. Вместе с тем в настоящее время существует большое количество интеграционных, инклюзивных программ, знакомство детей с жизнью инвалидов и иных квиринов, обучение детей-инвалидов в обычных школах [11; 12]. Что касается восточного опыта, то, не акцентируя и не афишируя столь явно важность работы с квирами, соответствующие сообщества создают условия для профилактики и коррекции отчуждения, «квирниса», а также системы заботы и включения нетипичных людей в сообщество, затрачивая весьма существенные усилия на инклюзию и интеграцию. Однако зарубежный опыт не может быть прямо перенесен в Россию. Вместе с тем, некоторые общие моменты и продуктивные инновации, несомненно, имеются [13; 14]. Ведущей опасностью является, как предрек еще Ф. Ницше, общее снижение уровня образования и иных социальных требований к человеку, вырождение человечества, чрезмерно лояльного, «толерантного» к квирину [15]. Поэтому выделяются две основные стратегии:

- 1) постепенное снижение уровня требований и критериев социальной нормы, замена норм на нормативы и размывание норм и, вслед за нормами, культурных ориентиров и культуры в целом;

- 2) постепенное повышение уровня требований и развитие социальных институтов и их систем с целью создания и внедрения ценностных и технологических норм, активно повышающих общий уровень развития членов сообщества и культуры в целом.

Первый путь активно выбирают страны западного, капиталистического мира и бывшие страны СССР, второй путь пытаются реализовать страны посткапитализма, а также некоторые страны Востока. В этом контексте Россия очевидно затрудняется сделать однозначный выбор [9; 16]. Хотя полностью инклюзивные начальные, средние и высшие школы, не разделяющие программы «общего образования» и «специального образования», являются редкими, а обычная школа в России и многих иных странах бывшего СССР, лишь слегка реструктурирована так, чтобы все учащиеся и обучающиеся учились вместе, опыт инклюзии и идея инклюзии очень важны в контексте принципа реальности. Реальность такова, что люди различны и люди живут вместе, поэтому нуждаются в том, чтобы развивать культуру совместности, диалога и взаимопонимания, уважения и соблюдения своих нужд и нужд других людей и

групп, а также нужд человечества в целом. Они нуждаются в том, чтобы жить в гармонии и соответствовать окружающему миру, с одной стороны, и соответствовать себе сам, с другой стороны. Инклюзивное образование отличается от «интеграционной» (или «основной») модели образования, которая, как правило, связана, главным образом, с подчеркнуто, преувеличенно большим вниманием к инвалидности, с чрезмерно сфокусированным на различиях и особенностях и потому непродуктивным отношением к людям с особыми потребностями в области образования и иных областях. Инклюзия предполагает право и обязанность учеников с ОВЗ и без ОВЗ, с иными формами телесного социального или идеологического квирина/квирниса (нетипичности) на участие, а также обязанности школ и иных институтов как инклюзивных организаций принимать участие в жизни «особого» человека или группы «особых» людей. Достоинство и уважение в инклюзии не односторонний, а многосторонний процесс [11; 17]. Инклюзия при этом, очевидно, не ограничивается людьми с физическими и психическими (эмоциональными и когнитивными) нарушениями, но также включает в себя весь спектр человеческих отношений и жизнедеятельности: языка и культуры, способностей и интересов, пола и возраста, профессии и других аспектов человеческих различий. Р. Уилкинсон и К. Пикетт отмечали в связи с этим: «Студенческая производительность и поведение в образовательных задачах могут быть связаны с тем, как мы себя чувствуем, нас воспринимают и оценивают другие. Когда мы ожидаем, что нас будут считать неполноценными, наши способности как будто уменьшаются» [18, р. 113].

Инклюзивное образование постулируется как одна из инноваций в общем и дополнительном образовании. Оно описывается как отличное от эксклюзивного или эксклудированного — традиционного образования направление, учитывающее различия учащихся и обучающихся на всех уровнях организации и осуществления обучения и воспитания, начиная от различий времени, места и условий обучения и воспитания (спецшколы, интернаты и др.) и заканчивая спецификой целей и программ, технологий и методик обучения и воспитания. В целом инклюзия как инновация в общем и дополнительно образовании отвечает основным трендам мирового образования, описанным в работах таких исследователей, как Дж. Анис, Н. Марти, К. Барнес, Р. Маратео, Б. Булл, Н. Даббаг, Р. Копай, И. Норот, П. Пинтрич, С. Бэкер, Т. Баррет и Д. Кэшман, У. Адам, Р. Лозано, Д. Андерсон и т.д. Вместе с тем многие иннова-

ции могут быть рассмотрены как контрверзы инклюзии. Так, А.А. Муравьева, О.Н. Олейникова, А.О. Викторова отмечают, что «технические инновации ... подрывают ли они инклюзивность (в широком значении этого термина), формирование ценностной базы и трансверсальных компетенций» (универсальных/общекультурных компетенций), способны разобщать обучающихся [19, с. 314]. Некоторые из трансверсальных умений/компетенций (таких, как умение решать проблемы и принимать решения в сложной и проблемной ситуации в труде и жизни в целом) исследователи также выделяют в специфическую категорию «умений для инклюзивности» [19, с. 315]. Сюда могут быть включены также компетенции, основанные на взаимном обучении и обмене опытом, и умения самоуправления/саморегулированного обучения [20–22].

К сожалению, в России инклюзивные практики во многом ограничиваются вопросами, связанными с обучением и трудоустройством инвалидов, что рождает симулякры и иллюзии инклюзии, при продолжающейся эксклюзии, включая «самогеттоизацию» различных групп нетипичных людей, так или иначе заинтересованных в сохранении своих отличий и «особости», привилегий и вторичных выгод от нарушений. Движение к инклюзии должно быть движением со всех сторон. В частности, это проявляется в том, что, как пишет Н.Н. Малофеев, интеграция детей с особыми нуждами «предполагает создание оригинальной модели общего и дополнительного образования, объединяющей, а не противопоставляющей две системы – массового и специального образования» [23, с. 5; 24, с. 45–46].

Теоретическое развитие и практика инклюзивного или интегрирующего образования свидетельствуют, что в начале «включающего», или инклюзивного, движения сторонники полной инклюзии лишь немного «отредактировали» специальное образование, предложив новые и имитирующие новизну системы обучения и воспитания. Разработанные в их контексте дидактические и организационные процедуры породили многочисленные не всегда продуктивные и содержательно обоснованные проекты, идеи и метафоры, отделяющие традиционное образование с его «эксклудирющими», отчуждающими и изолирующими стратегиями обучения и воспитания от инноваций и псевдоинноваций инклюзивного образования. Они активно включались в дискуссии и споры, чаще всего используя инклюзивную реформу в качестве инструмента идеологического запугивания, а не инструмента развития. В итоге эксклюзи-

рующие (обособляющие людей с особенностями развития и функционирования) формы и технологии образования, в том числе собственно специальное образование, начали отвергаться, и развитие было заторможено. Нужно отметить, что данные процессы протекали и протекают не только в сфере преодоления эксклюзии (отчуждения и сегрегации) людей с ОВЗ, но также в сфере отказа от разделения учащихся и обучающихся, а также программ и методов их обучения и воспитания на основе иных критериев: половых, возрастных, культурных и т.д. Примеры тому – уничтожение школ с отдельным обучением мальчиков и девочек, смешение и образование «комплексов» и «образовательных модулей» средних школ, колледжей, гимназий и вузов, деструктивные и тормозящие развитие процессы, наблюдаемые в современных национальных школах, этнопедагогике, внедрение программ «полового» воспитания и обучения, наряду с пропагандой гомосексуализма и иных перверсий, пропаганда «метепредметного» и «непрерывного» образования, «поливариативности» карьерного и профессионального пути и интернационализации образования и т.д. [25]. При этом платное общее и дополнительное образование также потерпело преобразование, захватив почти всю сферу бесплатного: коммерциализация и коммодификация образования превратили его из сферы обучения и воспитания человека в продажу образовательных услуг. А продажа услуг, как следует из представлений современной экономики и связанной с нею идеологии консюмеризма, регулируется не свойствами самого образования и не свойствами того, кому оно предоставляется, но лишь финансово-экономическими отношениями. Иллюзия значимости инклюзии как единственного пути уважительного обращения с инвалидами, иными «нетипичными» людьми, поддерживается и различными промоутерами, отрицающими реальность человеческих различий ради усеченной понятию нравственной справедливости и ради собственных прибылей.

Очевидно, что сейчас инклюзивное общее и дополнительное образование во всем мире имеет много проблем методологического и практического толка: именно поэтому за рубежом инклюзивная модель столкнулась с большими трудностями и в развитых странах уже не так востребована, как в СНГ и т.п. Критики подчеркивают: благих пожеланий всеобщего добра и демократической «толерантности» к любым и всяким девиациям и отклонениям для инклюзии недостаточно: так или иначе инклюзия сталкивается с вопросом о приемлемом и

неприемлемом, о ступенях и соотношениях форм и методов инклюзии и эксклюзии, в том числе в контексте предельного для человечества смысла – смысла его бытия и сохранения/продолжения жизни человека как вида. Существует и не очень популярное движение, которое можно обозначать как «назад, к эксклюзии», к специальному образованию для людей с ОВЗ. И даже сейчас эта асимметрия существует. Осмысление инклюзии как процесса интеграции детей и юношей с ограниченными возможностями здоровья, предполагающее активное участие в данном процессе (субъектно-объектную роль) самого ученика и совершенствование системы социальных отношений, требований общества к своим членам, осуществляется весьма медленно потому, что оно само по себе неопределенно. «То обстоятельство, что большинство детей из группы риска обучается в массовой школе отнюдь не означает, что мы имеем дело именно с той интеграцией, которая призвана обеспечить оптимальную социализацию и социальную адаптацию детей-инвалидов. Это формальная интеграция, которая по сути своей равносильна полному отвержению» [24, с. 8–9]. Такого типа интеграция – следствие невозможности создания и обеспечения действительно эффективной продуктивной жизнедеятельности специализированных начальных, средних и высших учебных заведений: в таких заведениях дети, подростки и юноши с особыми нуждами часто оказываются в невыгодных, деструктивных («патологизирующих»), рождающих вторичные и третичные дефекты) для их самочувствия и развития ситуациях.

В современных теоретических и практических разработках все больше внимания уделяется не только понятийному осмыслению инклюзии, но и осознанию роли и возможностей традиционных «эксклудированных» практик и подходов, особенно специального образования, в обеспечении успешности инклюзивного.

Сама по себе идеология эксклюзивного (или эксклудированного) образования содержит несколько важных идей.

1. Успешное, эффективное и продуктивное обучение и воспитание человека должно быть связано с учетом его особенностей (телесных, психологических, социальных и нравственных): его возможностей и ограничений. Поэтому в педагогике, помимо «лично-ориентированного» обучения и воспитания, помимо доктрин прагматического и универсалистского толка (ориентация на подготовку специалистов, обладающих компетенциями, позволяющими быть взаимозаменяемо успешными в контексте требований подготовки и переподготовки обслуживающего персонала из списков типа «Топ 50» и импера-

тива «роботоустойчивости») всегда существовало мощное течение, связанное с типологизацией учащихся и обучающихся. Такого рода типологизация шла по нескольким линиям, часто пересекавшимся и приводящим к новым проблемам и решениям. К таким новым решениям старых вопросов мы можем, например, отнести, понятие умения учиться и умения учить (и соответствующие им трансверсальные компетенции) [19; 26]. С ним связана вторая идея.

2. Возможности и ограничения самого образования (воспитания и обучения) также имеют большое значение в выборе и осуществлении форм и методов обучения и воспитания: границы между обучающимися и учащимися могут быть раздвинуты, преодолены, если имеющиеся образовательные методики и программы позволяют получить лучшие, чем предшествовавшие им, результаты. Так, до сих пор остается дискуссионным вопрос о продуктивности и эффективности совместного обучения людей разного пола, возраста и культуры: школы для мальчиков и девочек, этнопедагогические программы и национальные школы, ступенчатое образование, организованное по принципу усложнения передаваемых знаний и умений, учреждения, дающие более или менее узкопрофильное, профессиональное образование, не потеряли своей значимости, несмотря на достаточно долгую историю осуществления идей «смешанного обучения и воспитания», «всесторонне развитой личности» и метапредметной подготовки на разных этапах и модулях «непрерывного» общего и дополнительного «интернационального» и «глобального» образования и т.д.

Важно подчеркнуть, что ряд нарушений «типичности» без специальных технологий и мер не может быть эффективно и продуктивно преодолен, и, значит, учащиеся и обучающиеся с данными нарушениями и нетипичностями, могут препятствовать развитию (созданию условий для развития) иных школьников и студентов: образовательный процесс будет строиться исходя из их состояния и возможностей, а не из состояния детей с нормальными и высокими способностями. Такое положение уже давно обывденно: Конституция СССР закрепляла равенство прав людей с отклонениями и без них, что приводило к ориентации на сниженные нормативы образования. Конституция России этот процесс усилила. Кроме того, если посмотреть на современный Топ-50 профессий, заявленных в России как приоритетные, то становится очевидно, что корпорации целенаправленно создают заведомо ущербный план развития человека в образовательных учреждениях: некомпетентный, озабоченный собственными

проблемами человек заведомо легче поддается контролю и эксплуатации, чем человек, понимающий себя и мир. Поэтому рост числа людей с ОВЗ и людей с другими нетипичностями и особенностями поведения и функционирования телесного, психологического, социального или духовно-нравственного уровня не только «нормализован», но и выгоден. А это означает, что уровень образования, культуры в целом неотвратимо снижается. Само образование все более «растягивается», а культурные достижения нивелируются и маскируются псевдоновациями («толерантность и мультикультурализм», «творчество и андеграунд», «демократия и либерализм» и т.д.).

Наряду с проблемами обучения детей, подростков и юношей с ОВЗ существуют и проблемы обучения иных «аномальных» и «нормальных» детей, подростков и юношей: мы наблюдаем интенсивное разрушение российского и даже мирового образования, превращение образования как компонента культуры, средства ее развития и ретрансляции в предмет торга, производство и продажу образовательных услуг, сведение его задач к обслуживанию повседневных нужд производства, к обслуживанию одними людьми других, к так называемой «оккупациональной» (ограниченной нуждами обслуживания быта и самообслуживания) модели развития не только ученика с ОВЗ, но и учеников иных групп, не имеющих никаких «особых» образовательных и иных нужд. «Включенное обучение» понимается иногда и как «изыскание адекватных ресурсов», позволяющих удовлетворять более или менее специфические, «особые» потребности и отвечать индивидуальным стилям деятельности разных учащихся. Однако в этом смысле «включение» еще менее объемлюще, чем механическая «интеграция», которая предполагает включение в единую образовательную среду» [13; 27; 28]. Если же предполагать, что интегрированное обучение обращено на включение в одну образовательную систему максимально большего числа проблемных с той или иной точки зрения учеников, на открытие для них перспектив социальной и личностной самореализации, то возникает много проблем: ориентация на массовое «как все» и ориентация на особое «достижение» абсолютно не совпадают. Поэтому успешность инклюзии как интегративной и интегрирующей практики достигается лишь если принять во внимание весь спектр индивидуальных нужд взрослых и детей, если будут задействованы все образовательные и воспитательные возможности, доступные школам и вузам, а также семьям, трудовым коллективам и всему

сообществу [17]. Эти усилия должны быть обращены на трансформацию всех уровней человеческих отношений [29]:

1) трансформацию ноосферного и социосферного уровней: прояснение и соотнесение с реалиями человеческой жизни идеологических и религиозных установок о сути человеческой жизни, человеке как существе, имеющем предназначение и реализующем своей жизнью ту или иную значимую для него самого и человечества в целом цель, критическое переосмысление доктрин «первой» (традиционной) демократии и либерализма, включая принципы толерантности, мультикультурности и т.д., переосмысление проблем цефализации (прогрессирующего роста контроля государства над всеми сферами жизни) и социальной стратификации, включая вопросы мондиализации, регулирования численности и качества населения, введения институтов сверхконтроля и возвращения основной части человечества на основе применения цифровых и биотехнологий к рабовладельческим отношениям («электронный концлагерь»);

2) трансформацию социетального уровня: разработку и внедрение социальных программ и технологий гармонизации и прояснения внутригрупповых и межгрупповых отношений социальных групп и сообществ разных типов, включая сообщества нетипичных людей, гармонизацию и прояснение отношений между группами более или менее «типичных» людей, создание и совершенствование институтов и временных ассоциаций в целях социальной инклюзии и партисипации членов разных групп в решении насущных для них проблем, просветительские и воспитательные мероприятия и программы, направленные на преодоление невежества и дисгармоний жизни человека-«обывателя», расширение и углубление его понимания себя и мира, других, в том числе отличных от него людей;

3) Трансформация конкретно-практического уровня человеческих отношений, включая межличностные и внутриличностные отношения, в направлении их гармонизации и транспарентности («прозрачности»), пропаганду и внедрение принципов и (мета)технологий семейного, трудового и иных видов общественного воспитания и обучения, направленных на становление и развитие «полноценно функционирующей» личности [30], живущей в гармонии с окружающим ее культурным и природным миром, включая более или менее отличных от нее людей.

Инклюзивное образование на уровне конкретного класса или учебной группы в России и иных современных странах чаще всего предстает как обычное качественное обучение, ориен-

тированное не только на «варварский», по словам Ф. Ницше, идеал всеобщности, но и на развитие того, что во времена СССР называлось «всесторонне развитая творческая личность» [13; 15]. Оно предполагает грамотное и осмысленное внедрение в образование инноваций – таких, как инклюзивное образование и образование цифровое [7; 8]. На этом пути весьма продуктивную роль могут играть глобальное и дополнительное образование, успешно и интенсивно реализующие инклюзивные функции на самых разных уровнях [31–33].

Современная инклюзия, таким образом, имеет несколько ипостасей: от по сути чисто волюнтаристского перемещения человека с теми и или иными «особенностями» (например, ученика с ограниченными возможностями здоровья) в общеобразовательную среду всего лишь ради обретения им и остальными субъектами – членами человеческого сообщества определенного социального опыта до реформирования всех социальных институтов, начиная со школ и вузов, в направлении профилактики и коррекции возникновения у человека с теми или иными особенностями, в том числе с особыми нуждами, физических, психологических, социальных, нравственных или комплексных барьеров. Последнее требует наличия компетентных специально подготовленных профессионалов, в том числе педагогов, соответствующего методического и технического оснащения. Результатом должно стать постепенное и последовательное реформирование способа жизни человека как вида, в том числе начиная с реформирования системы его образования. Один из возможных и важных компонентов на этом пути в нашей стране – восстановление интенций и достижений, утраченных с гибелью гимназического образования Российской Империи и распадом СССР, попытавшегося восстановить методики этого образования в первой половине XX века.

В качестве примера исцеляющего воздействия трансформаций социальных отношений можно привести детей, родители которых доверяли не столько транслирующим эксклюзивные подходы специалистам, не только мнению окружающих их аномичных обывателей, но мощным силам семейной поддержки и силам саморазвития своих детей – силам любви и творчества. Такие дети, вырастая, способны и обычно начинают поддерживать и в детском, и во взрослом возрасте тысячи и миллионы других детей и взрослых, работая инструкторами, проповедниками, педагогами, врачами и целителями. Эти дети и взрослые не фиксировались на ограниченности и правах, комфорте и реабилитации. Они обращали взор в мир трансцен-

дентных смыслов: Бог и служение, любовь и творчество, духовное развитие и предназначение. Вместе с тем они обращались и к практике, к осмыслению окружающей их реальности с целью преодоления невежества во всех отношениях, включая повседневно-бытовое, предметно-научное, идеологическое и религиозное. Именно поэтому инклюзивные, в том числе образовательные, практики могут и должны служить опорой реформирования современных сообществ в направлении преодоления стагнаций и деструкций, к развитию человечества.

Глобальное (общее и дополнительное) образование в развитии современного человека должно выполнять функции развития его понимания себя и мира как многомерных и изменяющихся реальностей, развивать готовность и способность к рефлексии, к построению отношений и совершению поступков, опирающихся на духовно-нравственные императивы, обращенные к высшим реальностям человеческого бытия.

Осмысление ведущих задач глобального (дополнительного и общего) образования в становлении и развитии современного человека позволяет выделить следующие аспекты, требующие особого внимания:

1) важно формировать и развивать «целостного» человека: человек как личность, партнер и профессионал существует и развивается как природное и культурное существо;

2) человек есть представитель человеческого сообщества, человечества, смысл бытия которого выходит за рамки интересов частной жизни, но имеет планетарное и вселенское значение;

3) задача человека как существа телеологического, детерминированного ценностями и целями, а также присваивающего и продолжающего развитие целей и ценностей человечества, народа, рода, семьи – становление субъектом культуры (присваивающим ее заперты и предписания и творчески переосмысляющим их в целях физического, психологического, социального, духовно-нравственного совершенствования), в том числе овладение возможно большим богатством культуры и совершенствование ретрансляции культуры;

4) необходимо осмысленное отношение к «нарушениям» культурных запретов и иным «отклонениям» и особенностям: рефлексивное исследование и осознанный выбор принятия или отказа (ин)новаций в интимно-личностной, семейно-бытовой, профессионально-трудовой и иных сферах;

5) требуется становление и развитие понимания роли эксклюзивных и инклюзивных принципов, практик и т.д. в развитии человечества, отдельных сообществ, конкретных людей, включая самого себя.

В настоящее время эти задачи реализуются, частично и фрагментарно, в дополнительном образовании в России и в глобальном образовании – за рубежом [31; 33]. Однако очевидно, что оно должно быть частью общего образования. Такое образование не может вписаться в «образовательные услуги» и даже в «инклюзию»: требуется переосмысление образования в становлении человека как личности, партнера и профессионала в целом.

Заключение

В целом, инклюзия и эксклюзия выступают как как показатели культуры социальных отношений (включая межгрупповые, внутригрупповые, организационные и межорганизационные, межличностные и внутриличностные). На всех этих уровнях и во всех этих аспектах инклюзия как культура предполагает переориентацию образовательного и иных инклюзивных процессов с иллюзий идеологических и религиозных рамок, с ограничений и барьеров представлений о себе и мире обывателя, на реалистичную, компетентную, развернутую, осознанную позицию в понимании себя и мира, включая понимание задач человека как индивида и вида.

Можно отметить, что существует огромное число психологически важных и трудных моментов обучения людей с ОВЗ, которые необходимо учитывать в процессе работы с ними. Только при 1) системном анализе возможностей и ограничений разных методов эксклудированного и инклюзивного образования, и 2) учете не только неуспешного, но и продуктивного и эффективного опыта отношений и преобразования этих отношений (на внутриличностном, межличностном, межгрупповом и т.д. уровнях), можно достичь действительного и стойкого успеха в образовании людей с ОВЗ, а также совместном обучении людей разных групп, с теми или иными особенностями. В этом контексте важно развивать обыденные и профессиональные представления потребителей и разработчиков «образовательных услуг» о больных и здоровых людях, их «полезности» и отношениях, изменять исследовательские подходы к инвалидизации, к ее профилактике и преодолению. Кроме того, выражен запрос на развернутую, масштабную работу в направлении осмысления необходимых психолого-педагогических и организационно-методических мер, позволяющих учащимся и обучающимся разных типов продуктивно и эффективно учиться, в том числе в дистанционных условиях. Оптимизация и гармонизация отношений в учебных группах и обучении в целом – сложный процесс, в кото-

рый не могут быть включены только педагоги или психологи, которым «в нагрузку» добавляются и необходимость обеспечения инклюзивных практик. Напротив, необходима развернутая и масштабная работа, направленная на исследования теоретического и «полевого» характера, позволяющие:

1) дифференцировать круг лиц, которые будут считаться «подлежащими инклюзии», а также основные типы изменений, связанные с инклюзивными практиками: существенное обогащение и трансформация нравственной, социальной, психологической и методической составляющих взаимоотношений, в том числе в условиях дистанционного обучения, организация инклюзивной среды как зоны взаимных прав и обязанностей учеников и учителей с ОВЗ и без ОВЗ;

2) определить конкретный для каждой группы лиц и семей лиц с ОВЗ круг проблем (в отношении самого ребенка или юноши с ОВЗ, его семьи, одноклассников, педагогов и иного персонала) и меры социально-организационного, психолого-педагогического и учебно-методического уровня, которые нужно предпринять, чтобы инклюзия была возможной в отношении разных групп детей и юношей с ОВЗ, осмыслить особенности проблем в условиях контактного и дистанционного обучения: необходимо устранять / минимизировать причины нарушений, а не симптомы и последствия, необходима переориентация с инклюзии «симптоматической» на содержательную, с коррекционной на профилактическую, то есть с компенсирующей и реабилитационной на целебно-абилитационную, развивающую [27, с. 5];

3) определить требующиеся в первую, вторую и т.д. очередь трансформации в подготовке и деятельности педагогов, а также изменения в условиях труда педагогов, психологов, медиков и социальных работников, контактирующих и сопровождающих инклюзивные процессы, включая условия контактного и дистанционного, заочного и очного образования;

4) важно осуществить анализ особенностей (возможностей и ограничений, механизмов и т.д.) инклюзии в условиях контактного и дистанционного, очного и заочного образования.

Все эти моменты, однако, имеют смысл только при условии, если государство и общество преодолеют коммодификацию отношений и откажутся от коммерциализации образования: если они проявят волю вернуться от продажи и потребления образовательных услуг к образованию. В ином случае рассматриваемые в нашей работе вопросы практически лишены какого-либо смысла: в настоящее время суще-

стует лишь два вида образования. Первое – доступное человеку с теми или иными доходами, социальным положением (прежде всего, в виде документального подтверждения о наличии данного образования, то есть о его покупке), и второе – недоступное ему. В этом контексте выражение «ограниченные возможности» сводится преимущественно к ограничениям финансово-статусного типа: за порогом качественного начального, среднего, высшего и последующих стадий образования оказалась огромная масса людей, в своем невежестве неспособная даже поставить вопрос о том, что именно им – было продано. Декларации же «конвергенции, понимания и сближения <...> сфер образования при сохранении богатства и опыта, накопленных «... системами образования» [34, р. 5], как никогда проявляют себя в современной России и мире именно как декларации, скрывающие истинную суть вещей, эксклудированные – отчуждающие и разъединяющие людей тенденции закрепления кастовой системы социальной стратификации [35].

Инклюзивные проекты и подходы в сфере образования могут быть определены как целенаправленная научно-образовательная деятельность, интегрирующая замысел (проблему) стабильного существования (sustainable «development» – стабильного «развития») и социальной интеграции, средства и способы его осуществления (финансово-правовые и культурно-идеологические, инфраструктурные и организационные, человеческие (социальный и человеческий капитал) и т.д.) и более-менее специфические, в том числе идиосинкразические практики и итоги деятельности, разворачиваемой в инклюзивной образовательной среде. Эта деятельность осуществляется с целью прогнозирования и удовлетворения текущих и будущих потребностей разных групп потребителей инклюзивного образования на социальном, организационном и конкретно-практическом уровнях (образовательная организация, включая школьников и студентов, научно-преподавательский состав, родителей и администрацию; государственные программы и институты, регулирующие сферу науки и образования; «рынок» образования и рынок труда; международное и национальное сообщество).

Эксклюзивные проекты и подходы в образовании – система, интегрирующая замыслы осознющего себя (рефлексивного) и реализующего себя (развивающегося) сообщества, средства и способы его осуществления (финансово-правовые и культурно-идеологические, инфраструктурные и организационные, человеческие (культурный и креативный капитал) и т.д.) и

более-менее специфические, в том числе уникальные и общеизвестные практики и итоги деятельности, разворачиваемой в эксклюзивной образовательной среде. Эта деятельность осуществляется с целью коррекции и развития текущих и будущих потребностей разных групп потребителей эксклюзивного образования на социальном, организационном и конкретно-практическом уровнях. Эксклюзивное образование направлено на то, чтобы помочь сообществу.

Если задачей инклюзии является стабилизация (формы, структуры и содержания) отношений в сообществе и обеспечение задач социально-экономического роста, в том числе поддержка кастовой системы социальной стратификации, то задачей эксклюзии в современном сообществе является поддержка развития (трансформации форм, структуры и содержания отношений внутри и вне) сообщества, обеспечение задач духовно-нравственного роста и поддержка. Однако инклюзивные и эксклюзивные аспекты образования тесно перемешаны – и на уровне декларируемых, и на уровне реальных целей, а также конкретизирующих их форм, структур и содержания.

Список литературы

1. Арпентьева М.Р. Дискурсы и практики квирина в современных медиа // Современный дискурс-анализ. 2018. № 3 (20). Специальный выпуск журнала. Т. 1. С. 151–158.
2. Черняева Т.И. Нетипичность: практики трансформации социального пространства // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2004. № 4. С. 128–144.
3. Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Саратовский государственный технический университет. 1997. 272 с.
4. Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Stepanova O.P., Kassymova G.K., Tokar O.V., Menshikov P.V., Arpentieva M.R. The problem of management and implementation of innovative models of network interaction in inclusive education of persons with disabilities // International Journal of Education and Information. 2018. № 12. P. 156–162.
5. Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Markova T.A., Shpakovskaya E.U., Arpentieva M.R., Bazhenova N.G., Tokar O.V., Kirichkova M. E. Value-notional relations of people with persons with disabilities in additional and alternative education and in other inclusive social practices // International Journal of Education and Information. 2019. Vol. 13. P. 41–48.
6. Stepanova O.P., Gridneva S.V., Menshikov P.V., Kassymova G.K., Tokar O.V., Merezhnikov A.P., Arpentieva M.R. Value-motivational sphere and prospects of the deviant behavior // International Journal of Education and Information. 2018. № 12. P. 142–148.
7. Kassymova G.K., Arpentieva M.R., Kosherbayeva A.N., Triyono B.M., Sangilbayev O.S., Kenzhaliyev B.K. Science, education & cognitive competence based on

e-learning // Bulletin of the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. 2019. № 1. P. 266–275.

8. Kassymova G.K., Tyumaseva Z.I., Valeeva G.V., Lavrinenko S.V., Arpentieva M.R., Kenzhaliyev B.K., Kosherbayeva A.N., Kosov A.V., Duvalina O.N., Arpentieva M.R. Integrative model of student and teacher stress coping: the correction of relations in educational, professional and personal interaction // Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. 2019. Vol. 3 (379). P. 2–11.

9. Жигунова Г.В. Повседневная жизнь молодых людей с инвалидностью: Монография. Мурманск: МГГУ, 2014. 144 с.

10. Winzer M.A. From Integration to Inclusion. Washington: Gallaudet University, 2009. 305p.

11. Афонькина Ю.А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11 (55). С. 149–162.

12. Kesalahti E., Uayrynen S. Learning from Our Neighbours: Inclusive Education in the Making. Rovaniemi: University of Lapland Printing Centre, 2013. 101 с.

13. Арпентьева М.Р., Богомолова Е.А. Психосоциальное сопровождение лиц с ОВЗ и их семей: монография в форме эссе // Профессиональная библиотека работника социальной службы. 2016. № 12. 256 с.

14. Боровикова И.В. Нормоцентризм, социальная интеграция и социальная инклюзия инвалидов // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 27–29.

15. Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // Ницше Ф. Философская проза, стихотворения. Мн.: Попурри, 2000. С. 63–161.

16. Тарасенко Е.А. Социальная политика в области инвалидности: кросскультурный анализ и поиск оптимальной концепции для России // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 2 (1). С. 7–28.

17. Афонькина Ю.А., Кузьмичева Т.В., Рыжкова И.В., Бурцева А.В. Психолого-педагогическое сопровождение инклюзивного образования. Красноярск: Научно-информационный центр, 2015. 220 с.

18. Wilkinson R.; Pickett K. The spirit level - why equity is better for everyone. England, London: Penguin Books, 2010. 240 p.

19. Муравьева А.А., Олейникова О.Н., Викторова А.О. Основные векторы развития высшего образования: международная перспектива // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 311–320.

20. Lee J.S., Blackwell S., Drake J., Moran K.A. Taking a Leap of Faith: Redefining Teaching and Learning in Higher Education Through Project-Based Learning // Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning. 2014. Vol. 8. Iss. 2. P. 19–34.

21. Pintrich P.R. The role of goal orientation in selfregulated learning // Handbook of Self-Regulation /

Ed. by M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner. San Diego: Academic, 2000. P. 451–502.

22. Puzziferro M. Online technologies self-efficacy and self-regulated learning as predictors of final grade and satisfaction in college-level online courses // American Journal of Distance Education. 2008. Vol. 22(2). P. 72–89.

23. Малофеев Н.Н. Актуальные проблемы специального образования // Дефектология. 1994. № 6. С. 3–9.

24. Малофеев Н.Н. Похвальное слово инклюзии или речь в защиту самого себя // Дефектология. 2011. № 4. С. 3–10.

25. Кабахидзе Е.Л. Интернационализация образования: закат или возрождение? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 291–303.

26. Kitsantas A., Dabbagh N. Learning to Learn with Integrative Learning Technologies: A Practical Guide for Academic Success. Charlotte, N.C.: Information Age Publishing, 2010. 178 p.

27. Питерс Т. Аутизм: от теоретического понимания к педагогическому воздействию. СПб.: Институт специальной педагогики и психологии, 1999. 192 с.

28. Финзен А. Психоз и стигма. М.: Алетейя, 2001. 216 с.

29. Минигалиева М.Р. Философские аспекты социальной работы: парадигмы и практики. Калуга: КГПУ, 2002. 106 с.

30. Роджерс К. Становление человека. М.: Универс, 1994. 480 с.

31. Arpentieva M.R., Kassymova G.K., Lavrinenko S.V., Tyumaseva Z.I., Valeeva G.V., Kenzhaliyev O.B., Triyono M.B., Duvalina O.N., Kosov A.V. Environmental education in the system of global and additional education // Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. 2019. Vol. 3 (379). P. 11–18.

32. Kassymova G.K., Tokar O.V., Tashcheva A. I., Slepukhina G.V., Gridneva S.V., Bazhenova N.G., Shpakovskaya E.Yu., Arpentieva M. R. Impact of stress on creative human resources and psychological counseling in crises // International Journal of Education and Information. 2019. Vol. 13. P. 26–32.

33. Kassymova G.K., Stepanova G.A., Stepanova O.P., Menshikov P.V., Arpentieva M.R., Merezchnikov A.P., Kunakovskaya L.A. Self-development management in educational globalization // International Journal of Education and Information. 2018. № 12. P. 171–176.

34. Reference Points for the Design and Delivery of Degree Programmes in Interpreting and Translation. Bilbao: University of Deusto, 2013. 49 p.

35. Арпентьева М.Р., Худякова Т.Л., Токарь О.В., Шпаковская Е.Ю., Степанова О.П., Баженова Н.Г. Инклюзия и эксклюзия в образовании как показатели его культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4 (56). С. 175–181.

**INCLUSION AND EXCLUSION AS INDICATORS OF SOCIAL RELATIONS CULTURE:
GLOBAL EDUCATION IN THE DEVELOPMENT OF MODERN MAN**

***M.R. Arpentieva,^{1,2} R.R. Gasanova,³ T.L. Khudyakova,⁴
O.P. Stepanova,⁵ O.V. Tokar,⁵ O.V. Duvalina⁶***

¹Russian Academy of Natural Sciences

²Tsiolkovsky Kaluga State University

³M.V. Lomonosov Moscow State University

⁴Voronezh State Pedagogical University

⁵Nosov Magnitogorsk State Technical University

⁶Tsiolkovsky Kaluga State University

The modern world is trying to overcome segregation, alienation between people and their separation, not always taking into account the fact that flexible and mobile separation can be productive and important for the development of man and society. Culture itself is a system of prohibitions and prescriptions, that is, a system of borders, including between people. Exclusion is a model of understanding the world and building relationships in which persons with certain physical, psychological, social or moral characteristics are assessed as completely dissimilar, alien, different, «inferior» that exist and must exist separately from the so-called «normal» and «proper» people who are «part of us», from society as a whole. This attitude actually amounts to stigmatization of persons in different groups who differ from the general norm in their physiological, psychological, social and moral characteristics, for example, persons with disabilities and their families. When this situation reaches the level of a caste system, a rigid and insurmountable separation of people and groups, it destroys society from the inside out resulting in alienation of migrants, convicts, people with disabilities, representatives of LGBT communities, etc., instead of purposeful assistance and dialogue with them. This process reflects the deformation or lack of effective and important moral values in community members, and the deformation of the pillars of their being and relationships with surrounding people. Such pillars should serve as the basis for personal and social development. In the world of «tolerance» and the lack of a national idea and ideology, society is actively degrading: on the one hand, by encouraging deformations, and, on the other, by forming double standards and discrepancy between declarative and real values, which results in increased tension and stigmatization of people with certain particularities. Inclusion and exclusion, and their harmonious and conscious combination act as indicators of the culture of social relations. Global (general and additional) education in the development of modern man should perform the functions of developing his understanding of himself and the world as multidimensional and changing realities, it should develop willingness and ability to reflect, to build relationships and perform actions based on spiritual and moral imperatives that address the higher realities of human being.

Keywords: inclusion, teachers, students, psychologists, concept of disability, categories of people with disabilities, psychological inclusion, global education, general education, additional education.

УДК 371, 378

МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННО-ИНТЕГРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

© 2020 г.

Г.А. Воробьев, Т.П. Фомина

Воробьев Григорий Алексеевич, к.техн.н.; доцент кафедры информатики,
информационных технологий и защиты информации
Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
vorobjev_g_a@mail.ru

Фомина Татьяна Петровна, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры математики и физики
Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
fomina_t_p@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 11.02.2020**Статья принята к публикации 15.07.2020*

Сегодня математика во многом определяет стратегические направления развития науки и техники, во всем мире математическое образование рассматривается как важный фактор достижения устойчивости на национальном уровне и в глобальном масштабе, что, несомненно, требует особого внимания на всех уровнях образования и, тем самым, актуализирует проблему взаимодействия вуза и школы в условиях инновационно-интегративной парадигмы образования. Цель предлагаемой статьи – рассмотреть модель взаимодействия вуза со школами и учреждениями дополнительного образования и оценить возможности практического применения предлагаемой модели на примере Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (ЛГПУ) и соответствующего региона. Обсуждается структура взаимодействия вуза, школы и учреждений дополнительного образования. Предложены упрощенная и обобщенная модели взаимодействия образовательных учреждений, рассматривается расширение компетентностной (субъект-субъектной) парадигмы до парадигмы, в которой в качестве субъектов выступают преподаватель (вузовский, школьный, педагоги системы дополнительного образования (СДО)), школьник (который одновременно учится в школе и занимается в системе дополнительного образования) и студент педагогического вуза (который активно сотрудничает со школой и/или учреждениями дополнительного образования (ДО)). Для обоснования предложенной модели представлены результаты проведенной опытно-экспериментальной работы инновационной деятельности школы и вуза в интегративном комплексе «Вуз – школа – учреждения дополнительного образования» по формированию необходимых компетенций – как у студентов, так и у школьников.

Ключевые слова: интеграция, интеграция образования, педагогическая интеграция, инновационно-интегративная парадигма образования, анкетирование, моделирование, модель взаимодействия.

Введение

Многие ученые связывают XXI в. с глубокими преобразованиями в сфере образования, меняющими наши представления о его роли в современном обществе. Базой этих преобразований являются подходы к обучению, основанные на использовании современных инновационных технологий в образовании с максимальным включением инфокоммуникационных средств. К современным тенденциям развития математического образования относятся индивидуализация, развитие опережающего и непрерывного образования, интенсификация и компьютеризация, многоступенчатость. Все эти тенденции должны способствовать возрастанию качества математического образования в соответствии с современными требованиями социально-экономического развития общества.

В федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования по

направлению подготовки «Педагогическое образование» (бакалавриат, как с одним, так и с двумя профилями подготовки) в качестве профессиональных задач, которые должен решать выпускник, выделяются следующие: формирование образовательной среды для обеспечения качества образования, в том числе с применением информационных технологий; моделирование индивидуальных маршрутов обучения, воспитания и развития обучающихся, а также собственного образовательного маршрута и профессиональной карьеры [1; 2]. На наш взгляд, для достижения указанных задач необходима достаточно широкая интеграция деятельности студентов педагогических вузов в систему общего и дополнительного образования.

С другой стороны, реализация требований стандартов общего образования, в частности к организации проектной деятельности школьников, значительно упрощается, если в этой деятельности будут принимать участие студенты

педагогических вузов. Более органичной будет и интеграция выпускников системы общего образования в вузовское обучение. Интеграция школы и вуза – один из существенных факторов развития новой образовательной системы в настоящих условиях, которая, несомненно, будет способствовать единению образования и воспитания.

В современной образовательной практике разрабатываются интеграционные учебные планы, рабочие программы дисциплин, курсы дополнительного образования и повышения квалификации; внедряются интегрированные технологии обучения; проводятся мультипредметные (интегрированные) уроки, семинары, лекции; формируются образовательные учреждения интегрированного типа.

Цель предлагаемой статьи – рассмотреть модель взаимодействия вуза со школами и учреждениями дополнительного образования и оценить возможности практического применения предлагаемой модели на примере Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (ЛГПУ) и соответствующего региона.

Обзор литературы

Методологической основой предлагаемой реализации инновационно-интегративной парадигмы являются теории системного анализа как направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которой лежит рассмотрение объектов как систем (В.Г. Афанасьев, В.П. Беспалько, Н.В. Бордовская, В.П. Кузьмин, Ю.А. Конаржевский, Э.Г. Юдин), личностно-ориентированного (А.Г. Асмолов, Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, А.П. Тряпицына, И.С. Якиманская и др.), деятельностного (И.А. Зимняя, Е.Н. Дмитриева, А.Н. Леонтьев, С. Рубинштейн, Д.И. Фельдштейн и др.), компетентностного (В.А. Болотов, И.А. Зимняя, В.В. Сериков, Б. Мэнсфильд, А.А. Пинский, Дж. Равен, А.В. Хуторской, Б.Д. Эльконин, А.Г. Мальчик, В.Н. Жигалов и др.), инновационно-интегративного (А.О. Грудзинский, Ф.В. Повshedная, В.А. Малинин и др.) подходов к образованию [3–12].

В частности, А.В. Хуторской выделял следующие семь групп основных образовательных компетенций: ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые компетенции, компетенции личностного самосовершенствования [12].

С учётом цифровизации экономики и внедрения инновационных тенденций во все сферы деятельности человека парадигмы образования претерпевают в последние десятилетия суще-

ственные трансформации. Осуществляется «переход от трансляции учащимся уже имеющихся знаний к усвоению ими новых знаний, полученных наукой и востребованных производством, что может быть реализовано путем формирования навыков самостоятельной аналитической работы с информацией, включения учащихся и студентов в научные исследования и инновационные проекты» [3]. Поэтому необходимо формирование общей интегрированной системы общего, профессионального и дополнительного образования, включающей в себя инновационную составляющую как фундаментального, так и прикладного характера. Результаты обучения, уровень сформированности профессиональных компетенций выпускников должны соотноситься с требованиями кадрового рынка, работодателей.

Различные аспекты педагогической интеграции рассматриваются в работах российских (А.С. Асмолов, В.С. Безрукова, И.Д. Зверев, В.С. Леднев и др.) и зарубежных (М.Р. Леппер, Дж.Х. Корпус, Л.А. Сундбург, S. Murthy, S. Iyer, J. Warriem, A. Jimoyiannis, L. Williams, Д.М. Юсупова и др.) исследователей [8; 11; 13]. Формируются различные модели взаимодействия вузов, особенно педагогических, с учреждениями общего образования. Во многих таких моделях акцент делается на профориентационное взаимодействие [15; 16], а также на организацию самостоятельной проектной деятельности студентов. В нижеописанной модели мы предлагаем интегрировать эти две линии.

В современных исследованиях указанные выше зарубежные авторы часто делают акцент не столько на знаниях и ценностях как таковых, сколько на их роли в будущей профессиональной деятельности обучаемого и в целом в социуме. Регулятором совместной с учащимися деятельности при формировании профессиональных компетентностей учителя может выступать субъект-субъектная парадигма, а различного рода субъект-объектные методологии отступают на второй план.

Применяются разнообразные средства оценки сформированности профессиональных компетентностей студента педагогического вуза и учителя. Инновационно-интегративные подходы находят пересечение с формированием коммуникативной компетенции, с личностными и социальными траекториями развития человека, с экономической составляющей современного образования. Отдельно рассматриваются вопросы интеграции общего и дополнительного образования [17].

Проведённый обзор литературы свидетельствует о недостаточной проработанности от-

дельных аспектов педагогической интеграции и необходимости дополнительных исследований в рамках формирования модели взаимодействия «Вуз – школа – учреждения дополнительного образования» в контексте профессионального самоопределения и саморазвития. Очевидно, что и практическое внедрение указанной модели также актуально.

Материалы и методы

Продуктивность предлагаемой модели определяется многими показателями, которые отражают, прежде всего, объективные результаты учебно-воспитательной, методической и научно-инновационной деятельности всех участников. В данном случае целесообразно использовать систему обобщенных показателей, учитывающих достижения по всем основным направлениям работы (в динамике по годам):

1) количественного и качественного состава участников;

2) качества подготовки школьников и студентов (оценивается, в том числе по их участию в профильных олимпиадах и различных конкурсах, а также научно-практических конференциях и конкурсах);

3) воспитательной деятельности;

4) научно-исследовательской работы (оценка включает в себя показатели объема совместных работ, количества школьников и студентов, числа и качества научных публикаций, участия в выставках, конкурсах и т.д.);

5) методической работы (представляет собой целостную систему, основанную на достижениях передового педагогического опыта и на конкретном анализе учебно-воспитательного процесса; для преподавателей важен поиск путей повышения эффективности учебного процесса на основе комплексного использования инновационных методов, организационных форм и способов обучения школьников и студентов) [18–20];

6) проектной деятельности (оценивается количество выполненных проектов, математическая ценность представленных работ (корректность постановки и решения задачи, математическая красота задачи и/или её решения), дизайн проекта).

Важным моментом является установление и оценка взаимосвязи между субъектами в обеспечении устойчивого развития и теоретическим обоснованием модели. Моделирование является одним из способов выявления и анализа взаимосвязей, которые могут быть установлены посредством опроса, экспертных оценок.

Эмпирической базой моделирования послужили результаты анкетирования школьников,

студентов, обучающихся системы дополнительного образования (СДО) и преподавателей (вуза, школы, СДО). Из наиболее часто используемых методов обработки результатов анкетирования (расчет показателей описательной статистики, ранжирование, выявление корреляционной зависимости между отдельными признаками) важную роль играют алгоритмы и методы установления новых знаний о данных, которые были неизвестны и поддаются практической интерпретации с целью принятия решения на основе проводимого анкетирования.

Случайным образом были выбраны 30 школьников (9–11 классы), 40 студентов (обучающиеся по направлению подготовки «Педагогическое образование»; профили «Математика» и «Физика», «Математика» и «Информатика»; второй, третий и пятый курсы) и 30 педагогов. Опрос проводился на добровольной основе. Результаты опроса исследовались посредством применения методов корреляционного и регрессионного анализа.

При выполнении исследования нами применялись также и теоретические методы: изучение и анализ психолого-педагогической и методической литературы, сравнительно-сопоставительный анализ существующих точек зрения, моделирование, обобщение. Для построения схемы модели взаимодействия «Преподаватель – студент – школьник» использовались эмпирические методы (наблюдение, беседа, анкетирование, тестирование, анализ результатов исследования, опытно-экспериментальная работа). При реализации интегрированной проектной деятельности студентов и школьников использовались практические и математические (обработка результатов, полученных в рамках реализации проекта) методы исследования.

Результаты исследования

Вопросы дифференциации основных категорий компетентностного подхода в современной образовательной парадигме достаточно широко обсуждаются. На наш взгляд, применительно к высшему педагогическому образованию целесообразно расширение субъект-субъектной парадигмы (в последние годы чаще называемой компетентностной) до парадигмы, в которой в качестве субъектов выступают преподаватель (как вузовский, так и школьный, и педагоги СДО), школьник (который одновременно учится в школе и занимается в системе дополнительного образования) и студент. Организационной основой предлагаемого расширения субъект-субъектной парадигмы является интеграционное взаимодействие вуза (вузов), школ и учреждений дополнительного образования.

Комплекс мероприятий, предлагаемых для реализации в рамках инновационно-интегративной парадигмы и уже апробированных в системе работы региона, включает:

- участие студентов в подготовке и проведении региональных мероприятий: олимпиада по математике «Уникум», командные соревнования «Математические бои», олимпиады «Супербит», межпредметное мероприятие «Математики против информатиков» и т.д.;

- разработку студентами методических материалов, реализуемых в школе, системе дополнительного образования, профильных сменах ГАОУ «Центр поддержки одаренных детей «Стратегия»;

- участие студентов в проверке работ региональной заочной школы «Одарённый ребёнок»;

- разработка инновационных проектов, интегрируемых в деятельность школы, организаций дополнительного образования;

- студенческий конкурс по составлению задач областной открытой олимпиады по математике «Уникум»;

- руководство студентами («Преподаватель → Студент → Школьник») научно-исследовательской деятельностью школьников;

- реализацию в рамках федерального проекта «Кампус молодежных инноваций», разработанного ФГАУ «Фонд новых форм развития образования», с 15 по 29 сентября 2019 года в ГАОУ «Центр поддержки одаренных детей «Стратегия» образовательной программы «Математика. Анализ данных». Студенты педагогического вуза работали ассистентами преподавателей на учебных занятиях, спецкурсах, при проведении игровых мероприятий, реализованных в процессе выполнения программы.

Система мероприятий, находящихся на стадии апробации, включает:

- участие студентов в проектировании баз данных образовательной направленности;

- развитие практических форм самоорганизации обучающихся на основе студенческого объединения «Студент ↔ школа» (студентов педагогического вуза);

- участие студентов в проектной деятельности школьников по парадигме «Преподаватель → Студент → Школьник»;

- проведение конкурсов лучших задач для олимпиад школьников «Супербит», межпредметной олимпиады «Математики против информатиков», командного соревнования «Математические бои»;

- проведение научно-практических конференций школьников под эгидой студенческого объединения «Студент ↔ школа»;

- поддержка деятельности открытого дистанционного образовательного портала для школь-

ников 4–6 классов по математике и математическим основам информатики (<http://zimalip.ru/>);

- формирование банка практических заданий для проектной деятельности школьников в рамках естественнонаучных дисциплин;

- привлечение студентов и школьников к формированию учебных курсов дистанционного образования (например, в рамках платформы Stepik.org).

Далее представим некоторые результаты проводимых интеграционных мероприятий:

- расширение деятельности студента как объекта и субъекта сетевого сотрудничества и дистанционного обучения;

- интеграция в проектную деятельность студенческих объединений заинтересованных школьников, обучающихся системы дополнительного образования, учителей, педагогов дополнительного образования, представителей работодателей;

- формирование интеллектуальной среды (возможно, посредством социальных сетей), способствующей самореализации обучающегося, пропаганда изучения математики, в том числе её прикладных инструментов;

- расширение внутри- и межрегионального сотрудничества студентов и обучающихся различных учебных заведений;

- вовлечение студенчества в процессы управления совершенствованием образовательной, научной и инновационной деятельности различных образовательных организаций;

- интеграция обучающихся в профессиональные сообщества учителей предметов естественнонаучных направлений, повышение их профессиональных компетенций, формирование и развитие индивидуальных траекторий профессионального роста;

- повышение вклада студенчества в добровольческую (волонтерскую) работу, в особенности связанную с образовательно-воспитательной деятельностью;

- презентация лучших практик, в том числе через участие в молодежных форумах, научно-практических конференциях и проектах практической направленности;

- увеличение количества обучающихся образовательных организаций, вовлеченных в реализацию предлагаемой модели и добившихся значительных результатов по ее направлениям.

В схемах, приведённых на рисунках 1 и 2, имеется общий блок «Информационно-коммуникационная среда», который объединяет остальные элементы предложенных моделей. Блок «Информационно-коммуникационная среда» обеспечивает интеграционное взаимодействие остальных компонентов модели посредством формирования единой образовательной среды.

Рис. 1. Упрощённая схема модели взаимодействия «Преподаватель – студент – школьник»

Рис. 2. Схема интеграционного взаимодействия «Вуз – школа – система дополнительного образования»

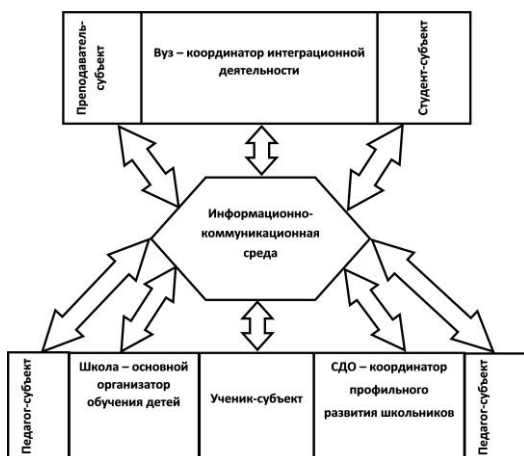

Рис. 3. Обобщённая модель взаимодействия образовательных учреждений в условиях инновационно-интегративной парадигмы

Вокруг блока «Информационно-коммуникационная среда» возможно объединение всех элементов схем, приведённых на рисунках 1 и 2. В результате получаем модель, отображённую на рисунке 3.

Предлагаемая модель согласуется с последними веяниями, отражёнными в инновационных проектах, и в частности в федеральных проектах «Кампус молодёжных инноваций», разработанных ФГАУ «Фонд новых форм развития образования»; занятия с детьми, наряду с преподавателями, проводят ассистенты. В большинстве случаев ассистентами являются студенты вузов, правда далеко не всегда педагогических.

Обсуждение и заключение

Предлагаемая схема привлечения студентов и учащихся к интегрированной реализации различного рода проектов является плодотворной для всех участников. Это подтверждается корреляционно-регрессионным анализом результатов проведенных мероприятий и анкетирования. В тестировании приняли участие 30 преподавателей математики, 40 студентов 2-го, 3-го и 5-го курсов и 30 школьников 9–11 классов. Им были предложены вопросы, касающиеся мотивации обучения, расширения кругозора, выбора специальности, формирования профессиональной ментальности, самосознания, развития коммуникативной компетенции и др. Все школьники и студенты высоко оценили совместную работу по проектам, студенты отметили важность участия в конкурсах по подготовке заданий для школьных олимпиад, участие в проверке работ. Учителя и педагоги СДО отмечали появление у школьников молодых наставников, с которыми они достаточно легко находят общий язык.

Для корректного применения метода множественной регрессии был проведен расчет ранговых коэффициентов с целью установления связей между ответами школьников, студентов и педагогов на вопросы анкеты.

Согласно значениям рассчитанных коэффициентов, связь между всеми переменными тесная и прямая. На основании критерия Стьюдента на 5% уровне была подтверждена значимость этих коэффициентов.

Для построения регрессионной модели зависимости ответов преподавателей от ответов студентов и школьников использовался статистический подход (описание целевого признака), при котором выявляется функциональная зависимость выделенного признака от остальных (регрессионный анализ). В результате построена модель: $Y = 4.814 + 0.248X_1 + 0.662X_2$,

Таблица 1

Коэффициент	Значения ранговых коэффициентов		
	Значения		
	Студенты и школьники	Студенты и педагоги	Школьники и педагоги
Спирмена	0.821	0.757	0.942
Кендалла	0.79	0.70	0.82

здесь Y – ответы преподавателей математики, X_1 – ответы студентов, X_2 – ответы школьников. Таким образом, увеличение X_1 на 1 ед. изм. приводит к увеличению Y в среднем на 0.248 ед. изм.; увеличение X_2 на 1 ед. изм. приводит к увеличению Y в среднем на 0.662 ед. изм.

Парные коэффициенты корреляции $r_{YX_1} = 0.81$, $r_{YX_2} = 0.87$, $r_{X_1X_2} = 0.838$ на основании критерия Стьюдента на 5% уровне статистически значимы.

Проведённый эксперимент подтверждает эффективность совместно проводимых мероприятий и целесообразность функционирования интеграционной модели в целом.

Развитие интегративных отношений между школой и вузом обуславливает не только общий ход развития образования, но и развитие личности в условиях инновационной деятельности школы и вуза. Подготовка конкурентоспособной, успешной, творческой, компетентной личности в школе возможна только в условиях тесного взаимодействия с вузом. Важным концептуальным положением формирования стратегии развития инновационно-интегративного комплекса «школа – вуз – система дополнительного образования» является соотношение фундаментальности и профессиональной специализации в подготовке кадров, а также большая осознанность в профильной ориентации школьников и обучаемых СДО.

В рамках проводимого исследования обоснована необходимость использования интегрированной системы в организации работы со школьниками, студентами, обучаемыми СДО и учителями математики:

- определена иерархическая структура взаимодействия всех участников системы;
- сформулированы концептуальные положения исследования проектируемой интегрированной системы работы с детьми, интересующимися математикой, со студентами математических специальностей и с учителями математики;
- разработаны компоненты системы, определены их цели и содержание.

Модель «вуз – школа – система дополнительного образования» обеспечивает условия для эффективного взаимодействия университета, школ, учреждений дополнительного образования и способствует росту профессиональной компетентности выпускников вуза.

Главные цели взаимодействия вуза, школы и системы дополнительного образования:

- для вуза – повышение качества образования, внедрение и эффективность инноваций и научно-исследовательской деятельности;
- для школы – эффективность деятельности и квалификация педагогов, участие в проводимых мероприятиях, устойчивость и инновационность;
- для школьника и студента – высокая личная квалификация и конкурентоспособность.

Достижение этих целей обеспечит всем субъектам предлагаемой модели повышение профессиональной компетентности.

Описанная модель взаимодействия «Преподаватель – студент – школьник» успешно применяется в институте естественных, математических и технических наук ЛГПУ.

Учитель или педагог дополнительного образования, подготовленный в педагогическом вузе в рамках инновационно-интегративной парадигмы образования, может более продуктивно выстраивать собственный образовательный маршрут и педагогическую карьеру и, соответственно, быть более профессионально востребованным.

Проведенное исследование расширило представление о возможностях предлагаемых моделей взаимодействия школы и вуза. Построенные модели будут полезны при проведении различных видов деятельности в условиях инновационно-интегративной парадигмы образования, а также при проведении различных исследований в контексте повышения качества математического образования.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс] URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440305.pdf> (дата обращения: 21.11.2018).
2. Галкина Е.А., Марина А.В., Макарова О.Б. Актуализация учебных программ ВПО в соответствии с требованиями профессионального стандарта педагога // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 3. С. 22–33.
3. Малинин В.А., Повshedная Ф.В. Интеграция школы и вуза как фактор развития новой образова-

- тельной системы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1 (1). С. 32–35. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2014_-1-1\(1\)_unicode/4.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2014_-1-1(1)_unicode/4.pdf) (дата обращения: 26.12.2018).
4. Обутова А.Д., Голиков А.И., Голиков А.И., Сапалова Д.У. Взаимодействие вуза и школы как условие сопровождения одаренных детей и подростков [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7890> (дата обращения: 26.12.2018).
5. Мальчик А.Г., Жигалов В.Н. Модель формирования профессиональных компетенций студентов в системе многоуровневого непрерывного профессионального образования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13524> (дата обращения: 12.01.2019).
6. Савельева С.С. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности учителя в образовательном процессе вуза. Воскресенск: Позитив, 2012. 220 с. URL: https://www.rsvpu.ru/filedirectory/3468/Saveljeva_PedUslovFormirovanProfKompetentUchit.pdf (дата обращения: 14.01.2019).
7. Рихтер Т.В. Структура профессиональной компетентности учителя математики // Физико-математическое образование. 2017. Вып. 1 (11). С. 89–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/struktura-professionalnoy-kompetentnosti-uchitelya-matematiki> (дата обращения: 21.01.2019).
8. Yusupova D.M. Pedagogical technology bases of formation of professional interest at senior pupils in the conditions of optimum interaction of school-lyceum with universities: The thesis kand. ped. nauk. KurganTyube, 2012. 186 s. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-professionalnyh-interesov-uchaschihsya-v-optimalnyh-usloviyah-vzaimodeystviya-subektov-shkola-vuz> (дата обращения: 23.01.2019).
9. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 2–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17895289> (дата обращения: 05.10.2018).
10. Бордовская Н.В., Кошкина Е.А., Тихомирова М.А., Бочкина Н. Кейс-метод как средство оценивания и развития терминологической компетентности будущего педагога // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 4 (93). С. 728–749.
11. Lepper M.R., Corpus, J.H., Iyengar S.S. Intrinsic and Extrinsic Motivational Orientations in the Classroom: Age Differences and Academic Correlates // Journal of Educational Psychology. 2005. № 97(2). P. 184–196. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/0022-0663.97.2.184> (дата обращения: 10.09.2018).
12. Хуторской А.В. Компетентностный подход и методология дидактики. К 90-летию со дня рождения В.В. Краевского // Вестник Института образования человека. 2016. № 1. С. 11–14. URL: <http://eidos-institute.ru/journal/2016/100> (дата обращения: 14.01.2019).
13. Sampaio P.A. Conhecimentotecnologico dos professores de Matematicasobrequadrosinterativossegundo as politicaspublicas de formaçãointerativa. Ensaio: Avaliação e PolíticasPublicasemEducação. 2016. v. 24. N. 93. P. 845–865. URL: <https://doi.org/10.1590/S0104-40362016000400004> (дата обращения: 05.02.2019).
14. Darling-Hammond L. Research on teaching and teacher education and its influences on policy and practice // Educational Researcher. 2016. Vol. 45. № 2. P. 83–91.
15. Каюмова Е.А. Профориентационное взаимодействие педагогического вуза и учреждений дополнительного образования детей творческой направленности: экспертное мнение // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (52). С. 18–23. URL: http://www.surgpu.ru/media/medialibrary/2018/06/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%A1%D1%83%D1%80%D0%93%D0%9F%D0%A3_1_52_2018.pdf (дата обращения: 18.07.2019).
16. Тихонина С.А., Винникова Е.В. Социокультурная среда образовательной организации как основа формирования позитивных ценностных ориентаций молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 66–70. URL: http://online-science.ru/userfiles/file/k19hrkg_43ruleyceta2rdwsajgynvdpk.pdf (дата обращения: 12.03.2019).
17. Жирова Н.А. Формы интеграции общего и дополнительного образования детей: анализ положительных и отрицательных сторон // ПРО-ДОД. 2017. № 2 (8). С. 24–28.
18. Воробьев Г.А., Фомина Т.П. О некоторых аспектах профессионально-педагогической подготовки будущих учителей математики // Современные исследования в психологии и педагогике: материалы Международной научно-практ. конф. Казань: Академия Бизнеса, 2017. С. 9–13.
19. Воробьев Г.А., Ершова А.А., Фомина Т.П. Совершенствование непрерывного повышения квалификации учителей математики // ЧИПиПКРО. Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2016. № 2 (27). С. 42–50.
20. Воробьев Г.А., Фомина Т.П. О системе непрерывного повышения уровня профессиональной компетентности учителя математики // Мир Науки, Культуры, Образования. 2018. № 3 (70).

THE MODEL OF INTERACTION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE-INTEGRATIVE PARADIGM**G.A. Vorobyev, T.P. Fomina**

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

Today, mathematics largely determines the strategic directions of science and technology development. Mathematics education is considered all over the world as an important factor in achieving sustainability both at the national and international level. This undoubtedly requires special attention at all levels of education. Thus, it makes more relevant the problem of interaction between higher education institutions and schools in the context of an innovative and integrative paradigm of education.

The purpose of this article is to consider the model of interaction of the university with schools and institutions of additional education and to evaluate the possibilities of practical application of the proposed model in the context of the Semenov-Tyan-Shan Lipetsk State Pedagogical University and the Lipetsk region.

The article discusses the structure of interaction between higher education institutions, schools and institutions of additional education. We propose a simplified and generalized model of interaction of educational institutions and consider the extension of the competence (subject-subject) paradigm to a paradigm in which the actors are teachers (university faculty members, school teachers, as well as teachers of additional education), school students (who attend school and are also engaged in the system of additional education) and students of the pedagogical university (who actively cooperate with the school and/or institutions of additional education). To substantiate the proposed model, the results of experimental work on innovative activities of schools and universities in the integrative complex "university-school-institutions of additional education" with the aim to develop the necessary competencies of students and schoolchildren are presented. These results confirm the need for such activities.

Keywords: integration, education integration, pedagogical integration, innovation and integration paradigm, questionnaire survey, modeling, interaction model.

УДК 378:004

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДЕЛОВАЯ ИНОЯЗЫЧНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

© 2020 г.

Г.А. Кручинина, Е.А. Пушкарева

Кручинина Галина Александровна, д.п.н.; проф.; профессор кафедры педагогики и управления образовательными системами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
galinakruchinina2009@rambler.ru

Пушкарева Евгения Александровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
evg.pushkareva@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 12.02.2020**Статья принята к публикации 28.07.2020*

Рассматривается профессионально-деловая иноязычная компетенция как составляющая профессиональной компетентности бакалавров инженерно-строительных направлений подготовки в контексте анализа профессиональных и образовательных стандартов. Рассмотрены трудовые функции, изложенные в профессиональных стандартах, выделены составляющие профессионально-деловой иноязычной компетенции в виде конкретных действий, освоение которых позволит бакалаврам успешно осуществлять профессиональную деятельность в области строительства. Сформулированы задачи, решение которых способствует формированию рассматриваемой компетенции. Определена взаимосвязь видов профессиональной деятельности, форм организации, методов обучения и формируемых универсальных и общепрофессиональных компетенций. Рассмотрено формирование профессионально-деловой иноязычной компетенции в образовательном процессе в ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет» (ННГАСУ) со студентами инженерно-строительных направлений подготовки. Отмечено особое значение использования активных методов обучения и интеграции проектной методики с технологией развития критического мышления через чтение и письмо. Приведены примеры разработанных авторами проектов для трех этапов формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции: «вызов» – «осмысление» – «рефлексия». Сделан вывод о целесообразности детализации составляющих рассматриваемой компетенции и необходимости использования активных методов обучения с применением цифровых технологий в процессе профессионально-иноязычной подготовки.

Ключевые слова: профессионально-деловая иноязычная компетенция, профессиональная компетентность, бакалавры инженерно-строительных направлений подготовки, метод проектов.

Введение

Модернизация системы подготовки высококвалифицированных кадров для строительной области обусловлена не только развитием и усложнением технологий и наукоемких производств, но и глобальными социально-экономическими изменениями в обществе. Условия неопределенности, глобализация, междисциплинарность, смещение деятельности инженера в сторону «человек-человек» требуют от бакалавров инженерно-строительного профиля актуализации профессиональных и одновременно универсальных компетенций, творческого потенциала, социально-личностных качеств и ценностных ориентиров, умений делового коммуникативного взаимодействия в реальном и цифровом мире. В связи с этим ученые-педагоги исследуют вопрос определения и формирования компетенций, конвергенция которых

обеспечит профессиональную компетентность выпускников технических вузов. Цель данного исследования – уточнение содержания профессионально-деловой иноязычной компетенции как составляющей профессиональной компетентности бакалавров инженерно-строительных направлений подготовки в контексте анализа профессиональных и образовательных стандартов и определение технологий ее формирования.

Методология

Реализация компетентностного подхода предполагает, что достижение главной цели – профессиональной компетентности – опосредовано освоением выпускником профессиональных (предметно-специализированных), общепрофессиональных и универсальных (общекультурных, общих, ключевых) компетенций.

Универсальные компетенции обеспечивают общечеловеческие и общекультурные аспекты профессиональной деятельности: духовно-нравственные, этические, экологические, правовые, экономические, валеологические и др. Они являются основополагающими для формирования способности бакалавров осваивать различные виды деятельности и успешно решать профессиональные задачи [1; 2]. Среди универсальных компетенций выделяют склонность к междисциплинарному мышлению, анализу и синтезу; владение навыками проектирования, работы в команде, коммуникации; способность к профессиональному саморазвитию; владение современными цифровыми технологиями; высокий культурно-нравственный уровень; ответственность за результаты своей профессиональной деятельности. Формирование универсальных компетенций – процесс трансформации личностных ресурсов студентов при освоении ими общекультурного содержания программы бакалавриата [3].

Общепрофессиональные компетенции бакалавра-строителя отражают способности, знания и умения фундаментальной направленности, являющиеся инвариантом для любой инженерно-строительной деятельности.

К профессиональным компетенциям относят собственно предметно-профессиональные компетенции, отражающие специфику строительства как сферы занятости и определяемые на основе профессиональных стандартов.

Процесс достижения профессиональных компетенций студентами в образовательной организации высшего образования рассматривается, как правило, в контексте обучения дисциплинам профессионального цикла. Однако актуальным является анализ возможности их формирования средствами социально-гуманитарного блока, в частности в процессе профессионально-иноязычной подготовки.

В соответствии с ФГОС ВО 3++ [4], в состав универсальных компетенций включена коммуникативная компетенция, детерминированная ситуациями делового общения в профессиональной деятельности, в том числе на иностранном языке. Это позволяет нам обозначить данную компетенцию как профессионально-деловую иноязычную. Определим ее роль и место в профессиональной деятельности бакалавров инженерно-строительных направлений подготовки.

Подготовка бакалавров инженерно-строительного профиля осуществляется в рамках основной образовательной программы по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 08.03.00 «Техника и технологии строительства». Типы деятельности бака-

лавра инженерно-строительного профиля – изыскательская, проектная, технологическая, организационно-управленческая, сервисно-эксплуатационная, экспертно-аналитическая [5]. Различные типы инженерной деятельности детерминируют иноязычные коммуникативные потребности инженеров.

Для уточнения потребностей бакалавров инженерно-строительной отрасли во владении коммуникативной компетенцией и ее профессионально-деловой иноязычной частью нами был осуществлен анализ их трудовых функций, изложенных в профессиональных стандартах [5]. В результате было выявлено, что к основным трудовым функциям бакалавров в области строительства, для выполнения которых требуется владение деловой коммуникативной компетенцией, относятся следующие: подготовка проектной и рабочей документации, анализ предоставленных и собранных данных; оформление результатов расчетов и составление пояснительной записки; руководство работниками; работа в комиссиях; подготовка заданий, исходных данных; контроль и проверка выполненных исполнителями работ; подготовка и инструктаж специалистов; анализ эффективности работы проектной группы.

В результате обобщения факторов, которые влияют на профессиональную деятельность бакалавров инженерно-строительного профиля [5–8], нами были определены следующие виды профессиональной деятельности, при выполнении которых актуализируется потребность в профессионально-деловой иноязычной компетенции:

- ознакомление с зарубежными правилами, стандартами, требованиями и документацией;
- освоение международного опыта в сфере строительства;
- работа с иноязычной информацией в сети Интернет;
- встречи, совещания, коммуникации со специалистами различных профессий, в том числе в on-line формате;
- разработка деловой документации на иностранном языке;
- презентация и защита результатов профессиональной деятельности на иностранном языке;
- участие в тренингах, мастер-классах, вебинарах с представителями зарубежных компаний и организаций, в программах обучения за рубежом;
- поддержание необходимого уровня профессиональной компетентности.

Профессионально-деловая иноязычная компетенция может быть также востребована при трудоустройстве бакалавров инженерно-строительного профиля.

Таблица 1

**Взаимосвязь видов профессиональной деятельности в инженерно-строительной сфере
и составляющих профессионально-деловой иноязычной компетенции**

Виды профессиональной деятельности	Составляющие профессионально-деловой иноязычной компетенции
Ознакомление с зарубежными правилами, стандартами, требованиями, документацией	Поиск, анализ, оценка, систематизация, интерпретация, преобразование и применение иноязычной информации, необходимой для деловых коммуникаций в сфере профессиональной деятельности, интерпретация графической информации, использование цифровых технологий при работе с информацией
Освоение международного опыта в сфере строительства	
Работа с иноязычной информацией в сети Интернет	
Встречи, совещания, коммуникации со специалистами различных профессий, в том числе в on-line формате	Конструктивное деловое взаимодействие, обмен информацией, знаниями, опытом, идеями; установление деловых контактов и ведение переговоров; электронные коммуникации; умение доступно излагать инженерную информацию, использовать простой и ясный язык для описания сложных явлений; учет альтернативной точки зрения, разрешение конфликта; отстаивание позиции, аргументация
Разработка деловой документации на иностранном языке в области строительства	Формализация и структурирование информации, составление документов, ведение корреспонденции с учетом стилистики официальных и неофициальных писем и социо-культурных различий
Презентация результатов деятельности	Публичные выступления, защита результатов
Участие в тренингах, мастер-классах, вебинарах с представителями зарубежных компаний и организаций, в программах обучения за рубежом	Установление деловых контактов, деловое общение, обучение, используя иностранный язык
Поддержание необходимого уровня профессиональной компетентности	Самостоятельное приобретение, поддержание и пополнение профессиональных и социо-культурных знаний и умений, в том числе с использованием цифровых технологий
Трудоустройство	Самопрезентация, собеседование с будущим работодателем

Следовательно, для реализации обозначенных потребностей необходимо, чтобы инженерно-строительная подготовка, в том числе профессионально-иноязычная, обеспечивала возможность овладения вышеуказанными видами деятельности. Для этого определим составляющие профессионально-деловой иноязычной компетенции в виде конкретных действий, освоение которых необходимо бакалаврам для успешного осуществления профессиональной деятельности в области строительства (табл. 1).

Из учета потребностей в формировании указанных деловых иноязычных составляющих, уточним составляющие профессионально-деловой иноязычной компетенции, необходимые для ее успешного формирования и проявления.

Профессионально-деловая иноязычная компетенция бакалавров инженерно-строительных профилей характеризуется проявлением следующих составляющих:

– информационно-аналитических (поиск, анализ, оценка, систематизация, интерпретация, преобразование и применение иноязычной профессионально-деловой информации; анализ, оценка ситуаций делового иноязычного общения, определение в них проблем и нахождение оптимальных способов их решения, анализ уровня эффективности достижения целей);

– коммуникативно-когнитивных (реализация письменной и устной иноязычной деловой ком-

муникации, выбор коммуникативно- и культурно приемлемого стиля делового общения; вербальных и невербальных средств взаимодействия, умения ведения конструктивного делового взаимодействия: слушать, отвечать на вопросы, согласовывать свое мнение с мнением других, учитывать альтернативную точку зрения, участвовать в диалоге, аргументировать и контраргументировать, представлять и защищать результаты работы);

– цифровых (использование цифровых технологий для решения профессионально-деловых иноязычных коммуникативных задач, межкультурного сотрудничества и самообразования в интернет-среде; оценка надежности, объективности, ценности источников);

– самообразовательных (самостоятельное приобретение, поддержание и пополнение иноязычных знаний и умений для социальной активности, личностного развития и в профессиональных целях).

Формирование обозначенных составляющих профессионально-деловой иноязычной компетенции связано, на наш взгляд, с решением следующих задач:

– формирование осознанного отношения к профессионально-деловой иноязычной компетенции как ценности, значимой в личностном, социальном и профессиональном аспектах;

- формирование умения и стремления использовать деловой иностранный язык и цифровые технологии для социальной активности, личностного развития и для профессиональных целей;

- формирование умений по профессионально значимым иноязычным коммуникативным потребностям;

- формирование умения и стремления самостоятельного приобретения, поддержания и пополнения иноязычных знаний и умений;

- формирование коммуникативных стратегий и навыков совместной деятельности, в том числе в электронных форматах;

- развитие творческого потенциала, навыков самовыражения и самореализации в учебно-познавательном процессе;

- формирование способности к самооценке, самоконтролю, рефлексии, критическому мышлению, ответственности;

- повышение деловой и общей культуры студентов.

Для формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции с ориентацией на модель деятельности будущего выпускника особую значимость приобретает интеграция в образовательный процесс контекстного обучения, включающего формы организации обучения и методы обучения, идентичные или максимально приближенные к реальной профессиональной деятельности бакалавров [9–13].

Таковыми в нашем исследовании являются следующие формы организации обучения и методами обучения.

1. Проектная работа:

- разработать презентацию/документ/отчет/график/техническую спецификацию;

- объяснять, описывать, уведомлять, убеждать;

- презентовать результаты деятельности.

2. Конференции:

- делать сообщения и доклады;

- отвечать на вопросы и запрашивать информацию;

- понимать на слух смысл выступления на иностранном языке.

3. Работа с аутентичными источниками, изучение документации, специальной литературы, журналов, книг:

- читать с пониманием цели и разумной скоростью;

- бегло просматривать текст с целью получить общее представление или найти какую-либо особую информацию;

- написать резюме и пересказать.

4. Поисково-творческая работа в сети Интернет:

- искать, сравнивать, анализировать, оценивать и преобразовывать информацию;

- оценивать важность и надежность информации;

- использовать цифровые технологии.

5. Анализ ситуаций, форумы:

- анализировать и оценивать ситуации;

- делать выводы, приводить основания;

- давать рекомендации.

6. Составление деловой документации, письма, служебной записки, отчета, руководства, графиков и диаграмм:

- ясно и логично выражать свои мысли, обобщать факты, оформлять результаты.

7. Деловая игра, дискуссии:

- вести беседу на профессионально-ориентированные темы с соблюдением деловых норм;

- высказывать свою точку зрения и аргументировать ее.

8. Самостоятельная работа с иноязычными источниками:

- самостоятельно пополнять знания и умения.

При организации учебно-познавательной деятельности студентов с применением контекстного обучения профессионально-иноязычная подготовка может способствовать формированию ряда других универсальных и общепрофессиональных компетенций, освоение которых предусмотрено в базовой части программы: УК-1 (системное и критическое мышление), УК-2 (разработка и реализация проектов), УК-3 (командная работа и лидерство), УК-5 (способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах), УК-6,7 (самоорганизация и саморазвитие), УК-8 (безопасность жизнедеятельности), ОПК-1 (теоретическая фундаментальная подготовка), ОПК-2 (информационная культура), ОПК-4 (работа с нормативно-правовой документацией) [14].

Взаимосвязь видов профессиональной деятельности бакалавров инженерно-строительного профиля, форм организации обучения, методов обучения и формируемых компетенций представлена в таблице 2.

Комплекс универсальных компетенций формируется в большей степени через проектную работу, конференции и деловые игры. Общепрофессиональные компетенции осваиваются через такие виды учебных заданий, как работа с аутентичными источниками, составление деловой документации, проектная работа, конференции, форумы.

Как свидетельствует анализ результатов экспериментальных исследований, представленных

Таблица 2

Взаимосвязь видов профессиональной деятельности, форм организации обучения, методов обучения и формируемых компетенций

Виды профессиональной деятельности	Формы организации и методы обучения	Составляющие профессионально-деловой иноязычной компетенции				Универсальные компетенции						Общепрофессиональные компетенции		
		информационно-аналитические	коммуникативно-когнитивные	цифровые	самообразовательные	УК-1	УК-2	УК-3	УК-5	УК-6, -7	УК-8	ОПК-1	ОПК-2	ОПК-4
Ознакомление с зарубежными правилами, стандартами, требованиями, документацией	Работа с аутентичными источниками	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+
Освоение международного опыта в сфере строительства	Поисково-творческая работа в сети Интернет	+	+	+	+	+			+	+		+	+	
Работа с иноязычной информацией в сети Интернет	Анализ ситуаций, форумы	+	+	+	+	+			+	+		+		
Коммуникации со специалистами различных профессий, в том числе в on-line формате	Проектная работа, конференции	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Разработка деловой документации на иностранном языке	Составление деловой документации	+	+	+		+	+			+		+	+	+
Презентация результатов деятельности	Презентация проектов, форумы, конференции		+	+		+	+	+		+				
Участие в тренингах, мастер-классах, вебинарах с представителями зарубежных компаний, в программах обучения за рубежом	Деловая игра, дискуссии	+	+	+		+		+	+	+	+	+		
Поддержание необходимого уровня профессиональной компетентности	Самостоятельная работа с иноязычными источниками	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+	+
Трудоустройство	Деловая игра	+	+	+		+		+	+	+				

в таблице 2, проектная работа и конференции являются приоритетными формами организации обучения в процессе профессионально-иноязычной подготовки. Они позволяют инте-

грировать в единую систему теоретические и практические составляющие профессиональной деятельности, обеспечить целостный подход к восприятию проблем и задач строительной ин-

женерии. Работа над проектом и конференции являются, по сути, единым звеном при решении обучающимися практических, исследовательских и творческих задач.

При реализации проектной методики возможно включение в нее разнообразных технологий, методов и приемов на различных этапах. Теоретической основой для использования метода проектов в интеграции с активными методами обучения в нашем исследовании явились положения Ж.Б. Быковой, С.М. Кашук, Т.И. Каныниной, М.В. Кручинина, Г.А. Кручинин, Е.Б. Михайловой, Е.С. Полат, С.Ю. Степановой, А.В. Хуторского, И.М. Швеца, В. Alan, F.L. Stoller и др. [15–19].

Проектная деятельность является одним из видов творческой деятельности студентов, наиболее активно реализуемым в условиях цифровизации образования [11].

Результаты

Эффективную реализацию рассмотренных форм организации и методов обучения по формированию профессионально-деловой иноязычной компетенции мы достигали в реальном образовательном процессе в ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет» (ННГАСУ) со студентами инженерно-строительных направлений подготовки. Нами использовались система электронного обучения ННГАСУ, презентации, проектные, личностно-ориентированные технологии, интерактивные тесты, разработанное нами электронное учебно-методическое пособие «English for Engineering: Discovering Projects», веб-сайт преподавателя [20]. Особое значение имела интеграция проектной методики с технологией развития критического мышления через чтение и письмо (ТРКМЧП), направленной на развитие мыслительных и коммуникативных способностей обучающихся, формирование их активной, самостоятельной позиции в образовательном процессе и стимулирование стремления получать необходимую новую информацию.

Включение технологии ТРКМЧП осуществлялось в соответствии с ее стадиями на уровне курса и на уровне проекта.

На уровне курса формирование профессионально-деловой иноязычной компетенции представляет собой трехступенчатый процесс, построенный по алгоритму реализации ТРКМЧП (стадия «вызов» – стадия «осмысление» – стадия «рефлексия»).

Первая стадия («вызова») помогает создать мотивацию к профессионально-иноязычной подготовке как деятельности, имеющую

личностную, социальную и профессиональную значимость, и способствует осознанию целей для всего курса. На этой стадии студенты отвечают на вопросы: «Нужен ли вам подобный курс?», «Что бы вы хотели узнать и чему хотели бы научиться при освоении данного курса?» и др. [18]. Стадия «вызов» включала проекты:

1) English for engineers (Do you need an English course?);

2) Bring your own learning (How to learn English?).

В процессе реализации стадии «вызов» устанавливается внутрипредметная связь с ранее полученной информацией и создаются условия, при которых обучающийся осознает дефицит имеющихся у него знаний и умений для решения имеющейся задачи или проблемы, что дает стимулы для самообразовательной деятельности. Кроме того, анализируются ресурсы обучаемых, задаются требования к уровню освоения иноязычных знаний и формированию компетенций, происходит подготовка студентов к работе в системе управления обучением (LMS) и к работе над созданием портфолио.

Стадия вторая – «осмысление» – направлена на изучение новой информации посредством ее восприятия, осмысления и сопоставления с ранее полученными знаниями. Стадия «осмысления» самая длительная и трудоемкая. Для ее реализации нами разработаны проекты:

1) Communicate effectively (How do engineers communicate to achieve goals?);

2) Why civil engineering? (Why is civil engineering a challenging but rewarding career?);

3) Innovation pitch event (How to present innovation?);

4) From invention to innovation (What is important for the innovative breakthrough?);

5) Achieving success (How to improve the efficiency of an engineering company?);

6) Vital Communication (How do engineers ensure safety?).

Третья стадия («рефлексия») направлена на включение новых знаний в существующую личностную систему знаний и ее практического применения, формирования оценочного суждения и выводов. Стадия «Рефлексия» представлена проектами:

1) Copying nature (Do nanotechnologies create more problems than solutions?);

2) Economical vs. ecological (How to present information clearly?);

3) What's next? (What have you learned and what do you want to do next?).

Последний проект охватывает рефлексия всех проектных заданий, включенных в содержание учебного курса, и стимулирует постановку новых целей.

При выполнении проектов будущие бакалавры самостоятельно осуществляли поиск и анализ необходимого социокультурного и профессионально ориентированного материала; знакомились с основами составления документов; сравнивали информацию из различных аутентичных источников, использовали ее для формулирования собственных выводов в формате делового дискурса, моделирующего их будущую деятельность (отчет, деловое письмо, меморандум, графики, презентация); выполняли перевод; овладевали навыками публичной речи (сообщение, доклад, дискуссия); осваивали универсальные и общепрофессиональные компетенции.

Включение контекстных задач позволило формировать представление о содержании и назначении деловых иноязычных коммуникаций, стимулировать самостоятельную деятельность обучающихся через осознание мотивов деятельности и нахождение личностного смысла в деятельности. При этом развертывался широкий поликультурный иноязычный контекст строительной инженерии, проявлялись возможности деловых иноязычных коммуникативных умений в решении профессиональных проблем.

Особое значение приобретала организация сетевых коммуникаций в электронной информационно-образовательной среде. В процессе коммуникации происходила актуализация и объективизация знания, порождалась дополнительная мотивация к учению.

Заключение

Профессионально-деловая иноязычная компетенция является важным компонентом подготовки студентов инженерно-строительного бакалавриата. Детализация ее составляющих – информационно-аналитических, коммуникативно-когнитивных, цифровых, самообразовательных – позволяет обосновать цели профессионально-иноязычной подготовки, ставить учебные задачи первостепенной важности, формулировать ориентиры учебной работы и оценивать уровень достижения компетенции обучающимися.

Использование активных методов обучения с применением цифровых технологий позволяет направлять процесс формирования профессионально-деловой иноязычной компетенции на творчески-поисковую деятельность студентов в сети Интернет по самостоятельному приобретению знаний, дальнейшему их осмыслению и демонстрации на конференциях, в дискуссиях и совместной деятельности по созданию образовательного продукта. Одновременно происходит развитие универсальных и формирование

общепрофессиональных компетенций, повышается качество профессиональной подготовки.

Список литературы

1. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/npo/20120325214132.pdf> (дата обращения: 29.05.2020).
2. Демченкова С.А. Формирование общекультурных компетенций бакалавров технического вуза: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. М.: Изд-во «Перо», 2013. 311 с.
3. Буденкова Е.А. К вопросу о формировании общекультурных компетенций студентов-бакалавров средствами электронного обучения в вузе: теоретические и практические аспекты // Мир науки. 2016. Т. 4. № 3. С. 1–29.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 08.03.01 Строительство (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. Режим доступа: fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/080301.pdf (дата обращения: 29.05.2020).
5. Профессиональные стандарты: строительство и жилищно-коммунальное хозяйство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/docs/101/69/2/16> (дата обращения: 29.05.2020).
6. Irish R., Weiss P.E. Engineering Communication: From Principles to Practice. 2nd ed. Ontario: Oxford University Press, 2006. 184 p.
7. McCuen R.H. Fundamentals of Civil Engineering: An Introduction to the ASCE Body of Knowledge. Boca Raton, London, New York: CRC Press, 2011. 240 p.
8. Wang J.X. What every engineer should know about business communication. Boca Raton, FL: CRC Press, Technology & Engineering, 2008. 208 p.
9. Кашук С.М. Стратегия интеграции мультимедиа технологий в систему языкового образования (на примере обучения французскому языку): Дис. ... д-ра пед. н.: 13.00.02. М., 2014. 427 с.
10. Кручинин М.В. Web-технологии в проектной деятельности студентов университета // Современные образовательные Web-технологии в системе школьной и профессиональной подготовки: сборник статей участников Междунар. научно-практ. конф. (25–27 мая 2017 г.) / Науч. ред. С.В. Менькова, С.В. Миронова, отв. ред. С.В. Напалков. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. С. 433–437.
11. Кручинина Г.А., Быкова Ж.Б. Формирование психолого-педагогической компетентности специалиста в условиях информатизации образования // Приволжский научный журнал. 2008. № 4. С. 226–232.
12. Кручинина Г.А., Михайлова Е.Б. Формирование профессионально-иноязычной компетентности студентов инженерных специальностей с использованием средств информационных и коммуникационных технологий: Монография. Н. Новгород: ННГАСУ, 2012. 287 с.
13. Bárcena E. Languages for Specific Purposes in the Digital Era. New York, NY: Springer, 2014. 348 p.

14. Пушкарева Е.А. Формирование деловой иноязычной коммуникативной компетенции в сфере профессиональной деятельности у будущих бакалавров в области инженерного дела, технологий и технических наук с применением электронного обучения [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1. С. 32. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27407> (дата обращения: 29.05.2020).

15. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Е.С. Полат [и др.]; под ред. Е.С. Полат. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2009. 272 с.

16. Степанова С.Ю., Канянина Т.И., Кручинина Г.А. Проектная деятельность в контексте вызовов современности // Информационные технологии в организации единого образовательного пространства: Сборник статей по материалам Межд. научно-

практ. конф. преподавателей, студентов, аспирантов, соискателей и специалистов. Н. Новгород: НГПУ им. Козьмы Минина, 2015. С. 96–101.

17. Хуторской А.В. Структура и содержание компетентностного учебника для вуза // Высшее образование сегодня. 2020. № 1. С. 9–13.

18. Швеиц И.М. Дидактика высшей школы: Учебно-методическое пособие Швеиц. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. 149 с.

19. Alan B., Stoller F.L. Maximizing the Benefits of Project Work in Foreign Language Classrooms [Электронный ресурс] // English Teaching Forum. Vol. 43. 2005. №. 4. Режим доступа: https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/05-43-4-c.pdf (дата обращения: 29.05.2020).

20. Сайт Пушкаревой Е.А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sites.google.com/view/englishplusnngasu/info> (дата обращения: 29.05.2020).

PROFESSIONAL AND BUSINESS FOREIGN LANGUAGE COMPETENCY AS A COMPONENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF CIVIL ENGINEERING BACHELORS

G.A. Kruchinina¹, E.A. Pushkareva²

¹Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

²Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

The article considers professional and business foreign language competency as a component of the professional competence of civil engineering bachelors in the context of the analysis of professional and educational standards. The authors examine job functions as set out in professional standards. The components of professional and business foreign language competency are identified in the form of specific actions. Having mastered these actions, bachelors will be able to perform successfully their professional activities in the field of civil engineering. The authors formulate the tasks that should be solved to develop the competency under consideration. The interrelation between the types of professional activity, educational forms and technologies as well as the universal and professional competencies being developed is determined. The development of professional and business foreign language competency in the educational process at the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering with civil engineering students is considered. The use of active teaching methods and the integration of design methods with the Reading and Writing for Critical Thinking (RWCT) technology were of particular importance. Some examples of projects developed by the authors are given for three stages of the development of the professional and business foreign language competency: «challenge» – «comprehension» – «reflection». It is concluded that it is advisable to specify in greater detail the components of the competency under consideration and to use active teaching methods with digital technologies in the process of professional foreign language training.

Keywords: professional and business foreign language competency, professional competence, civil engineering bachelors, project work.

УДК 3.39.392.9 (908)

НИЖЕГОРОДСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ А.Я. САДОВСКОГО

© 2020 г.

В.В. Митрофанов

Митрофанов Виктор Владимирович, д.и.н.; доц.; профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС
viktor-n1962@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 08.04.2020**Статья принята к публикации 28.07.2020*

Краеведческая и архивная деятельность А.Я. Садовского широко известна, при этом деятельность профессиональная и жизненный путь остаются во многом малоизученными. Не было упоминаний и о воспоминаниях А.Я. Садовского, рукопись с которыми недавно была обнаружена в фонде его сына, известного поэта Серебряного века. Эта находка позволяет увидеть в выдающемся руководителе Нижегородской губернской учёной архивной комиссии и Нижегородской археолого-этнографической комиссии, организатора архивной службы в первые годы советской власти замечательного мемуариста. Безусловно, представляет интерес и описание учебного процесса, состояние материальной базы, способов и методов преподавания в Нижегородской мужской гимназии в годы его обучения.

Ключевые слова: А.Я. Садовский, Нижегородская мужская гимназия, учебный процесс, педагогический коллектив, методы преподавания, Воспоминания, рукопись.

Введение

«Старейшина нижегородских краеведов» [1] – так с почтением и глубокой признательностью назвал А.Я. Садовского один из выдающихся представителей нижегородской исторической школы В.Т. Илларионов. С.Ф. Платонов, много лет сотрудничавший с научно-краеведческими обществами Нижнего Новгорода, лично, зная многих краеведов, в январе 1925 г. писал о «пользе», «какую он (А.Я. Садовский – В.М.) принёс своему краю бескорыстной учёной работой» [2, с. 249, 363, примеч. к письму № 549. № 2].

Изученность проблемы

В последнее время появились публикации, раскрывающие новые, ранее неизвестные страницы биографии и краеведческой деятельности А.Я. Садовского. Активно вовлекается в научный оборот его переписка [3–5], неопубликованное научное наследие краеведа [6]. При этом следует сказать, что сведений о его профессиональной деятельности, семье, особенно в первые 50-лет жизни, мало. Восполняет этот пробел недавно обнаруженная объемная рукопись с «Воспоминаниями» и «Дневниковыми записями» [7], которая в большей мере (с учетом жанра произведения и элементов субъективности) позволяет существенно заполнить имеющиеся лакуны. К известным направлениям научной деятельности А.Я. Садовского (история, архео-

логия, краеведение, архивная деятельность) добавляется новая – литературно-мемуарная. Нижегородские исследователи в последние годы активно вовлекают в научный оборот материалы личного происхождения, прежде всего, воспоминания и дневники, написанные их земляками или касающиеся Нижегородчины [8; 9].

Результаты исследования

Важные этапы получения образования А.Я. Садовского раскрываются в опубликованных фрагментах из упомянутой рукописи [10; 11]; а вот первый, значимый период – его обучение в гимназии, как и учеба в Лесном институте – остается пока неизвестным.

Губернская гимназия была создана на базе главного народного училища, основанного еще в 1786 г. Официальный акт открытия Нижегородской гимназии состоялся 12 марта 1808 г. Это была одна из первых гимназий в Казанском учебном округе. С 1828 г. гимназия перешла на семиклассную структуру [12; 13].

Здание гимназии [14] было перестроено, но, признавая его ценность для города, оно отнесено к памятникам регионального значения [15]. Сегодня здесь располагается Нижегородский педагогический университет им. К. Минина.

Этот фрагмент интересен тем, что в нем реконструируется образовательный процесс в Нижегородской мужской гимназии, перечислены многие учителя (и им даны не всегда приятные характеристики), методы преподава-

ния, даже частично перечислены авторы учебных пособий, названа система поощрения и наказания, открыто и честно описаны способности самого автора, его отношение к учёбе. Названы многие имена одноклассников А.Я. Садовского. Безусловный интерес представляют описания бытовых условий, ряд архитектурных деталей, сегодня утраченных. Эти и многие другие детали являются существенным дополнением к известным уже мемуарным свидетельствам. Обозначены круг чтения и детали времяпрепровождения гимназистов, их взаимоотношения и многое другое.

Воспоминания, хотя и краткие, о своей учёбе оставил П.Д. Боборыкин, воссоздавший жизнь гимназии в широком формате в своей известной художественной эпопее [16]. Об этом свидетельствует сам автор: «Наша гимназия была вроде той, какая описана у меня в первых двух книгах: «В путь-дорогу» ... В общем верно, но полной объективности еще нет. ... Учили нас плохо, духовное влияние учителей было малое» [17, с. 17–18].

Немало интересных страниц из гимназической жизни зафиксировал философ В.В. Розанов, учившийся в Нижегородской гимназии в старших классах (1872–1878) [18]. Он определял гимназию своеобразно: «этот маленький уголок и за небольшое время был, в сущности, тою «культурною молекулою», которая повторялась на протяжении всей России и обнимает приблизительно 30 лет перелома в её жизни – перелома, до такой степени важного, что я не умею сравнить с ним никакой другой фазис её истории» [19, с. 370]. Хотя написанное относится к Симбирской гимназии, эту замечательную мысль следует распространить и на другие, в том числе и Нижегородскую. О последней известный гимназист писал в автобиографических записях: «Учился я все время плоховато, запоем читая и скучая гимназией. Гимназия была отвратительна, «Толстовская». Директор – знаменитый К.И. Садоков, умница и отличный в сущности директор: но я безотчетно или вернее «бездоказательно» чувствовал его двуличие, всячески избегал – почему-то ненавидел, хотя он ничего вредного мне не сделал, <нрзб.> неприятного» [20, с. 249–261]. А вот еще одна оценка директора: «Садоков, умный и хитрый интриган, ярый монархист, носивший личину либерала и просвещенного деятеля. Осторожно, не спеша, тонко начал он проводить свою линию, потихоньку избавляться от самых рьяных сторонников реального обучения» [21, с. 30].

Среди знаменитых выпускников гимназии называют, прежде всего, историков К.Н. Бестужева-Рюмина, С.В. Ешевского, братьев Ляпуно-

вых [22], литераторов П.И. Мельникова-Печерского, Б. Садовского и др. К этому списку прибавляют и двух предшественников А.Я. Садовского на посту председателя Нижегородской Губернской ученой архивной комиссии А.С. Гацицкого и А.А. Савельева (обучался в гимназии в 1857–1866 гг. и закончил ее с серебряной медалью), забывая об их приемнике.

Заключение

В.О. Ключевский в свое время заметил: «Изучая местную историю, мы познаем состав людского общежития и природу составных его элементов» [23, с. 39]. А.Я. Садовский оставил замечательный труд биографического характера, который позволяет раскрыть новую страницу его творчества, ранее неизвестную. А нижегородская мемуаристика пополняется достойным образцом воспоминаний о жизни губернии почти за весь XIX в., насыщенной событиями из повседневного бытия небогатой дворянской семьи. Представления же о выдающемся краеведе, архивном деятеле существенно расширяются.

Зачеркнутые автором слова зачеркнуты, сокращения раскрыты в квадратных скобках. Публикацию подготовил доктор исторических наук В.В. Митрофанов.

Список литературы

1. Илларионов В. Старейшина нижегородских краеведов // Горьковская правда. 1971. 4 августа.
2. Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. 388 с.
3. Кузнецов А.А., Уткина Н.А. Письма Б.С. Жукова А.Я. Садовскому и А.С. Архангельскому как источник по истории краеведческого движения в Нижнем Новгороде в 1920 – первой половине 1930-х гг. // Материалы VI Нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Человек и документ». Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2011. С. 155–157.
4. Уткина Н.А. Письма Б.С. Жукова А.Я. Садовскому как источник по изучению его биографии и истории краеведческих организаций Нижнего Новгорода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 106–111.
5. Митрофанов В.В. «...кроме Вас нам некуда обратиться и не к кому...»: письма А.Я. Садовского С.Ф. Платонову (1909–1926 гг.) (вступ. ст. публик., коммент.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 48–66.
6. Речь А.Я. Садовского на торжественном заседании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и Нижегородской Думы в честь 300-летия подвига нижегородцев (1912 г.) / Пуб. подг. А.А. Кузнецовым // Мининские чтения: Сборник

научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород: Кварц, 2011. С. 207–210.

7. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 464. Оп. 4. Д. 31. Л. 1–276.

8. Дельвиг А.И. Из «Мои воспоминаний»: нижегородские странички / Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: Книги, 2010. 236 с.

9. Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород / Сост. Г.М. Коваленко, А.А. Кузнецов. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013. 293 с.

10. Митрофанов В.В. А.Я. Садовский о своей учебе в Александровском институте (вступ. ст. публик., коммент.) // Нижегородский краевед: Сборник научных статей / Сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Вып. 2. Н. Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОИ ННГУ, 2016. С.163–192.

11. Митрофанов В.В. «... и выбрал Петровскую академию...» (вступ. ст. публик., коммент.) // Московский журнал. 2019. № 1 (337). С. 20–44.

12. Нижегородская школа XVIII – начала XX века: очерки истории образования / Под ред. И.В. Берельковского. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2003. С. 56–74.

13. Ниякий В.В. Главное училище – губернская гимназия и начальные школы // Педагогическое обозрение. 1996. № 2. С. 10–33.

14. Здание Нижегородской мужской гимназии. Государственный педагогический институт им. М. Горького // Памятники истории и культуры Горьковской области. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1987. С. 66–71.

15. Решение Горьковского областного Совета народных депутатов «О мерах по дальнейшему улучшению охраны и использования памятников истории и культуры области» № 559 от 03.11.1983. URL: base.garant.ru/8510088 (дата обращения 15.05.2020).

16. Боборыкин П.Д. В путь дорогу!... В 6-и кн. СПб.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1900. Т. 1. 500 с.

17. Боборыкин П.Д. За полвека: (Мои воспоминания). М.–Л.: Земля и фабрика, 1928. 383 с.

18. Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990. 375 с.

19. Розанов В.В. Иная земля, иное небо... // Полное собрание путевых очерков. 1899–1913 гг. М.: Танаис, 1994. С. 331–407.

20. В.В. Розанов: Материалы к биографии / Публ. вступ. ст. и примеч. Т.В. Померанской // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. 1. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. С. 249–261.

21. Трофимов Ж., Миндубаев Ж. Илья Николаевич Ульянов. М.: Молодая гвардия, 1981. 224 с.

22. Пакшина Н.А. Нижегородская губернская гимназия 70-х годов XIX столетия // Жизнь провинции: История и современность: Сборник статей по материалам Всерос. науч. конф. «Жизнь провинции: история и современность», 11–12 ноября 2016. Н. Новгород: Книги, 2017. С. 120–124.

23. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения в 9 т. Т. I. М.: Мысль, 1987. С. 39.

Приложение

А.Я. Садовский

Нижегородская губернская мужская гимназия: Из «Воспоминаний»

Должно быть раннею весной 1860 г. мы все покинули Медяну и переехали на постоянное жительство в Нижний. Мне было тогда 9 ½ лет. В Нижний поехали все наши, с нами тётка, сестра матери – Мария Александровна, старая дева, и дядя Илья Александрович, тогда молодой мальчик лет 17–18, окончивший Сергачское уездное училище¹, совершенно необразованный, порядочно развращенный крепостною жизнью. Ехали мы на долгих медянских лошадях. Помню остановки на постоялых дворах и дневки, нередко в полях или около речки, лесках, что было для меня очень приятно. В Нижнем наняли квартиру в доме Торсуева² на углу Тихоновской и Мартыновской улиц, дом этот принадлежит ныне Бадиену. Квартира была небольшая, комнат четыре, в особом маленьком флигельке поселили дядю Ил[ью] Алекс[андровича]. Прислуга у нас была крепостная, у матери еще подаренная дедом, моя нянька Наталья, мать Дяди Домой, кухарка Елизавета, ее сын, дочь и горничная, имя которой не помню. У Ильи Алекс[андровича] была своя прислуга, но из его медянских крепостных.

Вскоре по приезде наняли учителя и стали готовить меня в 1 класс гимназии. Немного тогда требовалось для поступления в гимназию: уметь писать, читать и считать. В августе я выдержал экзамен и поступил в первый класс. За это время отец купил дом на Мартыновской улице, ныне дом Торсуева, купил он собственно большое довольно место, на котором стояли старый покосившийся большой дом, занимаемый столярными заведениями Шварца, у которого-то и купили, кажется, за 1000 или 1500 рублей. На пустом месте стали строить флигель. Для флигеля купили дом на снос на большой площади, где была Казенная палата у Веселовского, построили каменный полуэтаж, а на него поставили купленный деревянный дом с мезанином. Старый дом перестроили, выправили, устроили фундамент и получилось два дома: большой одноэтажный с антресолями, деревянный и флигель полукаменный. Пока строили флигель и дом, жили в каком-то развалившемся домике на дворе, потом его сломали и переселились во флигель, а дом и часть флигеля сдавали в аренду. Квартиры были чрезвычайно дешевые, помню, что квартира в доме выходила по 25 р[ублей] в месяц, теперь же ей цена около 125–150 рублей в месяц. Обошлось все это отцу около 5000 рублей. Все сбережения ухлопал на дом и даже немного занял и как потом об этом жалел!

Так как я приготовлен был очень слабо, то для меня брали учителя или, как теперь называют, репетитора – гимназиста 7-го класса Константина Кузьмича Яковлева, которого я чрезвычайно любил. Кон[стантин] Куз[ьмич] был из бедных лукояновских мещан, его брат служил половым в трактире Бубнова на Алексеевской улице. Сам Конст[антин] Кузьмич не стеснялся этим родством, к чести его, и

вообще был чрезвычайно простой, умный, хороший, симпатичный человек. По окончании курса он поступил в университет, а потом, уже бывши учителем гимназии в Москве, бросит учительство и поступит в инженеры пут[ей] сообщ[ения] и умрет лет 10 назад начальником какой-то железной дороги. Студентом он увлек богатую барышню из дворянской семьи Русиновых³, местных лукояновских магнатов, женился на ней. Конечно, ее родные были против брака на мещанине, а потом, когда этот мещанин зарабатывал десятки тысяч в год, а они чуть-чуть существовали, этому браку завидовали и радовались.

В гимназии уже повяло новым режимом. Порки я уже не застал, только очень редко и то один-два учителя позволяли себе выдрать за уши или дать фухтеля⁴ по голове. Большинство старых учителей сменилось, директор и инспектор были новые, порядков, описанных Боборыкиным «В путь-дороге», уже не было. Любивший драть за уши Бобржицкий скоро был уволен, так что в 1861 году его уже не было. Другой был немец, Юлий Францевич Гюбнер, его звали Юлий Франтович. Ю[лий] Ф[ранцевич] собственно бил не из злобы, а это была у него привычка, он складывал пальцы и косточками пальцев стучал по голове, обыкновенно не больно, но иногда, когда злился, выходило и больно. Говорили, что он не получил никакого образования, что он был чем-то вроде гувернера у какого-то генерала и по его протекции определил в учителя. Как учитель он был слабый и грамматику знал плохо и ей мало учил. Вообще же учиться у него было легко.

В 1863 или 1864 его сменил Мобица, который никогда не дрался, но был очень требовательным, черств, его не любили, лучшие времена Ю[лия] Ф[ранцевича].

Учителем математики был Нестор Адамович Милевский, он преподавал уже по новому способу. Мы его очень любили, но он от нас был скоро переведен в Астрахань, так что в III классе я уже у него не учился. Был потом хороший учитель В.В. Малинин, но я у него учился у него очень плохо, я вообще был не способен к математике и при нем два раза оставался на второй год в 4 и 5 классах.

Учителем русского языка был Александр Ипполитович Корсаков, довольно молодой, по наружности симпатичный человек, охотник, всегда с охотничьей собакой сеттером. Но мы его не любили, так как он любил издеваться над нами и позволял разные грубости. Между прочим, в I классе, в который я поступил, были и 8–9 летние и 18–19 летние, были совершенно великовозрастные, сидевшие в классе по 5–6 лет и более, тогда сидение не было ограничено, училось нас немного и плата за учение была 10 рублей в год, а ранее и того менее. У нас был ученик Егоров, сын известного в Нижнем трактирщика Никиты Егорова. Этому Егорову было лет 18 не меньше. У него были карманные часы, к ним ключик, в котором было маленькое увеличительное стекло с соблазнительной картинкой, ключик этот Егоров менял, а может быть только картинку. И случалось, что Корсаков брал у Егорова ключик, рассматривал картинку, обдирает ее и, отдавая, говорил, смотри Егоров, ты им не показывай. И Егоров не показывал,

по крайней мере мне, хотя я и просил его, но всегда получал отказ.

Корсакова впоследствии сменил Г.Г. Шапошников⁵, прекрасный преподаватель, которого мы все чрезвычайно любили и у которого старательно занимались. Впоследствии, уже без меня, Шапошников сделался инспектором, а потом он поступил на должность Директора Александровского института⁶ и на обоих этих должностях заслужил всеобщее признание. Он изменился до неузнаваемости, у него ничего не осталось порядочного. Как его любили раньше, так стали ненавидеть потом. Так я слышал от многих его учеников, но сам я знал его только учителем.

Забыл еще упомянуть, что между Корсаковым и Шапошниковым был еще учитель Баев. Корсаков нас мучил грамматикой⁷ Востокова⁸, а Баев в 4 классе, вместо словесности, учил нас славянскому языку по грамматике Пенинского⁹, необыкновенно подробно. Учились, конечно, плохо. Этот же Баев мучил своей славянщиной и в 5 классе. И вот в 5 классе не выдержали, и ученик Филаретов обратился к Баеву с речью и выгнал его из класса, а когда для разбора дела пришел инспектор Юшкевич, то он ударил инспектора по лицу. Конечно, это произвело страшную сенсацию. Филаретова схватили, но потом его отравили в больницу, как бы сумасшедшего. Все общество и даже губернская администрация были за него, и дело ограничилось одним исключением. Впоследствии я слышал, что Филаретов выдержал выпускной экзамен в какой-то гимназии, поступил в университет и был где-то профессором. Инспектора ~~к концу~~ через год куда-то перевели, но я нового инспектора уже не застал, так как перешел в Александровский институт. Г. Баева тоже очень скоро от нас убрали. Учителем истории был Павел Иванович Никольский. Старичок часто подвыпивший, с красным фуляровым платком, всегда засморканным, от постоянного нюхания табака. Он был очень умный и остроумный человек, что особенно проявлялось у него, когда я учился у него латинскому языку в Александровском институте, где его очень любили все ученики. Как учитель истории он был плох, заставлял он учить от сих до сих и требовал дословного пересказа по книге, если кто говорил «своими словами», тот никогда не получал пятерки. Любимой фразой его было «лучше книги не скажешь». Но, в общем, его все так любили за его простое обращение.

Учитель географии А.Ф. Мартынов, недавно умерший 90-летним стариком, он преподавал географию как-то странно, на каких-то особых листочках писались какие-то сведения, которые мы должны были запомнить. Ничего никто не помнил, и я о его преподавании тоже более ничего не помню, знаю только то, что никто ничего не знал. Относились ученики к А.Ф. [Мартынову] как-то безразлично.

Учитель французского языка был де Планьи – высокий худой старик, французских эмигрантов, помнивший Робеспьера и других деятелей Французской революции. Совершенно выживший из ума, никого из учеников не знал в лицо, один и тот же ученик, изменивший свою физиономию, отвечал за нескольких. Де Планьи наливали в карман чернила,

мазали ручки у дверей чернилами и т. п., кричали, бесновались в классе, все было нипочем. Очень скоро его убрали. И на его место был назначен Висьмен, ни слова не понимавший по-русски; целый год у него учились и целый год на его уроках безумно хохотали, с одной стороны ученики, а с другой сам учитель. Было что-то необыкновенно весело. Затем к нам назначили учителем некоего Бертранова. Это был необыкновенно строгий, грубый и необыкновенно подлый господин со священническими манерами. Сколько людей из-за него, так или иначе, погибло. Сравнительно еще молодой, он был хуже всякого старого педагога. Его ненавидели все и как его не били, не понимаю, хотя ходили слухи, что в Александровском институте пансионеры его дули не один раз. И за дело. Это был во всех отношениях истинный подлец!

Первый год или два, хорошо не упомяну, я застал еще золотую и черную доску в каждом классе. Тогда табели об успехах и поведении выдавали по истечении каждого месяца и ученики, которые имели круглые пятерки, записывались на золотую доску – красная доска в золотой раме, мелом, а последние на черную мелом же, черная была в черной раме или просто, висели обе доски в одном месте в каждом классе. Мне очень хотелось попасть на золотую доску, я много старался, и в конце концов в последние месяцы первого класса попал-таки, во втором же классе доски были уничтожены, таким образом, доски при мне существовали один год, а не два, как я выше написал. Кроме того, в каждом классе существовали особые журналы книжки, в которых определенные графы записывались ученики, отличившиеся в этот день, т.е. получившие пять, ученики, замеченные в шалостях, ученики неисправные, т.е. получившие двойку и единицу, а также не принесшие тетради и т.п. Этот журнал всегда находился у первого ученика и при входе учителя в класс подавался ему, по окончании уроков или перед большой переменой не просматривался инспектором, который, отметившихся в шалостях и неисправностях наказывал или оставлял без обеда на час или на два после уроков, или ставил столбом, а иногда и на колени в перемены – большую и малую. Между прочим, виртуозность в изощрении наказаний доходила до того, драчунов иногда ставили в большую перемену по позам драки: один, например, стоял занеся на другого руку и тот тоже и т.п. На воскресенье, на праздники не оставляли вовсе, не заставляли непременно ходить в церковь, и этим старый режим выгодно отличался от нового, который я застал уже в последних классах. Второй по успехам ученик носил на черном шнурке ключ от кафедры, в которой запирались чернильница учителя и ручка с пером. Казенных чернильниц у учеников не было, а должны были иметь свои и приносить их в классы, потом, года через 4, врезали в парты чернильницы и наполняли их казенными чернилами.

Ученики носили форму: однобортный мундир с 9-ю большими посеребренными пуговицами с гербом Нижегородской губернии и надписью «Нижегородский», пуговицы выпуклые, на воротнике из красного сукна, стоячем, нашивались серебряные

галуны, вицмундир двубортный с такими же по 6 пуговиц на борту, красивым стоячим воротничком, с кантами красными на рукавах, на мундире обшлага на рукавах были красивые, из красного сукна, верхняя одежда состояла или из черной шинели, официального покроя с соответствующими выпущками и пуговицами, или из двубортного черного пальто такого покроя, как носят теперь, тоже, конечно, с пуговицами и выпущками. Ученики Александровского института носили тоже такую форму, но только галуны и пуговицы у них были золотые и пуговицы плоские, такие точно, как и теперь, кроме того, пансионеры носили в классах и занимательные однобортные курточки. О теперешних блузках не было и помина, так же, как и о кителях, всегда, и летом, и зимою носили суконную одежду. Фуражки были черные с красным околышем и кантом, без всяких значков. За эти красивые воротники уличных мальчишки и ученики уездного училища, тогда единственного на весь город, дразнили нас «красною говядиною», название это необыкновенно обижало гимназистов, и большинство, как петухи, бросались на обидчиков и нередко терпели фиаско и ходили с подбитыми глазами и т.п., мальчишек же это очень забавляло и бывало, постоянно слышишь это еще прозвище от каждого проходящего мальчишки. Одно время ученики отпускались после уроков одновременно с уездниками и учениками, живущими в районах Печёрки, Тихоновской и прилегающих к ним улиц, приходилось приходиться по Тихоновской мимо уездного училища, выходящие оттуда ученики обязательно дразнили проходивших гимназистов и обязательно начинались драки; ходили, конечно, группами и держались около старших по возрасту и били уездников, а те их, на другой день в классах любимыми разговорами были разговоры о военных подвигах с уездниками.

В классах, как я уже ранее писал, были и великовозрастные, и малыши, из 2 и 3 классов, напр[имер], нередко поступали вольноопределяющимися в полк, в юнкера или писцами на государственную службу, а то и сидельцами в лавке. Великовозрастные обыкновенно сидели на задних партах, группируясь вместе, науками, конечно, они не занимались, в перемены даже и дрались редко, вели они разговоры об охоте, рыбной ловле, катании по Волге на лодках, столкновениях с деревенскими парнями или мещанскими, о похождениях за женским полом и т.п. Надо отдать им справедливость, они нас немало не развращали, они на нас, своих товарищей малышей, смотрели свысока, не снисходили разговаривать с нами, даже прогоняли от себя. Я помню, была компания: Барженнов, Белоголовов и два брата Морковниковы, все брили бороды, все необыкновенно сильные, здоровые, все время они проводили в разговорах о Волге и о катании на лодках или об охоте. Рассказывали тогда, например, такой случай. Два брата Морковниковы и Белоголовов катались по Волге на маленькой лодочке, и посередине Волги, заспоривши о чем-то, один из Морковниковых со всего размаха ударил Белоголового веслом по голове. Белоголовов на это только закричал «что ты, дурак, делаешь, ведь весло может переломиться, как мы тогда доедем!» Переда-

вали это как факт, но если это и неправда, то очень правдоподобно.

Учеников было мало, особенно в старших классах, начиная с IV, этот класс тоже относился к высшим и имел привилегии. Так ученики IV класса имели право выходить из класса, не спрашиваясь учителя. Пользуясь этим, они во время уроков ходили по коридору, иногда заходили в младшие классы, спрашивая позволение у учителя посидеть и послушать и при мне всегда его получали, правда, заходили больше всего на уроки естественной истории. Затем, в большую перемену, минут за пять до окончания ее, инспектор или надзиратель кричали: «первый, второй, третий маленькие классы по местам». И мы садились, а старшие одни важно рассказывали по коридору. Но со мной, и особенно в 1862–1863 гг., стало поступать учеников больше и с 1863 года завели параллельные классы, в маленьких классах до IV – год, а когда мы перешли в IV, то уничтожили и привилегию выходить без спроса, и я помню ученика Коновалова, хотевшего восстановить это право и вышедшего без спроса, оставили без обеда, и этим закончилась попытка и закончилась навсегда, даже для 5 и высших классов.

Отхожее место в здании гимназии не было, и оно было выстроено на дворе, в углу к смежному дому, в котором помещалась аптека. Оно было встроено так, как такие помещения строятся на небольших железнодорожных станциях. Ходить в него надо было через двор, спускаясь по внутренним зимнюю обледенным лестницам, так как по этим лестницам носили воду в учительские квартиры. Зимой нередко скатывались с них и это малышам даже нравилось. В зимние пурги ходили в отхожее место чуть не по колено в снегу. Оно, конечно, было все до безобразия загажено и залито нечистотами.

Только когда я был в III–IV классе, т.е. в 1863 или 1864 гг., устроили сортир в здании гимназии, теплый, с простыми сидениями, из которых дуло холодом и шла вонь, сидения закрывались крышками, сперва, в первое время, это помещение очень нравилось и сделалось чем-то вроде клуба, в него ходили поговорить, а некоторые и покурить, конечно, потихоньку, ибо курение строго преследовалось.

В большую перемену, продолжавшуюся полчаса, ученики любили ходить на Покровку и на мытный двор; на мытном дворе, где большой городской корпус, выходящий на Покровку, была устроена какая-то крытая деревянная галерея на больших высоких и толстых каменных столбах. Эта галерея была очень удобна для курения, из нее было видно всех проходящих, будучи сами за толстыми столбами невидимыми, так что начальство, хотя и высылали на мытный двор соглядатаев за учениками, но соглядатаи ничего не могли сделать и не могли поймать учеников с поличным. Все стены галереи были исписаны мелом, больше всего было надписей: «Садовок дурак, Шундилов дурак, иногда какой-нибудь учитель дурак», встречались, но редко и похабные надписи. В начале большой перемены приходил булочник с корзиною булок и продавал их ученикам, обыкновенный калач 2 копейки, два розанчика 3 копейки, большинство покупало на завтрак булки, другие же приноси-

ли из дому, а некоторые не покупали и не приносили, а просили у купивших булки «дай кусочек», не давая как-то неловко и отломить маленький кусочек и дать, а так попросят у нескольких, и сыты или, вероятно, полу-сыты, так как и сам купивший два розанчика на 3 копейки, как, например, я, чувствовал себя не вполне сытым. Иногда, в большую перемену, бегали на площадь, которая тогда была открытая, садов не было, и на которой два раза в неделю были базары, здесь пили сбитень, который продавался стаканчиками на копейку или на две, наливался из больших медных чайников, всегда горячий, было очень вкусно выпить сбитня с хлебом, другие пили квас хлебный или можжевелевый из жестяных кружек, пили по копейке кружка, покупали гречушники, пряники и т.п. Уроков ежедневно было 4, два до большой перемены и два после. Сколько времени продолжался урок и перемена, забыл, но не менее часа, а, пожалуй, и больше, так как уроки начинались в 9 ч. утра, а оканчивались около 2 ½ дня.

РГАЛИ. Ф. 464. Оп.4. Д.31 Л 32–42 об.

Директором я застал Тимофеева, который был при мне, был года 3 или 4, потом его сменил К.И. Садовок. Тимофеева мы очень редко видели, он почти что не показывался ученикам из квартиры, мы ученики знали одного инспектора Садовкова, который и вершил все наши дела. Когда Садовок едва стал директором, он также продолжал относиться к ученикам, хотя все еще часть обязанностей возложил и на инспектора. У Садовкова было одно очень хорошее качество – он был человек добрый и во многом снисходил к ученикам, и притом не хитрил и не перехитривал, как Гаврило Шапошников. Не любил Садовок, правда, заносчивых и грубых учеников, которых под влиянием нигилизма развелось немало, этим от него доставалось, может быть. Этим можно объяснить и нелюбовь к нему старших классов, в которых «нигилисты» преобладали. Занимались ученики, кроме первых, плохо, под партами читали книги, уроков не готовили, готовили их ученики старших классов, в пересмены и в самих классах, на первом уроке ко второму и т.д. Вообще учение шло спустя рукава, но все-таки шло, выдерживались экзамены, переводились в следующие классы, хотя много и оставалось в классах. Каникулы летние были маленькие, экзамены оканчивались около 23 июня, а после них начинались каникулы до 16 августа, а может быть и до 8-го, теперь уже забыл. Книги в классах читали исключительно беллетристские, тут были и Булгарин¹⁰, и Грач¹¹, и Пушкин, Лермонтов, Фет, переводные романы Дюма, и русские, но особенно любили читать Боборыкина «В путь – дорогу», в которой описывалась наша гимназия в сравнительно тогда недавнее время. Книг начальство терпеть не могло и если с нею попадались ученики, то она конфисковывалась и не возвращалась. Потом уже пошли в ход Майн Рид¹², Густава Хмары, Понюш де Терайли, которыми положительно зачитывались, а героями их бредили.

Под впечатлением Ауновского читали и по естественной истории преимущественно популярные книжки, особнным почетом пользовался Гартвин

Масх и др. Были и такие, как, например, в IV классе...., который хвалился, что читает Колокол Герцена ... мы и знали понаслышке Колокол, но как-то не увлекались им, да и сами-то []¹³, вероятно, только [] Помимо большим почетом пользовались []

[] и в классах и дома. Когда открылась публичная библиотека, стали ходить туда, даже вечерами, хотя приходилось экономить из скудных средств по 5 к. за вечер за освещение. Со стороны библиотекаря было желание развивать нас в либеральном тогдашнем духе, и когда, бывало просишь какой-нибудь роман Дюма или что-нибудь в этом роде, он начинал говорить, что это сказка и т.п. и предложит что-то по естественным наукам, нередко очень скучное, это отбило охоту посещать библиотеку и стали перебиваться, занимая книги друг у друга.

Забыл еще упомянуть об учителе чистописания и рисования Иване Трофимовиче Дмитриеве, которого все почему-то называли «Трошка». Этот Трошка описан в «Путь-дороге» под именем Чижикова. Чистописание преподавалось в первых классах, притом очень долго, писали по темпам какая-нибудь одно изречение, напр[имер], «Закон Божий» есть светильники человеку на пути жизни. Большинство учеников писали вперед, не выдерживая диктовки и под темп. Трошка любил ловить таких скорописцев. Обыкновенно он кричал «довольно» и начинал обходить всех учеников, у кого было написано вперед, затем записывал в журнал в неисправность «карандашиком». Записывание карандашиком не влекло никаких последствий, это было так сказать предупреждением, если вина повторялась, то говорилось: «Ну, я теперь обведу тебя перышком. Этого конечно уже боялись и просили прощения, не записывать и т.д. Часто Трошка прощал, обводил перышком, после третьего и даже четвертого раза. То же было и при записке «в шалостях» сперва карандашиком, а потом перышком. Иногда Трошку шалостями выводили из себя, он бегал жаловаться инспектору. Помню, были случаи, что весь класс на партах стоял на коленях перемену и даже часть урока. А столбом около стоек или в углу стаивали часто у многих учителей. Я помню, как из сливного класса, из-под запертой двери вдруг полилась в наш класс какая-то жидкость. Конечно, заинтересовались, оказалось что там, около двери стояли столбом гимназист Беляев, впоследствии артил[лерийский] офицер, он просился¹⁴.

Бывали эти случаи и не с одним Беляевым, впрочем, многие проделывали это и нарочно.

В гимназии я научился и курить. Долго обучали меня этому, чуть ли не со 2-го класса, но ничего не выходило, уж очень тошнило, но в 4-м или в 5 все-таки научили, кажется в 5-м и я стал курить, табак тогда был дешевый, 2-й сорт продавали 18 к[опеек] за четвертку, а 3-й по 10 к[опеек], только самые богатые и франты покуривали по 30 к[опеек] четвертку. Был в ходу еще Жуковский табак, Мэриленд¹⁵, с очень ароматичным запахом, но очень легкий, потом был табак фабрики Миллера¹⁶, Бостанджогло¹⁷, Николы папы Криона¹⁸, Мальмберга, Манукова, давно уже и фабрик этих нет, гильзы в моде были в ходу какой-то Вершинской, впоследствии появились и были в ходу папиросы Петровка 45 к[опеек] за пачку

в 100 штук. Некоторые покуривали трубочки, небольшие трубочки из какого-то розового дерева были распространены, курили из них преимущественно Мэриленд ду. В то время старое поколение еще предпочитало трубки с длинными черешневыми чубуками с наконечником янтарным, а то и просто облепленным сургучом или со вставленными каким-нибудь мундштуком и даже пером. Курили из трубок обязательно табак Жукова. У нас дома была целая коллекция трубок, глиняные, деревянные, обложенные каким-то металлом, вероятно, низкопробным серебром, для трубок с чубуками была даже особая подставка в роде столика, в которую вставлялось 8-10 чубуков с трубками.

В Нижнем уже были в ходу серные спички и для трубокуров франтов, и восковые. В Ендовицах же я спичек не помню, там были лучики, концы которым ~~самодельно~~ обмакивали в серу и потом высушивали; в печке, в гарнушке, всегда были горячие угли и когда надо было зажечь свечку, то раздували уголь, прикладывали к нему серничек¹⁹ и он зажигался. Имели также и постоянный свет, разное сало выгаивалось и держалось в горшочках, в горшочки вставлялся фитиль, который постоянно горел. При отсутствии стеариновых²⁰ спичек без этого трудно было обойтись, особенно в тех небогатых домах, в которых не было много трубокуров.

О керосинке не было и помина. Лампы масляные были только в богатых домах, у нас их вовсе не было. У нас были сальные свечи, которые притом делались дома, были особые «ляльки» по форме свечи, в них вставлялся фитиль, наливалось растопленное сало, которое застывало, и получалась свечка. Горели эти свечки необыкновенно тускло, на фитиле образовывался нагар, который часто приходилось снимать посредством особых щипцов для съемов, которые составляли необходимую принадлежность свечей и подавались на особых прадомоватых подносиках. Потом помню появились какие-то желтоватые свечи под названием пальмовых, напоминавшие стеариновые. Пальмовые зажигались в экстренных случаях, при гостях, сидели же с сальными и нередко на большую комнату горела одна сальная свечка, при ней работали, читали, правда, сидели недолго, так как спать ложились рано. Когда приходили гости, их угощали чаем и вареньем, варенье подавалось и отдельно, в середине вечера обносили гостей подносом, на котором ~~варенье~~ стояли несколько блюдец с вареньями, орехами, пряники. Гости брали варенье с блюдечка, теперь уже и нет таких блюдец, клали его на другие маленькие блюдечки и ели. Мужчины старики обыкновенно усаживались за карты, играли преферанс или ералаш, других игр у нас не было. Игрокам подавали пунш – сладкий чай, разбавленный на треть или на половину кизляркой, очень крепкой, и пили его весь вечер, дамам тоже подавался пуншик, но полегче, от этого пуншика все были очень веселы. Перед ужином, еще задолго, подавалась закуска – батарея разных водок и наливов, окруженная закусками, преимущественно своего приготовления, соленьями и маринадами, но иногда добавлялась селедка или сквернейшая килька – салакушка, в редких случаях при почетных гостях черная

От Шундикова под каким-то благовидным, конечно, выдуманном предлогом (прямо взять боялись, все-таки Шундилов начальник, может мстить), меня перевели к некоему Филимовичу, который служил

кем-то на железной дороге. Он был поляк, женатый на немке или скорее какой-нибудь латышке или эстонке, у него был сын и дочери. Сам он тоже не бывал дома, все в разъездах. Дети говорили только по-русски, жена и бабушка говорили всегда между собой по-немецки. Жили там сравнительно хорошо, хорошо кормили и хорошо относились. Сын Филимовича, Дмитрий Кирилович, моложе меня года на два или на три, впоследствии был доктором, где-то на юге, кажется, в Крыму и умер еще в молодости, говорили, что он сидел на балконе на перилах, перила подломились, он упал, сильно ушибся, и он от этого умер.

Забыл упомянуть об одном смешном случае во время жизни у Шундикова. Мы мальчишки, жившие у Шундикова, очень любили через чердак выбираться из слухового окна на крышу гимназии и там расхаживать, и играть. Делали это частенько и как-то никто этого не замечал. Однажды приехал для ревизии гимназии окружной инспектор из Казани Сахаров. Сахаров жил в Нижнем несколько дней и как-то однажды прогуливался мимо гимназии, увидел нас, расхаживающих по крыше. Началось следствие, мы все заперлись, что это не мы, но были уличены и в наказание Шундикова оставил нас без обеда, т.е. не дали нам целый день ничего есть. Хорошо еще, что сердобольная кухарка потихоньку нас накормила.

Жил я еще у доктора гемеопата Краузе, на Жуковской улице. Он имел свой дом, ныне принадлежит присяжному поверенному Краузе Карпову. У него был сын Костя, мой товарищ, от первой жены немки, а от второй русской были маленькие дети, которых я теперь совсем забыл. Костя был славный мальчик, он умер от чахотки, будучи в IV классе. Здесь были строгие порядки. Кормили скверно и вместо масла всегда давали гусиное топленое сало, которого я терпеть не мог и от которого меня всегда тошнило. Утром за чаем нередко тоже давали черный хлеб, намазанный этим салом; бывало, потихоньку смажешь сало и ешь простой хлеб, за обедом в праздник часто подавали кисель из кваса, тоже противный. Зато по вечерам мы нередко лакомились соленьями: Костя таскал от отца палочки лакрицы²² и целые горсти лакратических крупинок, все это поедали и похваливали, хотя лакрицу я не любил и пил не всегда. Здесь, как и у Шундикова, хозяева жили отдельной жизнью, и мы их редко видели и боялись. А у Филимоновых было тем хорошо, что мы жили в семье, делили ее радости и горе, там более напоминало дом.

В гимназии я беспрепятственно дополз до IV класса, учился вообще плоховато, особенно по математике, но до 4 класса нигде не оставался. В 4 классе, когда начиналась геометрия, учителем был Всеволод Васильевич Малинин, прекраснейший учитель и человек, его все любили, особенно впоследствии, когда он второй раз вернулся в Нижний, геометрию я совершенно не понимал, я не мог представить себе никаких геометрических фигур, словом, как мне не объясняли, я равно ничего не понимал и потому имел всегда единицу. На экзамене, конечно, срезался и был оставлен на второй год. Зато в IV классе с увлечением занимался естественной ис-

торией у Ауновского и всегда имел пятерку. Имел хорошие отметки и занимался географией России и кажется исключительно благодаря прекрасному занимательному учебнику Лядова, жаль, что этот учебник вскоре был брошен, всем он чрезвычайно нравился и был бы, наверное, хорош и теперь. Здесь же начались и история, которую преподаватель Н.Н. Овсянников, тоже прекрасный учитель, умевший привлечь учеников к своему предмету. С тех, кажется, пор у меня и возникла любовь к русской старине, с одной стороны, и к естествознанию, с другой. Зато страшно мучил нас словесник Баев, преподававший вместо словесности славянский язык и кончивший так печально свою карьеру в Нижегородской гимназии.

На втором году я учился лучше и перешел в V класс. Не помню, когда именно, но, кажется, тогда, когда я жил у Шундикова, т.е. приблизительно в первой половине 60-х годов большую сенсацию произвел провал базара на льду р. Волги. Был обычай Крещенскую ярмарку, а может быть и вообще базар, хорошо не упомяну, устраивать на льду Волги. Выстраивались там лавка, трактиры, постоянные дворы и т.п. И вот, в одну теплую зиму все постройки или большая часть их, с людьми, лошадьми, возами, вследствие оттепели и тонкого льда провалились в Волгу. Погибло множество народа, лошадей, погибли и некоторые постройки. С тех пор базары на льду Волги были окончательно запрещены и более не возобновлялись. В V классе ученики были на особом положении, их считали взрослыми, относились к нам лучше, учтивее. Сами ученики ценили это и с переходом в этот класс как бы перерождались, бросали дикие шалости первых классов.

В большом ходу распространялись книги, преимущественно романы русские и переводные, которые прочитывались и во время классов потихоньку и дома. Ходили читать и в общественную библиотеку, начали пускать бесплатно, даже и по вечерам, прежде же за вечерние посещения библиотеки брали по 5 коп. за вечер, говорили, что это брали за керосин. Библиотека помещалась в городском доме, там, где она помещается и теперь в 1912 г.

В V классе началось изучение словесности. Преподавателем был Гавриил Гаврилович Шапошников, о котором немного сказано выше, молодой человек, необыкновенно хороший для того времени учитель. Он сумел заинтересовать нас предметом, много рассказывал интересного, приохотил к чтению классиков, к собиранию во время вакаций русских старых песен, обычаев и т.п. и вообще возбуждал интерес к изучению родного края. Он оставил во мне самые светлые воспоминания. Потом со временем, когда он сделался сперва инспектором гимназии, а потом директором Александровского института, он стал ревностным чиновником, бросил все хорошее старое и вместо любви и уважения, которыми заслуженно пользовался, возбуждал презрение и ненависть. Тогда он был гоним начальством за свои убеждения 60-х годов, которые он распространял и среди нас, а потом стал гонителем этих убеждений и искоренял их всеми мерами у своих учеников. Н.Н. Овсянников тоже увлекал нас преподаванием истории. Остальные учителя не представляли ничего особенного, это

были обыкновенные педагоги, лучше всех еще математик Ульянов, да и то, пожалуй, потому, что не строго относился к ученикам. Ауновский уже вышел к тому времени из гимназии, говорили по проискам нового директора Садокова, сменившего Тимофеева. Случилось это еще тогда, когда я был в IV ~~или III~~ ~~классе~~. И с Садовым было то же, что и Шапошниковым. Был хороший инспектор и его любили, а когда стал директором – возненавидели, и в этом виновен он сам, а не мы; появились ненужные строгости, исключения за самые пустяки и т.п. Садов был из семинаристов, начал свою карьеру учителем законоведения или чем-то вроде этого, а потом женился на полусумасшедшей глупой, притом уродливой дочери помощника Улыбышева, известного любителя музыки, очень богатого человека, получил хорошее приданое и сделал благодаря женитьбе свою карьеру, у него был сын, учившийся в нашей же гимназии, который в VI или VII классе сошел с ума, вероятно, это сумасшествие было в конце 1890 – начале 1900 годов наследственное от матери. Так всю жизнь и остался сумасшедшим. Садов от нас переехал в Москву помощником попечителя округа и там умер уже глубоким стариком. Благодаря постоянному чтению книг я учился плохо и на экзамене в VI классе срезался, меня оставили на 2-й год и в V классе. Показалось обидно. Стал просить отца о переводе меня в Александр[овский] институт. Желание мое исполнилось, и в 1866 году меня перевели в институт в 5 класс.

РГАЛИ. Ф. 464. Оп.4. Д.31. Л. 95–100.

Примечания к приложению

1. Сергачское уездное училище было открыто в 1835 г.
2. Дом Торсуевых (ныне не сохранился) стоял на углу ул. Тихоновской и М. Печерской, был деревянным и одноэтажным, возведен в начале XIX в. В нем видно было правильное классическое построение портика с фронтоном. По всей видимости, допущена неточность в названии второй улицы.
3. Русинов Иван Григорьевич (около 1780–1823) – отец Николая Ивановича Русинова. Первый владелец имений в Шутиловской волости Лукояновского уезда Нижегородской губернии в следующих населенных пунктах: Елховка, Нелей Елев Враг, Васильев Враг, Корсаково, Русиновка, большая часть села Шутилова, Буцкое.
4. Выражения «дать фухтеля», «фухтельнуть», «нафухтелять» до сих пор употребляются в смысле нанести удары.

5. Г.Г. Шапошников (1840–1917) – педагог, в 1880–1904 гг. – директор Александровского дворянского института.

6. Александровский институт был открыт 30 августа 1844 г., считался пансионом закрытого типа для подготовки молодых людей из зажиточных дворянских семей к поступлению в лучшие учебные заведения России, обучение продолжалось 7 лет.

7. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831; Востоков А.Х. Русская грамматика. СПб., 1831.

8. Востоков Александр Христофорович (псевдоним; настоящее имя Александр-Вольдемар Остенек) (1781–1864) – русский филолог, поэт, член Российской академии (1820), академик Петербургской АН (с 1841 г.).

9. Пенинский И.С. Грамматика славянская. СПб.: Типография департамента народного просвещения, 1827. 245 с.

10. Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – русский писатель, журналист, критик, издатель.

11. Грач Николай Иванович (1787–1867) – русский писатель, журналист, филолог, издатель, педагог. Его перу принадлежат романы «Поездка в Германию» (1831) и «Черная женщина» (1834), «Литературные путешествия» с идеей защиты российского социального строя.

12. Томас Майн Рид (1818–1883) – английский писатель, автор приключенческих романов и произведений для детей и юношества, часть из которых была опубликована под псевдонимом «Капитан Майн Рид».

13. В квадратных скобках текст утрачен из-за повреждения листа.

14. Далее текст 2-х строк утрачен.

15. Табак воздушной сушки, часто используемый в различных смесях.

16. Табачная фабрика «Миллер и Ко» – Доходный дом Б.Л. Вульфсона.

17. В 1820 г. открылась табачная фабрика Бостанджогло, имела два собственных магазина в Москве на фешенебельном Кузнецком мосту и деловой Никольской.

18. Первой крупной фабрикой, где табак обрабатывался, стала фабрика француза Жана Рубо, под фамилией Криона Папа Никола – стал выпускать именные папиросы.

19. Спичка.

20. Черенок спички обмакивался в смесь серы, воска или стеарина, небольшого количества бертолетовой соли и клея, а затем в смесь белого фосфора, бертолетовой соли и клея.

21. Неточность, имеется в виду 1861 г.

22. Лакрица – это растение, относящееся к роду бобовых, известное в России под названием солодка.

NIZHNY NOVGOROD MEN'S GYMNASIUM ACCORDING TO THE RECOLLECTIONS OF A.YA. SADOVSKY

V.V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC

For Nizhny Novgorod readers and researchers, the name A.Ya. Sadovsky needs no introduction. His local history and archival activities are widely known, but his professional activities and life path remain largely unknown. Until recently,

there have been no references to his memories, but not long ago a manuscript containing A.Ya. Sadovsky's memories was discovered in the archival papers of his son, a famous poet of the Silver Age. Due to this find, we can see that the outstanding leader of the Nizhny Novgorod provincial scientific archival commission and the Nizhny Novgorod archaeological and ethnographic commission, the organizer of the archival service in the first years of Soviet power was also a remarkable memoirist.

Of great interest is the description of the educational process, of the state of school facilities, and of teaching methods in the Nizhny Novgorod men's gymnasium during the years of his studies there. It should be noted that A.Ya. Sadovsky is not on the list of famous gymnasium graduates. This omission must be corrected.

Keywords: A.Ya. Sadovsky, Nizhny Novgorod men's gymnasium, educational process, teaching staff, teaching methods, memories, manuscript.

УДК 378

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УРОВНЕЙ ИНТЕГРАТИВНОЙ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ – БАКАЛАВРОВ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2020 г.

А.А. Михайлов

Михайлов Алексей Александрович, д.пед.н.; доц.; директор,
заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности и адаптивной физической культуры
Шуйского филиала Ивановского государственного университета
fairytail@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 15.04.2020**Статья принята к публикации 22.07.2020*

Одним из профилей направления подготовки «Педагогическое образование» является профиль «Безопасность жизнедеятельности», в вузах России ведется подготовка будущих учителей ОБЖ. Современный педагог – бакалавр профиля «Безопасность жизнедеятельности» (педагог – бакалавр БЖ) должен обладать компетенциями во всех сферах человеческой деятельности. Это касается знаний по проблемам окружающей среды, обладания компетенциями в вопросах современного социума, организации производства, в ситуациях техногенного, природного, социального характера. У будущего учителя БЖ должны быть сформированы необходимые умения безопасного поведения в различных ситуациях, он должен обладать готовностью организовывать обучение школьников безопасному поведению в различных ситуациях. Рассматривается сущность понятия «интегративная готовность будущего педагога – бакалавра БЖ к профессиональной образовательной деятельности», выделены ее основные компоненты (безопасность в чрезвычайных ситуациях, дорожно-транспортная безопасность, военная безопасность и социально-правовая безопасность). Предложенные компоненты характеризуют основное содержание деятельности будущего учителя БЖ. Описано содержательное наполнение уровней сформированности интегративной готовности, представлена авторская методика определения уровней интегративной готовности, которыми должен обладать будущий учитель БЖ. Приведены результаты, полученные в ходе педагогического эксперимента по формированию у студентов интегративной готовности с использованием методов статистической обработки результатов эксперимента (корреляционный анализ, критерий Пирсона, подсчет результатов с использованием статистических пакетов «EXCEL» и «SPSS»).

Ключевые слова: педагог – бакалавр безопасности жизнедеятельности, интегративная готовность, компоненты, профессиональная деятельность, уровни.

Введение

Все большую актуальность сегодня приобретает проблема безопасности как отдельной личности, так и общества и государства. Каждый гражданин должен владеть необходимыми компетенциями в области безопасности, уметь безопасно осуществлять свою жизнедеятельность, а в случае возникновения опасной ситуации выстраивать свое безопасное поведение. Отметим, что в нашей стране достаточно эффективно функционирует специальная многоуровневая система подготовки граждан по вопросам безопасности жизнедеятельности. Она охватывает как систему образования, так и производственный сектор. В системе образования в области безопасности важная роль в процессе трансляции знаний и умений, формирования необходимых компетенций у обучающихся отводится учителю. Он должен обладать необходимыми компетенциями по вопросам безопас-

ности, должен быть готов на высоком и продуктивном уровне осуществлять передачу этих компетенций обучающимся, чтобы они, в свою очередь, могли выстраивать свое безопасное поведение.

Более 20 лет в ряде вузов страны ведется подготовка учителей безопасности. Сейчас такая подготовка осуществляется в рамках реализации в вузах направления подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Безопасность жизнедеятельности»). Чтобы качественно и продуктивно по окончании вуза осуществлять обучение школьников вопросам безопасности жизнедеятельности, будущий учитель ОБЖ, получающий подготовку в вузе по направлению «Педагогическое образование» (профиль «Безопасность жизнедеятельности»), должен обладать компетенциями практически во всех сферах человеческой деятельности. Ему необходимо владеть знаниями по проблемам окружающей среды, обладать компетенциями в во-

просах современного социума, организации производства, в возникающих опасных ситуациях, возможных в природе, социуме, на производстве, а как показывает ситуация с пандемией коронавируса, которой сегодня охвачен весь мир, еще и знаниями биологического характера. У будущего учителя должны быть сформированы поведенческие умения, обеспечивающие его безопасное поведение в опасных и экстремальных ситуациях, он должен обладать высоким уровнем готовностью обучать безопасному поведению учащихся, организуя преподавание интегрированного по своему содержанию курса «Основы безопасности жизнедеятельности». Следовательно, современный педагог – бакалавр БЖ, заканчивая вуз, должен обладать достаточно обширными знаниями и умениями, необходимыми компетенциями в разных научных областях. Ему надлежит обладать знаниями и соответствующей практической подготовкой в различных областях жизнедеятельности, прежде всего в опасных и чрезвычайных ситуациях техногенного, природного, военного характера, в вопросах транспортной и социально-правовой безопасности. Целью данной работы является разработка методики расчета уровня интегративной готовности к профессиональной образовательной деятельности будущих педагогов – бакалавров БЖ.

Теоретико-методологические подходы

В процессе исследования мы опирались на психолого-педагогические исследования в высшей школе (А.Г. Асмолов, А.П. Беляева, В.А. Болотов, А.А. Вербицкий, Б.С. Гершунский, М.С. Каган, В.В. Краевский, А.П. Тряпицына и др.), а также на труды в области становления и развития образовательной области «Безопасность жизнедеятельности» и подготовки учителя БЖ (С.В. Абрамова, С.В. Белов, Е.Н. Бояров, М.А. Картавых, П.А. Кисляков, В.Н. Латчук, Л.А. Михайлов, О.Н. Русак, В.П. Соломин, П.В. Станкевич, З.А. Хуснутдинова и др.) [1–7].

Результаты и их обсуждение

Как показали результаты нашего исследования, существует проблема в недостаточной подготовленности уже работающих педагогов БЖ, а также студентов – будущих учителей БЖ (педагогов – бакалавров БЖ) в практических вопросах обучения безопасному поведению учащихся в различных опасных и чрезвычайных ситуациях, с которыми они реально могут столкнуться в жизни. Очень трудно спроектировать безопасное поведения в ситуациях, кото-

рые максимально приближены к реальным опасным ситуациям различного характера.

Обращение к научным работам, в которых рассматривается проблема подготовки будущих учителей БЖ (С.В. Абрамова, С.Н. Вольхин, П.А. Кисляков, Л.А. Михайлов, П.В. Станкевич и др.) [1–4; 7], собственный опыт преподавания курсов «Основы безопасности жизнедеятельности» в школе и «Безопасность жизнедеятельности» в вузе на протяжении более 15 лет, позволили нам, не ставя целью создание новой классификации, выделить 4 несколько укрупненных вида безопасности: социально-правовую, в чрезвычайных ситуациях, дорожно-транспортную и военную безопасность.

Вслед за профессором И.А. Богачек, мы утверждаем, что результатом подготовки будущего учителя БЖ в высших учебных заведениях является сформированная у него готовность к профессиональной деятельности [8].

Рассматривая организацию подготовки будущих педагогов безопасности жизнедеятельности (педагогов – бакалавров БЖ) в различных высших учебных заведениях, ввели понятие «интегративная готовность будущего педагога-бакалавра БЖ к профессиональной образовательной деятельности». Оно включает в себя сочетание теоретических знаний, практических умений и личностных качеств, которые необходимы будущему учителю для осуществления на высоком уровне профессиональной образовательной деятельности по подготовке обучающихся безопасному поведению в четырех основных видах безопасности жизнедеятельности (безопасность в чрезвычайных ситуациях, дорожно-транспортная безопасность, военная безопасность, социально-правовая безопасность) [5].

Опираясь на исследования Б.С. Гершунского, его философскую теорию образования [9], мы считаем, что будущий педагог-бакалавр безопасности жизнедеятельности в процессе обучения преодолевает следующие этапы восхождения от условно более низких к столь же условно более высоким ступеням личностных образовательных приобретений, таких как профессиональная грамотность, профессиональная образованность и профессиональная компетентность. В процессе профессиональной деятельности по окончании вуза уже у дипломированных и обладающих практическим опытом учителей происходит формирование более высоких уровней, таких как уровень культуры и уровень менталитета. Определение данных уровней необходимо для определения итогового уровня интегративной готовности у будущих педагогов – бакалавров БЖ, так как компоненты, образующие интегративную готовность и

Таблица 1

Расчёт итогового уровня сформированности интегративной готовности студентов – будущих – педагогов бакалавров БЖ к профессиональной образовательной деятельности

Промежуточные уровни компонентов интегративной готовности	Итоговый уровень интегративной готовности
1. Четыре компонента сформированы на уровне компетентности. 2. Три компонента сформированы на уровне компетентности, один компонент сформирован на уровне образованности. 3. Два компонента сформированы на уровне компетентности, два компонента сформированы на уровне образованности. 4. Один компонент сформирован на уровне компетентности, три компонента сформированы на уровне образованности	Высокий уровень
5. Четыре компонента сформированы на уровне образованности. 6. Три компонента сформированы на уровне компетентности, один компонент сформирован на уровне грамотности. 7. Два компонента сформированы на уровне компетентности, два компонента сформированы на уровне грамотности. 8. Один компонент сформирован на уровне компетентности, три компонента сформированы на уровне грамотности. 9. Два компонента сформированы на уровне компетентности, один компонент сформирован на уровне грамотности, один компонент сформирован на уровне образованности. 10. Один компонент сформирован на уровне компетентности, два компонента сформированы на уровне грамотности, один компонент сформированы на уровне образованности. 11. Один компонент сформирован на уровне компетентности, один компонент сформирован на уровне грамотности, два компонента сформированы на уровне образованности. 12. Один компонент сформирован на уровне грамотности, три компонента сформированы на уровне образованности	Средний уровень
13. Четыре компонента сформированы на уровне грамотности. 14. Три компонента сформированы на уровне грамотности, один компонент сформирован на уровне образованности. 15. Два компонента сформированы на уровне грамотности, два компонента сформированы на уровне образованности	Низкий уровень

определяющие деятельность будущего учителя в основных видах безопасности жизнедеятельности, могут быть сами сформированы на различных уровнях: профессиональной грамотности, профессиональной образованности, профессиональной компетентности.

Для определения сформированности уровней интегративной готовности педагога – бакалавра БЖ к профессиональной образовательной деятельности нами разработана авторская методика. Нами использовалась следующая формула из комбинаторики:

$$\bar{C}_n^k = \frac{(n+k-1)!}{(n-1)!k!},$$

где $n=3$ (количество уровней интегративной готовности: высокий, средний, низкий), $k=4$ (количество компонентов интегративной готовности (в нашем случае их четыре);

$$\bar{C}_3^4 = \frac{(3+4-1)!}{(3-1)!4!} = \frac{6!}{2!4!} = \frac{720}{48} = 15$$

Нами получены 15 сочетаний промежуточных уровней, которые позволяют определить итоговый уровень сформированности интегративной готовности будущих педагогов – бакалавров БЖ (табл. 1).

Высокий уровень интегративной готовности будущего учителя БЖ предполагает достижение уровня компетентности во всех вышеперечисленных видах безопасности жизнедеятельности или компетентности и образованности в этих видах.

Средний уровень характеризуется достижением уровня компетентности в отдельных видах безопасности жизнедеятельности, а также уровнем образованности и грамотности в оставшихся видах.

Низкий уровень интегративной готовности предполагает достижение уровня образованности в отдельных видах безопасности и грамотности в оставшихся видах безопасности жизнедеятельности или только грамотности во всех видах безопасности жизнедеятельности.

Отметим, что, являясь сложным образованием, интегративная готовность в своей структуре включает в себя две составляющие: профессиональную и личностную. В профессиональную включены непосредственно сами компоненты готовности, соответствующие выделенным нами видам безопасности жизнедеятельности (безопасность в чрезвычайных ситуациях, дорожно-

транспортная безопасность, военная безопасность, социально-правовая безопасность). Личностная составляющая интегративной готовности будущего учителя БЖ включает в себя ряд личностных качеств, необходимых будущему учителю безопасности. Мы считаем, что такими качествами являются стрессоустойчивость и волевые качества личности будущего учителя.

Определение итогового уровня интегративной готовности у будущего педагога БЖ начинается с определения уровней сформированности каждого компонента профессиональной составляющей интегративной готовности. Проведя соответствующие измерения, необходимо скоррелировать полученные результаты с выявленными уровнями развития личностных качеств у будущих педагогов – бакалавров БЖ.

Применительно к нашему исследованию для определения уровней сформированности профессиональной составляющей интегративной готовности мы использовали широко распространенную в вузах стобалльную систему оценивания результатов обучения. Так, критерием сформированности профессиональной составляющей компонента интегративной готовности выступает количество баллов, полученных по формуле: $K = \frac{\sum_{i=1}^n b_i + p + c + d}{n + 3_{pcd}}$, где n – количество дисциплин, своим содержанием и технологиями обучения способствующих формированию компоненты, b_n – баллы за n -ю дисциплину, p – оценка педагога, c – оценка студента (самооценка) после выполнения контрольного задания, d – оценка за проект предстоящих действий по выходу из возможной опасной ситуации.

Нами были установлены границы, определяющие уровни профессиональной грамотности, профессиональной образованности и профессиональной компетентности.

- 61–70 баллов – уровень профессиональной грамотности;
- 71–84 балла – уровень профессиональной образованности;
- 85–100 баллов – уровень профессиональной компетентности.

Представленные баллы показывают сформированность каждого из четырех компонентов интегративной готовности (являются своего рода показателями сформированности) [5, 6].

Таким образом определяется, на каком уровне профессиональной грамотности, профессиональной образованности или профессиональной компетентности сформирован тот или иной компонент профессиональной составляющей интегративной готовности.

Окончательный (итоговый) уровень, показывающий, как сформирована интегративная го-

товность к профессиональной образовательной деятельности в области безопасности жизнедеятельности у будущих педагогов – бакалавров, определяется в соответствии с ранее приведенной таблицей 1.

С помощью электронных таблиц Excel, основываясь на показателях, приведенных выше в таблице 1, проводятся распределение по трем уровням профессиональной составляющей интегративной готовности и корреляционные измерения с уровнями сформированности личностной составляющей. Определение уровней сформированности личностной составляющей интегративной готовности предполагает проведение в процессе обучения исследований и определенных замеров ранее обозначенных психологических качеств. Нами были проведены измерения стрессоустойчивости студентов и их волевых качеств с помощью стресс-теста Т.А. Немчина и Тейлора [10] и опросника Н.Б. Стамбуловой «Самооценка волевых качеств спортсмена» [11]. С применением статистических формул корреляционных измерений программы MS Excel была установлена корреляция между итоговым уровнем развития профессиональной составляющей интегративной готовности с уровнями сформированности личностных качеств. В случае устойчивой положительной связи между рассматриваемыми совокупностями во всех шести измерениях можно говорить о сформированности у будущих педагогов – бакалавров БЖ интегративной готовности на том или ином уровне (высоком, среднем и низком).

Применительно к нашему исследованию можно отметить, что студенты – будущие педагоги – бакалавры БЖ, принимавшие участие в эксперименте, по уровням развития интегративной готовности к профессиональной деятельности в области безопасности жизнедеятельности распределились следующим образом: на высоком уровне – 246 человек (41%), на среднем – 258 человек (43%), на низком – 96 человек (16%).

Методы

При определении уровней интегративной готовности к профессиональной образовательной деятельности у будущих педагогов БЖ использовались методы математической статистики (корреляционный анализ, критерий Пирсона), а также применялись статистические пакеты «EXCEL» и «SPSS».

Заключение

Представленная методика позволяет определить уровень сформированности интегративной

готовности у будущего педагога – бакалавра безопасности жизнедеятельности к его дальнейшей деятельности как учителя. Получив результаты сформированности всех компонентов профессиональной составляющей интегративной готовности, проведя работу по установлению корреляционной связи между ними и личностными качествами, можно констатировать, каким уровнем (высоким, средним, низким) интегративной готовности обладает будущий педагог – бакалавр БЖ. Наличие у большинства будущих педагогов – бакалавров высокого и среднего уровня интегративной готовности позволяет нам с уверенностью утверждать, что они полностью готовы к осуществлению профессиональной образовательной деятельности в качестве учителей основ безопасности жизнедеятельности, а их знания и сформированные компетенции будут востребованы в современном, полном угроз мире.

Список литературы

1. Абрамова С.В. Научно-методическое обеспечение и организация системы подготовки бакалавров образования в области безопасности жизнедеятельности: Дис. ... д-ра пед. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2015. 425 с.
2. Вольхин С.Н. Профессионально-предметная подготовка будущих учителей безопасности жизнедеятельности на основе междисциплинарной интеграции: Дис. ... д-ра пед. наук. Тула: Тульский государственный педагогический университета им. Л.Н. Толстого, 2005. 403 с.
3. Кисляков П.А. Формирование социальной безопасности личности будущего педагога: Дис. ... д-ра психолог. наук. Н. Новгород: Нижегородский госу-

дарственный архитектурно-строительный университет, 2014. 523 с.

4. Михайлов Л.А. Концепция организации подготовки учителя безопасности жизнедеятельности в современном педагогическом университете: Дис. ... д-ра пед. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2003. 340 с.

5. Михайлов А.А. Методическая система подготовки бакалавров направления «Педагогическое образование» (профиль «Безопасность жизнедеятельности») в условиях социального партнерства с организациями силовых ведомств: Дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. 443 с.

6. Михайлов А.А. Теория и практика подготовки бакалавров – будущих учителей безопасности жизнедеятельности в условиях социального партнерства с организациями силовых ведомств: Монография. М.: Русский журнал, 2020 г. 332 с.

7. Станкевич П.В. Модульная система подготовки бакалавра профиль «Образование в области безопасности жизнедеятельности» // Современное образование в области безопасности жизнедеятельности: теория, методика и практика: Материалы Междунар. научно-практ. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2017. С. 180–183.

8. Богачек И.А. Философия управления. Очерки профессионального управления. СПб.: Наука, 1999. 231 с.

9. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI в.: в поисках практико-ориентированных образовательных концепций. М.: Изд-во РАО, 1998. 608 с.

10. Немчин Т.А. Состояние нервно-психического напряжения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 166 с.

11. Опросник Н.Б. Стамбуловой «Самооценка волевых качеств спортсмена» (И.П. Ильин) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=FFa7CwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=r#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 15.10.2016).

DETERMINATION OF INTEGRATIVE READINESS LEVELS OF FUTURE LIFE SAFETY TEACHERS WITH A BACHELOR'S DEGREE TO PROFESSIONAL EDUCATIONAL ACTIVITIES

A.A. Mikhailov

One of the profiles of the area of study «Pedagogical Education» is the profile «Life Safety», and the training of future teachers in this area is provided by universities. A modern teacher with a bachelor's degree in the «Life Safety» profile should have competencies in all spheres of human activities, including knowledge of environmental issues, competencies in modern society's issues, organization of production, ability to act in emerging situations of anthropogenic, natural and social nature, skills in safe behavior in these situations and a willingness to teach students safe behavior. The article discusses the essence of the concept of «integrative readiness of the future teacher for professional educational activities», which was introduced by us in the process of conducting a study to create an author's methodological system for preparing future teachers of life safety in the context of social partnership with law enforcement agencies. The main components of integrative readiness reflecting the content of the professional activities of future teachers of life safety are identified: safety in emergency situations, road safety, military as well as social and legal security. The proposed components characterize the main content of the future life safety teacher's activities. A description is given of the author's methodology for determining the levels of integrative readiness that a future life safety teacher should have. The article presents the results obtained in the course of a pedagogical experiment on the development of integrative readiness of students using methods of statistical processing of the experiment results (correlation analysis, Pearson's criterion, quantitative and qualitative processing of research results using the statistical packages EXCEL and SPSS).

Keywords: teacher of life safety with a bachelor's degree, integrative readiness, components, professional activities, levels.

УДК 378.1

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНДУСТРИИ ПИТАНИЯ В ВУЗЕ

© 2020 г.

В.Ю. Мягкова, Л.Ю. Боликова

Мягкова Валерия Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков Пензенского государственного университета
Lera-potap4ik@yandex.ru

Боликова Людмила Юрьевна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры педагогики и психологии Пензенского государственного университета
bolikova@bk.ru

*Статья поступила в редакцию 27.05.2020**Статья принята к публикации 20.07.2020*

Показана актуальность и необходимость формирования конкурентоспособности у будущих специалистов индустрии питания, представлены результаты анализа термина «поле профессионально-ориентированного взаимодействия». Произведен анализ профессионального и образовательного стандартов будущих специалистов индустрии питания и выделены требования к современным конкурентоспособным специалистам. Охарактеризована роль иноязычной компоненты в профессиональной подготовке и деятельности будущего специалиста индустрии питания, которая заключается в обогащении содержания профессиональных и общепрофессиональных компетенций. Разработаны и внедрены в образовательный процесс вуза педагогические условия, учитывающие возможности и перспективы профессионально-ориентированного взаимодействия при подготовке конкурентоспособных специалистов индустрии питания в вузе.

Ключевые слова: конкурентоспособность, профессионально-ориентированное взаимодействие, поля профессионально-ориентированного взаимодействия, иноязычная компонента, педагогические условия.

Постановка проблемы

Компетентностно-ориентированная модель подготовки современных специалистов индустрии питания предполагает формирование и развитие конкурентоспособности выпускников, что может быть достигнуто при организации профессионально-ориентированного взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Профессиональные стандарты индустрии питания определяют один входной и шесть квалификационных уровней специалистов. При этом высшее образование является обязательным для специалистов пятого и шестого квалификационных уровней. Обладание степенью бакалавра может обеспечить выпускнику вуза получение должности управляющего производством или шеф-повара. Выполняемые данными специалистами трудовые функции весьма разнообразны: от организации работы производства и процесса снабжения, хранения и передвижения продуктов внутри предприятия питания до контроля за движением финансовых и материальных ресурсов производства и принятия мер для предотвращения различных злоупотреблений со стороны персонала.

При подготовке специалистов индустрии питания организациями высшего образования

применяется Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 19.03.04 Технология продукции и организации общественного питания (уровень бакалавриата). Он направлен на подготовку студентов к выполнению всех видов профессиональной деятельности, необходимых для реализации трудовых функций, определенных профессиональным стандартом: «производственно-технологической, организационно-управленческой, научно-исследовательской, проектной, маркетинговой. При этом образовательная организация «ориентируется на конкретный вид (виды) профессиональной деятельности, к которому (которым) готовится бакалавр, исходя из потребностей рынка труда, научно-исследовательских и материально-технических ресурсов организации» [1]. Таким образом, выпускник, освоивший программу бакалавриата, в соответствии с видами профессиональной деятельности, на которые ориентирована программа, должен уметь решать конкретные профессиональные задачи.

Безусловно, достичь необходимого результата профессионального образования возможно при объединении усилий всех участников образовательных отношений и взаимосвязи всех элементов образовательного процесса: целей,

содержания, образовательных технологий, включающих в себя необходимые методы, средства и формы [2]. Процесс воздействия различных объектов друг на друга, их взаимная обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого находят свое отражение во взаимодействии. Другими словами, чтобы достичь цели – подготовить конкурентоспособных специалистов индустрии питания, необходимо грамотно организовать профессионально-ориентированное взаимодействие всех субъектов образовательного процесса с учетом определенных педагогических условий. Целью данной работы являются выделение и характеристика полей профессионально-ориентированного взаимодействия, определение преимущественного формата формирования компонентов конкурентоспособности будущих специалистов индустрии питания в каждом из них, а также выявление педагогических условий, обеспечивающих эффективность такого формирования.

Поля профессионально-ориентированного взаимодействия

Как было отмечено выше, будущему специалисту индустрии питания следует овладеть всеми видами профессиональной деятельности, необходимыми для реализации его трудовых функций, что возможно сделать в полях профессионально-ориентированного взаимодействия при подготовке будущих специалистов индустрии питания.

Это потребовало от нас введения в исследование понятия «поле профессионально-ориентированного взаимодействия». В связи с этим мы обратились к концепции поля образовательного взаимодействия, разработанной И.С. Усенко, который определяет образовательное поле как педагогическую категорию, целостную интегративную единицу социума и мирового образовательного пространства, нормативную или стихийно структурированную и имеющую собственную структуру координат.

Под образовательным полем И.С. Усенко понимает сообщество людей, социальных групп, институтов, объединенных с целью развития образования (что позволяет автору учесть всю совокупность субъектов, задействованных в формировании образовательного поля, роль которого проявляется в определении ценностных и целевых ориентиров личности в социальной деятельности), а под полем образовательного взаимодействия – самоактуализирующийся в данный культурно-исторический и конкретный социально-политический континуум (контину-

ум) материальных условий, ментальных установок, типичных социокультурных и образовательных стратегий общества и результатов их реализации в области воспроизводства культуры в новых поколениях [3].

Каждое из представленных в нашем исследовании полей обладает всеми сущностными характеристиками, определенными И.С. Усенко:

- каждое поле имеет профессионально-ориентированную направленность;

- каждое поле носит преобразующий характер, так как в каждом из них проходит формирование всех компонентов конкурентоспособности за счет овладения универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями;

- все участники профессионально-ориентированного взаимодействия участвуют в одном и том же образовательном процессе, объединены единой целью (кооперированность);

- все элементы поля причинно-обусловлены (детерминированы);

- каждое из них занимает свое место в профессиональной подготовке обучающихся;

- каждое поле существует в определенном месте и времени (семестре) (пространственно-временная принадлежность).

Основываясь на характеристиках поля взаимодействия, мы выделили в процессе профессиональной подготовки специалистов индустрии питания 3 поля профессионально-ориентированного взаимодействия, представленных в таблице 1. Отметим, что в процессе всего периода обучения происходит параллельно-последовательное формирование всех компонентов конкурентоспособности (образованности, профессионализма и компетентности). Однако нами было отмечено, что на первом этапе преимущество отдается формированию образованности через освоение универсальных компетенций; на втором, главным образом формируется профессионализм будущих специалистов индустрии питания путем освоения общепрофессиональных компетенций; на третьем этапе ставится акцент на формировании компетентности через освоение и реализацию профессиональных компетенций.

В первом поле профессионально-ориентированного взаимодействия, кроме представленных в таблице 1 дисциплин, студенты осваивают также такие дисциплины, как «История», «Культурология», «Русский язык и культура речи», «Информатика», «Математика», «Физика», «Органическая химия», в ходе изучения которых приобретают, в первую очередь, универсальные компетенции, отражающие такой компонент конкурентоспособности, как образо-

Таблица 1

**Поля профессионально-ориентированного взаимодействия
будущих специалистов индустрии питания в вузе (по семестрам)**

1(1–3 семестры)	2 (4–6 семестры)	3 (7–8 семестры)
<i>1 семестр:</i> – Физиология питания; – Медико-биологические основы производства продуктов питания и др. <i>2 семестр:</i> – Введение в технологию продукции общественного питания; – Практика по получению первичных профессиональных умений и навыков и др. <i>3 семестр:</i> – Основы производства мучных кондитерских изделий; – Пищевые и биологические активные добавки / Технологические добавки и улучшители для производства продукции из растительного сырья и др.	<i>4 семестр:</i> – Производственная практика (Практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности); – Пищевая микробиология; – Процессы и аппараты пищевых производств и др. <i>5 семестр:</i> – Профессиональные стандарты и подтверждение соответствия услуг общественного питания; – Оборудование предприятий общественного питания и др. <i>6 семестр:</i> – Экономика общественного питания; – Централизованное производство кулинарной продукции и др.	<i>7 семестр:</i> – Безопасность жизнедеятельности; – Маркетинг в общественном питании и др. <i>8 семестр:</i> – Преддипломная практика; – Государственная итоговая аттестация. Подготовка и защита ВКР; – Организация труда в общественном питании и др.
+Иностранный язык	+Иноязычная компонента	+Иноязычная компонента
Образованность	Профессионализм	Компетентность

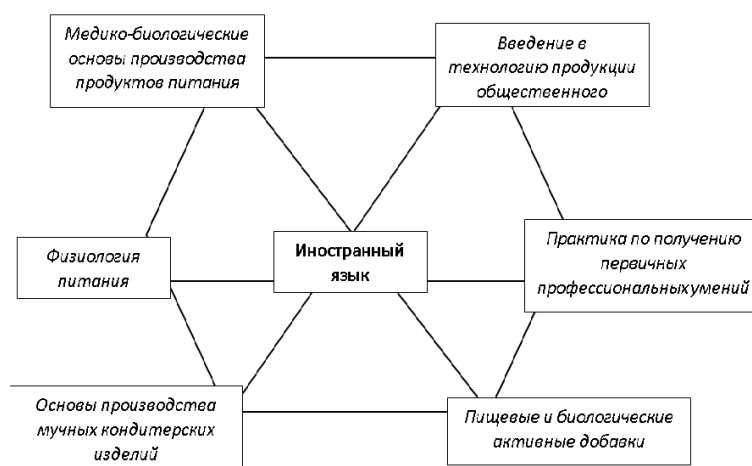

Рис. 1. Поле 1 профессионально-ориентированного взаимодействия будущих специалистов индустрии питания

ванность. Это позволяет нам определить первое поле взаимодействия студентов и преподавателей профессиональных дисциплин и иностранного языка, то есть профессионально-ориентированного взаимодействия.

Во втором поле происходит формирование общепрофессиональных компетенций будущих специалистов индустрии питания в ходе профессионально-ориентированного взаимодействия при изучении дисциплин, представленных в таблице 1. Данное поле дополняется производственной практикой, на которой им предоставляются возможности практического освоения современной техники и технологии, современ-

ных способов производства. Бакалавры также учатся использовать технические средства для измерения основных параметров технологических процессов, свойств сырья, полуфабрикатов и качества готовой продукции, организовывать и осуществлять технологический процесс производства продукции питания. Таким образом, в этот период обучения в вузе доминируют дисциплины профессионального цикла. Следовательно, акцент делается на общепрофессиональных компетенциях, соотносящиеся с еще одним компонентом конкурентоспособности – профессионализмом. Данное поле дополняется иноязычной компонентой для актуализации

знаний иностранного языка, необходимых в будущем для конкурентоспособного участия в рынке труда.

Необходимо отметить, что компонента – это составляющая чего-либо, и сфера употребления термина *компонента* уже, чем слова *компонент*. Под компонентами в нашем исследовании мы понимаем компоненты конкурентоспособности: образованность, профессионализм, компетентность. Иноязычная компонента взаимосвязана с указанными компонентами конкурентоспособности и является составляющей каждого из них. Под иноязычной компонентой мы понимаем овладение студентом иноязычной коммуникативной компетенцией не только в процессе изучения иностранного языка. Иноязычная компонента используется не только в аудиторной, но и во внеаудиторной деятельности: конкурсы переводов, прохождение практики, научные кружки. Иноязычная компонента служит не только средством для осуществления профессионально-ориентированной коммуникации, но и средством поиска необходимой информации и необходимых средств для решения специфических профессиональных задач. Таким образом, использование иноязычной компоненты в профессионально-ориентированном взаимодействии в вузе способствует не только сохранению полученных на занятиях по иностранному языку знаний, но и формированию конкурентоспособности, так как умение осуществлять коммуникацию на иностранном языке влияет на уровень сформированности универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций будущего специалиста.

Третье поле профессионально-ориентированного взаимодействия будущих специалистов индустрии питания в процессе обучения в вузе соотносится с 7 и 8 семестрами обучения. Оно включает в себя преддипломную практику, государственную итоговую аттестацию, подготовку и защиту выпускной квалификационной работы. Будущие специалисты здесь не только демонстрируют способность к коммуникации в устной и письменной форме на родном и иностранном языках, но и используют коммуникацию для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия. Будущим специалистам индустрии питания необходимо обладать способностью анализировать и оценивать результативность системы контроля за деятельностью производства, осуществлять поиск, выбор и использование новой информации в области развития индустрии питания и гостеприимства. Таким образом, в данном поле профессионально-ориентированного взаимодействия представлена возможность аккумуляции всех видов

профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата (производственно-технологический, организационно-управленческий; научно-исследовательский, проектный, маркетинговый), то есть формируются и развиваются профессиональные компетенции и компетентность как компонент конкурентоспособности.

Иллюстрация и описание полей профессионально-ориентированного взаимодействия участников образовательного процесса позволяют определить их как актуализируемый в конкретный период профессиональной подготовки будущих специалистов индустрии питания комплекс учебных дисциплин с участием студентов, обучающихся по данной образовательной программе, и преподавателей, реализующих профессиональные дисциплины и дисциплину «Иностранный язык».

**Педагогические условия реализации
профессионально-ориентированного
взаимодействия,
определяющие формирование
конкурентоспособности
будущих специалистов индустрии питания**

С целью формирования конкурентоспособности во время реализации полей профессионально-ориентированного взаимодействия будущих специалистов индустрии питания нами были разработаны и охарактеризованы педагогические условия, способствующие эффективному профессионально-ориентированному взаимодействию.

1. Параллельно-последовательное формирование всех составляющих конкурентоспособности.

Необходимо отметить, что все компоненты конкурентоспособности (образованность, профессионализм и компетентность) взаимосвязаны. В случае недостаточного уровня сформированности одного из компонентов может быть затруднен процесс профессиональной деятельности, чем и объясняется наше первое педагогическое условие.

2. Направленность педагогического процесса на формирование конкурентоспособности через конструирование ситуаций конкуренции.

Отметим, что профессионально-ориентированное взаимодействие между студентами в педагогическом процессе зачастую характеризуется ситуациями конкуренции. Проведя анализ исследований, мы выявили следующие формы деятельности студентов, характеризующиеся проявлением конкуренции:

– интерактивное общение (выработка тактики и стратегии взаимодействия, основными

формами которой являются кооперация и конкуренция) [4];

– групповое взаимодействие (процесс непосредственного воздействия множественных объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь, видами которого выступают сотрудничество, конкуренция и конфликт) [5];

– соперничество (межличностное взаимодействие, когда достижение цели одним из взаимодействующих затрудняет или исключает осуществление целей других участников).

Все это также достигается с помощью внеаудиторных форм работы со студентами, которые могут и должны включаться в процесс реализации профессионально-ориентированного взаимодействия: конференции, конкурсы переводов с иностранного языка, научные кружки (Технологии карвинга в общественном питании, Традиции и инновации в технологии производства мучных кондитерских изделий). Все это позволяет направить педагогический процесс на формирование конкурентоспособности через профессионально-ориентированное взаимодействие.

3. Включение в содержание обучения типичных и нестандартных профессиональных ситуаций для специалиста по профилю обучения, в том числе с необходимостью использования иностранного языка.

С целью эффективного включения в профессионально-ориентированное взаимодействие иноязычной компоненты нами были разработаны формы организации профессионально-ориентированного взаимодействия и представлено их возможное содержание (таблица 2).

Важно отметить, что основные профессиональные образовательные программы высшего образования обеспечивают овладение выпускником фундаментальными основами профессиональной деятельности, что позволит ему работать в широком диапазоне задач, а также продолжать образование в течение всей жизни. Высшее образование направлено на удовлетворение запросов современного общества по формированию у выпускников социально и личностно значимых качеств, напрямую не связанных с конкретной профессией. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, при несомненной связи с профессиональными стандартами, отражают не только современные представления о существующих профессиях, но и требования рынка труда в будущем.

Во ФГОС ВО 3++ закреплён перечень универсальных компетенций, единый по уровням образования для всех направлений и специаль-

ностей. Включённые в этот перечень универсальные компетенции характеризуют такие способности личности, которые обеспечивают успешную деятельность человека в различных профессиональных и социальных сферах. Поэтому универсальные компетенции формируются не в ходе «преподавания» на предметно-содержательном уровне, а за счёт их систематического интегрирования в целостный образовательный процесс через содержание, методы, средства, аудиторные и внеаудиторные формы работы: PechaKucha, SWOT-анализ, написание статей и др.

К наиболее востребованным компетенциям специалиста относится Универсальная компетенция 4 (УК-4) – «Коммуникация». Она подразумевает способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(-ых) языке(-ах) на уровне бакалавриата. На уровне магистратуры выпускник, обладающий данной универсальной компетенцией, способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(-ых) языке(-ах), для академического и профессионального взаимодействия.

Таким образом, мы констатируем, что включение иноязычной компоненты в профессионально-ориентированное взаимодействие в вузе обогащает содержание профессиональных и общепрофессиональных компетенций.

4. Сочетание традиционных и интерактивных методов обучения с использованием иноязычной компоненты в профессионально-ориентированном взаимодействии.

Сочетание традиционных и интерактивных методов обучения при реализации профессионально-ориентированного взаимодействия позволяет моделировать цели, принципы и условия будущей профессиональной деятельности, что также даёт возможность подготовить выпускников к адекватному восприятию их будущей профессиональной роли. Новизна и нестандартность предлагаемого материала, конкретной темы и метода проведения практического занятия являются одним из источников познавательной активности студентов, поскольку информативность и инновационность учебного процесса привлекают и обостряют внимание студентов, побуждают к изучению темы, овладению новыми способами и приемами будущей профессиональной деятельности. Использование знаний, полученных при изучении иностранного языка – иноязычной компоненты – позволяет будущему специалисту индустрии питания быть гибким, быстрее реагировать на изменения в профессиональной сфере, добывать

Таблица 2

**Содержание и форма организации профессионально-ориентированного взаимодействия
с использованием иноязычной компоненты**

ПЕРВОЕ ПОЛЕ	
Дисциплины	Профессионально-ориентированное взаимодействие
1 семестр	
1. Физиология питания. 2. Медико-биологические основы производства продуктов питания. 3. Иностранный язык	Идеальная диета для студента. Форма: групповая/парная; метод/прием – проект, дискуссия. – История физиологии питания в России. Форма – групповая/парная/индивидуальная; метод/прием – проект/дискуссия/PechaKucha
2 семестр	
1. Введение в технологию продукции общественного питания. 2. Практики по получению первичных профессиональных умений и навыков. 3. Иностранный язык	Производство продукции общественного питания в Пензенском регионе. Форма – групповая/парная/индивидуальная; метод/прием – проект/SWOT-анализ
3 семестр	
1. Основы производства мучных кондитерских изделий. 2. Пищевые и биологические активные добавки. 3. Технологические добавки и улучшители для производства продукции из растительного сырья. 4. Иностранный язык	– Разработка нового бизнеса для региона / Дискуссия о пользе и вреде биологически активных добавок. Форма – групповая/парная/индивидуальная; метод/прием – проект/SWOT-анализ/дебаты
ВТОРОЕ ПОЛЕ	
4 семестр – Производственная практика (Практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности). – Пищевая микробиология. – Процессы и аппараты пищевых производств и др.	– Конференции – Конкурсы переводов с иностранного языка – Научные кружки. Форма – групповая/парная/индивидуальная; метод/прием – проект/SWOT-анализ/дебаты
5 семестр – Профессиональные стандарты и подтверждение соответствия услуг общественного питания; – Оборудование предприятий общественного питания и др.	
6 семестр – Экономика общественного питания. – Централизованное производство кулинарной продукции и др.	
ТРЕТЬЕ ПОЛЕ	
7 семестр – Безопасность жизнедеятельности. – Маркетинг в общественном питании и др.	– Конференции, – Конкурсы переводов с иностранного языка, – Научные кружки, – Подготовка и защита ВКР Форма: групповая/парная/индивидуальная; метод/прием – проект/SWOT – анализ/ дебаты.
8 семестр – Преддипломная практика. – Государственная итоговая аттестация. Подготовка и защита ВКР. – Организация труда в общественном питании и др.	

новые знания, необходимые для решения профессиональных задач.

Необходимо отметить, что рост деловой активности предприятий пищевой промышленности, выражающийся в увеличении объемов производимой продукции посредством наращивания мощностей и открытия новых производств, неизбежно ставит перед данными компаниями проблему нехватки квалифицированных специалистов. При этом основные трудности кадровые службы предприятий испытывают в подборе рабочих и инженерно-технических работников, способных работать в отечественных ком-

паниях, стремящихся и работающих на внешний рынок. В этой связи одним из условий трудоустройства в мультинациональных компаниях, работающих в том числе и в России, предъявляемых к кандидатам на рабочее место, является владение иностранным языком в данной сфере. Как показывают результаты анализа вакансий, иностранные инвесторы часто приглашают специалистов на различные позиции со знанием иностранных языков. С приходом на российский рынок крупных иностранных компаний резко увеличился спрос на инженеров, владеющих как минимум одним иностранным

языком, что еще раз подтверждает важность иноязычной компоненты для будущего специалиста индустрии питания.

5. Организация процесса обучения на основе фасилитации.

Важно отметить, что задача педагога заключается в стимулировании осмысленного учения, оказании помощи личности в осуществлении индивидуального саморазвития, т.е. так называемой фасилитации педагогического процесса. Кроме того, педагог-фасилитатор не формирует и не переделывает студента в соответствии с определенным образом, не «вкладывает» в него какое-либо содержание, а просто помогает освободить его личностные резервы. Такой педагог решает проблему, создает профессионально-ориентированное взаимодействие, в котором обучающийся сможет раскрыть свой потенциал, «принять» знания как элемент собственного опыта и продемонстрировать свою субъектность (то есть, в контексте нашего исследования, будущие специалисты индустрии питания смогут показать свою готовность к конкурентному участию в рынке труда).

Выводы/Заключение

1. Профессионально-ориентированное взаимодействие при подготовке будущих специалистов индустрии питания в вузе является фактором формирования их конкурентоспособности в целом и ее компонентов в частности на рынке труда. В процессе профессиональной подготовки будущих специалистов индустрии питания выделяются три поля профессионально-ориентированного взаимодействия, включающие в себя субъектов учебного процесса, комплекс учебных дисциплин с учетом необходимости включения в них блока иноязычной подготовки, а также соответствующий педагогический инструментарий, обеспечивающий продуктивность этого взаимодействия. Первое поле (1–3 семестр) направлено на формирование образованности, второе (4–6 семестр) – профессионализма и третье (7–8 семестр) – компетентности будущих специалистов индустрии питания.

2. Выделенные поля профессионально-ориентированного взаимодействия являются основой для разработки модели формирования конкурентоспособности студентов – будущих специалистов индустрии питания в вузе. В соответствии с ними разрабатывается организационно-содержательный блок модели формирования конкурентоспособности, предусматривающий использование определенных методов, средств и форм как аудиторной, так и внеаудиторной самостоятельной работы студентов во

взаимодействии с преподавателями для формирования компонентов конкурентоспособности в каждом из полей. Наибольшую значимость приобретают активные и интерактивные методы формирования конкурентоспособности будущих специалистов индустрии питания, позволяющие включать в процесс взаимодействия возможные стандартные и нестандартные профессиональные ситуации, а также конструировать ситуации конкуренции в процессе профессиональной подготовки.

3. Эффективность реализации предлагаемой стратегии формирования конкурентоспособности студентов – будущих специалистов индустрии питания в вузе детерминирована охарактеризованными выше педагогическими условиями, среди которых можно указать параллельно-последовательное формирование всех составляющих конкурентоспособности, направленность педагогического процесса на формирование конкурентоспособности через конструирование ситуаций конкуренции, включение в содержание обучения типичных и нестандартных профессиональных ситуаций для специалиста по профилю обучения, в том числе с необходимостью использования иностранного языка, сочетание традиционных и интерактивных методов обучения с использованием иноязычной компоненты в профессионально-ориентированном взаимодействии, организацию процесса обучения на основе фасилитации. Данные условия, в частности, обусловили включение в содержание профессиональной подготовки иноязычной компоненты, что, как показывает наш опыт, должно способствовать более качественной подготовке конкурентоспособных специалистов индустрии питания в вузе, повышению их уровня готовности к конкурентному участию в рынке труда.

Организация профессионально-ориентированного взаимодействия предполагает специальную подготовку профессорско-преподавательского состава, направленную на повышение значимости преемственности не только в содержании образовательной программы, отраженной в учебном плане, но и в использовании методов, средств и форм работы со студентами по формированию их конкурентоспособности. Используемые методы, средства и формы обучения и воспитания помогают раскрыть потенциальные возможности каждого студента, сделать его подлинным субъектом обучения и воспитания, что, в свою очередь, позитивно повлияет на его конкурентоспособность.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 19.03.04 Технология продукции и орга-

низация общественного питания (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.osu.ru/docs/fgos/spo/19..03.04.pdf> (дата обращения 01.03.2018).

2. Комарова Е. Ю. Психолого-педагогическая фа- силитация преодоления трудности и сложности язы- ковых тестов. Диссертация на соискание ученой сте- пени кандидата психологических наук / Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2012. 173 с.

3. Усенко И.С. Поле образовательного взаимо- действия как объект исследования в педагогике // Высшэйшая школа: наукова-метадычны і публіцы- стычны часопіс. 2013. № 1. С. 40–45.

4. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педа- гогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: И; М.: Издательский центр «Академия», 2000. 176 с.

5. Морозов В.А. (2015). Взаимодействие: поня- тие, виды и свойства // Креативная экономика. № 9 (10). С. 1309–1318.

6. Волков А., Ливанов Д., Фурсенко А. Высшее образование: повестка 2008–2016 // Инновационное образование и экономика. 2007. № 12(1). С. 8–12.

7. Виненко В.Г. Общие основы педагогики: Уч.пособие. М.: Дашков и Ко, 2009. 298 с.

8. Хайруллин Г.Т. Технология и техника взаимо- действия. Алматы: РИПК СО, 2002. 222 с.

9. Смольская В.Ю. Профессионально ориенти- рованное взаимодействие субъектов обучения в систе- ме «лицей – колледж – вуз»: Дисс. ... к. п. н.. Самара: Саратовский государственный социально-экономичес- кий университет, 2006. 137 с.

10. Гришина С.Б. Целостный подход к анализу взаимодействия преподавателя со студентами / Це- лостный учебно-воспитательный процесс: исследо- вание продолжается: Материалы методолог. семина- ра памяти проф. В.С. Ильина / Научн. Ред Н.К. Сер- геев. Вып. 7. Волгоград: Перемена, 2005. С. 89–93.

11. Рагозина Л.Д. Характеристика взаимодей- ствия преподавателя-воспитателя и студентов в об- разовательном процессе вуза // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2010. V. 6 (77). Серия: Гуманитарные науки. С. 139–146.

12. Мягкова В.Ю. Педагогическое наполнение содержания понятия «конкурентоспособность вы- пускника высшего учебного заведения» // Известия Южного федерального университета. Педагогиче- ские науки. 2010. № 4. С. 124–130.

13. Мягкова В.Ю. О некоторых педагогических условиях формирования конкурентоспособности студентов вуза в процессе изучения иностранного языка // XXI век: итоги прошлого и проблемы насто- ящего плюс. 2012. № 4 (08). С. 100–105.

PECULIARITIES OF ORGANIZING PROFESSIONALLY-ORIENTED INTERACTION DURING THE PREPARATION OF FUTURE COMPETITIVE FOOD INDUSTRY PROFESSIONALS AT THE UNIVERSITY

V.Yu. Myagkova, L.Yu. Bolikova

Penza State University

The article shows the relevance and necessity of developing the competitiveness of future food industry specialists. The results of the analysis of the term "field of professionally-oriented interaction" in the training of competitive food industry professionals are presented. The requirements for modern competitive professionals in the food industry are considered. An analysis of professional and educational standards for future food industry professionals is presented. The role of foreign language constituent in the training of future food industry professionals is characterized. It aims at enriching the content of their professional and general professional competencies. Pedagogical conditions have been developed and implemented in the educational process of the university, taking into account the opportunities and prospects of professionally-oriented interaction in the training of competitive food industry professionals.

Keywords: competitiveness, professionally-oriented interaction, fields of professionally-oriented interaction, foreign language component, pedagogical conditions.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (59)

2020

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. ~~25,9~~. Усл. печ. л. ~~22,4~~. Тираж 100 экз. Заказ № ~~206~~.
Дата выхода в свет: 30.09.2020
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет